

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Материалы
междисциплинарной
научно-исследовательской
конференции

(г. Пермь, 2–3 апреля 2021 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Материалы
междисциплинарной научно-исследовательской
конференции

(г. Пермь, 2–3 апреля 2021 г.)

Пермь 2021

УДК 94(082)

ББК 63.3(0)

A77

Апрельские тезисы [Электронный ресурс] : материалы междисциплинарной научно-исследовательской конференции (г. Пермь, 2–3 апреля 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные – Пермь, 2021. – 8,23 Мб; 402 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2021.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3759-1

Настоящее издание является сборником материалов межвузовской научной конференции «Апрельские тезисы», состоявшейся 2–3 апреля 2021 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете. В конференции приняли участие молодые исследователи из разных городов России.

УДК 94(082)

ББК 63.3(0)

Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

ISBN 978-5-7944-3759-1

© ПГНИУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
---------------	---

Отечественная история

<i>Субботина Н. А.</i> Месяц до и месяц после: реакция графини Н. Ф. Карловой на начало Русско-Японской войны.....	8
<i>Пуневский Я. В.</i> Вклад органов местного самоуправления Ярославской губернии 1871 – 1914 гг. в борьбу с эпидемиями.....	14
<i>Сираева А. И.</i> Эмоциональное состояние женщин-интеллигенток в городах периода Гражданской войны.....	18
<i>Винник А. А.</i> «Старый Урал возродится»: восстановление советской власти Пермским военно-революционным комитетом в июле-сентябре 1919 года.....	22
<i>Газизуллин Т. А.</i> «Теперь не время делиться на партии»: П. И. Новгородцев на белом юге в 1919 году.....	30
<i>Арестов В. А.</i> Подростковые тайные организации на территории Прикамья в 1930-е гг. (по материалам ПермГАСПИ).....	37

Политология

<i>Копча V. L.</i> The effect of inequality and polarization on democratic stability	44
<i>Глушакова Е. А.</i> Новейшие субдисциплины политологии: методологическая экзотика или эвристика?.....	55
<i>Сорокин Д. А.</i> Междисциплинарный подход к исследованию современных санкционных режимов: сравнительный анализ.....	63
<i>Жданов А И.</i> К использованию методов машинного обучения для определения факторов генезиса демократии: кросс-национальный анализ.....	80
<i>Попова В. С.</i> Общие направления трансформации стратегий безопасности государств Европейского союза после Холодной войны.....	100
<i>Козырева К. В.</i> Перспективы развития евразийской интеграции на основе анализа «Стратегических направлений интеграции евразийского экономического союза до 2025 г.».....	114

Дмитриева В. Д. Взаимодействие католической церкви и Европейского союза: к постановке вопроса..... 120

Казаков И. В. К вопросу об исследовании спорных истин в американском политическом дискурсе..... 129

Культурные образы в исторических исследованиях

Ляшенко В. М. Паровоз «светлого завтра»? Представления о будущем советских железных дорог в технической литературе 1920–30-х годов..... 136

Клюева А. И. Образ Кузьмы Минина в учебной исторической литературе XVIII– начала XXI вв..... 146

Богданов Л. Г. Стереотипы о женской домашней прислуге как инструмент конструирования городской идентичности средних слоев Петербурга в начале XX века..... 157

Сосновик А. Б. Телесность и ее осмысление как знаковой формы в XX веке..... 160

Визуальные образы прошлого и настоящего

Рычина К. А. Исландские саги: интерпретация визуального наполнения выставок..... 178

Цветкова Е. Т. Определение позиции псковских посадников в «брани о смердах» посредством атрибуции иконографических сюжетов росписи церкви Успения Богородицы в селе Мелётово..... 190

Оборина Е. А. Эволюция кинорепрезентации образа Анны Болейн..... 200

Слесарчук В. А. Коллаборационизм советских граждан в годы Великой Отечественной войны: эволюция темы в советском кино 1941 – 1991 гг 209

Катыгин Г. А. Популяризация советской космонавтики как элемент символической политики (на примере материалов журнала «Огонек»)... 224

Саранцева М. Е. Манипулятивные (суггестивные) техники визуальной культуры на примере субкультуры рейверов..... 231

Историография, источниковедение, методология исторического исследования

Губанова Т. С. Гендерные стереотипы в содержании школьного образования РФ..... 240

<i>Рачев Е. Р.</i> Воспитанник харьковского украинофильства: Н.И. Костомаров.....	247
<i>Гилевич Н. Д.</i> Понятие «Централизация» и его синонимы в имперской историографии XIX в. на примере присоединения Новгорода к Москве...	256

Всеобщая история

<i>Бурмистрова Е. С.</i> «С улыбкой на лице»: образ Фрауке Петри как лидера немецких правых радикалов.....	263
<i>Джуган А. В.</i> Женщины в медицине античности: от религии к науке.....	272
<i>Мухин М. А.</i> Содержание властных отношений Генриха Дандаса и шотландской политической элиты к 1788 году.....	280
<i>Снигирев С. А., Ренев Д. А.</i> Кристаллизация памяти о Первой мировой войне на территории Великобритании в межвоенный период.....	286
<i>Яковкин Е. В.</i> Взаимоотношения Харбинской епархии с японскими властями в Маньчжоу-го и в Северном Китае: 1932–1945 годов.....	299

Гуманитарные науки: теория и практика Digital Humanities

<i>Воробьева Е. М.</i> Городская застройка Тамбова в последнее десятилетие XVIII – первой половине XIX века: анализ базы данных.....	306
<i>Жукова А. В.</i> Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. в Московском уезде Московской губернии: опыт статистического исследования.....	314
<i>Бекасова Л. А.</i> Традиция или модернность в деятельности Пермского губернского земства 1870 – 1917 гг.....	320
<i>Крюков А. И.</i> Изучение политической повестки в дневниках сталинского периода методами «дальнего чтения» (по материалам электронного корпуса дневников «Прожито» и публицистического подкорпуса национального корпуса русского языка (НКРЯ)).....	332
<i>Максимов В. А., Аверин С. И.</i> Проблемы публикации исторических информационных систем на примере информационной системы «Историки России XIX–XX веков».....	351
<i>Дозморова А. П.</i> История фандомов: киберсообщества и их эволюция (1996–2020).....	367

<i>Абдуллина У. В., Яркова В. В.</i> Создание 3D-моделей с помощью технологии фотограмметрии на примере реализации проекта «Они из Дымково»	375
<i>Антонян А. С.</i> Арабские лингвистические корпуса как инструмент при составлении краткого словаря иноязычных вкраплений.....	382
<i>Костомарова К. П., Мизерная М. А.</i> Социальные сети персонажей басен: животные и люди.....	390

ВВЕДЕНИЕ

Конференция «Апрельские тезисы» – это ежегодный форум студентов и молодых ученых, проходящий на историко-политологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета. Научное мероприятие направлено на поддержку исследовательской деятельности студентов, формирование условий для профессиональной, научной самореализации молодых ученых в области социальных и гуманитарных наук. Достоинством конференции является то, что инициатором выступает Студенческое научное общество ИПФ, активно вовлекающее молодых исследователей в научное творчество.

Цель конференции – обмен современной научной информацией и обобщение существующего теоретического и практического опыта в области исторических, политических и смежных гуманитарных исследований. Основными направлениями работы конференции стали такие научные области как история в публичном пространстве, социальная история, изучение и репрезентация историко-культурного наследия, гендерные исследования, символическая политика, история науки, идей и понятий, этнополитические процессы, идентичность и проблемы ее формирования, политическая коммуникация в медиакультуре, мировая политика в условиях глобализации, современные социальные и политические процессы, профессиональный вопрос и власть, история культуры, политика памяти, методология исторических и политологических исследований, а также теория и практика цифровых гуманитарных наук.

Междисциплинарность конференции придает научной площадке уникальное свойство – создает особую среду для обмена опытом и знаниями в смежных областях, способствует развитию сотрудничества и укреплению профессиональных связей.

Конференция проходит в формате секционных и пленарных заседаний, практических семинаров и мастер-классов, формируя среду для дискуссий и общения студентов и молодых специалистов с опытными учеными и экспертами.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083.4+94"1905"

МЕСЯЦ ДО И МЕСЯЦ ПОСЛЕ: РЕАКЦИЯ ГРАФИНИ Н. Ф. КАРЛОВОЙ НА НАЧАЛО РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Субботина Наталья Александровна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
nat37005820@yandex.ru

Аннотация

В статье сделана попытка рассмотреть уникальные эмоциональные реакции графини Н. Ф. Карловой – известной благотворительницы, меценатки и покровительницы искусств на начало русско-японской войны. В исследовательском поле существует довольно большая исследовательская лакуна первичных реакций. Существует огромное количество работ по первым дням войны, но почти все из них включают в себя политические, экономические или социальные изыскания, нежели сугубо биографические (реакции, эмоции, запахи). С помощью использования ряда методологий истории эмоций, женской истории, а также приемов историко-культурологического анализа делаются выводы о всевозможных причинах столь необычной реакции (максимальная стойкость, четкая ориентация на благотворительную деятельность и одновременно неконтролируемая эмоциональность). Также описываются и сами реакции, показывая отличия довоенного мышления и мыслей начала войны.

Ключевые слова

Графиня Н. Ф. Карлова, русско-японская война, датированные памятные книжки, история эмоций, женская история.

Графиня Н. Ф. Карлова – морганатическая супруга герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого, благотворительница, покровительница искусств и меценатка. Письменное наследие, которое оставила после себя графиня Н. Ф. Карлова, очень обширно и разнообразно (от дневников до счетов за книги). Однако на данный момент лишь немногие ученые работают с ее эго-документами, в которых, несомненно, заложен большой потенциал. Будучи морганатической супругой, графиня Н. Ф. Карлова активно занималась благотворительной деятельностью, вела хозяйство, планировала и организовывала совместное времяпрепровождение.

На данный момент подробно изучены реакции на происходящие события у известных исторических деятелей того периода. Однако такая личность как графиня Н. Ф. Карлова может тоже достаточно много внести в изучение данного феномена. Одним из таких событий стало начало русско-японской войны. Для начала попробуем определить риторику записей за месяц до начала войны и месяц после.

Безусловно, главным событием, описываемым в дневнике графини Н. Ф. Карловой в начале 1904 г. было празднество «Нового года». Последняя запись о праздновании была от 12 (25) января 1904 г.: «Расписывалась у Ел[изаветы] Мавр[икиевны]. Делала визиты». В данном предложении говорится о написании поздравлений в журналах во дворцах знаменитых деятелей и деятельниц.

До начала войны графиня Н. Ф. Карлова также часто писала о здоровье всей своей семьи. К своим 46 годам (на 1904 г.) у нее были проблемы с репродуктивной системой, гормональные сбои и частое проявление респираторных заболеваний. Очень часто графиня Н. Ф. Карлова даже отмечала, когда были здоровы она или ее дети. Причем далеко не всегда это было связано с перенесенными ранее болезнями. Например, в записи от 5 (18) января 1904 г. она отдельно отмечает: «Дети здоровы», хотя до этого они довольно долго ничем не болели. Интересным моментом является и описание лечения. Способы оздоровления в то время были самыми разнообразными. Например, в самом начале 1904 г., начиная с 5 (18) января, графиня Н. Ф. Карлова принимала курс лечебного душа. Часто при многих заболеваниях она принимала касторку.

Описывались также и различные варианты времяпрепровождения, которые помогала организовать графиня Н. Ф. Карлова. Например, в записи от 25 января (7 февраля) она пишет: «Музыка в 3 часа... Отличные квартеты, чувствую себя нехорошо, думаю, что желудок». Как отмечает Ц. А. Кюи в книге, посвященной квартету герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого, графиня Н. Ф. Карлова очень часто помогала в организации различных концертов.

Можно найти и описание благотворительных инициатив. Например, в записи от 19 января (1 февраля) 1904 г. графиня Н. Ф. Карлова пишет: «Читали письмо Кн[ягини] Вяземск[ой] и разговар[ивали] о деле синего Креста». Благотворительное общество «Синий крест» (название употреблялось неофициально) оказывало помощь бедным и больным детям. Графиня Н. Ф. Карлова помогала данному обществу в проведении различных благотворительных акции и аукционов.

Однако самое большое место в записях января 1904 г. занимают записи, которые рассказывают о самых обычных форматах отдыха и досуга, например, в записи от 18(31) января 1904 г. написано: «Каталась с детьми утром... Лекция о

воде». Графиня Н. Ф. Карлова очень много проводила времени с детьми, общалась с членами императорского дома и прислугой, читала, слушала лекции.

С началом войны тон некоторых записей в дневнике графини Н. Ф. Карловой значительно меняется. Уже 26 января (8 февраля) 1904 г., она писала в своем дневнике: «Японцы вызвали послов своих! Неужели война». Интересно, что в конце первого предложения стоит восклицательный знак, хотя графиня Н. Ф. Карлова в дневниках за 1904–1905 гг. использует этот символ лишь 4 раза. Можно сделать вывод, что для нее данное событие было отмечено особо. Можно понять, почему графиня Н. Ф. Карлова так отреагировала на данные новости. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она много ухаживала за больными и ранеными, помогала в лазарете, за что получила знак красного креста в 1879 г. Новая война означала для благотворительницы начало новых проблем, связанных с помощью нуждающимся. Интересно, что объявление официальной войны описано 29 января (10 февраля) 1904 г. именно так: «Манифест о войне». Лако-ничное описание, без деталей, может означать не только запись «на память», но и уже полученный эмоциональный отклик. Реакция графини на высылку дипломатов была более экспрессивной, и последующее за ним объявление войны уже не было новостью.

Что касается дипломатических тем, связанных с войной, то в дневнике графини Н. Ф. Карловой их можно встретить лишь два раза. Например, 29 января (11 февраля) 1904 г. встречается следующая запись: «Была у Швед[ской] и Немец[кой] посланниц». Нужно отметить, что, когда речь идет о посланницах, имеются в виду жены послов. Шведская посланница – это Нора Изабель Мари Ферсен Гильденстольпе (урожденная Планкет), жена Августа Луи Ферсена Гильденстольпе (Юльденстольпе) – дипломата, с 1899 по 1904 гг. чрезвычайного посланника и полномочного министра от Швеции и Норвегии. Немецкая посланница – графиня Паула фон Альвенслебен, жена графа Ганса Фридриха Иоганна фон Альвенслебена – дипломата, на 1904–1905 гг. Германского посла. Больше ситуаций, связанных с дипломатическими или иными внешнеполитическими вопросами в дневниках графини Н. Ф. Карловой за 1904–1905 гг. описано не было. Можно предположить, что, вплотную занимаясь семьей, благотворительностью, меценатством графини Н. Ф. Карловой очень часто просто не находила времени заниматься такими вопросами или ее просто не интересовали данные темы.

Отдельного упоминания заслуживает и патриотическая манифестация студентов. В записи от 30 января (12 февраля) 1904 г. можно увидеть следующее: «Утром с Соней и Тедди, видели на Невском [проспекте] Манифест[ации] сту-

дентов». Важно, что это были студенты монархических взглядов, около 400 человек, которые с флагами и пением «Боже, царя храни» отправились к императору. Николай II очень положительно отнесся к данному событию и даже вместе с императрицей показался на балконе и махал рукой. Не обошлось и без инцидентов, в толпе присутствовали студенты и с иными настроениями, поэтому без провокаций и последующих наказаний не обошлось. Однако ни графиня Н. Ф. Карлова, ни император Николай II об этом в своих дневниках не писали.

Интересно, что только с февраля 1904 г. графиня Н. Ф. Карлова начала описывать военные события (иногда с задержкой в несколько дней). Например, в записи от 1 (14) февраля говорится: «Работали драгуны. Ужасно тяжелые вести с войны. Погиб "Боярин"». Здесь и далее графиня Н. Ф. Карлова очень часто будет сопровождать вести о военных событиях словом «ужасно». Иногда же она просто отмечала происходящее.

Важно понимать, что графиня Н. Ф. Карлова в своем дневнике чаще дает описания благотворительности во время войны, нежели непосредственно военных действий. Первая запись о том, как графиня Н. Ф. Карлова «Делала бинты с М[adame] Кухновой с Соней» появляется уже 3 (16) февраля 1904 г. Далее количество данных записей будет только возрастать и весь февраль можно будет увидеть, как графиня Н. Ф. Карлова вместе со всей своей семьей занимается благотворительностью: устраивает концерты, катает бинты, готовит посылки на фронт.

Важно отметить и то, что в течение первого месяца с начала войны графиня Н. Ф. Карлова начинает писать намного регулярней, а сами записи становятся длиннее. Описание событий, связанных с русско-японской войной, занимали достаточно много места в феврале 1904 г. Далее количество записей о войне будет снижаться. Безусловно, большинство записей в дневнике по-прежнему было не о войне: отдых, лечение, прогулки, даже балы.

Подводя итог можно сказать, что действительно, записи графини Н. Ф. Карловой довольно интересны с точки зрения изучения реакций на военные действия (в данном случае речь идет о русско-японской войне). Несмотря на обилие и эмоциональность многих записей, графиня Н. Ф. Карлова в целом реагировала на начало русско-японской войны достаточно спокойно. Она сразу включилась в дела благотворительности, которые касались помощи солдатам на фронте и зачастую даже не успевала вовремя описать те или иные события, происходившие во время войны. Можно сказать, что причина такой интересной реакции на начало войны кроется в характере графини Н. Ф. Карловой. Небогатое

детство, ранний уход матери из жизни, морганатический брак во многом закаляли характер графини Н. Ф. Карловой, позволили сосредоточиться в первую очередь не на эмоциях, а на деле помощи ближним.

Библиографический список

Биография герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, написанная полковником Скуратовым / Публ. Е. В. Конюховой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. Т. XX. – М., 2011. С. 678–722.

ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 2. Свидетельство о выдаче графине Карловой Н.Ф. знака Красного Креста, 1879 г. 1 л.

ГАРФ. Ф. 618. Д. 23. Дневник Карловой Н. Ф., 1904 г. 184 л.

Графиня Наталья Карлова. URL: <https://radiovera.ru/grafinya-natalya-karlova.html> (дата обращения: 25.05.2021).

Григорян В.Г. Романовы. Биографический справочник. М., 2006. С. 98.

Дневники императора Николая II. 1894–1918 / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2011. Т. 1. 1101 с.

Кюи Ц. А. Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий и струнный квартет его имени. Пг., 1915. 16 с.

Парахуда В. Квартет Мекленбургского // «Нева». 2003. №7. С. 231–232.

Соколов А. Р., Зимин И В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Спб., 2015. 604 с.

Субботина Н. А. «Ужасно тяжелые вести с войны»: дневник графини Н. Ф. Карловой, январь – февраль 1904 г. // Вторые Пермские научно-образовательные чтения «История Императорского Дома Романовых». Материалы научной конференции «Ратный подвиг и подвиг милосердия представителей Императорского Дома Романовых» (г. Пермь, 20 августа 2020 г.). Пермь, 2021. С. 372–390.

**THE MONTH BEFORE AND THE MONTH AFTER:
COUNTESS KARLOVA'S REACTION TO THE BEGINNING
OF THE RUSSIAN–JAPANESE WAR?**

Subbotina Natalia A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
nat37005820@yandex.ru

Annotation

The article attempts to consider the unique emotional reactions of Countess Karlova, a well-known philanthropist and patroness, at the beginning of the Russian–Japanese war. There is a rather large research lacuna of primary reactions in the research field. There is a huge amount of work on the first days of the war, but almost all of them include political, economic, or social research, rather than purely biographical (reactions, emotions, smells). Using a number of methodologies for the history of emotions, women's history, as well as methods of source analysis, conclusions are drawn about all possible reasons for such an unusual reaction (maximum resistance, a clear focus on charitable activities and at the same time uncontrolled emotionality). The reactions themselves are also described, the differences between pre-war thinking and the thoughts of the beginning of the war are shown.

Key words

Countess Karlova, Russian–Japanese War, Diaries, History of Emotions, Women's History.

ВКЛАД ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1871 – 1914 г. В БОРЬБУ С ЭПИДЕМИЯМИ

Пуневский Ярослав Викторович
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова,
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская 10,
osuniyar.uniyar.as.mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль органов городского самоуправления Ярославской губернии в 1871 – 1914 гг. в борьбе с заболеваниями, принимающими эпидемический характер. В статье исследуются мероприятия организованные городской управой Ярославля по решению городской думы г. Ярославля или представлению вышестоящих властей, направленные на борьбу с эпидемиями последовательно, по видам заболеваний, имевших место в рассматриваемый в работе период.

Ключевые слова

Эпидемии, городское самоуправления, противоэпидемические мероприятия, санитарная комиссия, санитарный осмотр, холера, тиф; оспа; прививка.

Предметом изучения настоящего доклада является вклад органов городского самоуправления российской провинции в борьбу с эпидемиями в конце XIX – начале XX вв. Несмотря на то, что определенную состоятельность в решении вопросов местного значения городские думы и управы получили в России только после реформ 1860–1870-х гг. XIX в. [*Лантева, Шутов, 1990, с. 162*] опыт их деятельности чрезвычайно актуален и сегодня. На этот факт обращал внимание президент РФ В.В. Путин. В Послании Федеральному собранию в 2008 г. говоря о необходимости совершенствования законодательства в сфере местного самоуправления президент признал, что «необходимо прежде всего закрепить законом те его (местного самоуправления) формы, которые доказали свою жизнеспособность на практике», а также призвал «вспомнить наш собственный, еще дореволюционный опыт» [Российская газета. 2002. №71]. Вопрос о роли органов местного управления в борьбе с эпидемиями в связи с последними событиями в мире и в России приобрел особую значимость. Тем более, что в ходе борьбы с

пандемией в России особый акцент делается на действиях и решениях местных властей.

Значительную роль в борьбе с эпидемиями сыграла учрежденная в Ярославле в 1901 г. постоянная санитарная комиссия. Ее состав избирался на 4 года, председательствовал на заседаниях комиссии городской голова. Также в комиссию входили: санитарный врач, 6 гласных городской думы и фабричный врач Ярославской Большой Мануфактуры. Основными занятиями комиссии был сбор санитарно-статистических сведений и проведение мероприятий по улучшению санитарного состояния города. При санитарной комиссии состоял штат санитарных инспекторов. В процессе борьбы с эпидемиями они выполняли, наряду с полицейскими органами, одну из ключевых задач: первичное оповещение о количестве заболевших, их состоянии и предполагаемых причин заболевания. В инструкции санитарным инспекторам, утвержденной Ярославской городской думой отмечалось: «санитарный инспектор о каждом случае повальной или заразной болезни, появившейся в его участке, доводит до сведения полиции или санитарной комиссии, с указанием причин, если таковые ему известны ...» [ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д.527. Л.8]. Однако, как отмечает Е.М. Смирнова в работе санитарной комиссии был ряд проблем, так, «санитарные врачи являлись одновременно лечащими врачами амбулаторий, поэтому санитарной работе не могли уделять должного внимания».

Одной из болезней, способных принимать масштаб эпидемии, был дифтерит. В циркуляре в городскую управу Ярославский губернатор подчеркивал, что «в некоторых местностях болезнь появляется в следствие дурных санитарных условий» и просил принять необходимые санитарные меры, а именно: очистка городских улиц и источников воды от нечистот, контроль за продажей съестных и питейных припасов, «строгое отделение больных от здоровых по причине крайней заразности дифтерита», строгая дезинфекция вещей заболевших через окуривание серой и хлором и другие необходимые меры [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 527. Л. 8].

Традиционно одной из основных болезней, вызывающих эпидемии в России была натуральная оспа. Судя по делопроизводственной документации городской управы и ярославского губернатора в качестве причин появления эпидемии на первый план опять выдвигались неудовлетворительные санитарные условия в городе. Для предотвращения эпидемии оспы проводилось оспопрививание, причем детей бедных граждан прививали за счет средств городской управы бесплатно. Особое внимание в оспопрививании уделялось рабочим окраинам Яро-

славля, как главным источником распространения болезни. Так, в одном из циркуляров Ярославского губернатора городской управе подчеркивалась необходимость «усилить прививание в фабричном поселении Ярославской большой мануфактуры» [ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д. 298. Л. 66.]. Объявления о бесплатном оспопрививании печаталось в местной прессе, на необходимость его регулярного напечатания не раз обращала внимание городская управа г. Ярославля [ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д.298. Л. 14–17 об.].

Среди других опасных заболеваний выделяются сыпной тиф и скарлатина. И опять основной причиной их появления называется отсутствие должного санитарного контроля. В циркуляре ярославскому городскому голове ярославский губернатор подчеркивал, что «появление заразных болезней часто обусловлено заносом извне, тем не менее, эти болезни находят благоприятные условия для своего развития и принимают характер эпидемий» [ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д. 527. Л. 1–2 об.].

Одной из самых опасных болезней в рассматриваемый нами период была холера. Борьбе с ней уделялось особое внимание как на уровне государственной власти, так и на уровне местного самоуправления. Исходя из особенностей передачи холеры, особое внимание органы городского самоуправления уделяли поддержанию в надлежащем санитарном состоянии источников воды в городе, в особенности питьевой, а также надлежащем состоянии установленных свалок отходов, мусорных ям и прочего. «В числе самых действенных мер в ограждении холерной эпидемии является доброкачественность питьевой воды и чистота, соблюдаемая вблизи человеческих жилищ», отмечал ярославский губернатор А.Я. Фриед в своем циркуляре городской управе [ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д. 670. Л. 42]. Большое значение для предотвращения распространения эпидемии холеры имел также контроль за продажей «съестных и питейных припасов» в торговых заведениях и на улицах. Регулированию такой торговли было посвящено множество постановлений ярославской городской думы. Для примера отметим Обязательное постановление о порядке продажи кваса, изданное в 1892 г, где были предусмотрены большое количество санитарных требований к продаже кваса, таких как: проветривание и дезинфекция использованной посуды, очистка торговых помещений, использование доброкачественной и кипяченой воды и другие требования [ГАЯО. Ф.509. Оп.1.2. Д.2981. Л. 2].

Проведенные исследования показали, что вклад органов городского самоуправления провинциальной России в борьбу с эпидемиями был довольно значительным, при том, что существовали определенные трудности и недостатки работы в этом направлении деятельности.

Список источников и литературы

Лантева Л.Е., Шутков А.Е. Из истории городского и сословного управления в России. М.: из-во РАГС, 1990. 322 с

Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному собранию Российской Федерации от 22 апреля 2002 года «России надо быть сильной и конкурентно способной» // Российская газета. 2002. №71.

ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д.527. Л.8.

ГАЯО Ф.509. Оп.1.1. Д. 298. Л. 14–17 об.

ГАЯО Ф.509. Оп.1.1. Д. 298. Л. 66.

ГАЯО Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 527. Л. 1–2 об.

ГАЯО. Ф.509. Оп.1.1. Д.670. Л. 42.

ГАЯО. Ф.509. Оп.1.2. Д.2981. Л. 2.

CONTRIBUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF THE YAROSLAVL PROVINCE 1871-1914 IN THE FIGHT AGAINST EPIDEMICS

Punevsky Yaroslav V.

Yaroslavl State University, 10, Sovetskay str.,
Yaroslavl, 15003, Russia,
osuniyar.uniya.as.mail.ru

Annotation

The article examines the role of the city self-government bodies of the Yaroslavl province in 1871-1914 in the fight against diseases that take on an epidemic character. The article examines the measures organized by the Yaroslavl City Council by the decision of the Yaroslavl City Duma or by the submission of the higher authorities, aimed at combating epidemics consistently, by the types of diseases that occurred during the period under consideration.

Key words

Epidemics, city government, banti-epidemic measures, sanitary commission, sanitary inspection, cholera, typhoid, smallpox, vaccination.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕНЩИН-ИНТЕЛЛИГЕНТОК В ГОРОДАХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сираева Арина Ильдаровна

Башкирский государственный университет,
50076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32,
arina.sir5@gmail.com

Аннотация

В работе на примере дневниковых записей жительниц российских городов рассматриваются особенности эмоционального состояния, выявляются основные мотивы дневниковых записей. Делается вывод об общем восприятии кризиса и усиленных чувствах понимания происходящего.

Ключевые слова.

Кризис, Гражданская война, Петроград, город, женская история, эмоции.

В данной работе была сделана попытка проанализировать эгоистичности женского авторства и выявить базовые эмоциональные состояния, с которыми сталкивались женщины, являясь свидетельницами острых социально–экономических и политических потрясений 1917–1922 гг.

Хронологические рамки исследования определены периодом Гражданской войны – 1917–1922 гг. Территориальные рамки лежат в границах Петрограда, в котором проживали авторы воспоминаний. Возрастной диапазон женщин ограничен промежутком в 30-50 лет на начало Гражданской войны. Это обусловлено необходимостью изучения восприятия кризиса женщинами, проживших достаточное время в царской России.

«Фон» каждого нарратива составляет описание трудностей повседневного быта. Этот диссонанс – неизбежную заботу о житейских мелочах во время трансформации повседневности и сосуществования прошлого и настоящего. Голод, долги, отсутствие продовольствия и топлива – естественная среда, в которую погрузились вся страна.

Для женщин цель написания дневников является не только выражением их мыслей, но и некой связующим элементом между женщинами и их будущими детьми. Неудивительно и то, что многие из них начинают вести дневник именно в период 1917–1918 гг., используя его как средство поиска ответов на насущные вопросы.

Одна из самых простейших и обыденных для человека эмоций – счастье. В заданных Гражданской войной условиях основная причина радости – пополнение съестных припасов. Анна Флоренская напрямую заявляет: «Принесли, открыли (посылку) – и какая радость! Там оказался и хлеб, и пшено» [Флоренская, 1919]. Перед нами предстает обычное кризисное явление, при котором инстинкты и базовые потребности становятся доминирующими в поведении и сознании человека.

Молодые годы женщин прошли в условиях расцвета имперской повседневности и относительного спокойствия. Поэтому, являясь свидетелями коренных изменений общественной жизни для них вполне естественно испытывать чувство ностальгии. Для каждой отдельной женщины, однако, тоска по прошлому была вызвана разными причинами. Например, А. Флоренская испытывает благодарность, вспоминая Колю, друга детства, его постоянную заботу и обеспокоенность о женщине в молодые годы [Там же]; Л. Авилова испытывает сожаление о потерянных навыках и нереализованном потенциале в сочинительстве [Авилова, 1917]; погружаясь в атмосферу прошлого, А. Каменская испытывает чувство радости, наслаждаясь природой «малой Родины» [Каменская, 1918]. Так, воспоминания становятся источником облегчения и душевного спокойствия в условиях кризиса.

Вполне очевидно, что матерей беспокоят их дети, их будущее и настоящее. Для женщин ведение дневников являлось своеобразным способом рефлексии на процесс воспитания и просто описание эмоций, вызванные детьми. Можно выделить две категории эмоций, которые испытывали матери по отношению к своим детям: положительные и отрицательные. Условная «радость» возникает у матерей каждый раз, как их дети «хороши и послушны» [Аллендорф, 1918; Каменская, 1918; Авилова, 1917], а любое достижение, как первый шажок, успехи в учебе, даровали матерям невероятное счастье. С другой стороны, непослушание и лень детей вызывали «огорчение» и «смущение». Пребывание в экстремальных условиях во многом обострило мироощущение женщин, что вызвало резкие эмоциональные перепады и чрезмерное беспокойство [Аллендорф, 1918].

Можно с уверенностью сказать, что обеспокоенность о детях является частным проявлением волнения за всю семью в целом. В новых социальных условиях такие проблемы как отсутствие еды, топлива стали ключевыми пунктами в вопросе выживания. Для большинства самая простая и непритязательная пища стала привычным предметом рациона, что вызывало зачастую оцепенение, как замечает О. Бессарабова: «...без соли и без хлеба. О сахаре – даже и в голову не приходит...» [Бессарабова, 1919]. Порой, как пишет девушка, это было «не недоедание, а просто голод» [там же]. Подобное положение вызывало страх в

умах женщин и заставляло идти на крайние меры – продажу не только личных и драгоценных вещей, но и предметы интерьера.

Отчаяние достигло высшего предела, что женщины все чаще обращаются к Богу. Анна Флоренская за 1918, 1919 года упоминает Бога более 10 раз. И в основном это мольба о помощи или предотвращение каких-либо событий [Аллендорф, 1918; Андреева, 1920; Авилова, 1917–1919]. Записывая в своих дневниках фразы наподобие «Помоги, Господи!», А. Флоренская, А. Аллендорф, Л. Авилова и многие другие видят беспросветное настоящее и будущее, что высшие силы являются для них единственным спасением.

Являясь гражданками своего отечества, женщинам не чужды мысли о судьбах своей родины. Стоит сказать, что ни одна из представительниц не проявляла какого-либо политической позиции, зачастую обходя эту тему. События Гражданской войны находятся в отдалении и так же не фигурируют в источниках, а преобразования большевистского правительства описываются быстро и кратко. А. Флоренская упоминает большевиков лишь дважды, и оба пункта находятся в контексте осуждения их религиозной политики [Флоренская, 1919].

Однако некоторые дневники построены непосредственно на описаниях политической жизни страны. Ольга Шереметьева на период 1917–1922 гг. находилась в Петербурге и вела записи с момента роспуска Государственной думы. Подобная детализация описаний говорит об обеспокоенности женщины политической ситуацией. С позиции обыкновенной женщины она воспринимает все события с цинической стороны, описывая, что «Как дождь сыплются декреты, один неисполнимее другого, пока мы окончательно не превратимся в социалистическое государство» [Шереметьева, 1917].

Каждые высказывания женщин сопровождаются глубокими рассуждениями. Л. Авилова приводит окончание «Мертвых душ», называя его пророческим, А. Андреева пишет, что Россия горит, а дым от пожара полностью загораживает солнце, «а по ночам красная луна...» [Андреева, 1920]. Страх и неизвестность будущего кажутся привычным эмоциональным состоянием. Однако можно проследить и положительные моменты. Анна Каменская, напрямую цитирует заключительные слова своего выступления на одном собрании: «Россия не может погибнуть, пока мы ее любим, пока мы в нее верим, пока мы ей служим» [Каменская, 1918]. Следовательно, женщинам, всегда находившимся в стороне от политики, были не чужды переживания и судьбе своей Родины и надежды на лучшее будущее для России.

Таким образом дневники стали для женщин Петрограда способом осмысления новой реальности, в которую они были вынуждены погрузиться и приспособиться. Схожие сюжеты в дневниках женщин доказывают общность восприятия и обостренное чувство переживаний.

Библиографический список

Дневник А. А. Аллендорф // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник А. А. Каменской // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/40> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник А. И. Андреевой // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/3190> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник А. М. Флоренской // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/2869> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник В. Н. Буниной // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/115> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник Л. А. Авиловой // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/2885> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник О. А. Бессарабовой // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/210> (дата обращения: 20.05.2021)

Дневник О. Г. Шереметьевой // Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/416> (дата обращения: 20.05.2021)

THE EMOTIONAL STATE OF WOMEN INTELLECTUALS IN THE CITY DURING THE CIVIL WAR

Siraeva Arina I.

Bashkir State University,
32, Zaki Walidi Str., Ufa, 50076, Russia,
arina.sir5@gmail.com

Annotation

Using the example of diary entries of Russian city residents, the features of the emotional state are considered, the main motives of diary entries are revealed. The conclusion is made about the general perception of the crisis and heightened feelings of understanding what is happening.

Keywords

Crisis, Civil War, Petrograd, City, Women's History, Emotions.

**«СТАРЫЙ УРАЛ ВОЗРОДИТСЯ»:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ПЕРМСКИМ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ
В ИЮЛЕ-СЕНТЯБРЕ 1919 ГОДА**

Винник Алексей Андреевич
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
montewar@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс восстановления советской власти в губернии Пермским военно-революционным комитетом, образованным для восстановления советской власти и организацией выборов в Советы. Через призму концепции Р. Уортмана были рассмотрены механизмы, с помощью которых восстанавливалась советская власть в Пермской губернии после поражения сил адмирала Колчака летом 1919 года.

Ключевые слова

Пермь, большевики, советская власть, 1919 год, Пермский военно-революционный комитет.

В период 1917–1919 гг. на Урале, в том числе в Пермской губернии, сменилась 5 раз. Сначала имперскую власть сменило Временное правительство, затем власть взяли большевики, которые управляли Пермью с марта 1918 по декабрь 1918 года, когда силы РККА были отброшены за пределы города, а советские органы управления эвакуировались или были ликвидированы режимом верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. После того как наступление Сибирской армии не достигло своих целей РККА начала своё контрнаступление, результатом которого стало восстановление советской власти в Прикамье (под данным термином, в узком смысле, в рамках данной работы понимается территория Пермской губернии). Силы 3-й армии РККА заняли Пермь 1 июля 1919 г. В городе и губернии установился чрезвычайный режим, восстанавливающий советские государственные учреждения, покинувшие город и губернию в конце 1918–начале 1919 года [Нарский, 2017].

Тема восстановления советской власти в Пермской губернии раскрыта слабо. В советскую эпоху партийные архивы были закрыты для большинства исследователей, что давало право доступа к документам советских органов власти партийным функционерам, пропагандистам и историкам от институтов.

Историографию, посвящённую деятельности военно-революционных комитетов, можно разделить на 2 группы: советская и постсоветская. Первая охватывает деятельность военно-революционных (далее ВРК, ревкомы) комитетов в период Гражданской войны, косвенно затрагивая деятельность Пермского губернского военно-революционного комитета (губвоенревкома). К ней относятся работы Н.Ф. Бугая, Г.Н. Литвиновой [Бугай, 1990], [Литвинова, 1974]. В этих работах советская власть представлена идеализированно, а все действия ревкомов обосновываются идеологическими клише вроде о необходимости существования чрезвычайных органов для завоевания «диктатуры пролетариата».

Современная историография, посвящённая прямо или опосредованно данной проблеме, насчитывает достаточно немного работ, к которым можно отнести труды Л.А. Обухова, А.С. Макаровой, А.С. Поздняковой [Обухов, 2009], [Макарова, 2015], [Позднякова, 2018]. Деятельность Пермского губернского ВРК по восстановлению в историографии практически не раскрывается, поэтому данная проблема требует более подробного рассмотрения.

Цель работы: изучить деятельность военно-революционного комитета по восстановлению советской власти в Перми.

Методологией работы является концепция «сценарии власти», изобретённая Р. Уортманом и конструирование социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Через концепцию «сценарии власти» были исследованы механизмы восстановления этим чрезвычайным органом управления советских государственных учреждений в городе и губернии. Концепция Бергера и Лукмана позволила сделать выводы о политической реальности, создаваемой властями в лице ВРК [Бергер, Лукман, 1995], [Уортман, 2004].

Пермский губернский ВРК был создан 23 июня 1919 года постановлением Вятского губернского военно-революционного комитета и Губкома (губернского комитета РКП (б)), в период активных боёв 3-й армии РККА против белой Сибирской армии за Пермь. Значение ВРК отмечал И.С. Капцугович, ВРК заключалось в том, что они должны были временно, до восстановления Советов, сосредоточить в своих руках всю власть [Отчёт..., Л.12; Капцугович, с. 117].

В первый состав ВРК вошли большевики В.Ф. Сивков (в роли председателя), П.И. Малков, С.А. Новоселов (в роли членов ВРК). Пермский ВРК состоял из 3-х человек: председателем был бессменный В.Ф. Сивков и членов комитета,

которые на протяжении функционирования ревкома менялись, так как большевики отправляли своих ответственных работников для организации власти в другие города и регионы [Протоколы..., Л.8].

На первых заседаниях губвоенревкома в конце июня-начале июля 1919 г. были приняты ключевые решения об организации власти в Перми и губернии. В Перми и Мотовилихе объявили чрезвычайное положение в недавно освобождённых деревнях и заводах, власть переходила в руки ревкомов, формировалась милиция для охраны порядка при содействии походного трибунала и Особого отдела 3-й армии РККА для осуществления правосудия, скорейшей организации восстановления хозяйства и отправке отчёта о принятых решениях в Москву, с просьбой о выделении средств на организацию власти, которые вскоре были выделены СНК в размере 5 миллионов рублей на организацию власти в Пермской губернии [Протокол..., Л.2 ; Протоколы..., Л. 2, 2об.; Неопубликованные декреты, с. 653].

Активную роль в создании и деятельности Пермского губернского ВРК сыграл Вятский губернский ВРК, в который входили и которому подчинялись сотрудники советских учреждений Перми и Пермской губернии, эвакуированные в 1918 г. Этот процесс описал в воспоминаниях В.Ф. Сивков: «Все товарищи, входившие в контрольно-организационный отряд Вятского губвоенревкома, осели на местах в качестве руководящих советских и партийных работников. Последними получили направление чусовляне И.Ф. Кобяков, мой брат А.Ф. Сивков, Н.И. Лукоянов» [Сивков, 1968, с. 234–235]. Организация власти силами «ответственных работников» и «проверенных товарищей» в значительной степени усложняло возможность прохождения во власть нелояльным РКП(б) деятелям.

На следующий день после освобождения Перми, ревком санкционирует создание Пермской городской партийной организации (функционеры которой позже восстановят влияние РКП(б) по всей губернии через оргбюро), городского революционного комитета. Что касается работы в партии, то она была объявлена второстепенной деятельностью председателей и членов управления государственных учреждений [Сивков, 1968, с. 236]. Были организованы отделы при ревкоме (управления, земельный, продовольственный, юстиции, народного образования, социального обеспечения, труда, СНХ), ранее существовавшие при исполкоме [Отчёт..., Л. 12–21]. На совещаниях ревкома принимали решения о мерах в разных областях общественной жизни. Через отделы осуществлялось восстановление всех разрушенных областей общественной жизни (образование, культура, экономика, советская политическая жизнь) [Владимирский, 1919, с.91].

Их управление доверяли только возвращающимся коммунистам. Большевики считали, что только они, получившие политический опыт в ходе войны, просвещённые и желающие построения нового народного и свободного государства могли быть ответственными работниками, которым можно было поручить эту работу, при этом они были преданы власти и не стали бы саботировать работу [Отчёт..., Л.13].

Следует отметить, что при содействии политотделов 3й армии, Пермский губернский ревком организовывал власть в уездах и на местах. Сельские, волостные и уездные ВРК или восстановил исполнительные комитеты (там, где это было возможно, минуя процедуру выборов) с центрами в Осе, Оханске, Усолье, Кунгуре, Чердыни, Перми. Волостные подчинялись уездным, уездные Пермскому губвоенревкому.

Одной из функций Пермского ВРК было утверждение кадров на должности в советских учреждениях и уездных революционных комитетах. Несмотря на то, что в уездах ревкомы организовывали «ответственные» работники советского аппарата и РКП (б) при реальной или формальной поддержке населения, их состав обязательно утверждал пермский ревком [Протоколы..., Л.10, 41].

В.Ф. Сивков оставил воспоминания о политических буднях губвоенревкома. В них он с иронией рассказывал, как его посетил председатель земской управы одной из деревень Чердынского уезда, предъявив «знак власти — изображение двуглавого орла, какое носили волостные старшины при царе, и истово помолился на пустой передний угол» и спросил не является грехом поддержка советской власти. С ним провели беседы, после чего он выбросил старый знак власти и уехал восстанавливать советскую власть с выданным ему портретом Ленина [Сивков, 1968, с. 234–235].

Несмотря на то, что данные воспоминания можно подвергнуть сомнению, так как представителей старого режима чаще всего снимали с должностей в органах властиуполномоченные представители Пермского ревкома, процедура смены властных символов через просветительскую беседу «отсталого» крестьянина даёт возможность увидеть символическую смену режимов в период восстановления власти.

Ревком постановил, что «всякий ответственный советский и партийный работник, дискредитирующий Советскую власть пьянством и хулиганством, подлежит расстрелу», а за грубость с населением работник госаппарата мог отправиться на ассенизаторские работы [Сивков, 1968, с. 229,236]. Данные меры

должны планировались для публичной демонстрации заботы о населении, сдерживания произвола некоторых представителей власти и опровержению, сформировавшегося в 1918 г. негативного представления о коммунистах и их власти.

В качестве информационного сопровождения процесса восстановления государственного аппарата, РКП(б) выпустила газету «Известия военно-революционного комитета», переименованную постановлением ВРКс 19 номера в «Красный Урал», ставшую официальным печатным советской власти в Пермской губернии.

Ярко характеризует официально декларируемую политику РКП (б) в этот период статья М.И. Целищева «Красный Урал», вышедшая в девятнадцатом номере газеты от 27 июля. В ней читателям писали о «стянутой кольцом капитала Советской России, пролитой крови рабочих который боролись с царским режимом, чехами и Колчаком, разрушениях, о возрождении «Старого Урала», кипящего бесчисленными трубами фабрик и заводов. Статья завершалась яркой цитатой, отражавшей милитаризированное сознание российского общества, частью которого были большевики: «Горе изменников, горе предателям уральских рабочих и крестьян, от мозолистых рук им некуда будет укрыться» [Целищев, 1919].

Такие статьи выходили периодически и призваны были напоминать населению о положении дел в стране, мотивируя его на жертвы и консолидацию вокруг власти.

Большевики формировали в СМИ символический универсум рабочего, индустриального Урала, частью которого была Пермь. Пролетариат, работающий на этих «бесчисленных» фабриках и заводах должен был, согласно публично распространяемому дискурсу, поддержать советскую власть, так как её представители заявляли, что представляют интересы угнетённых, к которым относились рабочие. Название газеты также должно было сформировать символический статус «красного» - коммунистического Урала, опоры тыла.

Способы воздействия на население у власти были разные. Статьи, публикуемые в газете «Красный Урал», дополняли многочисленные уполномоченные организаторы и агитаторы, произносившие речи и организующие митинги, и парады, проводимые в Перми, других городах, на заводах, в сёлах. Одним из способов донесения целей и задач РКП(б) и важности восстановления и поддержки советской властью крестьянством были агитповозки, которые обслуживались агитаторами [Агитационная повозка, Л.1, 1об.].

Для достижение политических и хозяйственных целей пермский ВРК использовал мобилизационные приёмы. Например, таким образом у населения

предлагалось собрать обмундирование для РККА. Граждане должны были все без исключения сдать мужские плащи для обеспечения красноармейцев, обеспечение которых в ходе экономической разрух оставляло желать лучшего [Протоколы..., Л.31].

После проведения серии выборов в исполкомы по губернии был созван 3-й губернский съезд Советов (23-25 сентября 1919 г.), на котором В.Ф. Сивков подвёл итоги деятельности Пермского губернского ВРК, который проделал большую организационную работу, способствующую восстановлению советской власти в Пермской губернии [Отчёт В.Ф. Сивкова...]. После выборов исполкома, который возглавил бывший глава ВРК Сивков, Пермский губернской военно-революционный комитет был распущен.

По итогам работы можно сделать некоторые выводы. Пермский губернский военно-революционный комитет инициировал и контролировал процесс восстановления экономической политической и культурной жизни губернии, ему принадлежало право принятия всех политических решений в данном регионе. Сценарий власти заключался в формально демократическом восстановлении государственных институтов под контролем коммунистов, которые брали власть под предлогом защиты от контрреволюции, обещанием скорейшего завершения Гражданской войны, обещанием благ беднейшим слоям населения и знаниям о завоевании достойного будущего.

Библиографический список

Агитповозка Пермского губполитпросвета на Восточном фронте., 1918–1919. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф.8043. Оп.1. Д. Б-57.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти. М.: Наука, 1990. 320 с.

Владимирский М. Ф. Организация Советской власти на местах. М.: Гос. изд-во, 1921. 146 с. URL: <http://elibrshpl.ru/ru/nodes/60652-ruprlib00053647#mode/inspect/page/98/zoom/4>(дата обращения 04.03.2021).

Катугович И.С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь: Пермское книжное издательство, 1969. 132 с.

Литвинова Г.И. Революционные комитеты в годы гражданской войны М.: Юридическая литература, 1974. 152 с.

Макарова А.С. Деятельность Вятского губернского военно–революционного комитета // Общество, наука, инновации. (НПК – 2015) [Электронный ресурс]: всерос. ежегод. науч.-практ. конф.: сб. материалов: общеуниверситет. секция, БФ, ХФ, ФСА, ФАМ, ЭТФ, ФАВТ, ФПМТ, ФЭМ, ФГСН, ЮФ, 13–24 апреля 2015 г. Киров: Вят. гос. ун-т., 2015. С. 2285–2289. URL: [http://vestnik43.ru/obschestvo.-nauka.-innovacii-\(nprk-2015\)](http://vestnik43.ru/obschestvo.-nauka.-innovacii-(nprk-2015))(дата обращения 04.02.2021).

Нарский И. В. «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22) // Города империи в годы Великой войны и революции: Сборник статей / Ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб.: Нестор–История, 2017. С. 79–100.

Неопубликованные декреты и постановления СНК об ассигнованиях // Декреты Советской власти Т.5., М.: Издательство политической литературы, 1971. 703 с.

Обухов Л. А. Прикамье после Колчака: Восстановление Советской власти // Ретроспектива. 2009. №. 3 (14). С. 18–22.

Отчёт В.Ф. Сивкова перед 3–м Пермским губернским съездом Советов о деятельности Пермского губернского ВРК // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.Р.–17. Оп.1. Д. 150.

Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти: монография / А.С. Позднякова. Киров: Кросс Ком, 2018.320 с.

Протокол Соединённого заседания № 2 Пермского губернского военно-революционного комитета. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 522. Оп. 1. Д. 1.

Протоколы заседаний пермского военно-революционных комитета. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 90. Оп.4. Д. 940.

Сивков В.Ф. Пережитое. Пермь: Пермское книжное издательство, 1968. 264 с.

Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2-х тт. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.; Т.2: от Александра II до отречения Николая II. 796 с.

Целищев М. «Красный Урал» // Красный Урал. 1919. – № 19. – 27 июля. <http://permnewspapers.ru/> (дата обращения 12.01.2021).

**«THE OLD URALS WILL BE REBORN»:
THE RESTORATION OF SOVIET POWER BY THE PERM MILITARY
REVOLUTIONARY COMMITTEE IN JULY-SEPTEMBER 1919**

Vinnik Alexey A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
montewar@mail.ru

Annotation

The article examines the process of restoring Soviet power in the region by the Perm Military Revolutionary Committee, created to restore Soviet power and organize elections to the Soviets. Through the prism of R. Wortman's concept, the mechanisms of restoring Soviet power in the Perm province after the defeat of Admiral Kolchak's troops in the summer of 1919 were considered.

Key words

Perm, Bolsheviks, Soviet Power, 1919, Perm Military Revolutionary Committee.

**«ТЕПЕРЬ НЕ ВРЕМЯ ДЕЛИТЬСЯ НА ПАРТИИ»:
П. И. НОВГОРОДЦЕВ НА БЕЛОМ ЮГЕ В 1919 ГОДУ**

Газизуллин Тимур Алмазович
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
timuralgaz25@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается один из завершающих этапов идейной эволюции П. И. Новгородцева. Целью исследования является определение роли Новгородцева в накоплении Конституционно-демократической партией политического капитала. Опираясь на теорию социальных полей Пьера Бурдьё, автор обращается к деятельности Новгородцева в партийных и государственных структурах в 1919 году, подчеркивает, что трансформация европейской политической сферы способствовала сопротивлению интеллектуала привлечению населения к государственному строительству. Тем самым изменения стратегии Конституционно-демократической партии должны были вывести кадетов из революционного состояния и сблизить с правым лагерем.

Ключевые слова

П. И. Новгородцев, Гражданская война в России, Конституционно-демократическая партия, антибольшевистское движение, консервативный либерализм.

Русская революция поставила под вопрос существование привычного для русского либерализма государственного единства России. Прежняя политическая культура парламентаризма с трудом пережила 1917 и 1918 гг. Создание же крупных территориальных образований позволило лидерам общественной жизни вернуться в сферу публичной политики. Профессор права П. И. Новгородцев примечателен для нас своим активным участием в создании широкого антибольшевистского политического фронта. Управленческий и академический опыт Павла Ивановича позволил выдвинуть философа в центр неформальных переговоров с умеренно правыми кругами на Белом Юге.

Современная отечественная историография выходит за рамки языка революции, подчеркивает полицентрический характер процесса радикальных перемен [Колоницкий, 2017, с. 447]. В этих условиях анализ восприятия русским интеллектуалом революционных событий 1917–1921 гг. позволит установить связь

между эволюцией русского либерализма и общеевропейскими тенденциями рассматриваемого времени. Тем самым нами будет осуществлена попытка освобождения от дискурса революционных партий. Это позволит оценить отечественные варианты интерпретации изменений идейных настроений правых кадетов.

Если же непосредственно обращаться к историографическому анализу, то следует выделить следующие положения. Осуществляется анализ ценностных ориентиров П. И. Новгородцева на протяжении всей его жизни [*Медушевский, 2007, с. 636, 637*]. Это позволяет выделить место философа в иерархии правого крыла партии Народной свободы, подчеркнуть усиление позиций интеллектуала в условиях сокращения доверия населения к неревлюционнным партиям. Также подчеркивается радикальное «правение» Павла Ивановича в 1919 году и отмечается его полемика с левыми кадетами, выступавшими за сотрудничество с социалистами [*Шелохаев, 2015, с. 686*].

Таким образом, мы задаемся вопросом, чем обусловлено стремление П. И. Новгородцева изменить стратегию Конституционно-демократической партии в 1919 году?

Целью настоящей работы является определение роли П. И. Новгородцева в борьбе партии Народной свободы за политический капитал в условиях Гражданской войны на Белом Юге.

Источниковая база представлена материалами Центрального комитета партии Народной свободы, стенографическими отчетами заседаний надпартийных организаций, теоретическими работами П. И. Новгородцева. Выбранные источники позволяют подчеркнуть влияние экстремальных условий революционного процесса на риторику философа, а также отделить внешнее риторическое обрамление от теоретического основания всей идейной конструкции Павла Ивановича.

Концептуально исследование опирается на теорию социальных полей Пьера Бурдьё. Это позволит обратить внимание на процесс формулирования кадетами, в частности, П. И. Новгородцевым обновленных программных положений. Бурдьё считает, что борьба за политический капитал нацелена на овладение объективированными институтами государства, а роль профессионала лишается первоочередного значения в экстремальных условиях. Но при всем этом именно конкуренция профессионалов, обладающих капиталом известности, является ключевым аспектом поля политики [*Бурдьё, 1993, с. 193, 184–185*].

Таким образом, П. И. Новгородцев, обладавший значительным культурным капиталом и не замешанный в пропагандистской деятельности в февральский период революции, для кадетов был необходим, так как своим участием на

стороне либерализма он привлекал внимание правых, выстраивал устойчивые связи с Советом государственного объединения России, надпартийной организацией правоцентристского направления [Всероссийский национальный..., с. 313].

Поле политики Белого Юга было разнообразным, потому что было представлено эсерами, различными направлениями русского либерализма, национал-консерваторами. Для кадетов главным конкурентом были не социалисты, а монархисты «шульгинского направления». Левое крыло партиипосле эвакуации из Крыма в апреле 1919 года утратило прежнее влияние в Центральном комитете.

Новгородцев своих речах создавал образы, близкие к идеалам консерватизма. Это объясняется общей средой, в которой русский либерализм и консерватизм существовали длительное время. Мы имеем в виду позднеимперскую действительность, основы которой представлялись оппозиционным политикам на кануне низложения монархии достаточно прочными, чтобы сохранить территориальную целостность, символику, единое политико-правовое и хозяйственно-экономическое пространство. Тем самым в качестве альтернативы выступала областная автономия, к которой уже были готовы и консерваторы, и кадеты.

В формуле «Единой и неделимой России» мы обнаруживаем итог трагического для русского либерализма опыта государственного строительства. Разочарование это началось с усилением летом 1917 года сепаратизма в Финляндии и Украине, продолжилось с центробежными тенденциями в Северо-западном крае и Прибалтике [Оболенский, 1988, с. 540]. Венцом национального кризиса для либеральной идеологической семьи стал Брестский мир [Протоколы Центрального..., с. 417].

Одновременно с этим, деградация властных структур для правых кадетов была выгодна, потому что позволяла завоевать доверие добровольческого командования в условиях недоверия офицерства к левым антибольшевистским силам. Своими высказываниями на заседаниях Центрального комитета партии и Всероссийского национального центра П. И. Новгородцев подчеркивал нежелание взаимодействовать с социалистами, если те активно сопротивляются решениям национальной диктатуры генерала А. И. Деникина [Всероссийский национальный..., с. 312]. Можно сказать, что Павел Иванович способствовал усилению в партии кризисных тенденций, так как отречение от «февраля» влекло за собой разногласия с лидерами левого крыла кадетизма, в частности, с В. М. Набоковым, И. И. Петрункевичем, М. М. Винавером, Мандельштамом [Съезды и конференции..., с. 194].

Верховенство собственных идеалов над партийной программой было в целом свойственно правому крылу, однако именно у П. И. Новгородцева это проявилось наиболее ярко. Желание восстановить национальную власть и правовой порядок еще в начале 1918 года привело его к конституционному монархизму. Теперь же, когда Вооруженные силы Юга России летом 1919 года наступали в Новороссии и Поволжье, идея временного диктаторского правления стала для лидеровкадетов инструментом для формирования коалиции с Советом государственного объединения России и Союзом Возрождения. Павел Иванович, можно сказать, в ультимативной форме требовал от однопартийцев беспрекословного служения Главнокомандующему. Данное обстоятельство выводило левое крыло из центра политической борьбы, так как утверждало «государственный интерес» в качестве главенствующего, а также монополию правого кадетизма на выражение этого интереса. Принцип диктаторского правления требовал теоретической проработки, определения границ гражданских свобод, доступных в переходный период.

Новгородцев в своей позиции стал ярким представителем консервативного либерализма. Соборное начало не принималось, вместо этого философ выделял некую внешнюю оболочку, которая была призвана через чрезвычайные полномочия правителя гарантировать свободу личности в послереволюционный период. Творческая личность должна была защищена от большевизма как слева, так и справа. Тем самым данное положение органически сосуществовало с его предложением временного сотрудничества с правыми [Всероссийский национальный..., с. 78]. Это подтверждает тезис П. Бурдые о предвидении агентами политического поля действий своих конкурентов [Бурдые, 1993, с. 191]. Морфологически доктрину Новгородцева можно представить в качестве двух уровней: риторики, обращенной к восстановлению утраченного государственного единства; тезисов о предстоящем демократическом режиме.

Но предвидение агентами политического поля подлинных интересов сторон обнаруживало сохранявшийся разрыв. Выражалось это в том, что Новгородцев видел в правых потенциальных реакционеров, а сами правые указывали на изменническую роль кадетов в февральских событиях и на непостоянство их партийной программы. Потому П. И. Новгородцев устанавливал связь лишь с небольшим, но влиятельным Советом государственного объединения России, так как октябристы, входившие в состав этой организации и имевшие связь консервативно-либеральным течением общественной мысли, имели общее с кадетами желание реформ.

Примечательно, что и консерваторы выстраивали собственную двухуровневую систему. Переориентация на защиту институтов народного представительства стала возможностью для того же В. М. Пуришкевича удержаться в оппозиции, опереться на провинциалов и беженцев из Центральной России. Тем не менее, готовность оправдать желания потенциального электората была тесно сопряжена с идеей единения царя и народа [*Иванов, Чемакин, 2017, с. 103*]. Таким образом, внешние уровни риторических систем консерваторов и П. И. Новгородцева тесно соприкасались, что позволяло совместно выступать против предложений эсеров по децентрализации диктаторского режима и сотрудничеству с радикальными течениями казачества.

Если мы сравним деятельность лидеров правых кадетов, то выяснится, что Павел Иванович Новгородцев был менее активным, чем В. А. Степанов, князь П. Д. Долгоруков, К. Н. Соколов. Причиной тому был страх философа за свою семью, остававшуюся на территории РСФСР [*Долгоруков, 1964, с. 125*]. Потому работа в Центральном комитете и правлении Национального центра стала единственной возможностью Новгородцева реализовать свой политический потенциал. Такой характер деятельности объясняется тем, что изначально Павел Иванович обладал куда больше культурным, чем политическим капиталом.

С началом переговоров с общественными кругами партия Народной свободы делегировала Новгородцеву свой политический капитал, который в сочетании с авторитетом философа позволял избавить режим национальной диктатуры от обвинений в реакционности и укрепить позиции партии в неустойчивой среде прессы. В результате его деятельность могла сосредоточиться лишь в поле идеологического производства, так как социокультурные изменения революции все же сохранили автономию этой сферы, следовательно, в целом за Павлом Ивановичем цензурная среда продолжала признавать его символический капитал.

П. И. Новгородцев был интеллектуалом, но не партийным политиком, тесно связанным с властными структурами. В этом смысле его двухэтапный вариант установления демократического режима через временное диктаторское правление обнаруживает связь с «беспочвенностью» той среды, в которой сформировался философ и которая не могла выстроить прямую коммуникацию с низовым сегментом русского общества.

Массовизация политики способствовала деградации устойчивых норм политического участия. Интеллектуал не мог увеличивать политический капитал. В этих условиях учреждение системы, которая бы имела больше каналов социальной мобильности, чем позднеимперская, было обращено против лозунгов левых радикалов. Тем самым сокращался «буржуазный» образ партии.

Русская революция ликвидировала национальную власть в Центре. Юг и Сибирь не имели такого существенного фактора легитимации своей власти, как контроль над столицей. Атмосфера кризиса создавала неоднозначную ситуацию, когда консервативный либерализм получал шанс на воплощение своих идеалов на практике, но лишался жизнеспособной защитной структуры в виде единого государства.

Символическое насилие социализма над идеалами Новгородцева стало предлогом для начала открытого противостояния философа устремлениям революционной демократии. Он восстал против чуждой ему идеи конечности общественного идеала, так как представлял историю человечества в виде вечного совершенствования, при котором маятник социального антагонизма постепенно сокращается [*Новгородцев*, 1991, с. 52]. В этом противостоянии с большевистской идеологией раскрылось представление П. И. Новгородцева об условиях, угрожавших верховенству права. Коллективистское начало революционной политической культуры исключало внутреннее сосредоточение личности, полностью подчиняло последнюю толпе, что позволяло удерживать русский народ под контролем организованного меньшинства.

Настроения П. И. Новгородцева можно встроить в общеевропейские тенденции того времени, когда ликвидация ряда европейских монархий привела к кризису идентичности и нарастанию реваншистских настроений в политической философии. Идея восстановления национальной власти через вооруженное противостояние с большевизмом у Новгородцева дополнялась упомянутым нами выше неприятием радикальных течений, явившихся результатом вовлечения широких слоев населения в публичную сферу.

Библиографический список

Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.

Всероссийский национальный центр / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2001. 608 с.

Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид: Издание кн. М. П. Долгорукова, 1964. 460 с.

Иванов А. А., Чемакин А. А. Всероссийская народно-государственная партия В. М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 98–119.

Колоницкий Б. И. Генеалогия «вождя народа»: Образы лидеров и политический язык Российской революции 1917 года // Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 446–460.

Медушевский А. Н. Павел Иванович Новгородцев: «Критически отнестись действительности и оценить ее с точки зрения идеала...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 628–639.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: «Пресса», 1991. 640 с.

Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж: YMCA-PRESS, 1988. 754 с.

Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1998. 590 с.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 3, Кн. 2. 1918–1920 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2000. 248 с.

Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.

«NOW ISN'T THE TIME TO DIVIDE INTO PARTIES»: P. I. NOVGORODTSEV IN THE WHITE SOUTH IN 1919

Gazizullin Timur A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
timuralgaz25@gmail.com

Annotation

The article considers one of the final stages of the ideological evolution of P. I. Novgorodtsev. The aim of the study is to determine the role of Novgorodtsev in the accumulation of political capital by the Constitutional Democratic Party. Thanks to the theory of social fields by Pierre Bourdieu, the author turns to Novgorodtsev's activities in the party and state structures in 1919. The importance of the transformation of the European political sphere for Novgorodtsev is noted. This contributed to the resistance of the politician to the introduction of the population into the public sphere. Thus, the changes in the strategy of the Constitutional Democratic Party were supposed to bring the Cadets out of the revolutionary state and bring them closer to the right-wing movements.

Key words

P. I. Novgorodtsev, Civil War in Russia, Constitutional Democratic Party, Anti-Bolshevik Movement, Conservative Liberalism.

ПОДРОСТКОВЫЕ ТАЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ В 1930-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМГАСПИ)

Арестов Владимир Андреевич
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
arestovvolodya@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена подростковым «тайным организациям», появившимся в 1930-е гг. на территории Прикамья. Проведен детальный разбор следственных дел, свидетельствующих о том, что они составлены формально и без каких – либо доказательств. Методологической основой послужила концепция «дисциплинарного общества» Мишеля Фуко. Наказание Фуко рассматривается как сложная социально–политическая функция власти, которая имеет своей целью создание наиболее эффективного и фиксированного индивида. Основными источниками являются архивно-следственные дела, хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политической истории.

Ключевые слова

Сталинизм, несовершеннолетние, репрессии, ОГПУ, НКВД, следственное дело.

Глобальный политический кризис начала XX века способствовал невиданной эмансипации подростков, особенно в обществах, переживавших революционные потрясения. Первая русская революция 1905 года обернулась, в том числе, забастовками учащихся гимназий и выстрелами юных террористов-одиночек, вдохновленных героическими биографиями эсеров-боевиков и анархистов. После Октябрьского переворота подростки воевали по обе стороны фронта Гражданской войны. Реакцией взрослых на радикальное стремление к самостоятельности стали первые массовые детские и молодежные организации, призванные придать приемлемую форму романтике, бескомпромиссности, вере в справедливость и желанию действовать. В Советском Союзе за политическую социализацию нового поколения отвечали Коммунистический союз молодежи и его младшая сестра – Пионерская организация. Прочие объединения ставились если не вне закона, то под подозрение. Архивные документы и мемуары свидетельствуют о том, что действительные причины, побуждавшие подростков объеди-

няться в «тайные организации», интересовали советскую власть не в первую очередь. Долгое время предосудительным оказывалось само стремление действовать в обход устоявшихся институтов.

Первые десятилетия советской власти органы госбезопасности практически не делали разницы между взрослыми и подростковыми тайными организациями. Арестовали – значит, есть за что. Какова была действительная причина ареста: реальная оппозиционная деятельность, ложный донос или самооговор, – теперь не всегда ясно [Козлов, 2019].

Категория возраста ответственности была нечетко прописана в советском уголовном праве 1920–1930-х. Сама возрастная планка несколько раз менялась: 17 лет – в 1918 году, 14 – в 1919 году, 16 – в 1930 году, вновь 14 – с мая 1941-го, а применение конкретного наказания зависело от многих факторов. К несовершеннолетним преимущественно следовало применять «меры медико-педагогического воздействия», однако выбор между ними и заключением в исправительно-трудовом лагере оставался за конкретными следственными и судебными органами. Нарушения и произвол, особенно в годы «Большого террора», давали возможность отправить в лагерь любого подростка, представив его «особо опасным государственным преступником» [Козлов, 2019].

22 марта 1929 года в помещении Волковского сельсовета, Березовского района была обнаружена подброшенной анонимка антисоветского характера, начинавшаяся словами «Товарищи крестьяне, кормильцы всей страны» – за подписью «Тайкомконтр» [ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.789, Л.38].

Расследованием было установлено, что анонимную записку составлял и писал Вилисов П.Я., при непосредственном участии и согласии своего товарища Булатова Д.Я. Прежде чем написать записку, П.Я. Вилисов и Д.Я. Булатов обязались между собою круговой порукой о том, чтобы не выдавать себя, что они писали анонимку, для чего была составлена у них клятвенная расписка, которая хранилась и была изъята у Вилисова П.Я.

На допросе Вилисов П.Я. и Булатов Д.Я. в составлении и подбрасывании анонимки сознались, при чем учиненную подпись на анонимке «ТАЙКОМ-КОНТР» Вилисов П.Я. и Булатов Д.Я. поясняют, что это означает – Тайный комитет контрреволюционеров – была ими придумана для того, чтобы кто-то прочитал анонимку, у того осталось мнение, что на самом деле есть и существует какая-то тайная организация, защищающая крестьян. Дачу клятвенной расписки написали потому, чтобы не выдавать друг друга.

О причинах, побудивших написать анонимку оба заверяли, что на них оказала влияние сложившаяся обстановка, т.е. ряд проведенных ударных кампаний:

сбор разных платежей и хлебозаготовки и им стало жаль мужиков, что с них берут хлеб и однажды оставшись в доме одни, Вилисов П.Я. первый предложил написать эту анонимку и что тут же и сделали, а через несколько дней ее подбросили в помещение сельсовета.

Какое-либо влияние со стороны взрослых и родственников на обвиняемых Вилисова П.Я. и Булатова Д.Я. следствием не установлено, но как дает в этой части показания сам Павел Вилесов, и, судя по имеющейся в деле его росписи, составленной за несколько дней до анонимки, в которой он в литературной форме, характерно описывает ход одного из собраний по хлебозаготовкам, где иронизирующее высмеивает Уполномоченного, проводившего это собрание – Климова.

Дело в отношении них было прекращено за отсутствием состава преступления.

Репрессии 1930-х годов не обошли стороной молодежь. Материалы бывшего НКВД показывают, что сотрудники этой организации тщательно контролировали настроения подрастающего поколения. Особое внимание уделялось сбору информации о «нелегальных организациях молодежи», в школах, вузах, рабфаках, а также на предприятиях. Известны факты арестов и репрессий по отношению к 15-18 летним подросткам по обвинению в шпионаже, антисоветской агитации, контрреволюционной деятельности.

Следователями инспирировались целые юношеские нелегальные организации, а условия содержания детей в тюрьмах и методы следствия ничем не отличались от положения взрослых заключенных и подследственных. [Общество и власть, с.342–343].

Вот другой случай. В ночь с 17 на 18 марта 1931 года в Очерском районе, Уральской области, группой молодежи школьного возраста от 14 до 17 лет, произведен налет на школу семилетку, с целью хищения хранящегося в военном кабинете (при школе) оружия винтовок и револьверов. В целях предотвращения всего в школе была устроена засада и преступники были задержаны на месте преступления. Имевшийся в распоряжении Оперсектора ОГПУ материала свидетельствовал о наличии вообще нездоровых явлений среди молодежи завода Очер, где из детей подростков была организована шайка с уголовно-преступными наклонностями (воровство, хулиганство, предполагаемые грабежи, убийства), имели место случаи хулиганства политического характера (расстрел портретов вождей Советского правительства, предполагаемый разгон, путем испуга, первомайской демонстрации).

Осенью 1929 года подросток Ф.И. Бушуев сговаривал А.В. Жукова и Ю.Г. Корепанова бежать с ним из дома, для чего велел украсть дома оружие, сам в

свою очередь тоже хотел украсть у квартиранта ружье (двухстволка) и ограбить продавца Центроспирта, но побег не удался [ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.10184, Л.130].

В феврале 1930 года Ф.И. Бушуевым была организована группа молодежи, которые нигде не учились и не работали, в числе 5 человек. В нее входили: Ф.И. Бушуев, Н.Ф. Мишланов, А.Н. Морозов и В.И. Мокрушин. Эта группа ставила своей целью изыскание средств путем ограбления государственных учреждений и кооперации и с похищенными деньгами намеревалась скрыться на Украину или Кавказ, где можно разгульнее жить молодежи, так как внутри России живет плохо, имеется нажим вообще на рабочий класс и крестьянство со стороны существующего правительства. Но с наступлением лета сам Бушуев уехал на пароход к брату и его почти все лето не было дома, а другие же стали устраиваться для учебы в школу ФЗУ. В общем их группа осенью 1930 года окончательно распалась.

В январе 1931 года Бушуев «задумал» восстановить распавшуюся организацию и путем индивидуального опроса старых членов положил начало созданию новой шайки. В своих планах шайка имела: ограбление военного кабинета при школе, убийство милиционеров и командиров Красной армии, с целью приобретения оружия, каковое и являлось для них необходимостью для самозащиты с одной стороны и для уголовно-преступных целей грабежи, террор, убийство, нападения, на добываемые средства от чего они и мыслили существовать – с другой.

Бежать из Очера хотели сначала на ст. Тайга, а потом перерешили, имея намерение уехать на Кавказ или вообще на Юг поближе к границе. Там они планировали грабить каждого встречного и поперечного.

Бушуевым в шайку было завербовано 10 человек. Бушуев говорил «надоел этот Очер, жить совершенно становится невозможным, с голоду скоро подохнем. Вот крестьяне скоро сделают восстание, и советская власть полетит, поэтому пока нас всех не перестреляли, давай отсюда бежим».

17 марта по инициативе Бушуева было совершено нападение на военный кабинет при школе, из которого он хотел похитить имеющиеся там винтовки и револьверы. О наличии оружия знал Тетенев, который был завербован в шайку. Для участия в налете было собрано 6 человек во главе с Бушуевым и по заранее обдуманному плану было сделано нападение. Преступники после неудачного вскрытия шкафа ограничились кражей из взломанного шкафа детских резиновых мячей, коробки пороху, несколько пустых гильз от английской винтовки и с ру-

ганью пошли из школы, но были задержаны на месте преступления осодмиловцами [ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.10184. Л.132]. Большинство несовершеннолетних были освобождены.

Похожая история произошла в г. Кунгуре, где среди рабочей молодежи организуется подпольный «контрреволюционный» кружок «Вольнодумие», во главе которого стоит ученик-слесарь Кунгурского кожзавода – Шадрин Александр Павлович – сын помощника директора того же завода.

Шадрин втягивал в свой кружок рабочую молодежь, пропагандировал при этом идеи террора и т.п., ставя своей конечной целью создание контрреволюционной организации для борьбы с Советской властью. Одним из первых, примкнувших к данной организации, является Елисеев – сын сапожника – рабочего.

Для пресечения деятельности и недопущения дальнейшего развертывания деятельности «контрреволюционной группировки «Вольнодумие», Шадрин и Елисеев были арестованы. Мысль о создании организации способной вести борьбу с советской властью возникла у Шадрина, считающий, что при советской власти рабочий класс и особенно крестьянство живет плохо, многие пухнут с голоду, что слова Ленина «лучше меньше да лучше» не совпадают с действительностью, когда «гоняются за количеством, дерутся за темпы» - у него возникло неверие в достижения и правильность политики Советской власти и он:

«Стал ненавидеть советскую власть и стал организовывать «контрреволюционную» группу для борьбы с советской властью» [ПермГАСПИ. Ф. 641/1.Оп.1. Д. 8781. Л.57].

«Я читал архив и историю партии «Земля и воля» и «Народная воля». Литературу про декабристов и вообще много читал народовольческой литературы [ПермГАСПИ. Ф.641/1.Оп.1. Д. 8781. Л.54–55].

В октябре 1933 года Шадрин приступил к созданию «контрреволюционного» кружка молодежи «Вольнодумие» путем обработки и вербовки в него своих знакомых. Вербовку новых членов «контрреволюционного» кружка «Вольнодумие» Шадрин проводил лично сам и предлагал вербовать лиц, настроенных антисоветски, беря упор на вербовку молодежи, т.к.:

«Молодежь вообще отзывчивей, у молодежи жизненной практики мало и, если взять прошедшие революции, то мы видим, что молодежь в них принимала самое активное участие, а стариков ведь надо убеждать, чтобы заставить идти на тот или иной шаг» [ПермГАСПИ. Ф.641/1.Оп.1. Д. 8781.Л.73].

«Основная сила в кружке мной возлагалась на молодежь: вернее и более точно надо понимать, что наш кружок был исключительно из молодежи и ставку

мы брали на молодежь 16-17-18 летнего возраста, т.к. молодежь для нас более подходящая и мы сами молодые» [ПермГАСПИ. Ф.641/1.Оп.1. Д. 8781. Л. 72].

Ключевыми участниками организации по версии следственных органов являлись А.П. Шадрин, В.В. Елисеев, А.А. Баландин. Вскоре ребята были освобождены, зачтя им предварительное заключение, которое продлилось три месяца.

В заключение хотелось бы вспомнить одно из наиболее известных «детских дел» сталинского времени, которое было сфабриковано новосибирскими чекистами в 1938 году. В Ленинске – Кузнецком «была раскрыта» контрреволюционная организация детей и подростков, в которой, по мнению следователей НКВД, состояло около 60 участников. Дела одиннадцати из них, в том числе семерых несовершеннолетних, были доведены до суда. Изучавший обстоятельства этого процесса сибирский историк Алексей Тепляков приводит в своем исследовании цитаты из документов НКВД. Согласно им, арестованным подросткам инкриминировалось «стремление агитировать за срыв занятий в школах и оставление учебы», терроризировать лояльную к власти молодежь, осуществлять моральное разложение молодежи «путем втягивания в пьянки, половое сожителство и совершение хищений, ...внедрять в ее ряды фашистские лозунги, популяризировать «методы троцкизма» и клеветать на вождей» [Козлов, 2019].

Свидетельств реализации этих намерений кроме нескольких портретов Ленина с выколотыми глазами в деле не содержалось. Неизвестно даже название «контрреволюционной организации» как и взрослые «группировки вредителей народного хозяйства», созданные в кабинете следователя, она осталась анонимной. Аресты школьников должны были послужить началом чистки среди работников народного образования, уже была готова санкция на проведение показательного процесса, но, к счастью для арестованных, перед судом предстали организаторы следствия. По итогам открытого судебного заседания 22 февраля 1939 года к различным срокам были приговорены три следователя НКВД и прокурор города, выдавший санкции на арест.

Обвиненные первоначально подростки были освобождены. После показательного процесса над сибирскими чекистами подростков не перестали осуждать по политическим статьям.

Библиографический список

Архивно-следственное дело Баландина Александра Александровича // ПермГАСПИ. Ф.641/1.Оп.1. Д. 8781.

Архивно-следственное дело Вилисова Павла Яковлевича // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д.789.

Архивно-следственное дело Бушуева Федора Егоровича // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д.10184.

Козлов Д. ЧК против Швамбрании. История подпольных и неофициальных молодежных организаций в СССР. URL: <https://theins.ru/history/191310> (дата обращения: 21.03.2021).

Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. 352 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. Владимира Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: AdMarginem, 1999. 478 с.

**TEENAGE SECRET ORGANIZATIONS ON THE TERRITORY
OF THE KAMA REGION IN THE 1930S
(BASED ON THE MATERIALS OF PERMGASPI)**

Arestov Vladimir A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
arestovvolodya@yandex.ru

Annotation

This article is devoted to teenage "secret organizations" that appeared in the 1930s on the territory of the Kama region. A detailed analysis of the investigative cases was conducted, indicating that they were drawn up formally and without any evidence. The methodological basis was the concept of the "disciplinary society" by Michel Foucault. Foucault's punishment is considered as a complex socio-political function of power, which aims to create the most effective and fixed individual. The main sources are archival and investigative files stored in the Perm State Archive of Socio-Political History.

Key words

Stalinism, Minors, Repressions, OGPU, NKVD, Investigative Case.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.7

THE EFFECT OF INEQUALITY AND POLARIZATION ON DEMOCRATIC STABILITY

Koncha Valeriya Leonidovna

The National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russia,
vkoncha@edu.hse.ru

Annotation

With the era of Trump, the popularity of inequality, polarization and democratic stability have risen even more – scholars have written many works studying separately the relationship between these concepts. This study aims to answer the specific question – To what extent do elite polarization and income inequality affect democratic stability? In other words, the research investigates the interaction effect of the elite’s polarization with income inequality on democratic stability. Moreover, the elite’s polarization aggregate index is calculated basing on 5 main dimensions-cleavages: LGBT, Gender Equality, Political Pluralism, Immigration. The results indicate that in countries, where the level of inequality is high, polarization affects negatively on democratic stability, while the level of inequality is low, polarization affects positively on democratic stability.

Key words

Income Inequality, Elite’s Polarization, Democratic Stability, Interaction Effect, Gender Inequality, Immigration, Political Pluralism, LGBT

Issues like polarization, inequality, and democratic stability have long ago become widely discussed topics among researchers in political science. With the era of Trump, the popularity of those issues has risen even more – scholars have written many works studying separately the effect of inequality and polarization on democratic stability [Baldassarri, Gelman, 2008; Murshed, Gates, 2005]. Although a lot of research has already been done on the discussed issues, there is a knowledge gap. Firstly, the terms themselves are very broad to define, and, therefore, the research touches upon only one aspect of the term definition. For instance, there are different types of polarization – mass polarization, the polarization of the elites, affective polarization, etc. Consequently, there are plenty of studies focusing on mass polarization rather than on the elites' polarization, so the latter remains understudied. Secondly, no research is

done to investigate the interaction effect of the independent variables such as polarization and inequality on democratic stability; the previous research focuses only on a one-to-one relationship between one of the independent variables and democratic stability. What the current study aims to do is to fulfil this knowledge gap in understanding how the interaction effect of the independent variables affects democratic stability.

Literature review

Before proceeding to the discussion of the effect of the interaction term, it is important to define the main concepts that will be utilized in the study and consider one-to-one relationship between them. Inequality is a broad term that can be defined differently depending on the context. The study will exploit the term income inequality. Piketty and Saez [2003] claim that currently income inequality is a result of the growth of relative incomes of the upper half of income distribution rather than caused by lower-tail inequality. In other words, the study will focus on the difference in income among rich and poor population.

Despite the fact that the term polarization is exploited by different disciplines, many authors agree about general definition of it. DiMaggio et al. [1996] define polarization as “the extent to which opinions on an issue are opposed in relation to some theoretical maximum.” [693]. This paper will exploit the term political polarization, so there is a need to modify the definition produced by DiMaggio et al. [1996]. In case of political polarization, the opposition of opinions is substituted with the battle between different political ideologies and political identities. For instance, in the USA political polarization is rather noticeable – there is a tension between two parties, Republicans and Democrats, which, therefore, is called binary [Baldassarri, Gelman, 2008]. The literature distinguishes between two levels of political polarization. The first is the elite polarization, which is “expected to enhance public awareness” [Lee, 2013, p. 89]. The second level is mass polarization, which focuses on polarization of electorate (McCarty et al, 2006).

Scholars identify two approaches that underly the development of the elite’s polarization concept. Downs [1957] argues that there is a spatial model of party systems. The basic idea of this model is that parties are either left- or right- oriented (for instance, the case of the USA with the battle between Republicans and Democrats would be a special case of the spatial model) and the voters choose whom to vote for in accordance with the proximity of the party’s position and their own voting preferences. Parties tend to move along this Right and Left continuum making the elections dynamic, thus, increasing the competition between parties. Voters, who found out that their preferences are not satisfied by the representatives of both right and left continuum, can abstain from voting or not to vote at all which is problematic for the election outcomes – it

affects the certainty of the predictions of the election results. Downs [1957] argues that binary party systems will eventually converge to the center as they will try to capture more supporters and satisfy the needs of median voter, whereas in multiparty system, the ideological spread of parties will be aligned along a Left and Right continuum.

The second approach, however, states that the center affects the way how the parties will be allocated along the ideological continuum so creating polarized pluralism [Sartori, 1976, p. 131–146]. Therefore, such highly polarized party systems will cause more ideological tension between the parties, which in turn becomes a threat for democratic stability [Russel, 2008].

Despite the difference in the way how the scholars approach the elite's polarization concept, there is a general agreement regarding the way to measure polarization. Scholars consider how far away the particular party is from the ideological center or average party position. Therefore, the further away the party from this ideological center, the more it is polarized [Russel, 2008].

The term democratic stability is rather ambiguous and used in different contexts by different authors. In order to define the term, many authors were trying to explain what democratic stability is not and see why some nations fail in maintaining democratic stability. Przeworski and Limongi [1993] concluded that the most essential aspects to describe democratic stability are strong institutions that would protect property rights, presence of the state autonomy and influx of investments. Feng [2003] as Przeworski and Limongi [1993], highly associated the term democratic stability with the existence of strong institutions, however, Feng [2003] considers the duty of fostering political stability as the main function of those institutions. In contrast, Doucouliagos and Ulubaşoğlu [2008] state that the accumulation of human capital was essential to maintain democratic stability. Linz and Stepan [1996] consider democratic stability as something similar to liberal democracy. The authors state that for democratic stability it is essential to ensure the existence of the institutionally strong state, administrative, political and economic stability. Tilly [2007] agrees with Linz and Stepan [1996] adding that there also a need for the presence of state capacity which would “supervise democratic decision-making and put its results into practice” [15]. Andersen et.al [2014] consider what Tilly [2007] state capacity being equal to administrative effectiveness.

Overall, the literature suggests a wide range of definitions of what democratic stability is and most of the authors agree that stable democracy contains some components of liberal democracy. Therefore, this paper will exploit the combined definition proposed by Diamond [2008] and Fukuyama [2011, 2014] who claim that strong institutions which ensure a rule of law, protection of individual rights (property is included),

free and fair elections and economic growth are essential features to describe what democratic stability should look like.

Looking on the relationship between elite polarization and democratic stability, scholars claim that there is a strong negative relationship between these two variables [Baldassarri, Gelman, 2008]. Higley and Barton [1989] explain that stable democracies require the "consensual unity" of national elites since seeking to find common ground on the social-economic issues will aid the development and stability of democracy. Moreover, Galston and Nivola [2006] argue that elite's polarization heavily influences the democratic institutions. For instance, polarized elites can endanger the legislative process by lobbying their interests in Congress. It undermines the Congress as the democratic institution and lowers public support for it because of the rivalry between elites. In general, the trust in the government decreases with the increased confrontation between the parties' elites.

The literature shows that there is a strong positive relationship between the regions with the highest level of income inequality and increased participation in the rebellions [Murshed, Gates, 2005]. People that are not satisfied with the high difference between poor and rich are threatening the stability of democratic regime since the primary indicator of democratic stability, political stability, is endangered by numerous rebellions and protests, thus undermining the democratic rule.

Theoretical framework

The present study focuses on identifying the relationship between interaction effect of independent variables (elite polarization and economic inequality) and democratic stability. A good place to explain the interaction effect of the variables on the democratic stability would be consideration of the relationship between inequality and polarization. McCarty, Poole, and Rosenthal [2006] argue that in periods when there is a high-income inequality, polarization leads to the lower exposure to different ideological positions. As an evidence, Winkler [2019] demonstrates that increased inequality provokes "more demand for redistribution, a platform typically associated with the left" (154). Therefore, this will affect the democratic stability in a negative way since democratic regimes require the variety of opinions to be considered. However, in case of low-income inequality, the polarization of elite's will be considered more positively – people will be more open to different views. Greater exposure to different views causes a robust contest of those ideas and reaching consensus on the issue, therefore, leading to the stable democracy. The following table will be helpful in illustrating the theory built here:

Table 1

Theory illustration

	High Polarization	Low Polarization
High inequality	Negative effect on democratic stability	Negative effect on democratic stability
Low inequality	Positive effect on democratic stability	Positive effect on democratic stability

Based on the above discussion, the principal hypothesis (H1) in this research is that in countries, where the level of inequality is high, polarization affects negatively on democratic stability; if the level of inequality is low, polarization affects positively on democratic stability.

Data

The research exploits different databases for each of the independent and dependent variables.

Income inequality: The research will exploit the Standardized World Income Inequality Database (SWIID) instead of the Gini index, which is rather popular among researchers. The problem with the Gini index is that it does not take into account the structural changes in a population, making it rather unstable. The SWIID takes a Bayesian approach to standardizing observations collected from different databases such as Eurostat, the World Bank's PovcalNet, the UN Economic Commission, and many other sources. More importantly, as a standard, this database utilizes data from Luxembourg Income Study. The advantage of the SWIID is that it maximizes the comparability of available income inequality data for the broadest possible sample of countries and years. [Solt, 2009, p. 238; 2016, p. 14; 2020, p. 1196].

Polarization: The study will use data collected by the V-Dem Project, which has multiple dimensions of polarization. This dataset's limitation is that some country-variable combinations have been impossible to achieve the initial target; therefore, not all dimensions are included in the analysis (the dimensions that will be utilized are LGBT, Gender Equality, Political Pluralism, Immigration). However, the advantage is that all the data is coded by experts and the data for chosen dimensions is available for all countries. The data comes from the V-Party dataset, where salience of a specific issue dimension for specific elections will be used to calculate the aggregate polarization index.

Democratic stability: The data that will be used to measure the dependent variable is coming from the Global Economy dataset. The limitation of this dataset is a relatively high price and rather complicated methodology that is not available publicly. However, the disadvantages are paid off by the variety of variables that represent the term democratic stability. It allowed to include all factors constituting the democratic stability dependent variable discussed in part dedicated to the research's theoretical framework.

Method

The study will rest upon a quantitative approach using the regression analysis with an interaction term. Before running a regression analysis, it is highly important to calculate the aggregate polarization index basing on five dimensions (LGBT, Gender Equality, Political Pluralism, Immigration). Instead of calculating the effect of each of the dimensions of polarization separately, the aggregated polarization index allows making a general conclusion about the impact of polarization and the interaction effect of it with inequality. The polarization index was calculated by considering how far away the particular party is from the ideological center or average party position. Therefore, the further away the party from this ideological center, the more it is polarized.

Results and Discussion

To test the principal hypothesis, the regression model with an interaction term was constructed. Interaction term in this case is a product of the independent variables – income inequality and elite's polarization. The original model corresponds to the following equation:

$$\text{Democratic stability} = \beta_1 * \text{income inequality} + \beta_2 * \text{elite's polarization} + \beta_3 * \text{income inequality} * \text{elite's polarization} + \alpha,$$

where α corresponds to the Y-intercept and β_n demonstrates the coefficients for the dependent variables.

The results represented in the Table 2 demonstrate that the interaction term is statistically significant at p-value less than 0.05. The coefficient of the interaction term (-0.08) indicates that the effect of elite's polarization on democratic stability will as income inequality gets larger, and that the effect of income inequality on democratic stability will decrease as polarization gets larger. In fact, that proves the original hypothesis that in countries, where the level of inequality is high, polarization affects negatively on democratic stability, while the level of inequality is low, polarization affects positively on democratic stability.

In order to perform robustness checks, it is important to add to the original model three controlling variables: Economic growth, GDP per capita and Political Rights Index (see model 2,3 and 4 respectively). For the final model, the elite's polarization and GDP per capita predictors are statistically significant and positively directed, while political rights index is also statistically significant and negatively directed. It is interesting to see that in this final model, income inequality predictor is not statistically significant, although, the coefficient is negatively directed as in the previous models. It is important to note that with adding up the control variables, the quality of the model became higher, which can be seen from the values of R^2 (0.277 for the original model and 0.547 for the model containing all three controlling variables). Looking at the effect of the interaction term, it is stable along all of the four models, proving the principal hypothesis and illustrating the stability of the model.

Table 2

The regression table

Results				
<i>Dependent variable:</i>				
Democratic stability				
	(1)	(2)	(3)	(4)
Income inequality	-0.038 ^{***} (0.007)	-0.036 ^{***} (0.007)	-0.025 ^{***} (0.007)	-0.009 (0.006)
Elite's polarization	0.315 ^{**} (0.139)	0.301 ^{**} (0.138)	0.263 ^{**} (0.133)	0.268 ^{**} (0.111)
Income inequality*Elite's polarization	-0.008 ^{**} (0.004)	-0.008 ^{**} (0.004)	-0.008 ^{**} (0.004)	-0.008 ^{**} (0.003)
Economic Growth		-0.030 ^{**} (0.013)	-0.021 [*] (0.012)	-0.009 (0.010)
GDP per capita			0.00001 ^{***} (0.00000)	0.00000 ^{**} (0.00000)
Political Rights Index				-0.408 ^{***} (0.039)
Constant	1.577 ^{***} (0.270)	1.645 ^{***} (0.269)	1.012 ^{***} (0.293)	1.249 ^{***} (0.246)
Observations	255	255	255	255
R^2	0.277	0.294	0.350	0.547
Adjusted R^2	0.269	0.282	0.337	0.536
Residual Std. Error	0.697 (df = 251)	0.691 (df = 250)	0.664 (df = 249)	0.555 (df = 248)
F Statistic	32.112 ^{***} (df = 3; 251)	25.991 ^{***} (df = 4; 250)	26.784 ^{***} (df = 5; 249)	49.957 ^{***} (df = 6; 248)

Note:

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

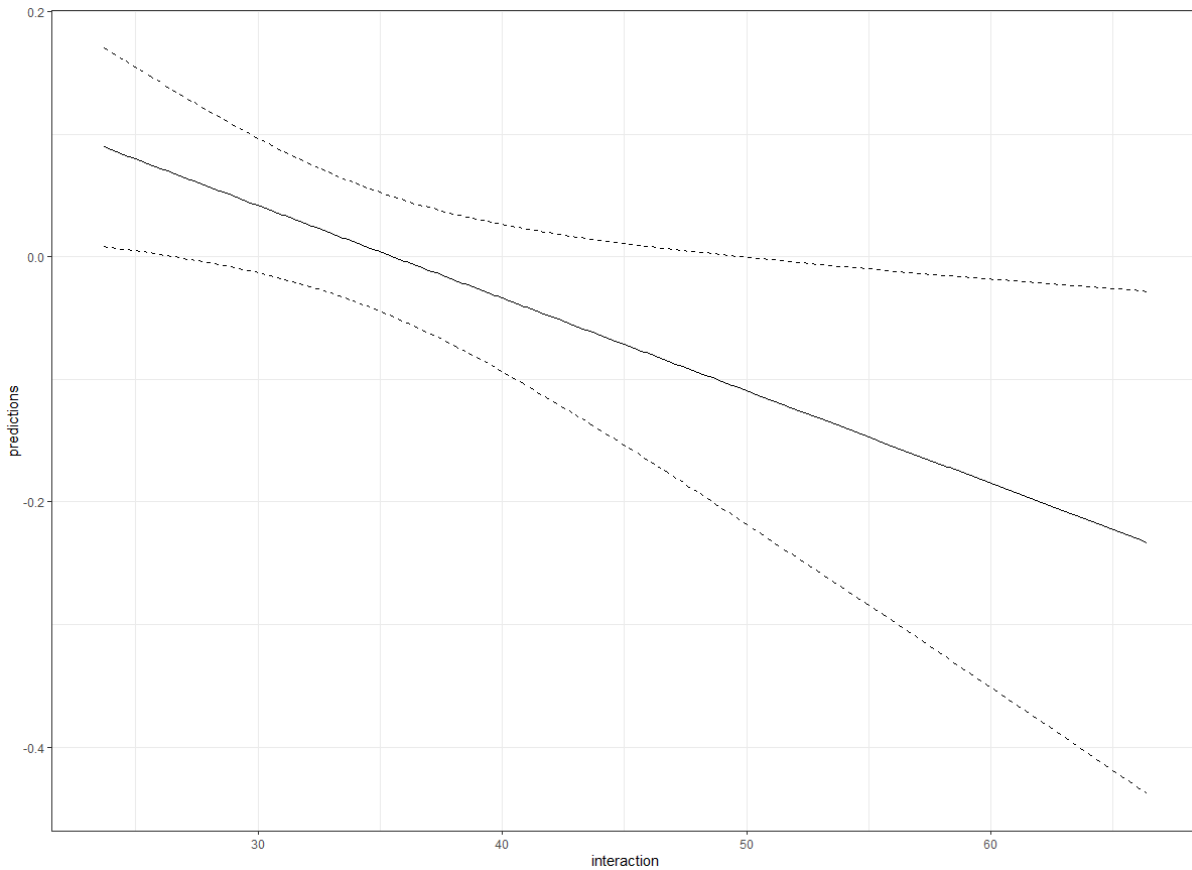

Figure 1. Illustration of the effect of the interaction term on the democratic stability

The Figure 1 demonstrates the visualization of the effect of the interaction term. From this graph it can be concluded that the effect of polarization on democratic stability is moderated by the values of the income inequality variable: in case of high-income inequality polarization affects the democratic stability in a negative way, while in case of the low-level income inequality, people are more open to different views presented on an ideological spectrum, therefore, affecting the democratic stability in a positive way.

Study Limitations and Further Research.

However, there are some potential problems that can be encountered in this research. The first potential weakness is hidden in the data used to calculate the aggregate polarization index. The V-Dem project collected data in the following way: they collected the parties' official positions expressed right before the election. These opinions were expressed usually during official press releases, official speeches on TV and press conferences, election manifesto, etc. So, I think it is also worth looking at the data illustrating parties' official opinions just after elections since some of these parties always change their initial position to attract more voters. However, there is a difficulty with obtaining this data – it is either unavailable for the same units of analysis or absent at all. Therefore, this can be counted as one of the major limitations of the research.

Another potential weakness lies in the selection of five dimensions that describe polarization. I have chosen these dimensions since the literature illustrates that these five dimensions are the most essential to consider when studying polarization in democratic countries. However, looking at the data provided by V-Dem, some parties pay more attention to one identity issue more than others do. Furthermore, the V-Party dataset finalizes only the first three most relevant dimensions of polarization in the specific country. I suppose that this can be connected to the extent to which the country is democratic because there are more developed democracies and recently emerged ones. Therefore, this can become another idea to improve the research – probably the interaction effect will be weaker in recently emerged democracies than in the developed ones.

Finally, the dependent variable, democratic stability, was extremely hard to operationalize. Different authors have different opinions regarding what democratic stability is. Therefore, this research utilizes the combined version of what the literature suggests. That can be a source of potential weakness – some factors that comprise the democratic stability variable can be useless and can affect the model. Therefore, some of the factors (variables from the democratic stability dataset) might be omitted or, alternatively, some variables can be simply missing. Moreover, the data comes from different sources but coded by the same experts. There is also a potential for errors – there is no guarantee that the experts coded everything in the way it must be; there is always room for bias. The potential solution to this problem is finding other sources (triangulation) of data coded by different other experts and comparing it. The further research must be conducted to fix these problems.

Conclusion

The research was focused on the investigation of how interaction term of income inequality and polarization affects democratic stability. The results confirm the original hypothesis, showing that the interaction term significantly affects the democratic stability. In other words, the study demonstrates that in countries, where the level of inequality is high, polarization affects negatively on democratic stability, while the level of inequality is low, polarization affects positively on democratic stability.

Bibliography

Andersen D., Møller J., Rørbaek L.L., Skaaning S.E. State capacity and political regime stability // *Democratization*. 2014. Vol. XXI. No. 7. P. 1305–1325.

Baldassarri D., Gelman A. Partisans without Constraint: Political Polarization and Trends in American Public Opinion // *American Journal of Sociology*. 2008. Vol. CXIV. No. 2. P. 408–446.

Diamond L.J. The Spirit of Democracy: The Struggle to Build Free Societies Throughout the World. Holt Paperbacks, 2008.

DiMaggio P., Evans J., Bryson B. Have American's Social Attitudes Become More Polarized? // American Journal of Sociology.2008. Vol.CII. No. 3. P. 690–755.

Doucoulagos H., UlubaşoğluM.A. Democracy and economic growth: a meta-analysis // Political Sci.2008. Vol. LII. No. 1. P. 61–83.

*DownsA.*An economic theory of democracy. Harper, 1957.

FengY. Democracy, Governance, and Economic Performance: Theory and Evidence. MIT Press, 2003.

Fukuyama F. Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution.Farrar, Straus and Giroux, 2011.

Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy.Farrar, Straus and Giroux, 2014.

Galston W. A., Nivola P.S. Red and Blue Nation? Characteristics and Causes of America's Polarized Politics. Brookings Institution Press, 2006. 40 p.

Higley J., Burton M.G. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns // American Sociological Review .1989. Vol. LIV. No. 1. P.17–32.

Lee J. M. Elite Polarization and Mass Political Engagement: Information, Alienation, and Mobilization // Journal of International and Area Studies.2013. Vol. XX. No. 1. P. 89–109.

Linz JJ, Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Johns Hopkins Univ. Press, 1996.

McCarty N., PooleK.T., Rosenthal H. Polarized America: the dance of ideology and unequal riches. MIT Press, 2006.

MurshedS.M., Gates S. Spatial–Horizontal Inequality and the Maoist Insurgency in Nepal// Review of Development Economics.2005. Vol. IX. No. 1. P. 121-134.

Piketty T., Saez E. Income Inequality in the United States, 1913-1998// The Quarterly Journal of Economics.2002. Vol. CXVIII. No. 1. P.1-39.

Przeworski A., Limongi F. Political regimes and economic growth//J. Econ. Perspect.1993. Vol. VII. No. 3. P.51–69.

Russell D.J. The Quantity and the Quality of Party Systems. Party System Polarization, Its Measurement, and Its Consequences // Comparative Political Studies.2008. Vol. XLI. No. 7. P. 899–920.

Sartori G. Parties and party systems. Cambridge University Press. 1976.

Solt F. Standardizing the World Income Inequality Database // Social Science Quarterly. 2009. Vol. XC. No. 2. P. 231–242.

Solt F. Standardizing the World Income Inequality Database // Social Science Quarterly. 2009. Vol. XC. No. 2. P. 231–242.

Solt F. The Standardized World Income Inequality Database // Social Science Quarterly. 2016. Vol. XCVII. No. 5. P. 1267–1281.

Solt F. Measuring Income Inequality Across Countries and Over Time: The Standardized World Income Inequality Database // Social Science Quarterly. 2020. Vol. CI. No. 3. P. 1183–1199.

Tilli C. Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Winkler H. The Effect of Income Inequality on Political Polarization: Evidence from European Regions, 2002–2014 // Economics and Politics. 2019. Vol. XXXI. No. 2. P. 137–162.

ВЛИЯНИЕ НЕРАВЕНСТВА И ПОЛЯРИЗАЦИИ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ

Конча Валерия Леонидовна

Национальный исследовательский университет

«Высшая Школа Экономики»,

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20,

vkoncha@edu.hse.ru

Аннотация

В эпоху Трампа популярность неравенства, поляризации и демократической стабильности возросла еще больше - множество работ в научном сообществе было посвящено изучению отдельных взаимосвязей между этими концептами. Данное исследование сфокусировано на изучении того, в какой степени поляризация элит и неравенство доходов влияют на демократическую стабильность. Другими словами, исследование направлено на изучение влияния эффекта взаимодействия поляризации элит с неравенством доходов на демократическую стабильность. Более того, в данном исследовании был рассчитан совокупный индекс поляризации элит на основе 5 основных параметров-расколов: ЛГБТ, гендерное равенство, политический плюрализм, иммиграция. Результаты показывают, что в странах с высоким уровнем неравенства поляризация отрицательно влияет на демократическую стабильность, в то время, когда уровень неравенства низкий, поляризация положительно влияет на демократическую стабильность.

Ключевые слова:

Неравенство доходов, поляризация элит, демократическая стабильность, эффект взаимодействия, гендерное неравенство, иммиграция, политический плюрализм, ЛГБТ.

НОВЕЙШИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКЗОТИКА ИЛИ ЭВРИСТИКА?

Глушакова Елизавета Александровна
Белорусский государственный университет,
220006, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ленинградская, 8,
lizaveta0320@gmail.com

Аннотация

Новейшие субдисциплины являются актуальными и перспективными формами развития политической науки. Однако необходимо определение научного статуса субдисциплин политологии. В статье анализируется значимость и необходимость применения принципа междисциплинарности с последующим оформлением новых субдисциплинарных направлений. Автор дает обобщенную характеристику новейшим субдисциплинам политологии: политической экологии и политической коммуникативистике. Также рассматривается политическая астрономия как вариация экстраординарного и псевдонаучного знания в политической науке. На основании анализа указанных субдисциплин устанавливается, что выделение новых направлений является эвристическим основанием развития политологии, однако при установленном критическом осмыслении знания, транслируемого субдисциплинами.

Ключевые слова

Политология, субдисциплины политологии, междисциплинарность, методология политической науки, политическая экология, политическая коммуникативистика.

Ведущей тенденцией на современном этапе развития научного знания является междисциплинарный подход в генерации новых теорий, концептов, методологий и проведении исследований. Актуальность синтеза разных научных систем конституируется усложнением методологии современных научных исследований: современный учёный должен обладать комплексным исследовательским инструментарием [Тульчинский, 2016]. В политологии междисциплинарный компонент присутствовал на протяжении всего процесса ее развития, и как утверждает белорусский исследователь В. С. Михайловский, междисциплинарность в политологии стала модусом ее становления и развития [Михайловский, 2020, с. 119]. Целесообразность междисциплинарного концепта в политической науке определяется его важностью в целом для всей системы социогуманитарных наук, что обеспечивается сильной связью между сферами общественной жизни, изучением которых и занимаются социальные науки. Очевиден объективный факт невозможности обособленного развития и функционирования наук.

Определение политологии как активно развивающейся интегративной и комплексной системы знаний имеет рационально-практическое основание. Это подтверждается эффективностью политических исследований, их актуальностью и востребованностью. Значимость политических исследований определяется их потенциальностью к синтезу с другими дисциплинами. Это определяет более точный исследовательский результат, подкрепляемый полнотой и многообразием используемых теоретических и методологических средств. Будучи наукой, частично сформированной на заимствовании методологических аппаратов других наук, политология не потеряла своей аутентичности. Сегодня политическая наука обладает как специализированным теоретико-методологическим аппаратом, так и обобщенным, посредством которого обеспечивается возможность полноценного познания политического пространства, а также процессов и отношений, функционирующих в нем. Важным аспектом здесь является методологический плюрализм, который возможен при выборе междисциплинарной стратегии. Плюралистическое основание теорий и методов в политологии выступает фактором аналитической эклектичности, что позволяет политологии использовать различные подходы и методы для достижения своих научных целей. Междисциплинарное пространство предполагает наличие средств, необходимых для решения сложных, взаимосвязанных проблем, возникающих в пределах нескольких дисциплин [Трескова, 2017]. Политология, представляя собой это междисциплинарное пространство, т.к. характеризуется интенсификацией междисциплинарных исследований, необходимых для более точного анализа политических явлений, отношений, проблем, ситуаций.

К примеру, феномен революции невозможно рассмотреть только в рамках политической теории, изучая революционные действия лишь как форму, способ или средство получения власти. Анализ революции показывает, что данный феномен вызван не только политическими мотивами. На революцию влияют психологический, социальный, экономический, культурный факторы. Тем самым изучение революции только в рамках политической теории не даст глубокого и комплексного понимания мотивов, причин и последствий революционных событий. При таком ограниченном исследовании возникают профессиональные стереотипы, происходит стандартизация мышления и как итог упрощенное понимание и соответственно решение проблем, ведущее к деградации научно-исследовательской системы. Так, имеет место факт, что отрицание междисциплинарности как перспективной формы развития политического знания является фактором рестрикции развития всей политологии.

Научная ориентация на междисциплинарный подход способствует генерации принципиально нового знания в политологии (теории, концепты, методы, подходы). Стоит отметить, что после интеграции и появления новой системы политология как дисциплина не исчезает, не теряет своей актуальности, а лишь обогащает свою систему новыми концептами. Так, некоторые новые системы могут претендовать на статус субдисциплин политологии. Новейшими субдисциплинами политологии являются политическая экология, политическая климатология, политическая коммуникативистика, политический менеджмент, политическая астрономия и другие.

В рамках развития новых направлений политологии весьма актуальной консолидированной системой знания является политическая экология. Экополитика может быть определена как отрасль знаний о выработке и принятии государством оптимальных решений в области рационального и комплексного использования ресурсов биосферы и способов их раздела между государственными системами [Якуцени, 2015, с. 254]. При рассмотрении данной дефиниции, мы отчетливо наблюдаем два направления в изучении политической экологии. Во-первых, необходимость разработки и дальнейшего практического применения экополитики определяется тем, что интегрированное изучение политологии и экологии даёт государственным структурам возможность и средства для принятия оптимальных решений в отношении ресурсов биосферы, находящейся в сфере влияния данного государства. Совместное функционирование обеспечит проведение экологической политики, способствующей всестороннему развитию государства, выстраиваясь при этом на базовых политических и идеологических принципах государственной политики. Здесь политическая экология дает некоторые рекомендации правительственным структурам в отношении организации природопользования; ориентир на разработку и внедрение технологий, обеспечивающих минимизацию ущерба, наносимого окружающей среде по мере развития народного хозяйства [Романова, 2010]. Во-вторых, сегодня происходит тотальный контроль биосферы в мировых масштабах. Данное утверждение подтверждается внешней политикой некоторых государств. Страны-гегемоны все больше контролируют политику, как друг друга, так и других стран (в особенности стран третьего мира), происходит распределение и перераспределение сфер влияния. Так, политическая политология имеет два уровня реализации: региональный (национальный) и международный.

Интеграция политологии и экологии детерминирована все большей политизацией экологических проблем и кризисов [Пястолов, 2015]. Этот аспект по-

литики в большей степени относится к современной системе международных отношений (соответственно международному или наднациональному уровню функционирования политической экологии). Сегодня экология часто используется в политических целях, выступая инструментом политического давления, принуждения или контроля. Традиционная борьба за сохранение окружающей среды переходит из сферы влияния экологии в сферу контроля политологии. Данные тенденции очевидны и в идеологическом дискурсе: экологизм как идеологическое течение сегодня весьма актуален, популяризируются партии «зеленых», роль и влияние экологически направленных партийных программ постепенно возрастает в политическом мире. Однако, на наш взгляд, освещение экологических проблем и кризисов; популяризация «зеленых»; разработка и массовое подписание конвенций, направленных на экологическую стабилизацию, являются формами «внешнего» прикрытия для процессов реального распределения сфер влияния в мировых масштабах.

В 1990-х годах начала разрабатываться концепция услуг экосистем. Суть данной концепции заключается в следующих положениях: прямая поддержка неолиберального варианта рассмотрения вопросов окружающей среды; оправдание изменений, происходящих в природе в интересах определенных групп (глобальной элиты); содействие созданию новых источников капитала за счет привлечения экосистемы [Пястолов, 2015]. В целом, концепция услуг экосистемы выступает инструментом сохранения неолиберального подхода, при котором просматривается потребительское отношение к природе; прямого или опосредованного влияния развитых капиталистических стран (США, Канада, страны Евросоюза, Япония и др.) на развивающиеся, отстающие в экономическом развитии страны (Бразилия, ЮАР, Индонезия и др.). Сегодня мы наблюдаем кризис легитимации экспансии экосистем, однако власти показывают массам, что действия, проводимые правительством и способствующие разрушению экосистемы, являются проявлением «заботы» государства и направлены на удовлетворение растущих потребностей. Таким образом, исследования политической экологии позволяют нам понять взаимосвязь политического и экологического; обеспечить проведение оптимальной экологической политики; осознать реальные процессы, характерные для современных международных отношений.

Политическое пространство предполагает наличие в нем процессов и отношений, функционирование которых было бы невозможно без субъектов данных отношений (акторов). Взаимодействие акторов в политическом пространстве порождает политические коммуникации, исследованием которых занимается политическая коммуникативистика. Актуальность исследования теорий на

стыке политологии и коммуникативистики детерминирована виртуализацией всей системы общественных отношений, что объективно оказывает существенное влияние на политическую сферу жизни общества [Михайлова, 2007]. Также значимость и необходимость развития данной консолидированной системы обусловливается глобальными тенденциями использования следующих понятий: консьюмеристская революция, медиавласть, интернет-политика, теледемократия, медиавойна, политическая медиареальность, информационная и коммуникативно-сетевая революция, шоу-политика, медиадискурс. Весь спектр понятий, приведенных выше, показывает насущность исследований в рамках новейшего субдисциплинарного направления.

Выделяется несколько определений политической коммуникативистики: 1) создание, отправка, получение и обработка сообщений, оказывающих существенное воздействие на политическую сферу; 2) наука, изучающая природу и строение информационно-политической сферы общественной жизни, характерные для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов, формы эволюции общения правящих кругов и гражданского общества [Политические..., 2004]. Приведенные выше дефиниции транслируют двойственность понимания политической коммуникативистики: в соответствии с первой трактовкой политическая коммуникативистика понимается как процесс и процедура, вторая говорит о политической коммуникативистике как о системе научного знания. Так, получается ситуация, при которой данная субдисциплина имеет теоретический и прикладной характер.

На теоретическом уровне функционирования знаний, выработанных политической коммуникативистикой формируется интегрированный понятийно-категориальный аппарат, генерируются новые теории, изучаются формы политического влияния в коммуникативной парадигме. Политическая коммуникативистика показывает, как политические коммуникации участвуют в конструировании политической реальности [Тимофеева, 2016]. Так, выделяется достаточно обширная система теорий, посредством которой объясняется влияние, к примеру, политических медиаресурсов на массовое сознание, осуществляемое с помощью коммуникационных средств: 1) теория социального научения; 2) теория культивирования; 3) теория унификации; 4) теория использования и удовлетворения; 5) теория установления повестки дня [Русакова, 2013].

Непосредственная экстраполяция данных теорий на взаимодействие политических акторов говорит о переходе к практической форме политической коммуникативистики.

На сегодняшний день интернет-ресурсы играют важную роль в политике. В силу перехода к новому этапу развития общества (информационному), возрастает прямое воздействие медиаресурсов на политическое пространство. Современные тенденции призывают к увеличению количества программ политической направленности. Сами того не осознавая, мы также часто упускаем факт реального воздействия таких ресурсов на политическую социализацию и политическую культуру личности. Говоря о наднациональном характере новой парадигмы (в силу формирования глобальной системы интернет с общим доступом) важно помнить, прежде всего, о национальной составляющей; так, местные интернет сайты, программы на телевидении, имея латентное воздействие, формируют наше политическое сознание [Онищенко, 2013]. В данной ситуации, имеет место факт значимости коммуникации в политологии, рассмотрения коммуникаций как «актуальной потребности» современности и соответственно необходимость развития субдисциплинарного знания.

Обоснованность, актуальность и необходимость характеризуют не все выделяющиеся в политологии субдисциплины. При обоснованной значимости политической экологии и политической коммуникативистики, отрицается возможность развития политической астрономии. Существуют положения, обосновывающие воздействие Солнца, других звезд, комет на принятие политических решений. Данные теории воспринимаются как познавательно-экзотические и экстраординарные, однако на самом деле они являются абсурдными и не представляющими никакой пользы для политической науки. Такая позиция исходит из невозможности экстраполяции методов астрономии для познания политического пространства. Политическая астрономия – псевдонаучная концепция, не имеющая оснований для верификации, которая, на наш взгляд, здесь в принципе невозможна.

Таким образом, мы приходим к тому, что генерация новых субдисциплин в политологии является эвристическим потенциалом ее развития, перспективной формой реализации научного знания как в политологии, так и в других науках. Научность новых и новейших субдисциплин должна быть критически осмыслена, подвергнута проверке; необходимо производить селекцию, посредством которой развитие псевдонаучных теории не будет возможным. Научному сообществу следует отказаться от «модной тенденции» междисциплинарных исследований как фактора бессмысленного приращения нового знания. Эвристика нового в политологии возможна как приращение знания, необходимого для комплексного ее развития; как фактор, способствующий актуализации политических

исследований и соответствии современным потребностям научного познания политики.

Библиографический список

Михайлова Т. Л. Системный подход в коммуникативистике // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyu-podhod-v-kommunikativistike> (дата обращения: 14.05.2021).

Михайловский В. С. Междисциплинарность в политологии // Эвристические основания развития современной политической теории // Минск: РИВШ, 2020. 184 с.

Онищенко И. Г. Интернет технологии формирования политической культуры // ВісникМаріупольського державного університету. Сер.: Філософія, культурологія, соціологія. 2013. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-formirovaniya-politicheskoy-kultury> (дата обращения: 14.05.2021).

Политические коммуникации: Учеб.пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. 332 с.

Пястолов С. М. Политическая экология: новая парадигма на основе старой идеи // Пространство экономики. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-ekologiya-novaya-paradigma-na-osnove-staroy-idei> (дата обращения: 14.05.2021).

Романова Т. А. Что такое политическая экология? //Россия в глобальной политике. 2010. №5. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Chto-takoe-politicheskayaekologiya-15022> (дата обращения: 14.05.2021).

Русакова О. Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «Политическая коммуникативистика» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. №27 (170). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-kontsept-distsipliny-politicheskaya-kommunikativistika> (дата обращения: 14.05.2021).

Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и Российская проекции // Политическая наука. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kommunikativistika-mirovaya-i-rossiyskaya-proektsii> (дата обращения: 14.05.2021).

Трескова П. П. Междисциплинарность научного познания и комплексное обеспечение научно-исследовательской деятельности // Информационное обеспечение науки: новые технологии: сб. науч. тр. / ред. Н.Е.Каленов, В.А. Цветкова. М.: БЕН РАН, 2017. 327 с.

Тульчинский Г. Л. Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // ПОЛИТЭКС. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-narrativa-politicheskoy-nauki-perspektivy-mezhdistsiplinarnosti-politicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 14.05.2021).

Якуцени С.П. Политическая экология / С.П. Якуцени, А.М. Буровский // Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 426 с.

THE NEWEST SUBDISCIPLINES OF POLITICAL SCIENCE: METHODOLOGICAL EXOTICS OR HEURISTICS?

Glushakova Elizaveta A.
Belarusian State University,
8, Leningradskaya str., Minsk, 220006, Republic of Belarus,
lizaveta0320@gmail.com

Annotation

The latest subdisciplines are relevant and promising forms of political science development. However, it is necessary to determine the scientific status of the subdisciplines of political science. The article analyzes the importance and necessity of applying the principle of interdisciplinarity with the subsequent design of new subdiscipline directions. The author gives a generalized description of the latest subdisciplines of political science: political ecology and political communication studies. Political astronomy is also considered as a variation of extraordinary and pseudoscientific knowledge in political science. Based on the analysis of these disciplines, it is established that the identification of new directions is a heuristic basis for the development of political science, but with the established critical understanding of the knowledge transmitted by the subdisciplines.

Key words

Political Science, Subdisciplines of Political Science, Interdisciplinarity, Methodology of Political Science, Political Ecology, Political Communication Studies.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сорокин Дмитрий Алексеевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20,
dasorokin@hse.ru

Аннотация

В современной политической науке заметно повышение внимания к проблематике санкций, изучение которых представляет интерес в теоретической и практической сферах. Однако в научной литературе наблюдается явный дефицит междисциплинарных подходов к анализу таких инструментов внешней политики, при этом отдельные исследования не способны достичь системного понимания функционирования санкционных режимов. В данной работе, во-первых, был разработан комплексный подход к изучению санкций, во-вторых, проработаны все этапы междисциплинарного исследования санкционных режимов, в-третьих, описаны интересные результаты, показывающие возможность успешного применения созданного метода в научной перспективе.

Ключевые слова

Санкции, политический режим, авторитаризм, демократия, системный подход, междисциплинарность.

Постановка проблемы

В современной политической науке заметен рост совокупного интереса к проблематике санкций: с одной стороны, санкционные меры предоставляют странам-отправителям санкций ряд **внешнеполитических** (решение проблемы достоверности обязательств) и **внутриполитических** («ралли-вокруг-флага» для демократических государств) выгод, с другой стороны, подавляющее количество санкций не достигают своей цели – изменения политического режима страны-получателя на более демократический / снижение популярности находящегося у власти инкумбента. Выгоды и недостатки санкционных режимов подробно были описаны в прошлых исследованиях автора [Сорокин, 2018, 2020].

В целом, работ по изучению эффективности санкционных мер существует множество, однако исследователи санкций практически всегда замыкаются в

рамках **одного метода / одной теоретической традиции**, что неизбежно приводит к искажению полученных результатов. Ниже приведены некоторые подходы в качестве примеров исследовательских логик к исследованию санкционных режимов.

Так, в рамках проблематики эффективности санкционных мер довольно полно представлена традиция изучения санкций посредством **рассмотрения международного контекста** при принятии решения о введении санкций [Ashford, 2016; Baldwin, 1999; Caruso, 2003; Davenport, 2017; Gottemoeller, 2007]. Такой подход изобилует различными ответвлениями: рассмотрение эффективности санкций с учетом их последствий для экономик участников санкционной игры, отслеживание динамики взаимоотношений стран-отправителей и стран-получателей санкций, изменение международного спроса и предложения как результат санкционной политики и многие другие. Однако такое широкое рассмотрение санкций неизбежно приводит к утрате значимых деталей, характерных для конкретных стран-отправителей и стран-таргетов, например, формирование образа врага страны-отправителя, влияние санкций на электоральные циклы и т.д.

Другой исследовательский подход в значительной степени погружен в изучение **взаимосвязи между санкционными мерами и политическими режимами** страны-отправителя и страны-получателя [Marinov, Nili, 2015; Tanneberg, 2013; Tostensen, 2000; Verdier, Woo, 2011; Wood, 2008]. По сути, исследователи политических режимов в контексте санкций отслеживают важные изменения в способе осуществления власти таргетированной страны, однако практически не рассматривают подвижки в политическом режиме демократий, так как такие страны обычно рассматриваются в качестве отправителей. По этой причине такой подход к анализу санкций обычно не рассматривает контрсанкции как возможный ответ страны-таргета на полученный экономический / репутационный урон.

Помимо этого, существуют исследователи [Eaton, Engers, 1999; Oechslin, 2014; Schelling, 1965], занимающиеся **изучением влияния санкций на элиты таргетированной страны** (в т.ч. консолидацию элит). Обычно исследователи такого типа разделяют страну-получателя на две составляющие: 1) позиции властного инкумбента; 2) совокупность элит; а далее рассматривают различные типы взаимодействия обозначенных акторов в период введения санкций. По сути, проверке всегда подвергается довольно логичное утверждение: санкции должны снизить влияние инкумбента, так как страна-получатель начинает нести экономические и репутационные издержки, а элиты, в свою очередь, должны стремиться к захвату власти «слабеющего» инкумбента. Однако данная традиция не

позволяет в полной мере оценить влияние санкций, так как исключает из своего рассмотрения население как важного актора внутренней политики страны-получателя, не оценивает влияние санкций на более глобальных уровнях.

Также стоит отметить **юридическую традицию** изучения санкционных мер [Carneiro, Apolinario, 2016; Damrosch, 2019; Early, Schulzk, 2019], которая, прежде всего, рассматривает возможности международных институтов по пресечению «недобросовестных» санкций, инициированных страной или группой стран (союзом). Санкции в данном подходе представляют собой «лакмусовую бумажку» слабости международных институтов, которые не имеют возможностей и явных рычагов для блокирования действий потенциальных стран-отправителей. Такая традиция рассмотрения санкций позволяет расширить логику «санкционной игры» и включить в нее новых акторов – международные институты, однако обычно полностью игнорирует совокупность эндогенных факторов эффективности санкций в странах-получателях и странах-отправителях.

По итогу, были рассмотрены лишь некоторые основные подходы к изучению санкционных режимов, при этом, даже беглое ознакомление с научными работами в данной области показывает, что каждая из исследовательских традиций имеет немалое количество недостатков в вопросе качественного изучения санкционных мер и их эффективности. Соответственно, такое положение дел формирует **явную лакуну** в научном знании об изучении санкций в качестве комплексных, крайне сложных инструментов международного принуждения.

Помимо этого, стоит отметить, что санкционные меры в современном мире уже давно вышли за рамки простого инструмента внешней политики той или иной страны: санкции постепенно превращаются в фактор международных отношений, который способен **изменять** устоявшиеся паттерны международных отношений, тем самым формируя долгосрочные санкционные режимы, которые, зачастую, полностью изменяют торговые взаимоотношения между странами, формируют новые союзы и объединения [Сорокин, 2020]. Более того, на настоящий момент **не** существует универсального подхода к разработке качественного противодействия введенным санкциям со стороны страны-отправителя на практике, санкционные меры рассматриваются как данность, нет четко выработанной стратегии по снижению урона, наносимого санкциями.

Исходя из проведенного краткого, но содержательно обзора литературы по теме, можно сформулировать основную **исследовательскую проблему**: существующий тренд в изучении санкций не позволяет в полной мере системно изучить санкционные меры, фактически отсутствует междисциплинарный подход к

исследованию санкционных режимов, более того, отсутствует какая-либо теоретическая база по качественному противодействию санкциям, извлечению выгод из санкционного режима для таргетированных государств.

Следующая часть данной статьи посвящена описанию возможного системного подхода к изучению санкционных режимов.

Описание междисциплинарного подхода к изучению санкций

В результате рассмотрения релевантной теории по темам, изучении прошлых исследовательских работ по проблематике санкций, а также собственных научных наработок был создан аутентичный дизайн междисциплинарного подхода к изучению санкций, который представлен на *Рис. 1*. Основной проблемой в создании дизайна такого типа является **согласованность** выделенных этапов между собой, более того, разработанная методология должна быть универсальной, т.е. применимой к любому из существующих или существовавших санкционных режимов.

Представленная методология интересна не только в **теоретической**, но и в **практической** перспективе, так как последний этап анализа санкционного поля направлен на конструирование подхода для анализа санкций против Российской Федерации с последующим вынесением конкретных практических рекомендаций по противодействию санкциям и выработке рабочих контрсанкционных мер, которые бы являлись адекватным ответом на принятые против Российской Федерации ограничительные меры.

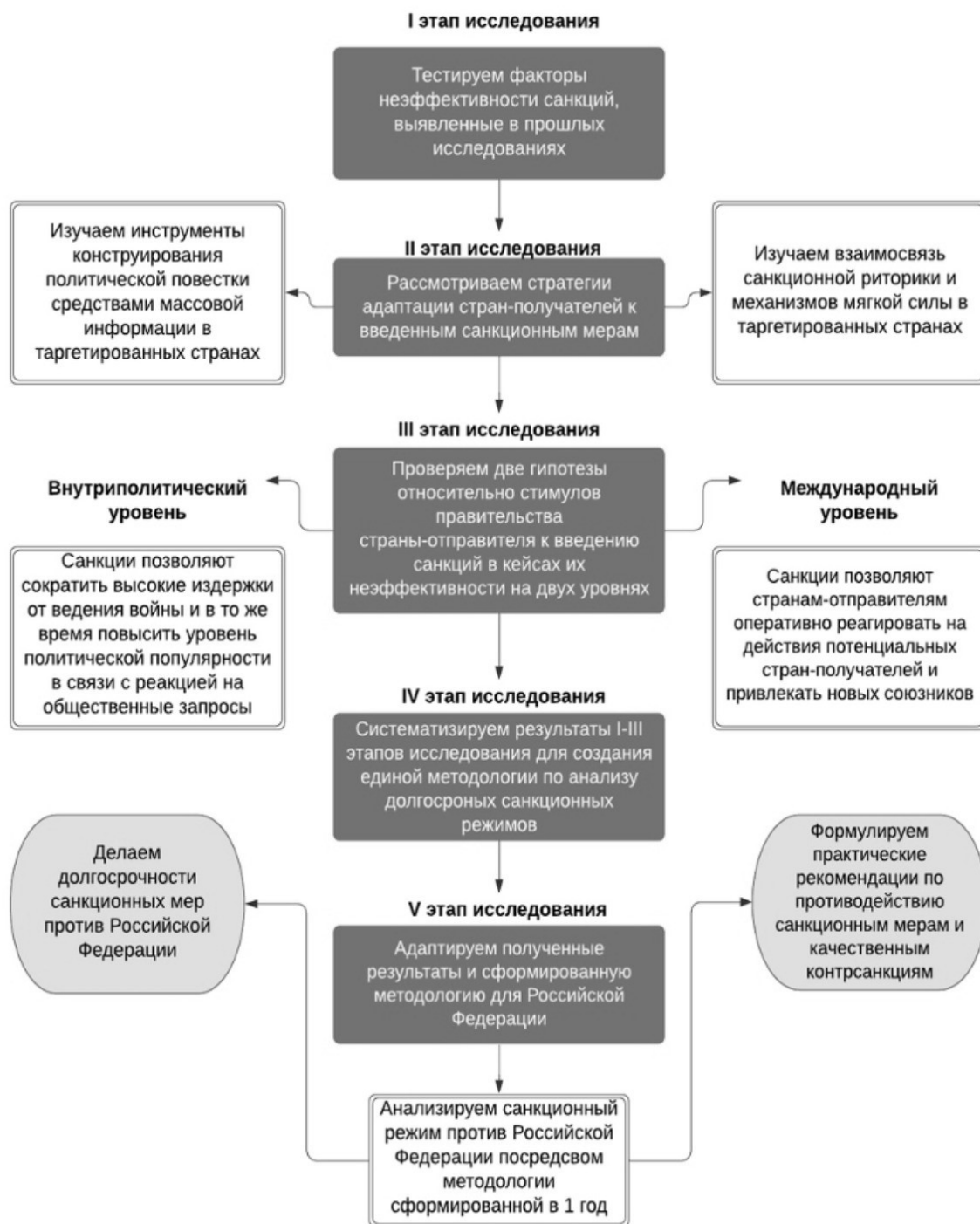

Рис. 1. Основные этапы междисциплинарного подхода

Представляется релевантным далее рассмотреть каждый этап исследовательского дизайна по отдельности, показать механику созданной модели, теоретическую базу, исходя из которой конструировался каждый из выделенных этапов. Предполагается, что совокупность выделенных этапов позволит **системно и комплексно** изучать санкционные режимы.

I этап исследования

На данном этапе предполагается **тестирование факторов неэффективности санкций**, которые были выявлены в прошлых исследованиях автора [Сорокин, 2018]. Такими факторами стали следующие условия эффективности санкционных мер:

- если экономика страны автономна, другие государства или международные организации не оказывают существенного влияния на принятие политических решений в стране-получателе, то санкции не смогут в полной мере воздействовать на политический режим санкционированной страны;
- в странах-получателях санкций, в которых уровень поддержки политического лидера и/или правящего правительства высок, санкции оказывают минимальное воздействие на политическую систему в целом;
- при отсутствии в странах-получателях санкций реальной оппозиции санкции не смогут в полной мере привести к смене политического режима;
- если политическую систему внутри страны-получателя санкции можно охарактеризовать как стабильную, лишенную различных внутренних шоков, то санкции не смогут в полной мере привести к смене политического режима;
- в странах-получателях санкций, в которых элиты не только обладают значительными финансовыми ресурсами, но и оказывают существенное влияние на принятие политических решений, при вторжении санкций в их [элит] интересы – санкции оказывают несущественное воздействие на политическую систему в целом;
- в странах-получателях санкций, которые характеризуются сравнительно высокой степенью влияния религии на принятие решений, а также на формирование повестки, санкции в меньшей мере влияют на поддержание политической стабильности.

Собственно, данный этап предполагает последовательные шаги по тестированию выявленных ранее эндогенных факторов неэффективности санкций, которые обозначены ниже:

1. Академический обзор литературы по анализу санкций, а также оценки их эффективности;
2. Концептуализация понятий «санкция», «эффективность», «действенность», «страна-отправитель», «страна-получатель» и проверка созданных концептов посредством методики Conceptual Goodness [Gerring, 1999];

3. Дополнение созданных вопросов к кейсам касательно эффективности санкционных мер в рамках метода The Structure Focused Comparison [Cohen, Nagel, 1966];
4. Тестирование выявленных факторов неэффективности санкций (Сорокин, 2018) [на уровне стран-получателей] на большем количестве кейсов посредством регрессионного и факторного анализов.

Реализация данного этапа исследования позволит **скорректировать выявленные ранее факторы и создать четкие индикаторы** по определению эффективности санкций на внутривнутриполитическом уровне страны-получателя.

II этап исследования

Данный этап разработанного подхода включает в себя **две части**: 1) рассмотрение способов конструирования политической повестки средствами массовой информации в таргетированных странах; 2) рассмотрение взаимосвязи санкционной риторики и механизмов мягкой силы в таргетированных странах.

Первая часть II этапа исследования направлена на **изучение взаимосвязи между санкционной повесткой в СМИ и политическими решениями** правительства страны-получателя, выявление вектора взаимодействия СМИ и правительства на современных кейсах санкционных режимов. Предполагается проверка двух гипотез относительно роли СМИ в санкционной игре:

1. СМИ не являются самостоятельным актором, вынуждены транслировать риторику власти в вопросе санкционной политики
2. СМИ являются самостоятельным актором, имеют собственные интересы в вопросе санкционной политики. В рамках данной гипотезы будут рассмотрены два сюжета:
 - a. СМИ являются самостоятельным актором, интересы которого не совпадают с риторикой власти
 - b. СМИ являются самостоятельным актором, интересы которого совпадают с риторикой власти.

Далее, необходимо выявить образы страны-отправителя, транслируемые в СМИ в санкционной повестке, посредством контент-анализа и дискурс-анализа медиа-текстов в рамках теории agenda-setting. Для создания возможности сравнения выявленных образов предполагается проведение опросов и/или глубоких интервью с целью получения образов страны-отправителя, сложившихся у граждан страны-получателя. В результате реализации сравнения образов транслируемых СМИ и сложившихся образов страны-отправителя у граждан будет дан ответ на вопрос: «Негативно ли влияет факт введения санкций на образ

страны-отправителя для гражданского населения таргетированного государства?»

Данный исследовательский блок позволит определить **взаимосвязь между государством, СМИ и общественным мнением относительно санкций**. Выявление образа страны-отправителя, представленного в СМИ, необходимо для формирования эффективной в контексте долгосрочного санкционного режима модели взаимодействия между государством и населением.

Вторая часть II этапа исследования направлена на изучение **взаимосвязи санкционной риторики и механизмов мягкой силы** в таргетированных странах. В рамках данного блока предполагаются следующие стадии изучения обозначенной выше взаимосвязи:

1. Концептуализация понятий smartpower + softpower, обзор теоретических исследований по данной теме;
2. Комплексное изучение кейсов использования рычагов «мягкой силы» в таргетированном государстве;
3. Проверка успешности/неуспешности такой стратегии страны-получателя;
4. Проверка гипотезы «Введение санкционного режима против таргетированного государства может быть использовано как способ выстраивания механизмов мягкой силы во внутренней политике данной страны».

В итоге будет создана и отработана методология с учетом обзора международного опыта по исследованию эффективности создания привлекательного образа государства за счёт использования введенных санкционных мер, что может быть протестировано на кейсе с санкциями против РФ.

III этап исследования

На данном этапе исследования будет **проведена процедура выявления стимулов правительства страны-отправителя к введению санкций**, если общепризнана их невысокая эффективность. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие шаги:

1. Адаптация метода theory-testingprocess-tracing [Beach, 2013], примененного к анализу санкционных режимов Ирака (1990–2003) и России (2014–2019) [Сорокин, 2020], к большей выборке кейсов, анализ изменения логики правительства страны-отправителя во времени;
2. Выявление факторов, способствующих данным изменениям посредством раскрытия причинно-следственного механизма (process-tracing);
3. Проверка двух гипотез относительно стимулов использования санкционных мер правительством страны-отправителя, сформулированных в прошлых исследованиях автора [Сорокин, 2020]:

- a. Введение санкций является оптимальным решением на внутривнутриполитическом уровне, поскольку санкции позволяют сократить высокие издержки от ведения войны и в то же время повысить уровень политической популярности в связи с реакцией на общественные запросы активной внешней политики.
- b. Санкции позволяют минимизировать временные издержки на международном уровне: в целом, страны-отправители не достигают декларируемых целей, однако санкции позволяют им оперативно реагировать на действия потенциальных стран-получателей.

Для проверки первой гипотезы будет **использована комплексная методика анализа политической коммуникации американских политиков** и их читателей в социальных сетях для выявления механизмов/образов, используемых страной-отправителем для мобилизации электората, выстраивания образа внешнего врага посредством следующей схемы:

1. разработка цели и методики анализа социальных сетей;
2. определение ключевых условий поиска и анализа политиков;
3. определение источников данных – страниц в социальных сетях;
4. организация данных (база данных – страницы, сообщества, структурирование и так далее);
5. анализ данных по статистическим и содержательным параметрам;
6. интерпретация результатов анализа социальных сетей американских политиков по статистическим и содержательным критериям;
7. выводы и их дискуссия (ограничения), подтверждение гипотезы или её опровержение, переход к следующему этапу.

Для проверки второй гипотезы санкции будут рассмотрены как **эффективный способ решения проблемы достоверности обязательств** [Greifet al., 1994; Martin, 2011; McGillivray, Smith, 2006] на международном уровне посредством методов теории игр. В результате планируется создание древа игры, отражающего логику поведения страны-отправителя на международной арене. Помимо этого, для отражения паттернов международной торговой политики будет использован метод сетевого анализа [Streeter, Gillespie, 1993].

IV этап исследования

В рамках данного этапа будет проведено соединение методик и результатов, полученных на прошлых этапах, в **единую методологию**, которая позволит анализировать долгосрочные санкционные режимы:

1. Систематизация результатов, полученных в ходе II и III этапов исследования, создание единого поля влияния санкций на политику страны-отправителя и страны-получателя;
2. Выявление условий, способствующих превращению санкций из инструмента давления в фактор формирования международных отношений;
3. Установление степени связи политизированности религии в стране с поддержанием стабильности после введения санкций;
4. Исходя из результатов анализа создание единой методологии для прогнозирования длительности санкций, а также выявления основных характеристик санкционных режимов.

V этап исследования

Данный этап исследования можно смело назвать завершающим, так как в его рамках планируется **адаптировать созданную методологию к конкретному кейсу санкционных режимов** – санкциям против Российской Федерации:

1. Рассмотрение эффективности/неэффективности санкционных мер на российский политический режим и политику в целом с помощью выявленных факторов неэффективности санкционных мер;
2. Рассмотрение взаимосвязи механизмов мягкой силы и санкционной риторики в российских реалиях с помощью полученной во 2 части II этапа исследования методологии;
3. Выявление стимулов введения санкций против РФ:
 - a. Использование разработанной теоретико-игровой модели для определения стимулов стран-отправителей для введения санкций на международном уровне;
 - b. Изучение механизмов выстраивания образа РФ в американских СМИ посредством метода Agenda-setting;
 - c. Использование комплексной методики анализа политической коммуникации американских политиков и общества в социальных сетях для выявления выстраиваемого образа России, используемого правительством США для легитимации принятых решений;
4. Изучение роли медиа в поддержании легитимности режима: влияние медиаэффектов на поддержку санкционной политики Российской Федерации:
 - a. Анализ фреймирования российскими СМИ санкционной политики России и ее последствий как способа легитимации принимаемых правительством решений;

- б. Оценка эффективности такого фрейминга: выявление факторов, обуславливающих наличие и силу эффекта фрейминга, а также его устойчивости (долгосрочности) посредством проведения исследования методом эксперимента.
5. Определение потенциальной роли религии и религиозной риторики как способа поддержания легитимности режима, два вывода: отдельно по прогнозу для мусульманских регионов РФ, и отдельно для общенационального уровня.

Основным результатом данного этапа станет **прогноз долгосрочности санкционных мер против Российской Федерации**, формулирование импликаций по **противодействию** санкционным мерам (снижение эффекта от санкций) и **качественным контрсанкциям**, выявление эффективности медиа в легитимации санкционной политики государства и создании эффекта сплочения вокруг режима.

В итоге, проведение I, II, III и IV этапов позволит комплексно изучить **международный** контекст существующих санкционных режимов, а также выработать эффективную и действенную методологию по изучению санкционных режимов с последующим тестированием на основных кейсах применения санкций. Проведение V этапа исследования даст возможность для комплексного и междисциплинарного **изучения санкционного режима против Российской Федерации**, вынесения практических рекомендаций по противодействию санкционным мерам.

Некоторые результаты

Для реализации данного подхода и проверки его аналитических возможностей на базе НИУ ВШЭ был создан **одноименный студенческий проект**, рассчитанный на два года. На данный момент получилось достичь следующих верифицируемых результатов:

1. Была собрана **база определений понятия «санкция»** (=44 определения), в которой были отображены признаки концепта в авторской формулировке и приведены обобщенные формулировки признаков. Пример реализации такой стратегии показан на *Рис. 2*;

Подход/автор определения	Определение признака в авторской формулировке	Обобщенная формулировка признака
Peksen D., Drury A.C. Coercive or Corrosive: The Negative Impact of Economic Sanctions on Democracy // International Interactions. - 2010. - Vol. 36. - No. 3. - P. 240-264.	Способ принуждения властных структур в стране-получателе, который обладает следующими признаками: 1. Применяются для улучшения соблюдения демократических прав и свобод граждан 2. Могут быть как политическими, так и экономическими, в зависимости от цели введения ограничений 3. Накладываются на целые отрасли 4. Вопреки ожиданиям, способствуют замедлению демократических преобразований 5. Эффективность ослабевает со временем, но увеличивается общий ущерб	1. Цель: повышение уровня демократии 2. Вводятся в отношении целых отраслей во всех сферах 3. Ухудшают состояние демократии в стране-получателе 4. Приносят ущерб на протяжении всего срока действия
Grossman, G., Manekin, D., & Margalit, Y. (2018). How sanctions affect public opinion in target countries: Experimental evidence from Israel. Comparative Political Studies, 51(14), 1823-1825	важный инструмент внешней политики со следующими характеристиками: 1. краткосрочная/долгосрочная цель - "эффективное" изменение политики страны-реципиента, методы - в основном экономического характера; 2. направленность на конкретных бенефициаров текущей политики, стремление избежать разрушительных последствий для населения ("умные санкции"); 3. сопровождается (может сопровождаться) специфическими эффектами в государстве-реципиенте: депривацией населения, "ответным ударом" (backlash) или дистрибуцией между соц. группами.	1. цель - изменение конкретной политики реципиента 2. методы - экономическое давление на выгодоприобретателей текущего курса 3. сопровождающие эффекты - депривационный, дистрибутивный или backlash

Рис. 2. Пример выделения релевантных признаков для понятия "санкция"

2. Проведен **масштабный обзор литературы** по проблематике санкционных режимов (=90 источников);
3. Была проработана **«почва» для изучения кейсов санкций**, инициированных США посредством метода theory-testingprocess-tracing (всего 28 кейсов), которая представляет собой выделение основных итераций санкционного режима с разбивкой по годам(пример такой реализации можно видеть на Рис. 3)

Описание введенных ограничений / Год	Итерация санкционного режима		
	Первичные санкции против Беларуси, создание санкционного режима (2006-2008)	Укрепление санкционного режима (2008-2015)	Возобновление санкций в свете нового электорального цикла (2019-2020)
	Ограничения на въезд, блокирование имущества и адресные финансовые санкции в отношении девяти государственных организаций и 16 физических лиц (включая первое лицо) (ссылка) (ссылка)	Расширение списка лиц, подверженных санкционным ограничениям (ссылка) (ссылка)	Пополнение подсанкционного списка, введение ограничений на операции (в части, заморозка активов) в США для 4 организаций и более 40 физических лиц (ссылка) (ссылка)
2006	1	0	0
2007	1	0	0
2008	1	0	0
2009	1	1	0
2010	1	1	0
2011	1	1	0
2012	1	1	0
2013	1	1	0
2014	1	1	0
2015	1	1	0
2016	1	0	0
2017	1	0	0
2018	1	0	0
2019	1	0	1
2020	1	0	1

Рис. 3. Выделение итераций санкционного режима на примере Беларуси (2006–2020)

4. Помимо этого, были **определены индикаторы для ответа на вопросы**, сформулированные в рамках применения метода structurefocusedcomparison (=16 вопросов, 19 индикаторов), вопросы можно видеть на Рис. 4.

Есть ли альтернативные направления политической и экономической интеграции у страны-получателя санкций, и существуют ли какие-либо важные ресурсы, которые страна может интенсивно развивать, занимая более маргинальную позицию в международном сообществе?	Был ли высок уровень поддержки населением санкционированной страны правительства и/или политического лидера до момента наложения санкций?	Имеется ли в стране-получательнице право на свободу слова?	Как влияние элит ограничивается институционально и агентами вне элиты?
Состоит ли страна-получатель в международных организациях, и какой вес имеют страны-отправители в данных международных организациях?	Привели ли санкции к изменению уровня поддержки населением санкционированной страны правительства и/или политического лидера, и данное изменение повысило или снизило авторитет и уровень поддержки населением санкционированной страны правительства и/или политического лидера?	Существует ли в стране-получательнице реальная возможность выражения протеста?	Каков характер этих элит (экономическая, военная и т.д.)?
Находилась ли страна-получатель к моменту наложения санкций в экономическом и/или политическом кризисе?	Если изменение повысило уровень поддержки населением санкционированной страны правительства и/или политического лидера, то стало ли это изменение началом националистической реакции, собственно, привело ли оно к «Ралли-вокруг-флага»?	Привели ли санкции к увеличению протестов в санкционированной стране, и данные протесты были направлены против существующей политической системы и политики со стороны инкумбента/правительства в частности?	Затронули ли санкции интересы данных элитных группировок и насколько сильным оказалось данное влияние?
Усугубило ли наложение санкций экономический/политический кризис, или наоборот: санкции привели к стабилизации политической системы в стране-получателе?	Существует ли в стране-получательнице реальная оппозиция и насколько сильны ее позиции?	Добилась ли оппозиция своих политических целей?	Какова позиция элит по отношению к правительству и/или инкумбенту и проводимой политике на настоящий момент?

Рис. 4. Вопросы к кейсам в рамках метода structure focused comparison

Начата работа по выявлению степени использования «мягкой силы» странами-получателями для «конвертации» негативного влияния санкций – было принято решение использовать метрики из индекса TheSoftPower 30 [Portland], однако адаптировать их под цели исследования. Основные метрики, планируемые ресурсы для работы и страны можно видеть на

Рис. 5.

Исходя из представленных верифицируемых результатов проведенной работы можно отметить, что используемый междисциплинарный подход вполне может быть применен к анализу санкционных режимов, однако для того, чтобы в полной мере понять возможности разработанной методики необходимо последовательно реализовать оставшиеся этапы исследования.

Метрика	Ресурсы	Страны
Цифровизация	Результаты социологических исследований => например, результаты WVS	Ливия, Мьянма, Сомали, Южный Судан, Судан, Ирак, Ливан, Либерия, Иран, Сирия, Беларусь, Бурунди, ЦАР, КНДР, Д.Р. Конго, Кот д'Ивуар, Россия, Молдова, Йемен, Зимбабве, Куба, Венесуэла, Сербия, Черногория, Гаити, Тунис, Египет
Популярность культуры		
Привлекательность экономической модели, инновации в экономике		
Привлекательность системы образования	Официальные => статистическая информация на сайтах МИД, Минфин и пр.	
Сила дипломатии		
Демократия, качество политических институтов		

Рис. 5. Основные метрики для выявления степени использования «мягкой силы» странами-получателями

Заключение

В результате описания основных этапов разработанного междисциплинарного подхода к анализу санкционных режимов и промежуточных результатов, полученных посредством созданной методологии, можно сделать следующие выводы:

1. Исходя из проведенной методологической работы можно заключить, что создание междисциплинарного подхода к анализу санкционных режимов является возможной стратегией в вопросе изучения санкционных мер;
2. В рамках созданной методологии получилось создать непротиворечивый исследовательский дизайн, в котором последовательно уживаются разные этапы рассмотрения санкционной игры;
3. Представленный междисциплинарный подход включает в себя большинство из возможных стратегий по изучению санкций, следовательно, позволяет рассматривать санкционные меры системно и комплексно;
4. Предполагается, что выработанная методология по причине своей междисциплинарности и подробности сможет быть применена к исследованию санкционного режима против Российской Федерации.

При этом, у созданного подхода есть свои недостатки, в частности, применение данной методологии требует значительных временных затрат и привлечения целой команды по исследованию санкций. Собственно, в следующих иссле-

дованиях предполагается возможное упрощение созданной механики, ее оптимизации. Также, стоит отметить, что ввиду большого внимания к деталям в рамках представленного подхода, модель может потерять свою универсальность и применимость ко всем возможным санкционным режимам. По этой причине после завершения всех этапов исследования созданный подход будет протестирован на других кейсах санкционных режимов.

Библиографический список

Сорокин Д.А. Применение санкций со стороны демократических режимов по отношению к автократиям: *suibono* // Бизнес. Общество. Власть. 2020. №1. С.147–165.

Сорокин Д.А. Санкционные режимы: от эффекта сложившихся международных отношений к фактору их формирования // Бизнес. Общество. Власть. – 2020. – №2–3. С. 221–252.

Сорокин Д.А. Эффективность применения санкций со стороны демократических стран по отношению к авторитарным государствам // Бизнес. Общество. Власть. – 2018. – №4. С. 95–113.

Ashford E. NotSoSmart Sanctions: TheFailure of Western Restrictions Against Russia // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95. No. 1. P. 114–123.

Baldwin D. The Sanctions Debateand the Logic of Choice// International Security. 1999. Vol. 24. P. 80–107.

Beach D., Pedersen R. Process Tracing Methods: Foundations and Guidelines. University of Michigan Press, 2013. 208 p.

Carneiro C., Apolinario L. Targeted Versus Conventional Economic Sanctions: What Is at Stake for Human Rights //International Interactions. 2016. Vol.42. No. 4. P. 565–589.

Caruso R. The Impact of InternationalEconomic Sanctions on Trade: An Empirical Analysis // PeaceEconomics, Peace Science, and PublicPolicy. 2003. Vol. 9. No. 2.P. 1–34.

Cohen M., Nagel E. An Introduction to Logic and Scientific Method. Routledge & Kegan Paul LTD, 1966. 467 p.

Damrosch L.F. The Legitimacy of Economic Sanctions as Countermeasures for Wrongful Acts // Berkeley Journal of International Law. 2019. Vol. 37. P. 249–264.

Davenport K. Trump Faces Risks WithIran Sanctions //Arms Control Today. 2017. Vol. 47. No. 2.P. 30–31.

Early B.R., Schulzke M. Still Unjust, Justin Different Ways: How Targeted Sanctions Fall Short of Just War Theory’sPrinciples // International Studies Review. 2019. Vol. 21.P. 57–80.

Eaton J., Engers M. Sanctions: Some Simple Analytics // *American Economic Review*. 1999. Vol. 89. No. 2. P. 409–414.

Gerring J., Seawright J. Case Selection Techniques in Case Study Research: A Menu of Qualitative and Quantitative Options // *Political Research Quarterly*. 2008. Vol. 61. No. 2. P. 294–308

Gottmoeller R. The Evolution of Sanctions in Practice and Theory // *Survival*. 2007. Vol. 49. P. 99–110.

Greif A., Milgrom P., Weingast B. Coordination, Commitment, and Enforcement: The Case of the Merchant Guild // *The University of Chicago Press*. 1994. Vol. 102. No. 4. P. 745–776.

Marinov N., Nili. S. Sanctions and democracy // *International Interactions*. 2015. Vol. 41. No. 4. P. 765–778.

Martin L. Credibility, Costs, and Institutions: Cooperation on Economic Sanctions // *World Politics*. 2011. Vol. 45. P. 406–432.

McGillivray F., Smith A. Credibility in Compliance and Punishment: Leader Specific Punishments and Credibility // *The Journal of Politics*. 2006. Vol. 68. No. 2. P. 248–258.

Oechslin M. Targeting Autocrats: Economic Sanctions and Regime Change // *European Journal of Political Economy*. 2014. Vol. 36. P. 24–40.

Schelling T. *Arms and Influence*. Yale University Press, 1965. 303 p.

Streeter C.L., Gillespie D.F. Social network analysis // *Journal of Social Service Research*. 1993. Vol. 16. No. 1–2. P. 201–222.

Tanneberg D. Hard times and regime failure: autocratic responses to economic downturns // *Contemporary Politics*. 2013. Vol. 19. No. 1. P. 115–129.

Tostensen A. Are smart sanctions feasible // *World Politics*. 2002. Vol. 54. P. 373–403.

Verdier D., Woo B. Why rewards are better than sanctions // *Economics & Politics*. 2011. Vol. 23. No. 2. P. 220–238.

Wood R. «A Hand upon the Throat of the Nation»: Economic Sanctions and State Repression, 1976–2001 // *International Studies Quarterly*. 2008. Vol. 52. No. 3. P. 489–513.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO RESEARCH MODERN SANCTION REGIMES: COMPARATIVE ANALYSIS

Sorokin Dmitriy A.

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia,
dasorokin@hse.ru

Annotation

In modern political science, there is a noticeable increase in attention to the problems of sanctions, the study of which is of interest in the theoretical and practical spheres. However, in the scientific literature there is a clear deficit of interdisciplinary approaches to the analysis of such foreign policy instruments, while individual studies are not able to achieve a systematic understanding of the functioning of sanctions regimes. In this article, firstly, an integrated approach to the study of sanctions was developed, secondly, all stages of the interdisciplinary study of sanctions regimes were formulated, and thirdly, interesting results were described, showing the possibility of a successful application of the created method in a scientific perspective.

Key words

Sanctions, Political Regime, Authoritarianism, Democracy, System Approach, Interdisciplinarity.

К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФАКТОРОВ ГЕНЕЗИСА ДЕМОКРАТИИ, КРОСС-НАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Жданов Андрей Игоревич

Национальный Исследовательский Университет
«Высшая Школа Экономики»,
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
aizhdanov@edu.hse.ru

Аннотация

*В статье рассматривается проблема определения иерархии структурных и акторных факторов генезиса демократии, применительно к выборке из 145 стран. Автором производится попытка разрешить проблему несоответствия между условиями для генезиса демократии и режимной динамикой в отдельных государствах. Для определения центральной детерминанты наличия или отсутствия в той или иной стране демократического политического режима, автор использует методы машинного обучения и методы регрессионного анализа. В результате обучения модели машинного обучения автор получает инструмент предсказания уровня демократии для каждой страны, участвующей в выборке, на основании исключительно структурных факторов. Сравнивая предсказанный уровень демократии и реальный индекс *Polity IV*, автор определяет первопричинные факторы генезиса демократии или ее отсутствия в государстве, будь то объективно способствующие демократии условия или волевые действия политических акторов.*

Ключевые слова

Факторы генезиса демократии, структурные факторы демократии, акторные факторы демократии, машинное обучение, компаративистский анализ, факторы демократии, теория демократии.

Введение

В современной политической науке длительной время продолжается дискуссия о факторах, способствующих политической модернизации и укоренению демократических практик. В научной среде принято выделять два основных кластера факторов, влияющих на генезис, эволюцию и консолидацию демократии – это так называемые структурные и акторные факторы. Структурно-ориентированный подход к изучению демократического устройства исходит из тезиса о том, что возникновение демократических институтов является результатом определенных «объективных» процессов и предпосылок. Демократия успешно возникает как оформление результатов иных социальных и экономических процессов.

Эти так называемые «структурные» процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям нацииобразования и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментированности общества и др. Главное в том, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Соответственно, отсутствие этих условий и предпосылок задает ограничения и «потолки» возможного демократического строительства [Мельвиль, Струкал, 2011]. С точки зрения акторных факторов, формирование демократических институтов и процедур зависит от «субъективных» решений и действий ключевых для демократизации акторов, прежде всего различных элитных групп.

В то же время в политологической среде ведутся споры, относительно того, какие именно факторы играют центральную роль в определении возможности или невозможности утверждения демократии в той или иной стране. Однозначный ответ на вопрос о том, какие факторы предопределяют направленность и характер режимных трансформаций, в исследовательской литературе не содержится [Крюкова, 2014]. Рассматривая особенности режимной динамики через призму структурных и акторных факторов, автор фиксирует отсутствие однозначного ответа исследовательский на вопрос: «*Какова иерархия причин, обуславливающих тип политического режима в современных государствах?*»

Автор в данной работе предполагает следующий замысел исследования – используя методы машинного обучения (регрессию и классификацию), обучить модель на панельных данных (с 2006 по 2016 год), в которых зависимой переменной будет индекс демократии PolityIV, считающийся в научном сообществе одним из наиболее авторитетных показателей уровня демократии [Харнфер и др., 2015, с. 83], а предикторами исключительно структурные факторы. Затем полученная модель применяется к данным за 2018 г., после чего автор сравнивает предсказанный моделью уровень демократии и наблюдаемый индекс Polity IV. Одновременно с этим сравниваются показатели модели классификации, которая определяет принадлежность той или иной страны к демократическому политическому режиму. Автором ожидается получить следующие результаты:

1. Предсказанный уровень демократии равен известному – в данных случаях политические акторы никак не влияют на уровень демократии (ни в лучшую, ни в худшую форму).

2. Предсказанный уровень демократии выше известного – данные страны характеризуются авторитарно настроенными элитами или неэффективной про-демократической оппозицией, которые тормозят процесс демократизации.

3. Предсказанный уровень демократии ниже известного – в подобных случаях элиты (или иные политические акторы) действуют вопреки объективно сложившимся для демократии негативным условиям и своими волевыми действиями поддерживают демократическое устройство.

Тем самым, автор допускает, что необъясняемая моделью разница между наблюдаемым и предсказанным уровнем демократии – следствие влияния акторных факторов.

Выделение структурных факторов генезиса демократии

Приступая к формированию эмпирической базы исследования, автор стремился найти как можно больше валидных показателей, перечень которых в полной мере объяснял бы воздействие структурных факторов на уровень демократии. В первую очередь, среди факторов генезиса демократии автор выделяет уровень экономического благосостояния. По словам Сеймура Мартина Липсета: «Чем богаче страна, тем больше шансов, что она будет развиваться по демократическому пути». Стивен Фиш и Джейсон Виттенберг в своём исследовании «Неудавшаяся демократизация» утверждали, что бедность практически несовместима с демократией [*Харпфер и др.*, 2015, с. 206–209, 434–435].

Вторым структурным фактором, определяющим генезис демократии автор определяет уровень урбанизации. Согласно исследованию Френсиса Фукуямы, урбанизация является драйвером развития таких важных детерминант демократии, как образование, личные доходы, модернизированная городская культура (противопоставляемая более архаичным сельским регионам) и т.д. Помимо прочего, именно городская среда создаёт подходящую среду для плюрализма и развития демократических свобод [*Фукуяма*, 2015, с. 95]. Многие исследователи подчёркивали важность урбанизации как структурного фактора демократизации и модернизации политической системы, отмечая свойственность низкой урбанизации для недемократических режимов [*Макаренко, Мельвиль*, 2014; *Andersson*, 2018].

Третьим немаловажным структурным фактором, влияющим на процесс построения демократических институтов, является неравенство. Как отмечал Роберт Даль, демократизация затрудняется из-за высокого уровня неравенства по двум причинам. Во-первых, экономические ресурсы могут быть преобразованы в политические, тем самым, концентрация экономической власти может дать элитам возможность препятствовать политическим реформам, расширяющим

права и свободы граждан. Во-вторых, экономическое неравенство может вызвать недовольство и фрустрацию среди бедных, размывая чувство общности и легитимность власти, на основе которых зиждется демократия [Даль, 2010].

В качестве четвёртого фактора демократии автор определяет образование. При этом необходимо провести разделение между всеобщим и высшим образованием. Начальное и среднее образование подготавливают людей к демократии, помогают усвоить нормы и тенденции, способствующие политической модернизации, что позволяет Френсису Фукуяме утверждать: «Всеобщее образование создаёт условия для демократического общества и является весьма желательным к нему дополнением» [Фукуяма, 2015, с. 95–100]. Высшее образование, в свою очередь, способствует прививанию молодым людям веры в либеральную демократию, поощряя терпимость к чужим взглядам. Развитие в стране высшего образования создаёт среду, которая помогала бы понять и усвоить идеи демократии, развивать теорию демократии, создавать демократические доктрины и программы построения и совершенствования демократии [Исаев, 2012].

Многими исследователями, изучавшими структурные факторы генезиса демократии, отмечалась важность генеральных показателей модернизации – выживаемость детей и взрослых, уровень здравоохранения, качество образования, производительность труда и общий потенциал населения. Агрегировать данные обстоятельства помогают индексы человеческого потенциала [Мельвиль, 2011].

Дирк Берг-Шлоссер в своём исследовании «Длинные волны и развилки демократизации», описывая структурные факторы, оказывающие влияние на укрепление политического режима, отмечал, что для демократии благоприятны культурная, лингвистическая, религиозная однородность, отсутствие сильных антисистемных сил, как левых, так и правых, фундаменталистских групп, а также отсутствие высокого уровня политической нестабильности в целом [Харнфер и др., 2015, с. 109]. Данное утверждение поддерживает Ларри Даймонд, который отмечал, что для выживания либеральных демократий необходима конституционная стабильность. Отсутствие конституционного духа, развитие центробежных тенденций подрывает возможности для демократизации и способствует построению авторитарных режимов. [Diamond, 1999].

Помимо прочего, немаловажным структурным фактором генезиса демократического устройства является развитая «гражданская культура». Согласно концепции Г. Алмонда и С. Верба, для выживания демократии необходима гармонизация политической культуры и институциональных структур. Иными словами, необходима эмоциональная и оценочная лояльность среди разных групп

населения по отношению к демократического политическому режиму. Тем самым, только гармонизированная политическая культура порождает стабильные политики. И наоборот – фрагментация политической культуры (т.е. ориентация тех или иных страт общества на разные политические модели) вызывает эрозию демократических институтов [Алмонд, Верба, 2014, с. 56–58]. Данную мысль развивал Луис Хартц, согласно концепции которого для имплементации демократических практик необходим «естественный либерализм» т.е. иррациональная приверженность демократическим процедурам и «моральное единодушие» общества в отношении либеральных ценностей [Даль, 2006, с. 105–106].

Операционализировать вышеуказанные факторы генезиса демократии автор предлагает следующим образом:

1) Экономическое благосостояние автор измеряет, используя валовый национальный доход на душу населения – данные Всемирного Банка (в ценах 2018 года) [GNI percapita, 2021].

2) Урбанизацию автор измеряет, используя уровень урбанизации [Urbanpopulation, 2021].

3) Неравенство автор операционализирует при помощи индекса Джини [GINIndex, 2021].

4) Уровень начального образования автор измеряет, используя коэффициент завершения начальной школы [Primary completion rate, 2021].

5) Уровень высшего образования автор операционализирует при помощи коэффициента зачисления в высшие учебные заведения [School enrollment, tertiary, 2021].

6) Конституционную стабильность автор измеряет, используя FSI [Fragile States Index, 2021].

7) Человеческий потенциал операционализируется автором посредством индекса человеческого капитала Всемирного Банка [Human Capital Index, 2020]

8) Операционализировать понятие «лояльность» демократии автор предлагает при помощи индекса одобрения демократии [Approval Of Democracy, 2018]

Определение иерархии факторов генезиса демократии

По результатам первоначального анализа данных, мы можем убедиться, что для демократии свойственны более высокий уровень урбанизации, богатства, начального образования, человеческого капитала, лояльности демократическому устройству, а также наличие развитого среднего класса. В то же время, когда речь идёт о хрупкости государства и развитии высшего образования, мы наблюдаем нелинейную взаимосвязь в виде подковы - в авторитарных государ-

ства фиксируются относительно высокие уровни конституционной стабильности и высшего образования, в гибридных режимах эти показатели снижаются, а в демократических режимах вновь повышаются (см. рис. 1).

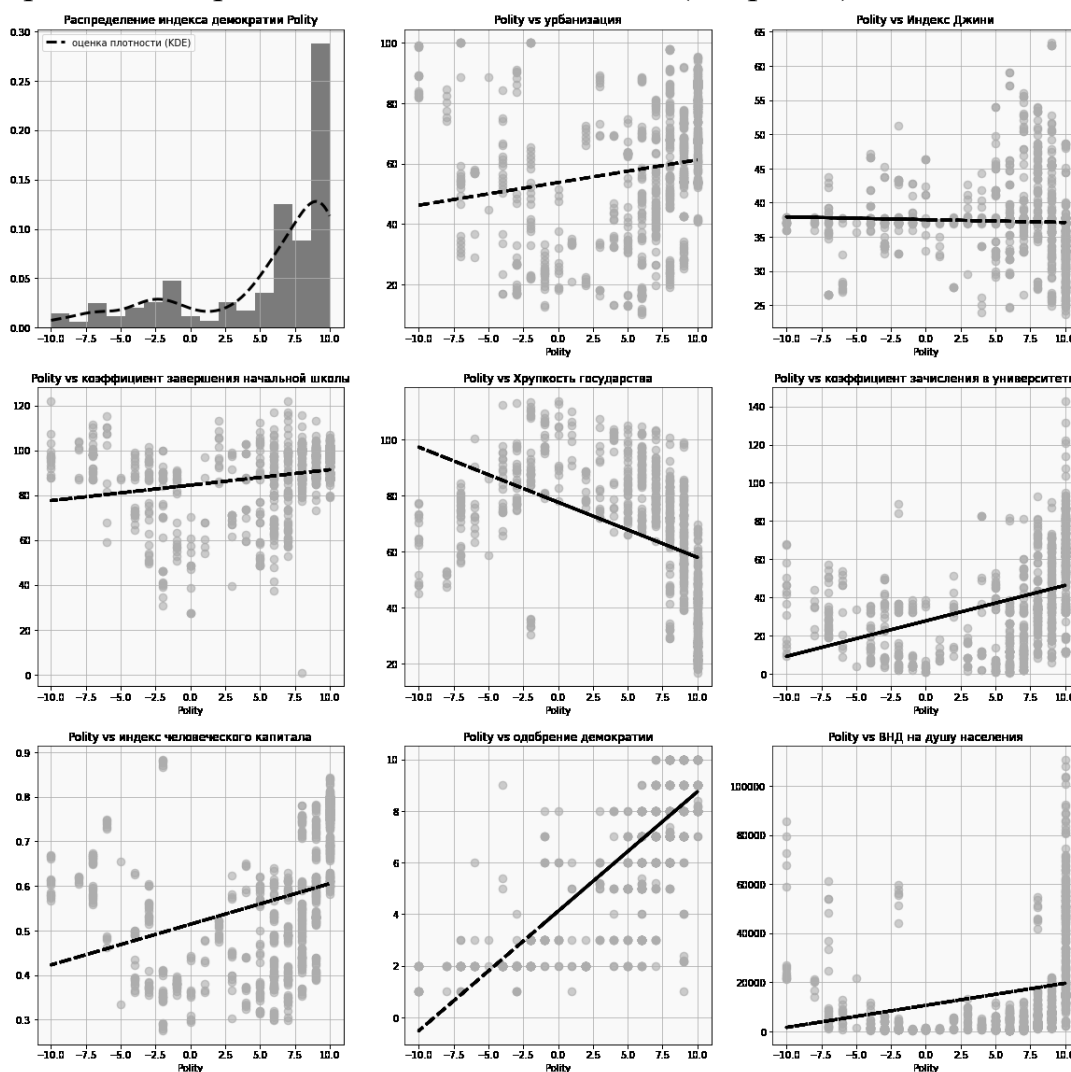

Рис. 1. Предварительная (визуальная) оценка данных

Автор объясняет подобного рода зависимость тем фактом, что в тоталитарных обществах социальные, религиозные и этнические расколы подавляются государством и, вследствие этого, не могут способствовать развитию сколько-нибудь значимых центробежных тенденций. Гибридные режимы и неконсолидированные демократии, в свою очередь, уже не имеют аппарата подавления и инструмента репрессий, которые купировали бы развитие гражданских конфликтов, и из-за слабости институтов не способны сдерживать общественные группы в рамках цивилизованной политической борьбы, что, в совокупности, повышает показатели хрупкости государства. Консолидированные демократии, благодаря развитой политической культуре, ответственным элитам и контр-элитам, а также

сильным демократическим институтам, обеспечивают, с одной стороны, конституционный порядок, а с другой возможности разрешения противоречий в рамках умеренной политической конкуренции.

Похожим образом обстоит дело с развитием науки и высшего образования. Для тоталитарных государств жизненно-необходимо форсированное развитие инновационных отраслей, чтобы конкурировать с развитыми демократиями. Порой ради ускоренного развития современной промышленности и вооружений в жертву приносятся другие отрасли – так, например, проходила индустриализация в СССР. В то же время благодаря аппарату репрессий и подавления тоталитарные режимы могут не опасаться оппозиции развивающихся наукоёмкие отрасли интеллектуалов, которые, как правило, придерживаются диссидентских взглядов. Гибридным режимам, не имеющим инструмента защиты в виде репрессий, наоборот, свойственна профанация науки и высшего образования, чтобы не допустить укрепления сообщества интеллектуалов, как правило, враждебно настроенных по отношению к автократиям, и развития вольнодумства среди молодежи, представляющей наибольшую угрозу подобным режимам. Демократии же могут не опасаться фронды интеллектуалов и стремящемся к переменам студенчества, что выражается в более высоких показателях коэффициента зачисления в высшие учебные заведения.

Одновременно с этим матрица корреляций показывает, что, хотя в некоторых данных присутствует незначительный фактор мультиколлинеарности, в то же время, данные пригодны для построения модели машинного обучения (см. рис. 2).

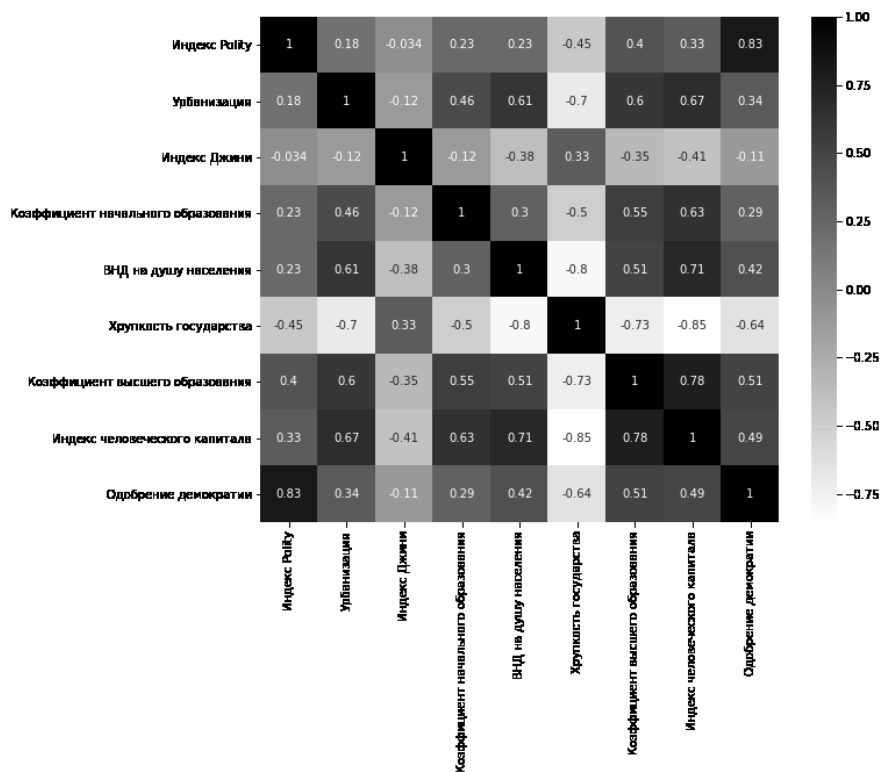

Рис. 2. Матрица корреляций

Для определения значимости предикторов предварительно проводится регрессионный анализ с фиксированными эффектами на время, используя обучающую выборку - панельные данные за 2006–2016 гг. [Stock, Watson, 2011] (см. рис. 3).

	Влияние структурных факторов на уровень демократии (FE-model)								
	Индекс демократии Polity IV								
	Model 1	Model 2	Model 3	Model 4	Model 5	Model 6	Model 7	Model 8	Model 9
Уровень урбанизации	0.04 *** (0.0086)	0.04*** (0.0087)	0.02* (0.0096)	-0.07*** (0.01)	-0.08* (0.01)	-0.07*** (0.01)	-0.06*** (0.01)	-0.02*** (0.009)	-0.02** (0.009)
Индекс Джини		-0.01 (0.03)	-0.0006 (0.03)	0.13*** (0.02)	0.17*** (0.02)	0.14*** (0.02)	0.14*** (0.02)	0.03 (0.01)	0.024 (0.02)
Коэф. завершения нач. школы			0.065*** (0.01)	0.01 (0.01)	-0.004 (0.01)	0.01 (0.01)	0.01 (0.01)	0.01 (0.01)	0.004 (0.01)
Конституционная стабильность				-0.16*** (0.01)	-0.13*** (0.01)	-0.16*** (0.01)	-0.17*** (0.01)	0.008 (0.01)	0.008 (0.01)
Коэф. зачисления в Университеты					0.05*** (0.01)	0.07*** (0.01)	0.07*** (0.01)	0.01* (0.007)	0.0118 (0.0074)
Индекс человеческого капитала						-9.45*** (2.73)	-7.11* (0.004)	-0.91 (1.94)	-0.6 (1.94)
ВНД на душу населения (натуральный логарифм)							-0.7* (0.33)	-0.22 (0.22)	3.25** (1)
Одобрение демократии								1.56*** (0.05)	1.54*** (0.04)
ВНД*ВНД (переменная взаимодействия)									-0.2*** (0.06)
Количество наблюдений	753	753	753	753	753	753	753	753	753
R ²	0.02	0.02	0.11	0.19	0.37	0.45	0.47	0.49	0.5

Стандартные ошибки расположены в скобках
* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Рис. 3. Результаты регрессионного анализа

Автор в данном исследовании использует подходы машинного обучения – регрессию, предсказывающую уровень демократии в 2018 г., на основе данных за 2006–2016 гг. (автор использовал логарифмированный показатель ВНД) и классификацию – относящую ту или иную страну к демократии (демократическими автор считает те режимы, где значение индекса PolityIV больше или равно шести). Путём подбора и сравнения различных моделей прогнозного моделирования на основании их наиболее часто используемых метрик качества – среднеквадратической ошибки (MSE) и средней абсолютной ошибки (MAE) [Мюллер, Гвидо, 2017, С. 325] автором была выбрана модель регрессии при помощи дерева решений, в среднем ошибавшаяся на 0.1 пункт при том, что значения Polity-расположены от -10 до 10 пунктов (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение метрик качества моделей регрессии

	Обычная линейная регрессия	л-1 регуляризация (параметр 0.002)	л-2 регуляризация (параметр 4)	Регрессия при помощи градиентного спуска	Регрессия при помощи дерева решений ¹
MSE	9.43	8.921	8.929	9.42	0.239
MAE	2.133	2.131	2.133	2.21	0.102

Модель дерева решений позволяет сравнить важность каждого признака (feature importance). Здесь мы видим, что признак «лояльность демократии» является наиболее значимым [Мюллер, Гвидо, 2017, с. 95] (см. рис. 4).

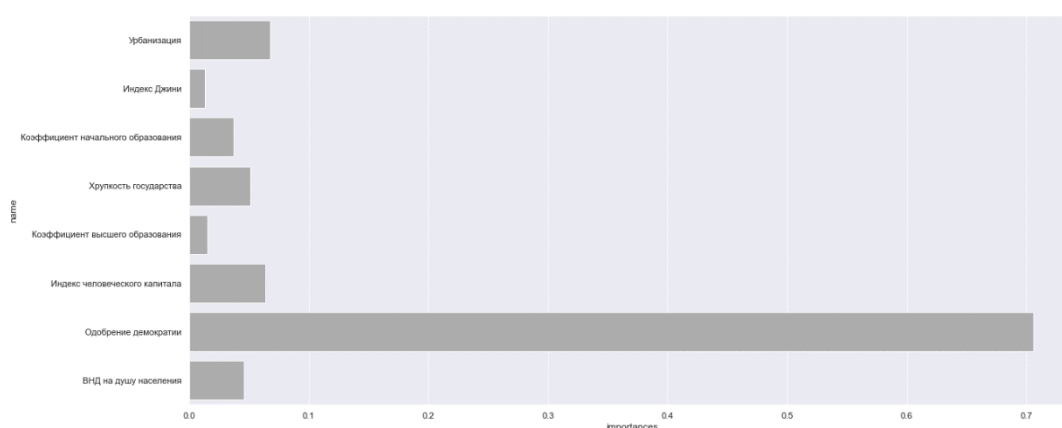

Рис. 4. Важность признаков

В качестве метрик качества для сравнения показателей обычной линейной классификации и классификации при помощи дерева решений² автор использовал кривую точности-полноты метод средней точности (average precision) [Мюллер, Гвидо, 2017, с. 311–315]. Как мы можем убедиться, классификация при

помощи дерева решений обладает лучшей точностью, 0.97 против 0.88 у логистической регрессии (см. рис. 5).

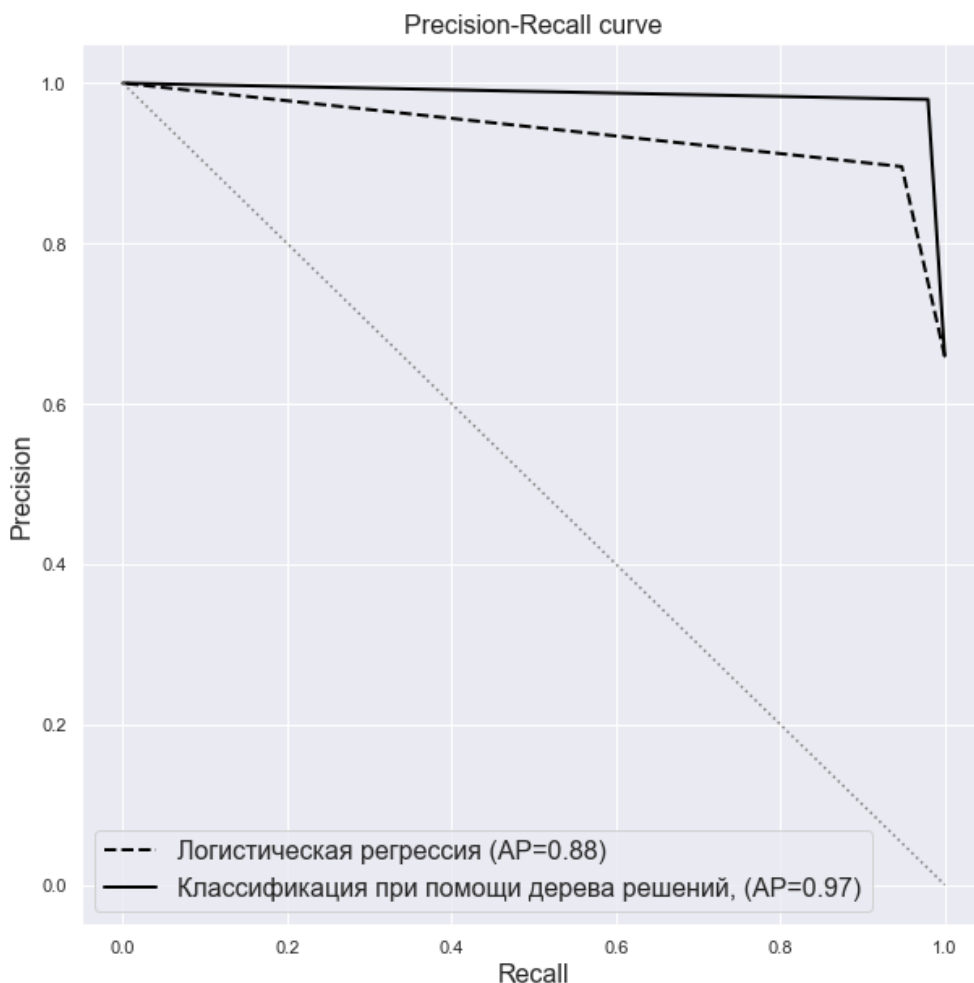

Рис. 5. Метрики качества классификации

В результате применения моделей регрессии и классификации при помощи решающих деревьев к данным за 2018 г. автор получил следующие результаты (см. табл. 2). В первый кластер входят демократические страны, оцененные моделью как демократические, в данных странах акторы незначительно влияют на уровень демократии, во второй кластер входят демократические страны, оцененные моделью как недемократические – политические акторы данных стран вносят существенный вклад в развитие демократии, в третий кластер помещены недемократические страны, оцененные моделью как демократические – акторы вносят существенный вклад в торможение демократии, четвертый кластер состоит из недемократических стран, оцененных моделью как недемократические – в указанных странах, так же как и в государствах из первого кластера, структурные факторы являются определяющими в вопросе генезиса демократии.

Таблица 2

Результаты применения моделей машинного обучения

Демократические страны, оцененные моделью как демократические	Демократические страны, оцененные моделью как недемократические	Недемократические страны, оцененные моделью как демократические	Недемократические страны, оцененные моделью как недемократические
Albania, Argentina, Armenia Bulgaria, Brazil, Botswana, Chile, Colombia, Costa Rica, Czech Republic, Bhutan Dominican Republic, Estonia, Georgia, Ghana ³ , Guatemala, Croatia, Hungary, Indonesia, India, Jamaica, Kenya, Kosovo, Lebanon, Lesotho, Lithuania, Latvia, Moldova, Honduras, Madagascar, Mexico, Montenegro, Mongolia, Mauritius, Malaysia, Namibia, Denmark, Nicaragua, Nepal, Panama, Peru, Philippines, Poland, Paraguay, Senegal, Sierra Leone, El Salvador, Serbia, Slovak Republic, Slovenia, Tunisia, Uruguay, South Africa, Zambia, Australia, Austria, Belgium, Canada, Switzerland, United States, Cyprus, Germany, Spain, Finland, France, United Kingdom, Greece, Guyana, Ireland, Israel, Italy, Japan, Luxembourg, Netherlands, Norway, New Zealand, Portugal, Solomon Islands, Sweden, Trinidad and Tobago	Bolivia Iraq Liberia Sri Lanka Malawi Nigeria Pakistan Romania Benin	Angola Azerbaijan Belarus Cameroon Algeria Kazakhstan Cambodia Kuwait Libya Morocco Mauritania Rwanda Singapore Turkey Ukraine Vietnam Fiji Suriname Russia	Afghanistan, Burundi, Burkina Faso, Bangladesh, Bahrain, Central African Republic, China, Cuba, Ecuador Eritrea Ethiopia Guinea Haiti Jordan Mali Mozambique Niger Oman Qatar Papua New Guinea Saudi Arabia Somalia South Sudan Chad, Togo Thailand, Tajikistan Turkmenistan Tanzania Uganda Uzbekistan Zimbabwe Comoros Djibouti Gabon Guinea-Bissau Equatorial Guinea

Интерпретируя полученные результаты, автор может заключить, что в странах Евроатлантического региона, Латинской Америки, а также наиболее развитых странах Африки и Юго-Восточной Азии, демократическое устройство

сложилось исключительно под влиянием структурных факторов. В свою очередь, авторитарные режимы беднейших стран Африки, Ближнего Востока, Средней Азии также носят объективный и слабо зависящий от волевых действий политических акторов характер. Однако имеется 2 кластера стран, где субъективные факторы и решения определяют уровень демократии.

В политической науке акторные факторы генезиса демократии подразделяются на несколько категорий. Сеймур Мартин Липсет в своём исследовании «Политический человек» обосновывал точку зрения, согласно которой для укрепления демократического режима необходимо отсутствие крупных политических движений, противостоящих либеральной демократии. Для успешного демократического режима необходимо, чтобы политические силы, в первую очередь властвующая элита, не воспринимали демократию, как нелегитимное образование [Luncet, 2016, с. 55, 92, 169].

Согласно исследованиям Терри Карла и Франсиса Хагопиана, в отдельных случаях элиты могут тормозить генезис демократии, ограничивая политическую конкуренцию, способствуя развитию клиентализма и коррупции. [Харнфер и др., 2015, С. 485]. Подрыв демократии со стороны элит также может выражаться в форме неэффективного управления [Даль, 2006, с. 77], развёртывания репрессий [Siegel, 2011], приверженности популизму и манипулятивным тактикам на выборах [Rooduijn и др., 2016] и т.п.

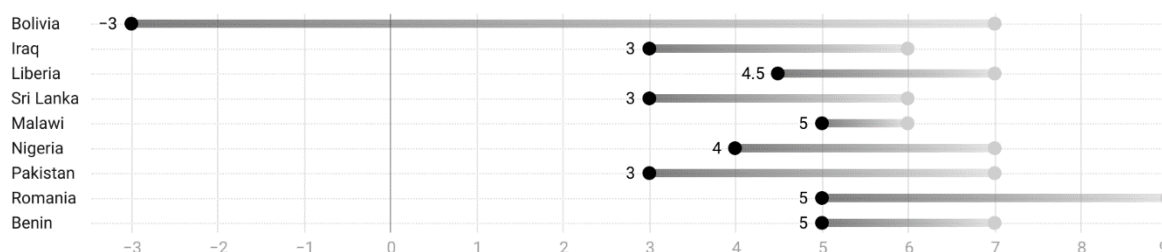
Об опасности сведения на нет демократических преобразований со стороны реакционно или радикально настроенной части политической элиты также писал Аренд Лейпхарт в своём исследовании «Демократия в многосоставных обществах». Согласно концепции А. Лейпхарта, для успешного построения демократии необходимо сотрудничество (консоциация) между элитами, выраженная в стремлении к достижению политического согласия. Политическая конкуренция, по Лейпхарту, должна уравниваться «центростремительными тенденциями» – установками на взаимодействие и соответствующим поведением политических лидеров [Лейпхарт, 1997, с. 35–36].

Об опасности для демократии превращения политики в «игру с нулевой суммой» писал Роберт Даль в своём исследовании «Полиархия, участие и оппозиция». Согласно его концепции, для выживания демократии необходима не только консоциация элит относительно цивилизованной политической конкуренции и благотворности демократии, но и настроения контр-элит. Разные политические лагеря (власть и оппозиция) должны уважать требования друг друга и не стремиться монополизировать власть в государстве для максимизации собственных выгод [Даль, 2010].

Рассмотрим государства, где предсказанное значение индекса демократии ниже наблюдаемого значения Polity IV за 2018 г (см. рис. 6). В указанных государствах демократия стала возможной исключительно благодаря социальной ответственности элит и оппозиции, приверженности политических игроков принципам цивилизованной политической конкуренции и ответственному голосованию общественных масс. В свою очередь, нетипично высокий уровень демократии для Ирака автор связывает с влиянием американского присутствия [Wasko-Owsiejczuk, 2018]. В Румынии (одной из самых слаборазвитых стран Европы) стандарты демократии обеспечиваются благодаря членству в Европейском Союзе [Marinescu, 2016], в Шри Ланке демократическое устройство во многом стало возможно благодаря реформам президента Майтриपालа Сирисены [DeVotta, 2016], становление демократического политического режима в Нигерии автор связывает с противопоставлением более вестеренизированного правительства экстремистским группировкам, таким как «Боко Харам», несоответствующий структурным факторам уровень демократии в Бенине автор детерминирует в интеграцией данного государства во французское содружество.

Предсказанное значение ниже наблюдаемого индекса Polity IV

Политические акторы данных стран вносят существенный вклад в укрепление демократии, вопреки сложившимся условиям.

Source: Андрей Жданов

Рис. 6. Страны, где предсказанный уровень демократии ниже наблюдаемого индекса PolityIV

Гораздо более обширным является список стран, где предсказанный уровень демократии выше реального значения (см. рис. 7). В данных странах, репрессии со стороны правящих элит, социальная безответственность политических акторов, вследствие чего стремление монополизировать политические ресурсы преобладает над тенденцией к достижению компромисса, а также непопулярность, политтехнологическая беспомощность и неспособность продемократической оппозиции запустить процесс демократического транзита тормозят генезис демократии, для которого имеют место быть необходимые структурные предпосылки. Объективную возможность построения демократии в Камеруне автор связывает с фактом того, что данная страна обладает одной из самых развитых экономик в Африке [Akinboade, Kinfack, 2014], в Кувейте структурные

факторы для демократии объясняются тем, что экономическое благополучие в данной стране сопряжено с гораздо большей либерализацией по сравнению с другими монархиями залива [Исаева, 2014, с. 172], потенциальную возможность построения демократии в Руанде автор объясняет через призму стиля политического лидерства президента Поля Кагаме, который, несмотря на недемократические методы, достиг успехов в сглаживании последствий геноцида, борьбе с коррупцией и экономическим развитием Руанды [Reese, 2014].

Необходимо отметить, что в различных недемократических государствах «разрыв» между наблюдаемым типом политического режима и предсказанным уровнем демократии на основе структурных факторов отличается. Например, в Турции данный разрыв выше, чем в России (10 против 3 пунктов). Автор допускает, что чем выше разрыв, тем более неустойчивым является недемократический режим и тем больше вероятность возникновения протестного движения. Так, разрыв в 16 пунктов в Республики Беларусь объясняет прошедшие в 2020 г. масштабные акции протеста против президента А. Лукашенко. Соответственно, мы можем спрогнозировать, что возникновение подобных всплесков недовольства наиболее вероятно в Азербайджане, Казахстане, Вьетнаме и т.д.

Предсказанное значение выше наблюдаемого индекса Polity IV

Политические акторы данных стран способствуют существенному торможению генезиса демократии

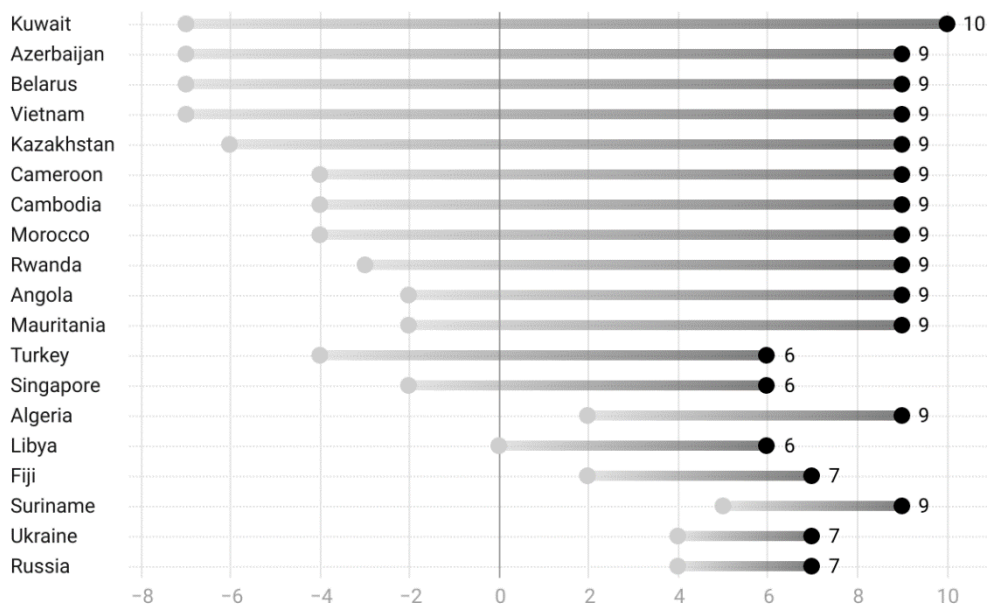

Chart: Андрей Жданов

Рис. 7. Страны, где предсказанный уровень демократии выше наблюдаемого индекса Polity IV

Авторская модель позволяет объяснить феномен «арабской весны». Так, судя по данным модели, волна протестов в Алжире, Ливии, Марокко, Мавритании детерминируется не злонамеренными действиями «внешних сил», а несоответствием между структурными факторами, ожиданиями, запросами людей на демократизацию и сложившимися авторитарными режимами.

Чтобы сравнить «объективные» предпосылки для демократии различных стран и значения процентиля, среднего арифметического, стандартного отклонения и т.п. за 2018 г. см. рис. 8, рис. 9, рис. 10.

	Одобрение демократии	Индекс зачисления в университеты	Значения Polity IV	Урбанизация	ВНД на душу населения	Индекс начального образования	Индекс Джини	Хрупкость государств	Индекс человеческого капитала
Количество наблюдений	145	145	145	145	145	145	145	145	145
Среднее арифметическое	5,97	39,64	4,67	59,38	13377,72	87,84	37,77	67,26	0,57
Стандартное отклонение	3,18	29,92	5,84	22,65	18235,59	17,78	7,34	24,10	0,15
Минимум	1,00	0,82	-10,00	10,00	280,00	27,00	24,20	17,93	0,20
25%	3,00	11,85	1,75	42,56	1712,50	80,56	33,28	49,45	0,44
50%	7,00	36,12	7,00	60,19	5660,00	94,35	36,00	71,79	0,57
75%	9,00	63,90	9,00	77,81	15242,50	100,00	41,98	84,80	0,69
Максимум	10,00	142,85	10,00	100,00	83730,00	121,73	63,00	113,35	0,88

Рис. 8. Основные статистические данные предикторов за 2018 г.

Страна	Одобрение демократии	Индекс зачисления в университеты	Значения Polity IV	Урбанизация	ВНД на душу населения	Индекс начального образования	Индекс Джини	Хрупкость государств	Индекс человеческого капитала
Benin	10,00	12,52	7,00	47,31	1200,00	80,75	47,80	75,69	0,41
Bolivia	7,00	38,00	7,00	69,43	3370,00	94,84	42,20	75,22	0,72
Iraq	3,00	16,16	6,00	70,47	5060,00	67,00	29,50	102,21	0,40
Liberia	8,00	11,92	7,00	51,15	610,00	60,60	35,30	92,56	0,32
Sri Lanka	6,00	19,63	6,00	18,48	4040,00	102,39	39,80	84,90	0,58
Malawi	7,00	0,82	6,00	16,94	350,00	80,00	44,70	85,49	0,41
Nigeria	6,00	10,17	7,00	50,34	1960,00	73,79	35,10	99,91	0,34
Pakistan	3,00	8,96	7,00	36,67	1480,00	71,07	33,50	96,34	0,39
Romania	1,00	51,01	9,00	54,00	11430,00	85,22	36,00	49,36	0,60

Рис. 9. Демократические страны, оцененные моделью как недемократические

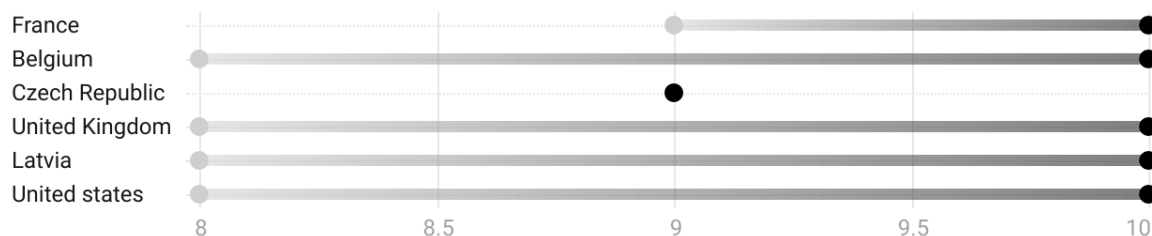
Страна	Одобрение демократии	Индекс зачисления в университеты	Значения Polity IV	Урбанизация	ВНД на душу населения	Индекс начального образования	Индекс Джини	Хрупкость государств	Индекс человеческого капитала
Angola	2,00	9,34	-2,00	65,51	3210,00	46,19	51,30	89,44	0,36
Azerbaijan	2,00	27,71	-7,00	55,68	4060,00	100,22	26,60	74,63	0,60
Belarus	2,00	87,43	-7,00	78,60	5700,00	104,62	25,20	70,54	0,70
Cameroon	2,00	14,27	-4,00	56,37	1450,00	64,47	46,60	95,31	0,39
Algeria	2,00	51,37	2,00	72,63	3980,00	105,14	27,60	75,79	0,52
Kazakhstan	2,00	53,99	-6,00	57,43	8070,00	110,38	27,50	63,44	0,75
Cambodia	2,00	13,69	-4,00	23,39	1380,00	88,00	36,00	84,05	0,49
Kuwait	3,00	54,36	-7,00	100,00	33590,00	91,82	36,00	55,89	0,58
Libya	3,00	60,50	0,00	80,10	6800,00	93,57	36,00	94,60	0,57
Morocco	2,00	35,94	-4,00	62,45	3090,00	93,60	39,50	74,00	0,50
Mauritania	2,00	5,00	-2,00	53,67	1580,00	76,06	32,60	92,15	0,35
Rwanda	2,00	6,73	-3,00	17,21	780,00	86,55	43,70	89,29	0,37
Singapore	2,00	88,89	-2,00	100,00	57900,00	99,92	36,00	30,42	0,88
Turkey	5,00	23,86	-4,00	75,14	10520,00	88,53	41,90	82,22	0,63
Ukraine	8,00	82,67	4,00	69,35	2800,00	102,59	26,10	72,56	0,65
Vietnam	2,00	28,54	-7,00	35,92	2380,00	110,02	35,70	68,40	0,67
Fiji	5,01	38,00	2,00	56,25	5910,00	107,02	36,70	74,52	0,57
Suriname	5,01	12,56	5,00	66,06	5210,00	85,15	36,00	64,01	0,57
Russia	3,00	84,58	4,00	74,43	10250,00	101,96	37,50	77,20	0,73

Рис. 10. Недемократические страны, оцененные моделью как демократические

Помимо прочего, представленная модель даёт возможности для выявления причин деконсолидации демократии (некоторого снижения уровня демократии, однако недостаточно критического, чтобы исключить государство из перечня демократических) в отдельных западных странах. Так, исходя из представленных данных мы можем заключить, что в США, Франции, Бельгии, Великобритании и Латвии политические акторы вносят незначительный вклад в эрозию демократического режима, в то время как в Чехии этот процесс носит объективный характер (см. рис. 11).

Страны подверженные процессам деконсолидации демократии

Политические акторы в данных странах вносят несущественный вклад в эрозию демократического режима (за исключением Чехии)

Source: Андрей Жданов

Рис. 11. Страны, подверженные деконсолидации демократии

Выводы

Таким образом, по результатам компаративистского анализа автор заключает, что структурные факторы преобладают как первопричинный фактор генезиса демократии. В свою очередь, наиболее значимым структурным фактором генезиса демократии является объективный запрос населения на демократизацию, данный факт объясняет, к примеру, феномен Китая, где высокие показатели экономического и социального развития нивелируются «конфуцианскими ценностями», разделяемыми большинством населения, и отсутствием общественного запроса на либерализацию. Более 80% режимных типов объясняются «объективными» обстоятельствами. В то же время наибольшее влияние политические акторы оказывают на генезис демократии в гибридных режимах. В связи с этим, в отдельных странах (Россия, СНГ, наиболее развитые страны Африки и Азии) существует как отдельный шанс для успешного демократического транзита, так и угроза реверса демократии (Боливия, Нигерия, Пакистан, Румыния, Бенин и т.д.).

Примечания

¹Параметры для моделей были подобраны автоматически. Для регрессии при помощи дерева решений: максимальная глубина дерева равна 20, минимальное число объектов в листе – 2.

²Параметры для модели были подобраны автоматически: максимальная глубина дерева равна 50, минимальное число объектов в листе – 3, минимальное число объектов, необходимое для того, чтобы узел дерева мог бы расщепиться – 5.

³Столь высокий уровень демократии в Гане автор связывает с членством в Британском Содружестве наций.

Библиографический список

- Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
- Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
- Даль Р.* Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. 496 с.
- Исаев Б.А.* Условия и факторы, периоды и циклы развития демократии. Ч. 1 // Политэкс. 2012. №3. С. 273–291
- Исаева П.М.* Монархии Аравийского Полуострова. М.: Юнити, 2014. 191 с.
- Крюкова Е.В.* Демократизация: факторы и результативность // Власть. 2014. №12. С. 97–100
- Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. 612 с.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
- Маккини У.* Python и анализ данных. М.: ДМК Пресс, 2020. 540 с.
- Мельвиль А.Ю., Струкал Д.К.* Условия демократии и пределы демократизации Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. 2011. № 3(123). С. 164–183.
- Мельвиль А.Ю.* Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2011. №2. С. 295–320.
- Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю.* Как и почему «Зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. 2014. №3. С. 9–39.
- Мюллер А. П., Гвидо С.* Введение в машинное обучение с помощью Python. Руководство для специалистов по работе с данными. М.: Вильямс, 2017. 393 с.
- Фукуяма Ф.* Конец истории. М.: АСТ, 2015. 259 с.
- Харпфер К.В., Бергханен П., Инглхарт Р.Ф., Вельцель К.* Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с.
- Элбон К.* Машинное обучение с использованием Python. Сборник рецептов. СПб.: БХВ-Петербург, 2019. 384 с.
- Akinboade O.A., Kinfack E.C.* Financial Sector Development Indicators and Economic Growth in Cameroon and South Africa // Social Indicators Research. 2014. Vol. CXV No. 2. P. 813–836.

Andersson Per F. Democracy, Urbanization, and Tax Revenue // Studies in Comparative International Development. 2018. Vol. LIII. P. 111–150.

Approval Of Democracy, Index. URL: https://govdata360.worldbank.org/indicators/h50c47d6a?country=BRA&indicator=28757&viz=line_chart&years=2006,2018(дата обращения: 18.04.2021)

Diamond L. Developing Democracy: Toward Consolidation, 1999. 367 p.

DeVotta N. Engaging Sinhalese Buddhist Majoritarianism and Countering Religious Animus in Sri Lanka: Recommendations for the Incoming U.S. Administration // Review of Faith & International Affairs. 2016. Vol. XIV. No.2. P. 76–85.

Fragile States Index. URL: <https://fragilestatesindex.org/excel/> (дата обращения: 18.04.2021).

Gini index (World Bank estimate). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 18.04.2021).

GNI per capita, Atlas method (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD> (дата обращения: 18.04.2021).

Human Capital Index. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/human-capital-index> (дата обращения: 18.04.2021).

Marinescu V. Direct Democracy in Romania after 1989: Particularities of the Formal-Legal and Practical Aspects// Revista de Stiinte Politice. 2016. Vol. L. P. 66–76.

Rooduijn M., Van der Brug W., L. de Lange S. Expressing or fuelling discontent? The relationship between populist voting and political discontent // Electoral Studies. 2016. Vol. XLIII. P. 32–40.

Primary completion rate, total (% of relevant age group). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.PRM.CMPT.ZS?view=chart> (дата обращения: 18.04.2021).

Reese R. Paul Kagame: Machiavelli's Prince // Journal of Diplomacy & International Relations. 2014. Vol. XV. No. 1. P. 107–115.

School enrollment, tertiary (% gross). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.TER.ENRR> (дата обращения: 18.04.2021).

Stock J. H., Watson M.W. Introduction to Econometrics. Pearson, 2011. 794 p.

Siegel D. A. When Does Repression Work? Collective Action in Social Networks // The Journal of Politics. 2011 Vol. LXXIV. No. 4. P. 993–1010.

Urban population (% of total population). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (дата обращения: 18.04.2021).

Waśko-Owsiejczuk E. American Plans to Build Democracy in the Middle East After 9/11: the Case of Iraq // International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal. 2018. Vol. XXI. No. 1. P.11–32.

ON THE USE OF MACHINE LEARNING METHODS TO DETERMINE THE FACTORS OF THE GENESIS OF DEMOCRACY, CROSS-NATIONAL ANALYSIS

Zhdanov Andrey I.

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia,
aizhdanov@edu.hse.ru

Annotation

The article discusses the problem of determining the hierarchy of structural and actor factors in the genesis of democracy, in relation to a sample of 145 countries. The author attempts to resolve the problem of discrepancy between the conditions for the genesis of democracy and regime dynamics in individual states. To determine the central determinant of the presence or absence of a democratic political regime in a particular country, the author uses machine learning methods and methods of regression analysis. As a result of training a machine learning model, the author obtains a tool to predict the level of democracy for each country participating in the sample, based solely on structural factors. Comparing the predicted level of democracy and the real index of Polity IV, the author determines the root factor of the genesis of democracy or its absence in the state, whether it is objectively promoting democracy conditions or volitional actions of political actors.

Key words

Factors of the Genesis of Democracy, Structural Factors of Democracy, Actor Factors of Democracy, Machine Learning, Comparative Analysis, Factors of Democracy, Theory of Democracy.

ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДРСТВ ЕС ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Попова Валерия Сергеевна
Национальный исследовательский университет
«Высшая Школа Экономики»,
614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38,
vspopova1@gmail.com

Аннотация

В статье исследовано изменение стратегий национальной безопасности стран-участниц Европейского Союза. В них происходит расширение понятия безопасность. Почти все страны концептуализируют свою внешнюю политику. Выделяется два подхода к обеспечению безопасности: региональный и глобальный. Национальные армии трансформируются в сторону профессионализации и повышения оперативности и мобильности, модернизируются. Институционализируется сотрудничество по вопросам безопасности и заключаются рамочные соглашения.

Ключевые слова

Политика безопасности, доктринальные документы, европейские стратегии безопасности, Европейский Союз, милитаризация Европейского Союза.

Первое десятилетие после окончания Холодной войны стало периодом переосмысления подходов к пониманию безопасности. В 1990-е годы значительно усиливается политико-экономическая интеграция Европы, закладываются новые модели взаимодействий между отдельными акторами, и на их основе происходит конструирование и обновление национальных стратегий в области внешней политики. Каждая страна прошла свой путь развития в области безопасности за счет уникальных комбинаций приоритетных рисков, начального состояния политики безопасности, национальных возможностей и ресурсов, исторического опыта и стратегической культуры, а также актуальных амбиций и целей в региональной и мировой политике. Тем не менее, общие изменения геополитической среды, общие характеристики новых вызовов безопасности и возможностей их разрешения определили единые направления эволюции внешнеполитических доктрин отдельных государств.

Трансформация подходов к обеспечению безопасности

С окончанием Холодной войны происходит трансформация мировой системы безопасности. Нестабильность после исчезновения одного из ведущих элементов биполярности приводит к тому, что на первое место выходят принципиально новые риски для безопасности, источники которых оказываются различны и удалены от Европы. Интенсивное развитие и распространение технологий также играет немаловажную роль.

Общими проблемами безопасности становятся терроризм, неконтролируемые миграции, киберугрзы, а также экономическая и энергетическая безопасность. Это отражает общий сдвиг в понимании безопасности в сторону более широкого, учитывающего социальные, политические и экономические измерения. «Проблемными» направлениями в этом смысле становятся страны арабского мира, а также восточные границы ЕС.

С исчезновением в регионе единой и однозначно оцениваемой угрозы национальные государства начинают обращать внимание на менее очевидные с точки зрения военной политики общественно-государственные феномены, что имеет два важнейших следствия.

Во-первых, в национальных доктринальных документах происходит фактическое сращивание концепций внутренней и внешней безопасности. Это происходит, с одной стороны, из-за того, что многие проблемы имеют внутригосударственное приложение (например, терроризм); с другой стороны, это укладывается в общую логику более широкого понимания безопасности, в котором корнем практически всех геополитических рисков становится слабость государственного аппарата и слабая экономика.

Важным элементом этого следствия становится лексическое изменение в названии стратегических документов. Термин «национальная оборона» сменяется или дополняется термином «национальная безопасность». Это проистекает из центрального тезиса об отсутствии прямой угрозы территориальной целостности и жизнеспособности государства, а остальные риски имеют глобальный характер. Государства различаются в видении приложений этих угроз, однако общее понимание их глобального характера сохраняется в каждом случае. Примерами таких кейсов можно считать доктринальные документы Испании и Португалии. [Кутырев, 2018, с. 94; Paulo, 2014, p. 7–8]

Во-вторых, диверсификация рисков приводит к пониманию того, что далеко не все проблемы можно решить с применением «жесткой» силы, что закономерно приводит к росту значимости миротворчества, предотвращения конфликтов, более широкого использования дипломатических мер. Такой подход к

составлению модели политики безопасности характерен как, например, для Франции [Le Livre..., 2013], активно участвующей в военных миссиях различных наднациональных организаций, так и для нейтральной Австрии [Austrian Security..., 2013] или Чехии [The Defence Strategy of the Czech Republic, 2017], чьи ресурсы в области силовой политики значительным образом ограничены.

Кроме того, новые риски требуют иных способов их разрешения и, соответственно, иных подходов к обеспечению собственной безопасности. Так, принцип приоритета обеспечения территориальной обороны теряет былую актуальность на фоне усиления тезиса о том, что безопасность страны лежит, как правило, за ее пределами. В качестве исключений здесь можно назвать разве что Финляндию, сохранившую в новом тысячелетии ориентацию на сохранение нейтралитета во внешней политике, и Грецию в контексте ее проблематичных взаимоотношений с Турцией. Тем не менее, принцип участия в международных миссиях становится ведущим в политике безопасности. Допускается и самостоятельное участие, но на практике основной формой взаимодействия между странами оказывается участие в миротворческих и военных операциях в составе коалиций под эгидой какой-либо международной организации (НАТО, ЕС, ООН или иные). Соответственно, страны сталкиваются с проблемами, связанными с адаптацией ресурсов под такой формат геополитической деятельности.

Важной характеристикой такой формы обеспечения безопасности является относительная свобода в выборе возможности участия в каждом конкретном конфликте. У государства нет обязательств перед гражданами для вмешательства в кризисы, не угрожающие их безопасности напрямую, поэтому оно, так или иначе, вынуждено обращать внимание на общественное мнение.

Нужно отметить, что общественное мнение может иметь действительно большое влияние, как, например, в Германии, где за принятие решений об использовании вооруженных сил отвечает парламент, а не правительство. Также в Испании в 2005 году право решения вопроса об участии армии в операциях за рубежом отдали парламенту после широкой общественной дискуссии относительно участия страны в крайне непопулярной интервенции в Ирак в 2003 году [Arteaga, 2020, p. 670].

В целом активное участие страны в международных операциях в качестве миротворческой силы и в деятельности по восстановлению регионов после кризисов становится способом смягчения общественного мнения. Так поступает в своей внешней политике, например, Италия, сочетающая свои средиземноморские амбиции с довольно негативным общественным отношением к армии [Coticchia, 2018, p. 123].

Трансформация политики безопасности: доктринальные документы

Новые условия мировой системы безопасности и разработка соответствующих им подходов к взаимодействию вынуждает государства концептуализировать свою внешнюю политику, определять ее рамки и направления, или обновлять существующие модели. Практика написания национальных доктрин, стратегических концепций и Белых книг по безопасности становится широко распространенной практикой.

В усложнившихся условиях государства сталкиваются с разными приоритетными угрозами и направлениями деятельности. Формулирование единой концептуальной модели своей политики безопасности, таким образом, становится способом заявить о них, определить свою роль и свою сферу ответственности. Это становится элементом конструирования суверенитета в условиях усиления региональной интеграции, и к началу 2010-х годов 27 из 28 государств-участников ЕС (кроме Кипра) имели собственные доктринальные документы.

Можно выделить два основных варианта видения государства в мировой системе безопасности.

Первая группа стран ориентируется на широкий мировой контекст. Выпущенные ими документы представляют большой и комплексный обзор системы мировой безопасности, определяют глобальные риски и, что наиболее важно, декларируют свою решимость решать их в корне. Это зачастую предполагает широкое участие в международных миротворческих миссиях и операциях, а также использование в комплексе военных и невоенных внешнеполитических механизмов, основываясь на многофазовом подходе к кризисному регулированию.

Белые книги по безопасности Франции за 2008 и 2013 [Le Livre..., 2008, 2013] года полностью соответствуют такому описанию. Окончание Холодной войны для Франции создало условия, в которых она могла реализовать свое стремление к независимой и влиятельной внешнеполитической деятельности. Ключевая роль в этом деле отводится вооруженным силам и широкому участию в миссиях за пределами региона в составе многонациональных коалиций (но допускаются и индивидуальные интервенции). Ядерное оружие также остается важным элементом системы национальной безопасности и внешней политики Франции, хотя его значение с окончанием Холодной войны и было снижено еще в Белой книге 1994 года [Livre blanc..., 1994].

Модель внешней политики Великобритании во многом похожа на французскую и опирается на Национальную стратегию безопасности и Стратегический обзор безопасности и обороны (актуальные на данный момент – 2015 года [National Security Strategy and Strategic Defence..., 2015]). Великобритания так же

ориентируется на многостороннее сотрудничество и комплексный подход в деле кризисного регулирования, основанный на сочетании военных и гражданских мер, так же имеет большие геополитические амбиции и желание оказывать прямое влияние на мировые процессы в сфере безопасности. Кроме того, как и Франция, Объединенное Королевство является обладателем собственного ядерного оружия (впрочем, в вопросах его технического обеспечения страна во многом зависит от США [*Dorman*, 2018, р. 74]), роль которого после окончания Холодной войны была пересмотрена. Вслед за доктринами НАТО, Великобритания и Франция закрепляют в своих стратегических документах за ядерными потенциалами роль дипломатического механизма.

Еще одним важным с точки зрения понимания характера трансформации европейских внешнеполитических концепций в 2000–2010 годы кейсом является Германия. В последнее десятилетие XX века страна оказывается вынуждена отойти от традиционного для ее стратегической культуры принципа территориальной обороны в сторону более активной деятельности за пределами Европы. Однако на этом направлении страна сталкивается с серьезными ограничениями, связанными с системой принятия решений об участии и неучастии в конфликтах. В отличие от большинства европейских государств, где подобные решения принимаются правительством, в Германии такая ответственность лежит на парламенте. Кроме того, бюджетные ограничения являются немаловажным фактором довольно сдержанной политики безопасности Германии. [*Kraft*, 2018, р. 63]

Консервативная ориентация правительства Г. Коля определила дипломатическую и экономическую направленность внешней политики Германии в первые годы после Холодной войны. Однако уже при следующем правительстве Г. Шредера страна отходит от жесткой антимилиитаристской позиции, и в дальнейшем, уже при правительстве А. Меркель, Германия становится активным участником международных миссий и операций, что отражается в Белой книге 2006 года [*Weißbuch...*, 2006].

Среди других государств с глобальным видением в своей стратегии безопасности можно назвать Испанию, Нидерланды, Италию, Швецию, Финляндию.

Второй вариант видения подразумевает ориентацию на более узкий контекст, связанный с ближайшими соседями, и приоритет региональных рисков в области национальной безопасности. Таковы страны с достаточно скромными внешнеполитическими амбициями, в результате чего они сильно зависят от своих связей с другими странами и разрабатывают национальные стратегии в со-

ответствии с этим. Они все еще могут участвовать в многонациональных миссиях, но из-за ограниченности технических, финансовых и человеческих ресурсов их вклад оказывается крайне маленьким.

Такой региональный взгляд на политику безопасности присущ, например, странам Балтии. С обретением независимости в 1990-е годы они столкнулись с необходимостью заново формировать военные структуры, вырабатывать стратегические концепции и искать союзников. Основным таким партнером стали США и НАТО. Так, Эстония, Латвия и Литва вступили в программу «Партнерство ради мира» практически сразу же после вывода с их территории бывших советских войск (1994 год) и начали постепенную интеграцию в европейское и евроатлантическое пространства. Доктринальные документы балтийских государств, таким образом, были призваны показать их приверженность общей политике НАТО, включить в процесс стратегической интеграции. Такой взгляд на атлантическую ориентацию сохраняется и в актуальных доктринах безопасности Эстонии (2017), Латвии (2012) и Литвы (2016) [National Security Concept of Estonia, 2017; The State Defence Concept, 2012; Military Strategy of the Republic of Lithuania, 2016].

Региональное видение политики безопасности характерно также для стран Вышеградской группы, Дании, ряда государств на юге ЕС.

Отметим также, что различия в подходах к обеспечению безопасности проявляются и на уровне обновления документов. Более-менее систематическая корректировка внешнеполитического курса основывается на динамическом характере мировой системы безопасности, однако далеко не все государства отвечают на эти изменения. Так, например, Польша совсем недавно, весной 2020 года, выпустила новую редакцию своей доктрины безопасности [National Security Strategy of The Republic Of Poland, 2020], а у Греции этот вид документа с 1997 года не разрабатывался. Такая различная приоритетность документов еще раз свидетельствует о серьезном различии стратегических культур стран-членов ЕС. [de France, Witney, 2013]

Трансформация политики безопасности: вооруженные силы

Новые подходы к обеспечению безопасности приводят к необходимости реформировать национальные вооруженные силы для более эффективного решения задач. Трансформация армий в различных государствах практически везде шла по одному и тому же направлению с использованием одинаковых мер.

Итак, в основе коренных изменений в вооруженных силах лежало начавшееся еще в 1990-е годы сокращение национальных военных бюджетов и, соот-

ветственно, необходимость сокращения армий. Эти условия часто находят прямое отражение в национальных стратегиях безопасности. Так, например, немецкая Белая книга 2006 года [Weißbuch..., 2006] устанавливает границы сокращений в общей сложности до чуть более 200 000 тысяч военнослужащих. В целом же за 25 лет после окончания Холодной войны и воссоединения Германии численность бундесвера сократилась практически на 60% и достигла немногим более 180 000 человек к 2015 году [Kraft, 2018, p.65]. Это было одним из наиболее масштабных сокращений в национальных вооруженных силах среди стран ЕС.

Возможность серьезных бюджетных сокращений сохраняет и Франция, которая стабильно тратила на оборону больше, чем другие европейские страны (кроме Великобритании): французская Белая книга 2013 года [Le Livre ..., 2013] декларирует сокращение военного бюджета до 1,3% ВВП. Хотя с тех пор ситуация коренным образом изменилась, нового доктринального документа выпущено не было, что формально оставляет пространство для возможных сокращений.

Еще одним достаточно известным кейсом является сокращение вооруженных сил Италии, предпринятое в 2013 году. Основной целью было перераспределение бюджетных средств за счет уменьшения в них доли, отведенной на содержание личного состава, с 70% до 50%. Результатом реформ должно было стать снижение численности военнослужащих с 190 000 человек до 150 000 человек. В дальнейшем этот курс был подтвержден в Белой книге 2015 года. [Libro Bianco..., 2015]

Главной задачей в реформировании армий было максимальное сохранение прежних возможностей при меньших масштабах, а также адаптация под новые вызовы и условия. Для этого практически все европейские государства отменяют призыв и переходят на профессиональные армии.

Каких-либо единых временных границ начала профессионализации вооруженных сил выделить не представляется возможным, так как во многом такой переход зависел от индивидуальных внутренних условий. Так, например, еще в 1990-е от призывной системы отказываются Франция (1996–1997 года) и Италия (1999 год), в начале 2000-х годов – Испания (2001 год) и Португалия (2004 год), одними из последних переход на профессиональную армию объявляют Швеция (2010 год) и Германия (2011 год).

Частичный призыв сохраняется в Австрии (до 50% военнослужащих) и Греции (до 30% военнослужащих). Исключением является Финляндия, не только не проводившая таких реформ своих вооруженных сил, но и практически не сократившая их численность. Это объясняется сильной приверженностью страной позиции нейтралитета.

Сокращенные, но профессионально подготовленные вооруженные силы более соответствовали новым условиям системы мировой безопасности. В частности, они определили последующее направление реформы армий – развитие их оперативного и экспедиционного потенциала. В значительной степени этому способствовал и отход от принципа обеспечения территориальной обороны в сторону активного участия в военных и миротворческих операциях за пределами региона.

Важную роль здесь играли процессы перевооружения и модернизации оборонной инфраструктуры. Особую актуальность эти проблемы имели в странах бывшего Варшавского договора, которым от Советского Союза досталось оборудование и тяжелая техника, рассчитанная на возможную войну в Европе и в новых условиях морально устаревшая [Cattey, Edmunds, Forster, 2006]. В 1990–2000 годы Польша, Венгрия, Чехия и Словакия проводят ряд внутренних реформ, направленных на сокращение личного состава, на который стабильно расходуется большая часть военного бюджета. Кроме того, эти государства запускают программы закупок оборудования и техники у своих европейских соседей и США, однако темпы модернизации остаются медленными. Сравнительно небольшой объем денег, предназначенных для закупок, в свою очередь, вынуждает страны приобретать так же старую и списанную технику, как, например, это достаточно активно практикует Венгрия [Kufčák, 2014].

Характерен опыт Словакии, которая к 2015 году уменьшила численность своих вооруженных сил почти на 65%, а также более чем на 90% свой танковый и авиационный потенциал [Onderco, 2018, p.288], однако из-за серьезных бюджетных сокращений не могла тратить много на перевооружение. В результате страна продолжает опираться на устаревшую технику, что находит отражение в ее Белых книгах [White Paper..., 2016]. В целом, такой сценарий находит отражение в политиках преобразования вооруженных сил в других странах бывшей ОВД: даже с учетом сокращений они около половины бюджета тратят на обеспечение личного состава (антирекорд здесь принадлежит Словакии, которая в 2013 году тратила до 70% от всех ресурсов по данной статье) и только в районе 10% – на закупки. На общем фоне выделяется разве что Польша, стабильно тратящая на оборону 2% от своего ВВП.

В других странах модернизация шла по пути приспособления имеющихся структур и техники для решения нового спектра задач. Основной задачей было адаптировать национальные вооруженные силы для эффективной деятельности за пределами региона совместно с военными других государств. В данном

направлении существовало две главные проблемы – увеличение мобильности и обеспечение взаимодополняемости и комплементарности.

Одним из наиболее успешных примеров является немецкий опыт преобразования армии с учетом новых вызовов. Германия еще в начале 2000-х годов инициирует реформу, направленную на улучшение взаимодействий между своими силовыми структурами. В основе лежал принцип объединения усилий и лучшей координации действий. Так, например, основные рода вооруженных сил (армия, воздушные силы, флот) передавали общие вопросы в ведение новых структур (Объединенная служба поддержки и Центральная медицинская служба, 2000 год).

Развитие мобильности заключалось в постепенном отказе от основных принципов обеспечения безопасности, сформировавшихся во время Холодной войны и основывавшихся на тяжелых вооружениях и системе ПРО. Так, Германия идет на сокращение своего танкового парка и делает акцент на развитии технологий и закупке новых видов авиации, беспилотных летательных аппаратов и информационных систем. [*Kraft*, 2018, p.62–67]

Подобный принцип перехода к более мобильным и оперативным структурам был характерен и для других европейских государств. Отметим, что для некоторых стран реформирование вооруженных сил являлось одновременно реформированием всей политики безопасности. Так было, например, в Испании, у которой единой внешнеполитической доктрины не было до 2011 года. Тем не менее, испанская армия проходит те же направления преобразований, а цели достижения большей мобильности и эффективности декларировались в специальных Директивах о национальной обороне 2004, 2008 и 2012 годов [*Directiva...*, 2004, 2008, 2012].

Переход к обеспечению собственной безопасности через широкое участие в миротворческих и военных миссиях сделал актуальной проблему координации действий между участниками в духе взаимодополняемости, отсутствия дублирования и, что также немаловажно, комплементарности. На уровне доктрин безопасности эти вопросы только обозначаются в качестве важных направлений взаимодействия с другими европейскими странами (например, в Белых книгах Франции [*Le Livre...*, 2013] и Германии [*Weißbuch...*, 2016]), но универсальных подходов их решения не предусматривается. На практике каждая страна разрешает их самостоятельно для каждой конкретной операции.

Институционализация сотрудничества

Постоянное снижение военных бюджетов на протяжении первого десятилетия после окончания Холодной войны, а также активизация внерегиональной

активности европейских стран создали благоприятные условия для оформления и институционализации дву- и многосторонних соглашений между геополитическими акторами. Уже существовавшие и вновь заключенные соглашения становились важной составляющей политики безопасности. Основной причиной этой тенденции стало стремление стран компенсировать ограниченные ресурсы за счет их объединения, совместного эффективного планирования и использования.

Кроме того, ориентация на развитие диалога с другими государствами соотносится с общим более комплексным подходом к обеспечению безопасности. Отсюда – появление в доктринальных документах некоторых стран соглашений и организаций, не связанных с деятельностью в области безопасности. Характерный пример здесь – Стратегии национальной обороны Португалии 2003 и 2013 годов. В них наряду с ЕС и НАТО наиболее приоритетным партнером в области обеспечения безопасности называется Содружество португалоязычных стран. Испания ориентируется в своей политике безопасности на двусторонние соглашения со странами Латинской Америки [La Estrategia..., 2017].

В ряде случаев происходит институционализация соглашений по вопросам безопасности. Так, в 2004 году была создана Оборонная инициатива 5+5, ставшая площадкой для политического диалога между Испанией, Португалией, Францией, Италией, Мальтой с одной стороны и Марокко, Ливией, Алжиром, Тунисом, Мавританией с другой. Основными направлениями ее деятельности стала координация усилий по наблюдению и обеспечению морской и воздушной безопасности, а также совместные учения и содействие в исследованиях.

Отметим, что такое содержание соглашений достаточно универсально и лежит в основе большинства систем взаимодействий между различными региональными акторами. Примерами здесь могут быть упомянутое ранее двустороннее сотрудничество Швеции и Финляндии. Совместные учения составляют основу трехстороннего взаимодействия между Грецией, Кипром и Израилем. Чехия, Словакия и Венгрия сотрудничают, помимо прочего, по вопросам совместных закупок.

Усложнение и интенсификация взаимодействий приводит к появлению рамочных соглашений, и на их основе происходит институционализация сотрудничества между различными сторонами. Это, соответственно, предполагает создание специальных регулярно работающих институций: советов, рабочих групп и т.д. Такие соглашения способствуют усилению сближения государств и некоторой компенсации противоречий, вызванных различиями в стратегических культурах, а также в ориентирах и принципах ведения внешней политики.

Характерным примером здесь может являться англо-французская система оборонного взаимодействия, окончательно оформившаяся на основе Ланкастерских соглашений, подписанных в 2010 году президентом Франции Ф. Олландом и английским премьер-министром Д. Кэмероном. Соглашения объединили прошлые, во многом разрозненные договоры о взаимодействии между странами и задали конкретные рамки и направления развития.

На этом фоне интересно, что между Францией и Германией рамочное соглашение о взаимодействии в оборонной сфере было заключено еще в 1963 году (Елисейский договор), а в дальнейшем дополнено в 2019 году (Ахенское соглашение). Елисейский договор не касался сотрудничества только в сфере безопасности, но именно он заложил основу коллективных усилий Франции и Германии по этому направлению. В частности, наиболее важной составляющей этих усилий стало промышленное сотрудничество, в котором различия между политиками безопасности этих стран не были столь велики. [Kritz, 2018]

Таким образом, дискурсивно европейские стратегии безопасности развиваются в одном направлении. Тем не менее, страны продолжают ориентироваться главным образом на собственные силы и ресурсы и преследуют собственные интересы во внешней политике. Основная кооперация идет с ближайшими соседями из-за необходимости рационально использовать ограниченные ресурсы и неспособности самостоятельно удовлетворить потребности в безопасности. Различия в стратегических культурах, ориентация на национальные интересы, частые разногласия внутри ЕС, отличающиеся потенциалы, наконец, несовпадающее понимание характера и приложения рисков оказываются серьезными сдерживающими факторами в процессе европейской интеграции в единое пространство безопасности.

Библиографический список

Кутырев Г. Стратегия национальной безопасности и военное строительство Испании: в условиях новых вызовов // Проблемы европейской безопасности. – 2018. – № 3. С. 87–103.

Arteaga F. Security and Defence Policy // The Oxford Handbook for Spanish Politic. Oxford, 2020. P. 658–689.

Austrian Security Strategy. Security in a new decade– Shaping security. 2013. URL: https://www.bundesheer.at/pdf_pool/publikationen/sicherheitsstrategie_engl.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Cathey A., Edmunds T., Forster A. Civil–Military Relations in Post-Communist Europe: Assessing the Transition // *Civil–Military Relations in Post-Communist Europe*. NY: Routledge, 2006. P. 1–16.

Coticchia F. Italy // *The Handbook of European Defence Policies and Armed Forces*. Oxford, 2018. P. 113–132.

Das Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

France O. de, Witney N. Europe’s Strategic Cacophony. 2013. URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/ECFR77_SECURITY_BRIEF_AW.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Directiva le Defensa Nacional 2004. Madrid: Publications Centre, 2004.

Directiva le Defensa Nacional 2004. Madrid: Publications Centre, 2008.

Directiva le Defensa Nacional 2004. Madrid: Publications Centre, 2012.

Dorman A. United Kingdom // *The Handbook of European Defence Policies and Armed Forces*. Oxford, 2018. P. 68–81.

Kraft I. Germany // *The Handbook of European Defence Policies and Armed Forces*. Oxford, 2018. P. 51–67.

Kritz U. Franco-German Defence and Security Cooperation // *The Handbook of European Defence Policies and Armed Forces*. Oxford, 2018. P. 441–447.

Kufčák J. The V4 Countries and the Impact of the Austerity Cuts on their Defence Spending and Armed Forces // *Obrana a strategie*. 2014 Vol. 14. No. 2. P. 35–48.

La Estrategia de Seguridad Nacional 2017. 2017. URL: https://www.defensa.gob.es/Galerias/defensadocs/Estrategia_Seguriad_Nacional_2017.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Le Livre blanc 2013 rendu public. 2013. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/operations/livre-blanc-2013> (дата обращения: 20.05.2021).

Le Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale. 2008. URL: http://bdc.aege.fr/public/Defense_et_securite_nationale_Livre_Blanc.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Libro Blanco per la sicurezza internazionale e la difesa. 2015. URL: <https://flpdifesa.org/wp-content/uploads/2015/04/Libro-Bianco-2015.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

Livre blanc sur la défense. 1994. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/944048700.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

Military Strategy of the Republic of Lithuania. 2016. URL: http://kam.lt/en/defence_policy_1053/important_documents/strategical_documents.html (дата обращения: 20.05.2021).

National Security Concept of Estonia. 2017. URL: https://kaitseministeerium.ee/sites/default/files/elfinder/article_files/national_security_concept_2017_0.pdf
https://kaitseministeerium.ee/sites/default/files/elfinder/article_files/national_security_concept_2017_0.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. 2015. URL: <https://eda.europa.eu/docs/default-source/procurement/uk-national-security-strategy-and-strategic-defence-security-review-2015.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

National Security Strategy of The Republic Of Poland. 2020. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/National_Security_Strategy_of_the_Republic_of_Poland_2020.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Onderco M. Czech Republic, Hungary, and Slovakia // The Handbook of European Defence Policies and Armed Forces. Oxford, 2018. P. 272–290.

Paulo J.S. Análise crítica do conceito estratégico de defesa nacional de 2013 // Segurança e Defesa. 2013.

The Defence Strategy of the Czech Republic. 2017. URL: <http://www.army.cz/assets/en/ministry-of-defence/strategy-and-doctrine/defencestrategy2017.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

The State Defence Concept. 2012. URL: <https://eda.europa.eu/docs/default-source/documents/latvia-state-defense-concept-2012-pdf.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr. 2006. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/2008/IMG/pdf/weissbuch_2006.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

White Paper on Defence of the Slovak Republic. 2016. URL: https://www.mosr.sk/data/WPDSR2016_LQ.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

GENERAL DIRECTIONS FOR TRANSFORMING THE SECURITY STRATEGIES OF THE EU STATES AFTER THE COLD WAR

Popova Valeriya S.

National Research University Higher School of Economics,
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia,
vspopova1@gmail.com

Annotation

The article examines the change in the national security strategies of the member states of the European Union. They are expanding the concept of security. Almost all countries conceptualize their foreign policy. There are two approaches to security: regional and global. National armies are being transformed towards professionalization and increased efficiency and mobility and are being modernized. Security cooperation is being institutionalized and framework agreements are being concluded.

Key words

Security policy; doctrinal documents; European security strategies; European Union; militarization of the European Union.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА «СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ
ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
ДО 2025 Г.»**

Козырева Ксения Витальевна

Смоленский государственный университет,
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
ksen.pochta@gmail.com

Аннотация

В данной работе мы предлагаем ознакомиться со «Стратегическими направлениями интеграции Евразийского экономического союза до 2025 г.». Анализ документа показывает, что государства-члены Союза готовы расширить направления интеграции и вывести сотрудничество на качественно новый уровень, выйдя за рамки лишь экономической сферы.

Ключевые слова

Евразийский экономический союз; стратегические направления; интеграция; сотрудничество; единое экономическое пространство.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) считается одним из наиболее перспективных интеграционных объединений в мире (после, пожалуй, ЕС) и самым эффективно и динамично развивающимся собором на постсоветском пространстве. Основной целью государств до 2025 года является создание единого экономического пространства (пространства «четырёх свобод»), т.е. гарантий свободы передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Государства-члены постоянно работают над принятием решений и созданием механизмов, которые позволили бы ускорить интеграцию и добиться целей, поставленных в Договоре о Евразийском экономическом союзе.

Основными целями Союза являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;

- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [Договор..., 2015].

2021 год начался с публикации 14 января новых Стратегических направлений интеграции ЕАЭС до 2025 года (далее – Стратегические направления) [Опубликованы стратегические направления...]. Несмотря на общую экономическую направленность, документ содержит пункты, которые предполагают расширение интеграции в различных направлениях. В данной работе предлагается выявить предпосылки к выходу ЕАЭС за рамки только экономического объединения.

Методологическая основа исследования – комплекс анализа и синтеза, индукции и дедукции. Также мы применяем специальные методы социально-гуманитарных наук: контент-анализ, метод экспертных оценок. Работа представляет собой попытку провести комплексный анализ проблемы с привлечением знаний политологии, экономики, юриспруденции.

Государствами-членами ЕАЭС заложено, что реализация принятых в Стратегических направлениях аспектов позволит:

- завершить формирование Единого экономического пространства, в том числе посредством ускоренного введения в действие единых рынков в чувствительных для государств-членов сферах;

- определить возможности совместного урегулирования возникающих вопросов в целях минимизации изъятий и ограничений во взаимной торговле и недопущения возникновения барьеров;

- расширить перечень сфер экономического интеграционного взаимодействия;

- определить подходы к отраслевым политикам (скоординированная/согласованная/единая);

- укрепить международную правосубъектность Союза и его авторитет в мире;

- определить систему ответственности членов Коллегии и должностных лиц Евразийской экономической комиссии (далее - Комиссия) за соблюдение ими права Союза и исполнение актов органов Союза [Стратегические направления..., 2020; Решение Высшего Евразийского совета..., 2020].

Однако Стратегические направления от 2020 года провозглашают несколько направлений не чисто экономического характера. Попробуем разобраться, что это за направления, и в каких именно сферах необходимо сотрудничать государствам-членом ЕАЭС для их реализации.

Направление 8 регламентирует объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ. Это предполагает кооперацию в образовании, инновациях, экологии. Данный пункт создает основу для гуманитарного сотрудничества государств, что является отдельным самостоятельным уровнем кооперации, более связанным даже с политикой и «мягкой силой» в международных отношениях, нежели с экономикой [Сутырин, 2020].

Стратегические направления декларируют работу над созданием гарантий по выполнению принятых ЕАЭС договоренностей (п. 9.2 о повышении эффективности судебной системы Союза). На данном направлении планируется провести следующие мероприятия:

- Проработка возможности обращения государств-членов в Комиссию в целях досудебного урегулирования споров (в случае возникновения экономических споров между государствами-членами).

- Создание механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда Союза.

- Проработка вопросов, касающихся совершенствования механизма отбора и назначений судей Суда Союза, а также совершенствования квалификационных требований к судьям Суда Союза, должностным лицам и сотрудникам Аппарата Суда Союза.

Это прецедент в принуждении государств-членов ЕАЭС к реализации общих решений. Вопросы гарантий исполнения договоренностей и вовлечение гражданского общества в дела Союза означают определенную политическую кооперацию. Качественное изменение союза из экономического в политический станет стимулом как для окончательной гармонизации национальных законодательств (что на сегодняшний день является ключевой проблемой на пути к интеграции), так и для выработки новых механизмов работы, способствующих сближению государств (например, создание единой валюты) [Кузьмина, Ивахнюк, 2017].

В поддержку тезиса о создании валютного союза можно привести следующий пример. Встреча Высшего Евразийского экономического совета в апреле 2021 года показала, что стремление государств к политическому сотрудничеству сохраняется. Решение вопросов дальнейшего развития евразийской экономической интеграции соответствует интересам регионального развития. В этой связи появились инициативы по принятию мер в области макроэкономической и денежно-кредитной политики. В рамках направления предполагается провести стабилизацию обменных курсов национальных валют, а также провести работу над

обеспечением устойчивости валютно-финансовой системы ЕАЭС [Как пандемия сказывается на интеграции..., 2020].

Наконец, направление 10 говорит о расширении экономического сотрудничества в области образования, здравоохранения, туризма и спорта. Важно отметить, что помимо гуманитарной сферы (образования), здесь возникают отношения по поводу мигрантов и вопросы, связанные с населением Союза в целом.

Миграционная политика – важный элемент при построении единого экономического пространства, связанный со свободой перемещения рабочей силы. В соответствии со Стратегическими направлениями, в рамках обеспечения свободы движения рабочей силы государства намерены выработать предложения в отношении профессиональной квалификации работников по наиболее востребованным на рынке труда профессиям, проработать вопрос о создании Евразийской электронной биржи труда и создать унифицированную систему поиска «Работа без границ», предоставить возможность мигрантам обращаться в компетентные органы для изменения цели въезда без выезда за пределы государства, разработать и заключить договор о взаимном признании ученых степеней и ученых званий, а также проработать вопрос об урегулировании правового положения трудовых мигрантов на территории одного государства при расположении нанимателя на территории другого государства. Можно говорить, что инициативы стран ЕАЭС в области миграционной политики – это и сотрудничество в социальной сфере, и гуманитарное сотрудничество, и кооперация в области политики. Важно отметить, что большинство пунктов на этом направлении уже реализованы.

П. 10.6.5 ставит целью создание концепции туризма в ЕАЭС и развитие «евразийских туристских маршрутов». В совокупности с экономической кооперацией такой подход можно трактовать как развитие сотрудничества в социальной сфере.

Отдельно стоит отметить факт принятия в Стратегических направлениях векторов деятельности ЕАЭС на международной арене. В частности, в п.11.8.1 говорится о функции ЕАЭС как «одного из центров Большого евразийского партнерства», при этом объединение нацелено на активное участие в китайской инициативе «Один пояс – один путь». В том же пункте заявлено приобщение руководящих органов СНГ к работе в рамках ЕАЭС. Можно говорить о появлении внешних амбиций, совместных геополитических целей государств-членов ЕАЭС. Такие стремления могут стать тем самым «сплывающим» фактором, которого раньше у государств не было. Данные положения мы также относим к интеграции в политической сфере.

Помимо прочего, п. 11.3.1 раскрывает значимость завершения переговоров и создания зон свободной торговли с Арабской Республикой Египет и Государством Израиль, а также переговоры о зоне свободной торговли с республикой Индией (п. 11.3.2). Эти пункты расширяют сферы взаимодействия стран-участниц ЕАЭС, включая политику и международную торговлю.

Итак, новая Стратегия при общей экономической направленности интеграции ЕАЭС предполагает сотрудничество вне рамок экономики. Такой подход потенциально может стать стартом к углублению интеграции ЕАЭС в политическое русло. Более того, новые направления касаются не только жизни государств-членов внутри объединения, но и их внешнеполитических целей. Важно отметить, что сами по себе Стратегические направления регламентируют развитие интеграции исключительно в экономической плоскости, однако, проанализировав суть декларируемых положений, мы можем заключить, что страны-участницы ЕАЭС намерены расширить сферы своего взаимодействия в политической, гуманитарной, социальной и других сферах. Думается, что документ включает в себе большой потенциал, и после реализации стратегии (т.е. в среднесрочной перспективе, в течение 5 лет) ЕАЭС выйдет на качественно новый уровень кооперации.

Библиографический список

Договор о Евразийском экономическом союзе 29.05.2015 (в ред. от 01.10.2019).

URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/Documents/Договор%20о%20ЕАЭС.pdf>(дата обращения: 02.02.2021).

Как пандемия сказывается на интеграции стран ЕАЭС и что будет после? Форум корреспондентов Ирана, Центральной Азии и России. 2020.URL: <http://www.ca-irnews.com/ru/interview-ru/87511-как-пандемия-сказывается-на-интеграции-стран-еаэс-и-что-будет-после> (дата обращения: 27.02.2021).

Кузьмина Е., Ивахнюк И. Зачем нужен единый рынок труда? Аналитический доклад. М.: Центр изучения перспектив интеграции, 2017. 52 с.

Опубликованы Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. 14.01.2021. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx> (дата обращения 13.03.2021)

Решение Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения 13.03.2021)

Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. 2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения 02.02.2021)

Сутырин В. Стратегия 2025: ЕАЭС выходит за рамки экономического союза. 2021. URL: <https://eurasia-expert.turbopages.org/eurasia.expert/s/strategiya-2025-eaes-ekonomicheskogo-soyuza/> (дата обращения 14.03.2021)

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF EURASIAN INTEGRATION BASED ON THE ANALYSIS OF THE "STRATEGIC DIRECTIONS OF INTEGRATION OF THE EAEU UNTIL 2025»

Kozureva Ksenia V.
Smolensk State University,
4, Przhhevskogo str., Smolensk, 214000, Russia,
ksen.pochta@gmail.com

Annotation

In this research, we propose to get acquainted with the "Strategic directions of integration of the Eurasian Economic Union until 2025". The analysis of the document shows that the member states of the Union are ready to expand the areas of integration and bring cooperation to a qualitatively new level, going beyond just the economic sphere.

Key words

Eurasian Economic Union, Strategic Directions, Integration, Cooperation, Common Economic Space.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Дмитриева Валерия Денисовна
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9,
ms.valeria.spb@mail.ru

Аннотация

Современный католицизм, не отказавшийся от универсалистских тенденций, притягивает на формулирование собственного видения региональной интеграции, отличного от внутренних процессов Европейского союза. Однако в настоящее время в научной литературе отсутствует комплексный подход к анализу взаимодействия католической церкви и наднационального объединения государств Европы. В данной статье прослежены истоки и трансформация политической аргументации Святого престола, направленной на утверждение христианских ценностей в качестве фундамента европейской идентичности. В статье были также выявлены основные противоречия во взглядах церкви и Европейского союза на перспективы регионального развития и, в частности, на способы преодоления миграционного кризиса. Вывод автора заключается в необходимости выработки многоуровневой исследовательской модели, включающей историю политико-религиозной мысли, актуальный дискурс католицизма и европейских политиков, институциональное измерение взаимодействия.

Ключевые слова

Католическая церковь, Европейский союз, европейская интеграция, европейская идентичность, христианские ценности, универсалистские тенденции католицизма, европейский миграционный кризис.

Приспособление католицизма к изменяющейся действительности – результат многовековой истории борьбы за политическую власть, происходившей в условиях европейского институционального дуализма церкви и государства [Кондратенко, 2010]. В настоящее время Святой престол продолжает инициировать публичные дискуссии по различным вопросам, в том числе затрагивающим интересы Европы, представленной не только отдельными странами, но и их объединением.

Тем не менее, в современной политической науке, равно как и в смежных областях знания, отсутствует комплексный подход к анализу взаимодействия католицизма и Европейского союза (далее – ЕС). В связи с этим встает следующий

исследовательский вопрос: какие аспекты необходимо учитывать при переходе с национального – изучение отношений церкви и государства – на региональный уровень?

Позиция Святого престола относительно проекта европейской интеграции основывается на средневековой идее христианского единства (*Universitas Christianorum*), разработанной в трактате Аврелия Августина «О Граде Божиим» и получившей свое продолжение в политических теориях Данте Алигьери и Пьера Дюбуа. Переосмысление данной концепции в новом социальном, культурном и ином контексте способствовало актуализации универсалистских тенденций католицизма, маркировавшего в качестве ориентира политической деятельности построение «моральной» *Respublica Christianorum*, возводящей христианские ценности в ранг общезначимых [Кондращенко, 2014, с. 270–272].

В целом католицизм настаивает на «предзаданном» единстве человеческой природы, которое обладает духовно-нравственным, правовым (включенность людей и народов в систему естественного права) и экономическим, предполагающим общее предназначение благ, измерениями [Хеффнер, 2004, с. 289–292]. Указанная позиция, подкрепленная многовековой историей противостояния духовной и светской властей, предполагает достаточно критическое отношение церкви к государству и, как следствие, интерес к наднациональным структурам, нашедший свое отражение в официальных документах Святого престола.

В современном понимании особое католическое видение Европы появилось после Второй мировой войны и оказалось связанным с идеей реэвангелизации – возвращения региона к «христианским корням». Характер политико-религиозной аргументации находился в прямой зависимости от ситуации на международной арене и личных воззрений римских пап: антикоммунистическая риторика Пия XII сменилась политикой открытости миру Иоанна XXIII и стремлением Павла VI к выстраиванию диалога в широком европейском контексте. Общим стал тезис о «христианской душе» Европы, сформировавшей культуру региона и заложившей фундамент европейского единства [O'Mahony, 2009, p. 178–179].

Поскольку в этот временной период во главе большинства государств, состоявших в Европейском объединении угля и стали, находились представители христианской демократии, позиция Святого престола в определенной степени получила отклик от европейских лидеров [Сардарян, 2019, с. 360]. Однако к 1990-м гг. христианско-демократические партии окончательно дистанцирова-

лись от церковной иерархии, осуществив не только «нейтрализацию» религиозной составляющей идеологической платформы, но и выведение проблематики положения католицизма в странах ЕС за рамки собственной повестки [*Сардарян*, 2019, с. 380].

На рубеже тысячелетий европейский вектор политики папства был нацелен на включение государств Центральной и Восточной Европы в интеграционный процесс. Согласно взглядам Ионна Павла II, разделение региона на два противостоящих друг другу военно-политических блока не соответствовало изначальной целостности европейской цивилизации, восточная граница которой совпадает с территорией проникновения Евангелия. Подобный подход к определению Европы способствовал «примирению» католической церкви со странами бывшего социалистического лагеря и, как следствие, привел к росту числа дипломатических контактов Святого престола [*O'Mahony*, 2009, p. 187–188].

В 1970 г. состоялось назначение апостольского нунция при Европейских сообществах, а в 1996 г. папская нунциатура была расширена [*Хемапандха*, 2010, с. 50]. В 1980 г. Иоанн Павел II учредил Комиссию епископских конференций Европейского сообщества (далее – СОМЕСЕ), целью которой является налаживание диалога между католицизмом и институтами ЕС, осуществляемое посредством установления формальных (к примеру, в рамках проведения совместных мероприятий) и неформальных контактов. В наши дни организация осуществляет постоянный мониторинг политических процессов и изменений европейского законодательства в областях, затрагивающих интересы церкви [*Ourmission...*].

Согласно речипонтифика, произнесенной в Европейском парламенте в 1988 г., сотрудничество между государствами региона не должно ограничиваться сферами экономики и политики – следует стремиться к «духовному единству» [*Иоанн Павел II*, 1993, с. 202–203]. Примером практической реализации данной позиции служит проведение в 1991 г. синода европейских епископов, целью которого являлась оценка политических трансформаций, вызванных распадом СССР, а также содействие «новой евангелизации» как Западной, так и Восточной Европы [*Сорра*, 2014, p. 210]. Более того, при разработке проекта Конституции ЕС Святой престол настаивал на упоминании христианства в качестве одной из главнейших основ европейского строительства [*Хемапандха*, 2010, с. 61–71].

Базирующиеся на апелляции к истории региона притязания католицизма на право предложения собственной «программы» европейской интеграции в начале XXI в. нашли свое выражение в критическом осмыслении функционирования ЕС. Бенедикт XVI констатировал, что подписание Римского договора 1957

г. стало точкой отсчета на пути воссоединения Европы. Однако процесс европейской интеграции столкнулся с препятствиями, вызванными нарушением солидарности на международном и национальном уровнях. Папа акцентировал внимание на значимости обращения к христианской идентичности как к источнику универсальных ценностей, образующих фундамент «общего дома» населения Европы.

Бенедикт XVI выступил за выведение религии из приватной сферы в пространство публичной политики ЕС: верующие должны иметь возможность участвовать в политических дискуссиях и принятии общезначимых решений наравне со светскими людьми. Несмотря на то, что вклад верующих дискредитируется как попытка сохранить неоправданные привилегии, понтифик призвал католиков к привнесению Евангелия в (политическую) жизнь Европы [*Benedict XVI*, 2014, p. 145–148].

В связи с этим важно привести результаты исследования, реализованного Институтом международных отношений в Праге (Institute of International Relations Prague). Оно базируется на комбинации контент- и дискурс-анализа официальных документов католической церкви – Святого престола, *COMECE* и Совета епископских конференций Европы – и ЕС (текстов выступлений и заявлений глав европейских политических институтов, правовой документации, запросов депутатов Европарламента) 1990–2010 гг. Данное исследование позволило установить, что выстраивание взаимоотношений католицизма и ЕС носит асимметричный характер, выражающийся, в том числе, в различии дискурсивных практик.

Католическая церковь использует несколько стратегий налаживания диалога с ЕС, к которым можно отнести «присвоение» понятий через добавление соответствующих эпитетов. К примеру, секуляризм трактуется в качестве негативного явления, а «здоровый» секуляризм – как основа свободы религии. Еще одной стратегией является «замещение» – предложение собственной, альтернативной позиции. В частности, католицизм утверждает значимость прав человека, однако настаивает на том, что они основываются не на индивидуалистическом подходе, а на общности природы людей, созданных «по образу и подобию Божию».

В свою очередь, в документах ЕС затрагиваются исключительно технические вопросы взаимодействия с католической церковью и/или конкретная политика Святого престола (например, в области биоэтики). Главы европейских по-

литических институтов признают не христианскую природу современной Европы, а исторически европейский характер христианства, обусловивший его широкое распространение на территории ЕС.

В европейских официальных документах акцент делается на понятиях секуляризма и религиозной свободы. С одной стороны, это служит риторическим инструментом поддержки католиков и иных религиозных общин, подвергающихся дискриминации за пределами региона. С другой стороны, происходит ограничение не только властных притязаний католической церкви в европейских странах, но и возможности политического союза Святого престола и ЕС. Католицизму, наравне с другими религиями и конфессиями, отводится роль участника интеллектуального и культурного диалога с европейскими политическими институтами.

Следует отдельно отметить, что единственной областью, где за период 1990–2010 гг. возросла положительная оценка деятельности христианских церквей, стала их роль в преодолении финансово-экономического кризиса, пик которого в Европе пришелся на 2009 г. Это характерно как для социальной работы, проводимой различными религиозными организациями, так и с точки зрения вклада церквей в легитимацию проекта региональной интеграции [*Kratochvil, Doležal, 2015, p. 105–145*]. В настоящее время наблюдается аналогичная тенденция: в условиях миграционного кризиса усиливается интерес политиков к христианской идентичности как фактору самоопределения европейцев, а также к феномену церковной благотворительности [*Лункин, 2018, с. 49–51*].

Ведущую роль во взаимодействии церкви со структурами ЕС начинают играть организации, занимающиеся социальной работой. Примером может служить деятельность католической сети *Caritas*, направленная на смену приоритетов европейской политики, включая утверждение законных путей миграции [*Human Rights Day...*]. Более того, в 2017 г. была учреждена Дикастерия по содействию целостному человеческому развитию, объединившая в себе функции ранее существовавших органов Римской курии. В задачи дикастерии входит налаживание диалога с международными организациями, правительствами и институтами гражданского общества для повышения осведомленности по миграционному вопросу [*Pope Francisasa Global Actor...*, 2018, p. 277].

Нынешний папа Франциск воспринимает Европу не в качестве выкристаллизовавшегося актора международных отношений, а как политический проект, реализация которого зависит от протекания внутренних интеграционных процессов. Отсюда выводится необходимость актуализации идей отцов-основателей ЕС

– Р. Шумана, А. де Гаспери, К. Аденауэра, – в центре внимания которых находился принцип солидарности. Возвращение к европейским «корням» наместник Святого престола связывает с привитием христианских ценностей молодому поколению, а также с открытостью Европы мировому сообществу, выражающейся в готовности принимать мигрантов и беженцев [*Шебалина*, 2018, с. 193–195].

Понтифик подчеркивает, что экономическое процветание отстранило европейцев от заботы о незащищенных слоях населения, способствовав распространению крайне правых взглядов, – мигранты начали восприниматься как «предметы, подлежащие эксплуатации». В связи с этим на Европу, позиционирующую себя в качестве родины прав человека, возлагается ответственность за переосмысление данной концепции в ситуации миграционного кризиса [*Pope Francisasa Global Actor...*, 2018, p. 182].

Выстраивая политическую аргументацию относительно будущего развития ЕС, глава католической церкви предложил четыре «образа»:

1. «Европа, которая является другом для всех и каждого». Этот тезис включает уважение человеческого достоинства, защиту жизни и поощрение труда как средства личностного роста.

2. «Европа, которая является семьей и общиной», объединяет самобытные, но связанные общей историей и судьбой народы.

3. «Инклюзивная и щедрая Европа», базирующаяся на принципе солидарности – помощи наиболее уязвимым социальным группам, в частности мигрантам.

4. «Европа, отмеченная здоровым секуляризмом». Разграничение «кесарю – кесарево, а Богу – Богово» не должно приводить к противостоянию светского и духовного. Папа выступил за свободу религии и участие верующих в общественных дискуссиях [*Pope Francisdreams...*].

В целом, согласно Франциску, христианские основы не должны использоваться для построения сообщества с «замкнутой идентичностью» – в случае ЕС это приводит к постепенной утрате возможности задавать направление мирового развития [*Шебалина*, 2018, с. 195–196]. Обозначенная позиция контрастирует со стремлением большинства европейских государств к снижению численности принимаемых мигрантов и беженцев, что потенциально может стать катализатором обострения существующих между католической церковью и ЕС разногласий.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что первоначально интеграция государств Европы в наднациональное объединение воспринималась Святым престолом в качестве образца будущего глобального политического порядка. Указанный процесс соотносился как с универсалистскими тенденциями церкви, так и с

политическим контекстом – приходом к власти христианских демократов. Однако с течением времени проявился противоречивый характер взаимодействия католицизма и ЕС, исследование которого оказывается затруднено в силу отсутствия комплексного подхода.

Проведенный обзор различных аспектов данной проблематики позволил прийти к выводу о необходимости выработки трехуровневой исследовательской модели, включающей:

- 1) изучение истории политико-религиозной мысли, позволяющее выявить истоки проекта европейского единства;
- 2) учет актуального политического дискурса, в том числе содержащегося в официальных документах католической церкви и ЕС;
- 3) рассмотрение институционального измерения взаимодействия.

Библиографический список

Иоанн Павел II. Единство в многообразии. Размышления о Востоке и Западе / пер. с ит. Милан, М.: Христианская Россия, 1993. 240 с.

Кондратенко С.Е. Католицизм в условиях глобального кризиса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. №3. С. 267–277.

Кондратенко С.Е. Католицизм и государство: истоки двухполюсной модели общества // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2010. №1. С. 121–127.

Лункин Р.Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. №4. С. 46–64.

Сардарян Г.Т. Западно-христианские идейно-теоретические основы становления и развития республиканизма: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2019. 435 с.

Хемапандха П.-Ч. Дипломатия Римской Католической церкви на современном этапе европейской интеграции. СПб.: СПбГУ, 2010. 155 с.

Хеффнер Й. Христианское социальное учение / Пер. с нем. М. Шиллера и В. Песенко. М.: Культурно-просветительский Центр «Духовная Библиотека», 2004. 323 с.

Шебалина Е.О. Латиноамериканский фактор в формировании подхода Папы Франциска к региональным и мировым проблемам // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 3. С. 192–208.

Benedict XVI. The Garden of God: Toward a Human Ecology. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2014. 219 p.

Coppa F.J. *The Papacy in the Modern World: A Political History*. London: Reaktion Books, 2014. 304 p.

Human Rights Day: Caritas Europa invites EU to leave no one behind [Электронный ресурс] // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/church/news/2019-12/human-rights-day-caritas-europa-statement.html> (дата обращения: 16.05.2021).

Kratochvíl P., Doležal T. *The European Union and the Catholic Church: Political Theology of European Integration*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 217 p.

O'Mahony A. *The Vatican and Europe: Political Theology and Ecclesiology in Papal Statements from Pius XII to Benedict XVI* // *International journal for the Study of the Christian Church*. 2009. Vol. 9. №3. P. 177–194.

Our mission [Электронный ресурс] // *The Catholic Church in the European Union*. URL: <http://www.comece.eu/site/en/ourmission> (дата обращения: 12.05.2021).

Pope Francis as a Global Actor: Where Politics and Theology Meet / ed. by A.J. Lyon, C.A. Gustafson, P.C. Manuel. London: Palgrave Macmillan, 2018. 292 p.

Pope Francis dreams of a Europe of solidarity and respect for all peoples [Электронный ресурс] // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2020-10/pope-francis-europe-solidarity-friendship-parolin.html> (дата обращения: 13.05.2021).

INTERACTION OF THE CATHOLIC CHURCH AND THE EUROPEAN UNION: TO RAISE THE QUESTION

Dmitrieva Valeriia D.
Saint Petersburg University,
7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia,
ms.valeria.spb@mail.ru

Annotation

Modern Catholicism, which has not abandoned the universalist tendencies, claims to formulate its own vision of regional integration, separate from the internal processes of the European Union. However, at present, the scientific literature lacks a comprehensive approach to the analysis of the interaction of the Catholic Church and the supranational association of European states. This article traces the origins and transformation of the political argumentation of the Holy See aimed at establishing Christian values as the foundation of European identity. The article also identified the main differences in the views of the Church and the European Union on the prospects for regional

development and, in particular, on ways to overcome the migration crisis. The author's conclusion is that it is necessary to develop a multi-level research model that includes the history of political and religious thought, the current discourse of Catholicism and European politicians, and the institutional dimension of interaction.

Key words

Catholic Church, European Union, European integration, European identity, Christian values, universalist tendencies of Catholicism, the European migration crisis.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СПОРНЫХ ИСТИН В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Казаков Илья Викторович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

101000, Россия, г. Москва, Мясницкая, 20;

Псковский государственный университет,

180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2,

i.v.kazakov@list.ru

Аннотация

В связи с обеспокоенностью качеством информации, предоставляемой разными субъектами в качестве достоверной, в США получила распространение практика факт-чекинга, которая имеет ограниченный эффект в силу игнорирования перформативных функций политического текста. В статье предлагается применить постструктуралистский дискурсивный исторический подход в поиске ответа на вопрос о том, как социальные акторы конструируют смыслы в дискурсивном оспаривании фактических утверждений в публичной сфере США. В результате анализа заявлений, сделанных политиками и опровергнутых такими учреждениями, как Politifact или FactCheck.org, сделан вывод о том, что логика, лежащая в основе оспариваемых утверждений, скрыта от взглядов обычных искателей истины. Применение предложенного подхода дает понимание конструирования интерсубъективного знания и позволяет проследить связи между отдельными дискурсивными стратегиями и категориями смыслов, вкладываемых акторами в их сообщения.

Ключевые слова

Дискурс, США, факт-чекинг, перформатив, медиа, истина.

Повод для настоящего исследования заключается в том, что в США растет озабоченность общества качеством информации, представляемой различными субъектами в качестве фактической. Этой проблеме посвящено много академических исследований, о ней пишут СМИ, говорят политики и общественные деятели [Mitchell et al., 2019; McGregor, Kreiss, 2021], выражая озабоченность распространением того, что называется «фейк-ньюс», «пост-правдой», «альтернативными фактами» и воспринимается как ложь со стороны политиков, которых обвиняют в дезинформации общества.

На этом фоне растет влияние факт-чекеров, то есть специальных институтов, которые занимаются проверкой фактов. Такая проверка может возникать как на базе СМИ, так и отдельно: ею могут заниматься общественные деятели и даже

обычные люди. В качестве примера учреждений, специализирующихся на проверке фактов, можно назвать The Washington Post Fact Checker или веб-сайты Politifact, FactCheck.org. Эти организации рассматривают отдельные заявления политиков и проверяют их на соответствие истине.

Практика проверки фактов зародилась в США и особенно широко стала применяться в 2016 и 2020 годах (в последние два выборных цикла) в связи с рядом заявлений Дональда Трампа, которые зачастую не выдерживали такой проверки.

Необходимо отметить, что объектом растущего числа академических исследований в последние годы становится сама по себе практика проверки фактов: исследования пост-правды, альтернативных фактов и факт-чекинга [Nieminen, Rapeli, 2018]. Следствием того, что данная практика воспринимается современными исследователями в качестве чего-то совершенно нового, является новая терминология, необходимая для описания явления (таковы, в частности, термины «пост-правда» и «альтернативные факты»). Но в действительности за этим кроется еще в античности обозначенная проблема поиска, конструирования и определения истины, а также тех рамок и критериев, которые необходимы для выявления истины (что мы считаем истиной, а что нет и по каким причинам).

Наш исследовательский вопрос заключается в следующем: как социальные акторы конструируют смыслы в дискурсивном оспаривании утверждений в публичной сфере США? Ответ на данный вопрос позволит прояснить, как рождаются знания во взаимодействии социально-политических субъектов.

Проблема истины и производства знания существует с древнейших времен. Она была обозначена еще в «Риторике» Аристотеля. Различные отрасли риторики, развиваясь на протяжении веков и преследуя различные цели, внесли свой вклад в ее разработку. Сегодня в науке существуют традиция аргументативной теории и критическая риторика. Но проблема с риторикой в разных ее видах состоит в том, что эта наука до сих пор носит прикладной характер; перед исследователями риторики сегодня не стоят задачи подняться над дискурсом, посмотреть на него со стороны, с точки зрения общей проблематики, контекста.

Исходя из конструктивистской точки зрения, можно утверждать: то, что понимается как факт, на самом деле является социальной конструкцией. Поэтому исследователю не стоит пытаться установить, кто прав в споре, а кто нет. Но имеет смысл рассмотреть, как различные группы, принимающие участие в спорах, конструируют свою собственную истину и оспаривают доводы противника.

Подойти к решению проблемы с точки зрения общей проблематики пытались, например, исследователи эпистемических сообществ (например, Питер М. Хаас). Эпистемические сообщества – это сообщества людей, которые выстраивают режимы правды, определяя, что считать правдой, а что нет, и по каким критериям. Например, сообщество журналистов решает эту проблему не так, как сообщество политиков. Сообщества политиков разных направлений будут тоже решать этот вопрос по-разному, демонстрируя разные подходы к истине. Такие эпистемические сообщества, возникая, по-разному конструируют свою правду.

Другой подход пытались применить исследователи публичной сферы (например, Юрген Хабермас). Вслед за Юргеном Хабермасом мы определяем публичную сферу как общество, вовлеченное в критические публичные дебаты. Мы не разделяем некоторые идеи Хабермаса, например, необходимость того, чтобы публичная сфера была инклюзивной. Мы придерживаемся риторического подхода Джерарда Хаузера, который заявил, что наиболее важной особенностью публичной сферы является сосредоточенность на обсуждении важных социальных вопросов. «Публика может быть подавленной, искаженной или ответственной, но любая оценка ее фактического состояния требует, чтобы мы исследовали риторическую среду, а также риторический акт, из которого они выросли, поскольку это условия, которые составляют их индивидуальный характер» [Хаузер, 1999].

Чтобы понять, как рождаются знания во взаимодействии социально-политических субъектов, существующих подходов будет недостаточно, но их можно изменить так, чтобы новый подход помог разобраться с терминологической неразберихой в современной науке и остановить попытки представить эту довольно старую проблему как нечто совершенно новое.

В настоящем исследовании используется постструктуралистский и критический анализ дискурса. Между ними существуют определенные отличия. Но на практике многие исследователи совмещают элементы постструктурализма и критического подхода (например, Мишель Фуко, Норман Фэйркло, Рут Водак).

В чем проблема существующих подходов? Проблема риторических подходов – в том, что они носят, как правило, сугубо прикладной характер. Основными проблемами критического дискурс-анализа (CDA) были, как резюмирует Пол Чилтон [Чилтон, 2012], массивные нормативные допущения, лежащие в основе критической позиции, акцент на критике самого языка (например, грамматической структуры), предвзятость исследователя. Эти проблемы затрудняют изучение более широкой картины, стоящей за идеологически нагруженными заявле-

ниями о социальной реальности: вместо изучения того, как смыслы конструируются в политике, многие исследователи конструируют свои собственные значения в соответствии со своей нормативной теорией, вынося «за скобки» все то, что не получается нормативно интерпретировать, и остаются довольны результатами, что не улучшает общего понимания политики и дискурса как такового.

Это то слабое место, которое не позволяет критическому дискурс-анализу решить те проблемы, которые сегодня стоят перед обществом. С нашей точки зрения, критический дискурс-анализ сделал заметный крен в сторону нормативности и несколько забыл, для чего он нужен. А нужен он именно для того, чтобы отвечать на вопрос о том, как конструируются смыслы и как конструируются истина и знание общества в процессе дискурса.

Большинство исследований, посвященных факт-чекингу и заявлениям политиков, а также тому, как они оспариваются, выполнены в русле позитивизма и являются количественными исследованиями. Их проблема, как нам видится, состоит в том, что для исследования принимается во внимание слишком поверхностный уровень высказывания; делается слишком большой фокус на исследование констатива.

Но часто нет смысла проверять что-либо, потому что «факты» встроены в риторику и дискурсивные стратегии, и их истинное значение намного глубже, чем константный уровень. Концепция иллокутивных актов, введенная Дж. Л. Остином, является хорошей отправной точкой для понимания того, что сказанное и то, что имеется в виду, не обязательно должны совпадать. Мы должны признать, что весь текст может быть перформативным высказыванием, и его буквальное значение (констативный уровень) может не иметь отношения к цели коммуникации.

Политики делают заявления, которые бессмысленны или противоречат фактам с точки зрения анализа констатива. Затем специалисты по проверке фактов проводят нарративный анализ этих утверждений, упуская из виду их реальный смысл. После этого политологи изучают то, что только что сделали проверяющие, тоже упуская из виду главное. В результате критический анализ дискурса, который должен был помочь нам разобраться в ситуации, не может этого сделать из-за его собственной нормативной предвзятости.

Например: Дональд Трамп заявляет нечто – и мы проверяем, соответствует ли его заявление истине; но если рассмотреть контекст ситуации, то может оказаться, что для цели высказывания Трампа вообще irrelevantно, соответствует ли высказывание каким-то фактам политической жизни или не соответствует, так

как его истинной целью было перформативное высказывание. Перформатив может быть более важен, чем констатив и нарратив. От поверхностных, с нашей точки зрения, количественных исследований это ускользает. Здесь и лежит проблема, которую мы пытаемся решить через очищение критического дискурса-анализа от всего лишнего и добавление того, чего в нем недостает для решения актуальных задач конструирования истины.

Работа выполняется в рамках дискурсивного исторического подхода, откуда и берется концепт дискурсивных стратегий (более или менее преднамеренных практик, включая дискурсивные практики, принятых для достижения определенной цели). При анализе важно учитывать цель и мотивацию акторов, а также то, как эта мотивация реально реализуется в дискурсе на практике; важно сосредоточиться на связи между действиями акторов, их мотивациями и их выбором дискурсивных стратегий.

Исследование направлено на изучение современного американского дискурса. Основная единица анализа – это оспариваемое заявление американского политика. Для анализа нами выбраны заявления, привязанные к наиболее шумевшим политическим событиям. Это заявления, сделанные политиками, оспаривавшиеся как противоборствующими политическими силами, так и факт-чекерами, т.е. медиа, деятельность которых прямо направлена на проверку фактов. Мы рассматриваем, как именно во взаимодействии дискурсов разных сторон формируется интересубъективная реальность или несколько реальностей во взаимодействии.

Именно практика факт-чекинга дает лучшие примеры того, как упускают из виду всю суть спора при (предположительно) попытках ее прояснить. Чтобы понять, как формируется знание, нам нужно выйти за рамки констатива.

Планируется использовать абдуктивную стратегию исследования: вместо того, чтобы изначально задавать какие-то рамки и вписывать в них то, что мы видим в дискурсе, необходимо вначале посмотреть, как разные концепты реально существуют в дискурсе (будет выявлено, какие категории смыслов акторы стремятся выразить своими речевыми актами), затем будут выявлены концепты более высокого уровня, будет выявлено, какие дискурсивные стратегии используются акторами, что позволит обратиться на следующем этапе к интерпретации эмпирических данных. В результате интерпретации будет представлено соотношение: каким идеям, каким смыслам соответствуют определенные дискурсивные стратегии, и в каких дискурсивных контекстах какие стратегии используются. Для каждого случая будет проанализировано само исходное утверждение,

затем – более широкий дискурсивный контекст, стоящий за исходным утверждением, статьи о проверке фактов, касающиеся утверждения и взаимодействия между двумя дискурсами. Эти четыре части вместе составляют сложный случай, который следует изучить целиком. Предполагается провести пилотный анализ какого-то отдельного эпизода. Дискурс вокруг штурма Капитолия может быть довольно репрезентативным примером, который позволит многое выявить в методологическом плане и определить пути практической работы с материалом.

Ожидаемый результат – понимание стратегий конструирования интерсубъективного знания политическими акторами и прослеживание связи между отдельными дискурсивными стратегиями и категориями смыслов, вкладываемых акторами в их сообщения. Это даст понимание общей картины субъективной реальности, в которой действуют спорные политические заявления. Под субъективным я имею в виду идею «мы-субъективности» (см. [McIntyre, 2012]), восходящую к Гуссерлю. Социальные группы создают свое коллективное субъективное понимание реальности, которое лучше всего раскрывается, когда это понимание вступает в конфликт с идеями другой группы, как, например, в случае широко оспариваемых утверждений, сделанных политиками. Перформативное значение широко оспариваемых утверждений скрыто от взглядов конвенциональных искателей истины, что не дает им понять, почему проверка фактов имеет ограниченный эффект. Мы намерены обнаружить дискурсивные стратегии, в которые широко встроены такие утверждения, а затем мотивы, лежащие в основе разработки этих конкретных стратегий.

Это позволит понять, как конструируется знание в политике в рамках дискурсивного процесса.

Библиографический список

Eemeren F. H. van, Houtlosser P. Strategic Manoeuvring in Argumentative Discourse // *Discourse Studies*. 1999. № 1(4). P. 479–497. URL: <https://doi.org/10.1177/1461445699001004005> (дата обращения: 14.04.2021).

McGregor S.C., Kreiss D. Americans Are Too Worried About Political Misinformation // *Slate Magazine*. 2021. October 30. URL: <https://slate.com/technology/2020/10/misinformation-social-media-election-research-fear.html> (дата обращения: 14.04.2021).

McIntyre R. «We-Subjectivity»: Husserl on Community and Communal Constitution // *Intersubjectivity and Objectivity in Adam Smith and Edmund Husserl*. Frankfurt: Ontos Verlag, 2012. P. 61–92.

Mitchell A., Gottfried J., Walker M., Fedeli S., Stocking G. Many Americans Say Made-Up News Is a Critical Problem That Needs To Be Fixed // Pew Research Center's Journalism Project. 2019. June 5. URL: <https://www.journalism.org/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/> (дата обращения: 14.04.2021).

Nieminen S., Rapeli L. Fighting Misperceptions and Doubting Journalists' Objectivity: A Review of Fact-checking Literature // *Political Studies Review*. 2018. 17(3). P 296–309. URL: <https://doi.org/10.1177/1478929918786852> (дата обращения: 14.04.2021).

Chilton P.A. «Critical» in Critical Discourse Analysis (2012).URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781405198431.wbeal0280> (date of access: 14.04.2021).

ON STUDYING DISPUTED TRUTHS IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Kazakov Ilia V.

National Research University Higher School of Economics,
11, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia

Pskov State University,
2, Lenina Square, Pskov, 180000, Russia,
i.v.kazakov@lisr.ru

Annotation

Because of growing public concerns about the quality of the information presented by various entities as factual, the practice of fact-checking has spread in the United States. Fact-checking has had a limited effect because its methodology ignores the performative functions of political text. The article proposes to apply a post-structuralist discursive historical approach to answer to the question of how social actors construct meanings while challenging statements in the US public sphere. An analysis of statements made by politicians and refuted by institutions such as Politifact or FactCheck.org concluded that the logic behind the contested claims is hidden from the view of conventional truth seekers. The application of the proposed approach provides an understanding of the construction of intersubjective knowledge by political actors and allows to trace the connections between the discursive strategies and categories of meanings that the actors put into their messages.

Key words

Discourse, the United States, Fact-Checking, Performative, Media, Truth.

КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 94(47).084.6 (656.2)

ПАРОВОЗ «СВЕТЛОГО ЗАВТРА»? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ СОВЕТСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-1930 ГОДОВ

Ляшенко Вадим Михайлович
Украинский государственный
университет железнодорожного транспорта,
61050, Украина, г. Харьков, пл. Фейербаха, 7,
lyashenkovm99@gmail.com

Аннотация

В исследовании рассматривается будущее железных дорог – таким, каким оно виделось железнодорожникам, в первую очередь, авторам технической литературы в период 1920–1930 гг. Цель исследования – анализ подобных представлений в технической литературе. Всего в работе была проанализирована 21 книга, особенностью которых является преимущественно прикладной характер. Подводя итоги, можно сказать, что путь, пройденный технической мыслью в периоде 1928–1938 годов, нельзя назвать прямолинейным. Он начался абстрактными классификациями и очень общими идеями, конкретизировался в начале 1930-х, демонстрируя более четкие планы относительно путей и подвижного состава, и приобрел «зрелость» во второй половине 1930-х годов. Идеализм и даже некоторый романтизм 1920-х годов уступил место прагматизму, отсутствию излишне радикальных методов и курсом на быстрое, но сбалансированное развитие.

Ключевые слова

Железная дорога, паровоз, пятилетка, СССР, история транспорта.

«Идеалистический период»: сверхмагистраль для сверхгрузов

«Развитие железнодорожной сети СССР значительно отстало от строительства остального мира» [О’Рурк, 1926, с. 26]. Такие неутешительные слова вынесены во вступительную часть «Железнодорожной энциклопедии» 1926 года. При этом указывалось, что «нет такой области в экономической жизни страны, в которой железные дороги не играли бы весьма значительной роли. Вся промышленность страны, точно так же, как и торговля, и сельское хозяйство, зависят от железных дорог» [О’Рурк, 1926, с. 11].

Между перспективами, которые должны были неизбежно настать, и реальными возможностями железных дорог в конце 1920-х годов, было огромное противоречие. Развитие страны бросало железным дорогам вызов, с которым они с трудом справлялись. Железнодорожный транспорт называли «узким местом», что тормозило развитие народного хозяйства [*Струженцов*, 1935, с. 7]. Статья в сборнике Ленинградского института инженеров транспорта прямо-таки угрожала неизбежным появлением огромных потоков грузов, которые придется обслуживать [*Кашкин*, 1929, с. 43].

Очень показательна цитата из предисловия к книге «Узкоколейные паровозы» 1929 года. Во вступлении шла речь о стратегии развития дорог США и Канады. Говорилось о том, что в этих странах даже при «колонизации» малонаселенных районов сразу же укладывают нормальную магистраль с тяжелыми рельсами. Автор вступления, некто Дмоховский, говорит так: «*Мы, при своей бедности, не можем идти, по-видимому, по пути Канады...*» [*Трубецкой*, 1929, с. 6]. Потому научно-технический комитет при Народном комиссариате путей сообщения старался выработать решение проблемы.

Поднять эффективность условной железнодорожной линии можно либо проложив рядом еще одну линию, либо улучшив организацию, либо внедрив новые паровозы и вагоны. Бесконечно улучшать организацию невозможно, и рано или поздно железная дорога потребует капиталовложений. Именно этот вопрос и решался комитетом в исследуемый период, то есть, вырабатывалась стратегия дальнейшего развития железнодорожного транспорта в целом.

В 1929 году Научно-технический комитет Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) выработал новую систему классификации железных дорог [*Карташов*, 1929, с. 2]. Подобная классификация отображала предполагаемую стратегию развития железнодорожной сети. Все железные дороги были разбиты на четыре разряда, при этом в каждом были две категории – равнинная и горная. Вне категорий были «пионерские» железные дороги. Они были временными и предназначались для «колонизации» малонаселенных регионов. В четвертую – самую нижнюю – категорию были отнесены подъездные пути и малозначительные ветки. Третью категорию составили магистрали облегченного типа. Интересно, что практически вся советская железнодорожная сеть на тот момент фактически подпадала именно под этот разряд. По сути, остальные категории дорог были настоящим планом развития. При этом – достаточно смелым: качество подобных дорог во многом опережало изношенную войной и разрухой советскую железнодорожную сеть. Во второй категории были магистрали нормального

типа. Первую категорию составляли так называемые «сверхмагистральи» [Карташов, 1929, с. 7; Техническая энциклопедия, 1929, с. 447].

Под сверхмагистралью подразумевалась сверхмощная дорога для исключительно интенсивных грузопотоков [Карташов, 1929, с. 5]. Грузопотоки эти должны были быть массовыми, однородными и крупными – только тогда подобная дорога не только окупилась бы, но еще и стала бы самым дешевым способом их доставки [Бернацкий, 1925, с. 10].

Сверхмагистраль согласно идее того времени должна была обладать тяжелыми прочными рельсами, чтобы пропускать по себе паровозы повышенной мощности. Пустить подобные паровозы по нормальным линиям невозможно – под их весом обычный путь очень быстро износится и разрушится. Потому предлагалось построить сверхмагистральи на особо важных межрегиональных направлениях – например, между Москвой и Донбассом или между Уралом и Кузбассом.

В целом, классификация дорог 1929 года выглядит достаточно грандиозно. Так, «нормальная» магистраль должна была допустить паровозы на треть тяжелее, чем обычный паровоз того периода, а сверхмагистраль – на две трети [Карташов, 1929, с. 4]. При этом количество разных типов дорог в ней было в четыре раза больше, чем насчитывалось в Советском Союзе – согласно ей же.

Мнения относительно этой системы разделились. Профессор Николай Иванович Карташов в книге «Паровозостроение» назвал ее «достаточной в нормальных условиях жизни страны». Он также оговорился, что до этой классификации утверждали неоднократно [Карташов, 1929, с. 2]. Скорее всего, это свидетельствует о полном отсутствии четкой стратегии развития железнодорожного транспорта до конца 1920-х годов. Профессор Константин Николаевич Кашкин называл новую классификацию «слишком дробной». Размышляя о дорогах, он пишет, что нужно или уже строить сверхмагистральи, или усиливать имеющиеся дороги до их уровня. При этом он игнорирует промежуточный тип «нормальной» магистральи [Кашкин, 1929].

Период реализма: реконструкция и ОГПУ

Классификация образца 1929 года была отменена приказом НКПС 3 февраля 1931 года [Митюшин, 1932, с. 19]. Начало 1930-х годов было переломным. Это видно даже исключительно по тому, как преобразуется риторика технической литературы. В 1929 году Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) «*раскрывает контрреволюционную группировку, что стремилась сорвать реконструкцию железнодорожного транспорта*». При этом само слово «реконструкция» вплоть до этого разгрома в литературе не появляется, и уж тем более стратегия развития дорог не называется реконструкцией.

Если до этого развитие железнодорожного транспорта виделось как что-то эволюционное, а мощные сверхмагистралли были делом перспективы, то теперь центральной темой стала реконструкция – решительная и неотложная. «*Наши железные дороги вплотную подошли к осуществлению стоящих перед ними задач реконструкции. Восстановительный период уже давным-давно остался позади*» - так говорилось в книге «Путь, паровоз» 1932 года. Она же называла реконструкцию «боевой задачей» транспорта. «Ведущим звеном» реконструкции должны были стать новые мощные локомотивы, вес которых путь был не в состоянии выдерживать [Бабенко, Мушкатин, 1932, с. 213].

Новый план реконструкции делил будущее железных дорог на два периода. В первом периоде ведущая роль отводилась паровозам. Во втором периоде главным видом тяги должна была стать электрическая [Бабенко, Мушкатин, 1932, с. 215]. Уже не было никакой речи о сверхмагистральных и сверхмощных локомотивах для них. Но, несмотря на смену парадигмы, проблемы оставались. «*При настоящей технической вооруженности овладеть [будущими грузопотоками] наш транспорт не может; особенно отсталым является наш путь*» [Митюшин, 1932, с. 449].

В 1934 году XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) установил плановый рост грузооборота в будущем. Согласно ему, грузооборот должен был вырасти до 300 миллиардов тонно-километров в 1937 году [Струженцов, 1935, с. 7]. Это далеко не первая цифра, касающаяся будущих грузооборотов. Подобные предсказания пытались делать еще в 1923 году, наметив возможный рост работы сети до 1930 года включительно.

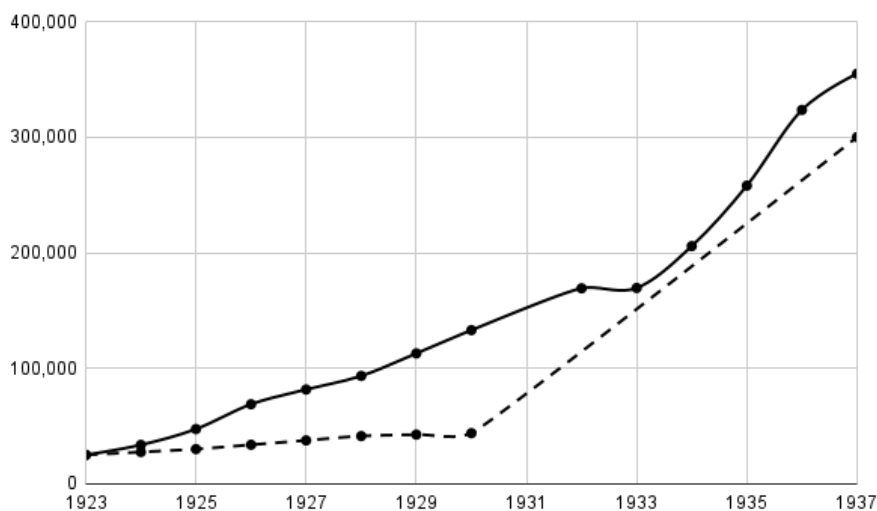

Рис. 1. Сравнение реального (сплошная линия) и ожидаемого (пунктирная линия) грузооборота железных дорог СССР (в миллионах тонно-километров)

По итогу сравнения этих цифр с реальными (рис. 1) выходит, что в период 1920–1930 годов рост грузооборота дорог систематически недооценивался. Скорее всего, причина кроется в слиянии сразу нескольких факторов. В начале 1920-х годов большую роль могла играть неопределенность будущего и отсутствие четкой стратегии дальнейшего развития. Потому авторам приходилось намечать цифры осторожно, предполагая ежегодный рост лишь в 5%. В дальнейшем осторожничество могло быть вызвано другими причинами – например, боязнью завысить цифры и тем самым установить физически невыполнимый план. Одним из факторов было отсутствие систематического статистического подхода к плану как такового – цифры грузооборота могли браться, в том числе, исходя из интуитивных соображений.

Этот же съезд ВКП(б) дал конкретные указания относительно развития транспорта. Предполагалось как заменять старые типы паровозов новыми, так и увеличивать их количество; то же и с вагонами. Указывалось также построить Байкало-Амурскую магистраль и линию Донбасс-Москва [Струженцов, 1935, с. 8]. Последняя в свое время предлагалась как одно из перспективных направлений «сверхмагистрализаторами», которых ОГПУ разгромило как «вредителей». Официальной стратегией развития железнодорожного транспорта теперь была полная и всеохватывающая его реконструкция.

Профессор Карташов в книге «Проектирование паровоза» 1936 года по этому поводу пишет, что *«Реконструкция транспорта должна идти по двум параллельным линиям: одновременно должен усиливаться путь и подвижной состав»*. Интересны в то же время его мысли по поводу недалекого будущего железнодорожного транспорта. Он считал, что на участках общей длиной 60000 километров еще долго будет доминировать паровая тяга; все горные линии будут электрифицированы; безводные линии будут обслуживаться тепловозами, которым почти не требуется воды [Карташов, 1936, с. 5]. Мнение Карташова о роли паровой тяги разделяет и доцент Струженцов. В книге «Конструкции паровозов» он выражает похожие мысли. Согласно ему, электрическая тяга рано или поздно займет ведущее положение, но паровозы будут распространены еще несколько пятилеток [Струженцов, 1937, с. 20–32]. Подобные мысли авторов, в целом, согласовываются с реальным ходом развития локомотивов.

«Паровоз светлого завтра»

Ситуация с паровозами была откровенно плохой, особенно с товарными. В 1925 году прошло ровно десять лет с того момента, как на территории СССР в последний раз внедрялся новый тип паровоза. Грузовой парк был представлен серией Е с американскими корнями, многочисленными паровозами серии Э и

еще более многочисленным и основательно устаревшими паровозами серии О (1893 год).

Взгляды авторов на перспективы выходов из подобной ситуации были разнообразными. В первую очередь видно осознание огромного количества ограничений, наложенных состоянием дорог. Например, автор книги «Курс паровозов» 1928 года Вячеслав Михайлович Нетыкса дает рекомендации относительно возможных типов паровозов, как товарных, так и пассажирских [Нетыкса, 1928, с. 67]. Во многом эти типы повторяют уже имеющиеся на сети паровозы. В книге «Паровозостроение» профессора Карташова 1929 года даются примеры заданий на новые паровозы, в том числе и достаточно мощные – для сверхмагистралей [Карташов, 1929, с. 10]. Между авторами виден разрыв. Причина его, по всей видимости, кроется в классификации дорог 1929 года, на которую Карташов уже мог ориентироваться. В то же время создается впечатление, что Нетыкса ориентируется по большей степени на собственную интуицию.

По-настоящему ярко вопрос будущих локомотивов начинает освещаться, начиная с 1930 года. В «Технической энциклопедии» 1931 года приводится анализ железных дорог СССР, США и Европы по совокупности характеристик. Главный вывод из анализа состоял в том, что СССР может свободно увеличивать их линейные размеры. Потому указывалось, что *«быстрый темп развития железных дорог... требует немедленного внедрения мощных паровозов»* [Техническая энциклопедия, 1931, с. 697]. Называются и вполне конкретные перспективные типы; все они были достаточно тяжелыми локомотивами и потому очень амбициозными. Тем не менее, в 1930 году советское правительство разместило в США заказ на подобные паровозы.

Пять таких должен был построить завод ALCO, еще пять – Baldwin Locomotive Works. Они получили обозначение соответственно Т^а и Т^б; буква «Т» означала «тяжелый». Они были действительно тяжелыми (в сравнении с другими локомотивами на железных дорогах СССР) и во время поездной работы быстро изнашивали путь [Раков, 1995, с. 269]. Но за время проектирования и постройки паровозов серии «Т» стратегия развития дорог изменилась. Потому в очень сжатые сроки Луганским заводом был разработан паровоз серии ФД.

Серия ФД по величине осевой нагрузки находилась между старыми паровозами типов Е и Э и американскими паровозами серии Т. Паровоз ФД был результатом применения на практике тщательного анализа опыта США и Канады и внешне напоминал локомотивы железных дорог Северной Америки. Проект паровоза был выполнен в очень сжатые сроки – 100 дней, и в такие же сжатые сроки и был построен первый опытный экземпляр [Раков, 1995, с. 272–273].

Некоторое время предполагалось использовать паровозы серий Та и ФД одновременно. Более того – техническая литература, а также плакаты создают ощущение, что детище советского паровозостроения – ФД – было словно «в тени» более мощного и тяжелого паровоза Т^а. По мнению автора исследования, это очень ярко свидетельствует об отсутствии определенности относительно того, какой паровоз должен был стать по-настоящему основным – даже когда оба паровоза уже были во многом готовы к массовому выпуску. В книге «Путь, паровоз» 1932 года говорится о том, что производство паровоза Та будет вестись на советских заводах по американским чертежам [Митюшин, 1932, с. 230]. Лишь проблемы с американскими паровозами, и в то же время – успехи ФД привели к тому, что именно ФД и был выбран основным паровозом второй пятилетки. Он был шагом вперед по сравнению со всем, что имелось на советской сети железных дорог. Но в то же время он был далек от тех сверхтяжелых локомотивов, которые представлялись авторам еще буквально год-два назад.

Но он же был и паровозом «переходным». ФД был создан, опираясь на имеющиеся возможности железных дорог. Он имел предельно допустимую осевую нагрузку, а сила тяги его была рассчитана под винтовую, а не автоматическую сцепку. Потому, несмотря на решение паровозной проблемы, в технической литературе продолжалось активное обсуждение будущих типов паровозов, порой весьма экзотичных.

Профессор Кузьмин в 1933 году написал книгу «Паровозы высокого давления». В ней он обращает внимание на перспективы, которые открывает повышение давления в котле паровозов в несколько раз. Коломенский завод разрабатывал проект паровоза высокого давления, который, однако, не был построен [Кузьмин, 1933]. В 1935 году создается очень противоречивый паровоз серии АА – в полтора раза более мощный, чем ФД. Но ни тот, ни другой паровоз по причине своей экстравагантности не могли считаться паровозом третьей пятилетки.

Проектирование паровозов, которые могли бы выпускаться в третьей пятилетке и были бы для нее основными, определенно велось [Карташов, 1936, с. 6]. К сожалению, сведения о них очень обрывочные. Что-то действительно конкретное известно лишь об одном проекте. Он имел бы шесть движущих осей – редкий случай в паровозной практике [Карташов, 1936, с. 129]. Больше никакой информации об этом проекте нет, и уж тем более отсутствует какая-нибудь графика. В списках фондов архивов никаких сведений об этих паровозах не обнаружено.

Тем не менее, в книге «Проектирование паровоза» 1936 года профессор Карташов в качестве примера дает очень подробный расчет паровоза согласно

заданию. Расчет этот целиком и полностью ведется согласно всем нормам паровозостроения того периода. Автор не только определяет основные размеры локомотива, исходя из требований, но дает в качестве наглядного пособия эскиз котла и расположение. Наличие эскиза и подробные численные данные позволили в рамках исследования воссоздать гипотетический образ паровоза третьей пятилетки (рис. 2) [Карташов, 1936].

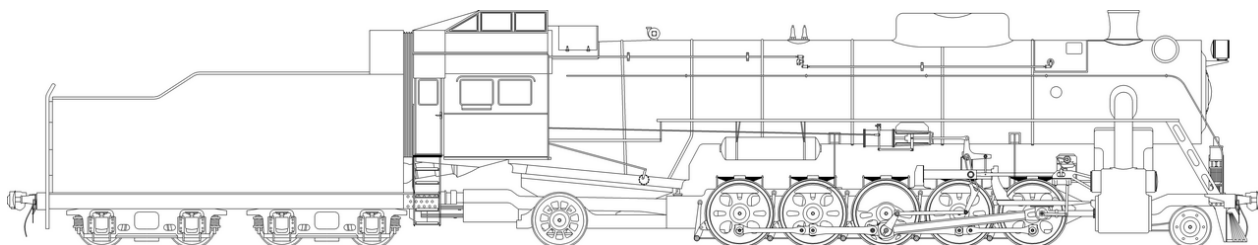

Рис. 2. Реконструкция гипотетического паровоза третьей пятилетки на основе эскизов и расчетов, приведенных в книге «Проектирование паровоза»

Этот паровоз не является полноценным проектом для железных дорог СССР. Тем не менее, требования, выставленные к нему в качестве исходных данных, вполне соответствуют тем требованиям, которые могли бы ставиться к паровозам третьей пятилетки. Этот паровоз можно считать живым отражением мышления того периода, его наглядным выражением.

Таким образом, видение будущего железных дорог в десятилетнем промежутке 1928–1938 гг. прошло специфический путь. Начавшись с абстрактных классификаций и общих мыслей, оно стало конкретным в начале 1930-х годов и приобрело "зрелость" в середине 1930-х годов. Это четко видно по большим и развитым разделам в книгах, что посвящены проблемам реконструкции транспорта и путям их решения. Идеализм и определенный "романтизм" конца 1920-х уступил место прагматизму и сбалансированному подходу к развитию железных дорог без излишне радикальных методов в 1930-х.

Библиографический список

Бабенко Д. Н., Мушкатин Б. И. Путь, паровоз и их взаимодействие. М.: Гострансиздат, 1932. 232 с.

Бернацкий Л. Н. Сверхмагистраль и сверхмагистрализация железнодорожного транспорта СССР. М.: Плановое хозяйство, 1925. 254 с.

Карташов Н. И. Паровозостроение. V: Расчет главных размеров паровоза. Томск: Издание книжного кооператива студентов СТИ, 1929. 62 с.

Карташов Н. И. Проектирование паровозов. 2-е изд. Томск: Красное знамя, 1936. 242 с.

Кашкин К. Н. О сверхмагистральных и «сверхмагистрализации» железных дорог // Сборник Ленинградского института инженеров путей сообщения имени Я. Э. Рудзутака. – 1929. – №102. С.43-56.

Кузьмин С. И. Паровозы высокого давления. М.: Госжелдориздат, 1933. 160 с.

Митюшин Н. Т. Краткий курс железных дорог. М.: Гострансиздат, 1932. 485 с.

Нетыкса В. М. Курс паровозов. М.: Транспечать НКПС, 1928. 142 с.

О'Рурк А. Н. Железнодорожная энциклопедия. М.: Издательство ЦКЖД «Гудок», 1926. 640 с.

Раков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог 1845-1955. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Транспорт, 1995. 564 с.

Струженцов И. М. Конструкции паровозов. М.: Трансжелдориздат, 1937. 576 с.

Струженцов И. М. Мощные паровозы. М.: Трансжелдориздат, 1935. 312 с.

Техническая энциклопедия. Том пятнадцатый: оливковое дерево – патентное право / под ред. Л. К. Мартенса. М.: Советская энциклопедия, 1931. 924 с.

Техническая энциклопедия. Том седьмой: доменное производство – жидкий воздух / под редакцией Л. К. Мартенса. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1929. 922 с.

Трубецкой В. А. Паровозы узкоколейных железных дорог СССР. М.: Транспечать НКПС, 1929. 195 с.

«STEAM LOCOMOTIVE OF THE BRIGHT TOMORROW»? VIEWS OF THE FUTURE OF SOVIET RAILWAYS IN TECHNICAL LITERATURE OF 1920-1930'S

Lyashenko Vadim M.

Ukrainian State University of Railway Transport,
7, Feyerbakh Sq., Kharkiv, 61050, Ukraine,
lyashenkovm99@gmail.com

Annotation

This study addresses the future of Soviet Railways as it was envisioned by the railway workers, mostly authors of technical literature in the 1920-1930s. The goal of this study was to analyze what was envisioned by the authors of railway literature. In total 21 books of a practical nature were analyzed. As a conclusion, it can be stated that during the years between 1928-1938 the engineering ideas have come a long way and this way can't be regarded to be straightforward. The ideas started

with Annotation classifications and general thoughts, which became concrete during the 1930s to show clearly defined plans regarding trackage and rolling stock; the plans gained maturity during the second half of 1930s. Idealism and even romanticism to some extent gave way to pragmatism and an absence of excessively radical methods and an aim for a quick and efficient development.

Key words

Railway, Locomotive, Five-Year plan, USSR, History of Transportation

ОБРАЗ КУЗЬМЫ МИНИНА В УЧЕБНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XXI ВВ.

Клюева Анна Игоревна

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23,
anna.klyueva.98@mail.ru

Аннотация

Представлены результаты анализа образа Кузьмы Минина в учебной исторической литературе XVIII – начала XXI вв. Выделено три периода в становлении исторической памяти о деятеле Смуты: учебники, изданные до 1917 года, учебные пособия советской эпохи и современные учебники. Основным выводом стало утверждение о том, что в разные исторические периоды в учебниках по истории России образ Минина передавался по-разному: в дореволюционных учебниках герой Смуты описывался в православно-монархическом духе, для школьных учебников советского периода было характерно жесткое следование схеме К. Маркса, в современных учебниках ярко выражено стремление к воспитанию патриотических чувств у подрастающего поколения.

Ключевые слова

Кузьма Минин, учебники по истории России, учебная историческая литература, историческая память, эволюция образа.

В отечественной историографии и общественной памяти России представления о личности одного из главных организаторов Нижегородского ополчения 1612 г. Кузьмы Минина как «спасителя Отечества» и одного из важных действующих лиц в утверждении новой царской династии развивалась на протяжении долгого времени. Научное изучение знаний об образе Кузьмы Минина до недавнего времени ограничивалось преимущественно исследованием отечественной историографии. На этом фоне такие формы осмысления русской истории, как учебные пособия, в этот период изучены значительно слабее. Актуальность этого вопроса состоит в необходимости лучшего понимания культурного развития русского общества, особенностей восприятия русской истории разными слоями населения и общего контекста становления российской исторической науки.

Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть способы отображения представлений о Кузьме Минине в учебниках по истории России XVIII– начала

XXI вв. В связи с этим задачи исследования состоят в следующем: во-первых, проанализировать образ народного героя в учебной исторической литературе с XVIII до начала XXI вв.; во-вторых, дать характеристику каждому периоду в становлении исторической памяти о герое Смуты.

Источники, которые были использованы в статье, можно разделить на три группы: во-первых, учебники, изданные до 1917 года; во-вторых, учебные пособия советской эпохи; в-третьих, современная учебная историческая литература.

Первая группа источников включает в себя такие учебные пособия, как «Историческое изображение России в VII веке» М.Н. Муравьева, входящее в «Полное собрание сочинений» [Муравьев, 1819], которое было подготовлено К.Н. Батюшковым и В.А. Жуковским; «Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества» [Детская российская история, 1797] с неизвестным авторством; «Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи» [Янкович-де-Мириево, 1807] Ф.И. Янковича-де-Мириево – первый русский школьный учебник истории, который применялся в качестве учебника для народных училищ вплоть до 1840-х гг. Публикация этой учебной книги положила начало развитию в России учебного исторического книгоиздания; «Начертание русской истории для средних учебных заведений» Н.Г. Устрялова, который на протяжении более чем двадцати лет являлся основным школьным учебником [Устрялов, 1857]. Также на основе материала лекций Устрялова была издана пятитомная «Русская история» [Устрялов, 1839], долгое время использовавшаяся в качестве учебника в российских вузах. Это было первое высококачественное пособие для студентов по истории страны с древних времен до середины девятнадцатого столетия.

Вторая группа источников состоит из таких изданий, как «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского – первый советский учебник истории [Покровский, 1934]. Эта книга сыграла огромную роль в становлении и распространении нового концептуального подхода к истории – марксистского, а также сформировала взгляды не одного поколения советских людей; учебник для высших учебных заведений «Очерк русской истории» В.Н. Бочкарева [Бочкарев, 1924]; «Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов» А.В. Шестакова [Шестаков, 1937], особенностью которого являлось строгое следование схеме К. Маркса и смене формаций; «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» под редакцией М.Н. Тихомирова [История СССР с древнейших времен..., 1966].

Третья группа источников включает в себя такие современные школьные учебники, как «История России с древнейших времен до начала XXI века» [Сахаров, 2014] и «История России. 7 класс» [История России. 7 класс, 2016] под редакцией А.В. Торкунова, перед авторами которых встали вопросы о трактовке событий в условиях отсутствия идеологических схем. В них все больше внимания уделяется вопросам повседневности, в то время как основную канву повествования традиционно составляют события политической истории. Помимо этого, было рассмотрено и учебное пособие для бакалавриата «История России с древнейших времен до наших дней» [История России с древнейших времен до наших дней, 2019], изданное Санкт-Петербургским государственным университетом.

В качестве историографических исследований, которые применялись в статье, можно выделить следующие работы: книгу А.В. Морохина и А.А. Кузнецова «Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии» [Морохин, Кузнецов, 2017], в которой давалась характеристика учебникам середины XVIII–XIX вв., обзор «Учебники по истории России» [Алексеев и др., 2009], в котором приводятся сведения по истории развития учебников, статью Б.А. Куркина «Живое и нежить» [Куркин, 2009], в которой описывались учебники советского периода и статью И.В. Курукина «"Для вперения в юношество любви к отечеству": Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начале XIX в.» [Курукин, 2013], в которой говорилось о становлении изучения истории в России.

В статье были использованы общенаучные методы логического анализа, традиционный для историков сравнительно-исторический метод, позволивший сопоставить образ Кузьмы Минина в учебной исторической литературе в различные периоды развития Российского государства, и ситуационный анализ, выражающийся в стремлении определить основные факторы, влияющие на динамику развития учебников по истории России.

История как предмет изучения появилась в России в начале XVIII в. По истории учебников не было, за исключением составленного в середине XVII в. «Синописа», который неоднократно переиздавался в XVIII в. [Синопис, 1762]. Только в период правления Екатерины II появляются первые учебники по истории, когда в 1786 г. был издан «Устав народным училищам в Российской империи» [Устав народным училищам, 1786], согласно которому Комиссия об учреждении народных училищ разработала учебные планы народных училищ и занялась подготовкой необходимого для них комплекта учебников.

Учебники также писались не только благодаря мерам, предпринятым государством, но и по инициативе частных лиц. Так, литератор М.Н. Муравьев

(1796–1866), преподававший историю внукам Екатерины II, великим князьям Александру и Константину, написал сочинение «Историческое изображение России в VII веке», в котором в частности упомянул при описании событий 1611–1612 гг. и Кузьму Минина: «Все погибало, когда Провидение избрало руку самую простую спасти Отечество. Мещанин Нижняго Новгорода, Козьма Минин, прозванием Сухорукий, воспламененный сею священной страстию, которая заставляет все принести на жертву Отечеству, убеждает сограждан своих посвятить жизнь и имущество на избавление столицы» [Муравьев, 1819, с. 303]. Здесь важна попытка дать психологический портрет исторического лица и четкая нравственная оценка его деяний. Смута предстает под пером Муравьева как несчастье, обусловленное сменой правления и борьбой за власть, которыми воспользовались внешние враги. Одновременно это этап становления русской государственности [Фоменко, 2012, с. 353].

В 1797 г. в Смоленске была опубликована «Детская российская история, изданная в пользу обучения юношества» неизвестного автора. Роль Минина в событиях начала XVII в. описана там так: «Начальною причиною прекращений всех сих несчастий был некоторый Нижегородский мясник Казьма Минин, который, видя свое отечество в крайнем расхищении, умел собственным примером возбудить в сердцах сограждан своих ревность к освобождению от иностранцев любезное свое отечество: он, собравши своих сограждан, уговаривал жертвовать всем имением на содержании армии и первый принес в собрание все свое имение; сему знаменитому поступку подражали и прочие. Он уговорил князя Пожарского, отличавшегося тогда храбростию и благомыслием в отечестве, предводительствовать собранною для сего армиею» [Детская российская история, 1797, с. 125].

В 1799 г. сербский и российский педагог Ф.И. Янкович де Мириево (1741–1814) написал учебное пособие «Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи», в котором события, связанные с ролью Минина в организации Второго ополчения, охарактеризовал так: «Таковыя польские насилия и мучительства были, наконец, причиною, что князь Дмитрий Михайлович Пожарский, князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и боярин Федор Иванович Шереметев при ревностном содействии Нижегородского гражданина Козмы Минина, соединившись между собою и собрав в 1612 г. в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле и других городах многочисленное воинство, осадили Москву и, взяв ее, побили многих поляков за безчеловечья их, протчих же не столько виновных учинили военнопленными... способствовали к возведению

Михаила Федоровича на российский престол» [*Янкович-де-Мириево*, 1807, с. 138–139].

На протяжении более чем двадцати лет основным школьным учебником была работа историка Н.Г. Устрялова «Начертание русской истории для средних учебных заведений» (1839) [*Устрялов*, 1857]. Выдержанный в духе лояльности правительству, он является своеобразным слепком государственного видения истории России. Деятельность Кузьмы Минина в период Смутного времени в этом учебнике описывается таким образом: «...в Нижнем Новгороде, муж рода незнатного, смысла мудрого, души великой, Козьма Минин сказал согражданам, что отечество гибнет, что Москва вскоре будет в руках Сигизмунда, что пришло время стать за веру и Россию. "Ополчимся стар и млад", говорил Минин, "найдем людей ратных; продадим свои дома, заложим жен, детей и выкупим отечество". Нижегородцы искони славились преданностью закону и усердно стекались на зов Минина. Минин избрал военачальником Нижегородской рати славнейшего из сподвижников Ляпунова, князя Дмитрия Михайловича Пожарского; но сам был при нем безотлучно, руководил действиями вождя, участвовал во всех его предначертаниях, распоряжал общественною казною, и как гений хранитель, одушевлял полки бескорыстною любовью вотечеству» [*Устрялов*, 1857, с. 158].

По сравнению с «Начертанием русской истории для средних учебных заведений» учебник для высших учебных заведений «Русская история» Н.Г. Устрялова добавляет к описанию Минина принятие им титула «Выборного человека всего Московского государства». Как замечает автор, это было необходимо для «вернейшего успеха» собранного ополчения [*Устрялов*, 1839, с. 159].

Основным источником, на который опирались учебники при описании событий Смуты начала XVII века, был «Новый летописец» [Новый летописец, 1910]– русская летопись XVII века, охватывающая события с 1584 по 1630 годы, которая является важным источником по истории Смутного времени. Автор этого памятника, подробно рассказывая о создании Ополчения в Нижнем Новгороде, главным героем делает не Минина, а князя Пожарского. Роль земского старосты сводится лишь к начальному призыву, после чего автор сразу же обращается к рассказу о решении пригласить в Нижний Новгород Пожарского, который и назначил Минина начальником над казной [*Морохин, Кузнецов*, 2012, с. 72]. Стоит отметить, что «Новый летописец» служил цели показать преемственность династии Романовых и истолковать события Смутного времени в официальном русле. Также одним из главных источников выступала «Летопись о многих мятежах» [Летопись о многих мятежах, 1771]. Летопись была впервые опубликована в 1771 г. М.М. Щербатовым и представляет собой историческое сочинение

с описанием событий 1584–1655 гг. в России на основании переработки «Нового летописца». Однако если «Новый летописец» служил цели показать преемственность династии Романовых, то теперь стояла иная задача: показать события прошлого в контексте формирующейся самодержавной идеологии. Именно поэтому «Новый летописец» в середине XVII в. оказался устаревшим в идеологическом плане [Ляпин, 2016, с. 167].

Таким образом, говоря о дореволюционных учебниках, можно выделить характерный для них ряд общих черт. С одной стороны, учебники должны были соблюдать выдержанные в православно-монархическом духе идеологические требования государства. В частности, личность Кузьмы Минина и его роль в событиях Смутного времени описывались исключительно в патриотическом ключе и являлись отражением государственного видения истории России. С другой стороны, учебники стремились показать роль разнообразным факторов и сил в истории страны. Наибольшее внимание уделялось политической и отчасти социально-экономической истории, в то время как вопросы культуры затрагивались в значительно меньшей степени. Помимо этого, роль Минина сводилась главным образом к первоначальному призыву и решению в Нижний Новгород Пожарского, который и назначил Минина начальником над казной.

Октябрьская революция 1917 г. поставила новые вопросы в плане преподавания исторических дисциплин. Во-первых, школа теперь становилась единой и трудовой, поэтому был поставлен вопрос о необходимости систематического курса русской истории. Во-вторых, необходимо было выработать подход к различным историческим вопросам с точки зрения теории смены социально-экономических формаций К. Маркса. В 20-е - начале 30-х гг. в советской исторической науке господствовала "марксистская" школа М.Н. Покровского, отрицательно относившегося к русской истории и российской государственности.

В 1921 г. историк-большевик М.Н. Покровский (1868–1932) разработал идейно-теоретическую базу, которая «разоблачала» героев, с именами которых связывался конец Смутного времени. В этом году была выпущена его работа «Русская история в самом сжатом очерке» – первый советский учебник истории. Невероятно популярный в 1920-е годы, он только при жизни автора, т.е. с 1921 по 1932 год, был издан десять раз. С 1932 по 1934 год – пять раз [Покровский, 1934].

«Нижегородский купец Минин, – писал в своем учебнике Покровский, – стал собирать ополчение "для освобождения Москвы от поляков и иноверцев", и притом – в том-то и состояла его гениальная мысль – стал обещать тем, кто пой-

дет в это ополчение, такое жалованье, какого в прежнее время не получала и царская гвардия. Простым рядовым служилым людям обещали столько, сколько раньше не имели гвардейские офицеры. Немудрено, что такая мера привела, как рассказывают современники, к полному согласию между помещиками и купцами с одной стороны и мелкими служилыми людьми, и казаками позажиточнее – с другой. Те увидели, что служить имущим классам куда выгоднее, нежели якшаться с народной массой и помогать демократической революции, которая явно шла на пользу беднякам и не сулила никому никакого богатства» [Покровский, 1934, с. 54]. Резюме историка-марксиста было таким: «В лице Минина и Пожарского одержали победу помещичье землевладение и торговый капитал» [Покровский, 1934, с. 56].

В учебнике для высших учебных заведений В.Н. Бочкарева «Очерк русской истории» 1924 г. ополчение Минина и Пожарского так же описывалось дворянско-посадским, поскольку во главе него стоял дворянин князь Пожарский и купец Козьма Минин: «С самого начала оно резко ограничило себя от казаков, возлагая все надежды на организованную поддержку северных и северо-восточных крестьян и посадских людей» [Бочкарев, 1924, с. 52].

После разработки новых программ в начале 1920-х гг. исчезает отдельный курс отечественной истории, который с того времени стал включаться в программу обществоведения. В школе курс истории был восстановлен в начале 1930-х гг. В 1934 г. были вновь открыты исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов, а также вышло постановление о разработке единого учебника по истории. Конкурс выиграл учебник профессора А.В. Шестакова (1877–1941) «Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов» [Шестаков, 1937], который редактировал лично Сталин. Начинается пересмотр образа Российской империи, который теперь становится нейтральным: «Во главе похода против засевших в Москве поляков стал нижегородский торговец мясом Козьма Минин. На собранные им в городах деньги снарядили большое ополчение» [Шестаков, 1937, с. 46–47]. Таким образом, в 1930-е гг. начинается «реабилитация» Минина и Пожарского наряду с другими великими людьми в истории (Александр Невский, Дмитрий Донской, А.В. Суворов, М.И. Кутузов и т.д.).

После XX съезда КПСС школьные учебники были подвергнуты серьезной переработке; возникла потребность в написании новых пособий. В 1966 г. вышла в свет «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в IV т.» под редакцией М.Н. Тихомирова, продолжавшая

тенденцию по «реабилитации» Минина и Пожарского, которые теперь упоминались как соратники, люди, избранные «советом всея земли» и руководящие Ополчением [История СССР с древнейших времен..., 1966, с. 289].

Таким образом, несмотря на отдельные изменения, для всех школьных учебников характерно изображение героического прошлого народов, населяющих территорию СССР, особое внимание уделено смене формаций и жесткое следование схеме К. Маркса, классовой борьбе трудящихся с эксплуататорами. В них ярко выражено стремление к воспитанию патриотических чувств, определенных социальных и нравственных ценностей у подрастающего поколения, что также проявляется и при описании личности и деятельности Кузьмы Минина, который вдохновил своим примером народ и повел его за собой.

Ситуация заметно изменилась в 1990-е годы. Перед авторами учебников опять встали вопросы о трактовке событий в условиях отсутствия идеологических схем. В эти годы наряду с выпуском уже существующих учебников для средней школы, стали появляться и новые издания. В некоторых из них больше внимания уделяется вопросам повседневности, в то время как основную канву повествования традиционно составляют события политической истории. О Кузьме Минине в современных школьных учебниках по истории России сказано немного: «В начале осени 1611 г. земский староста Кузьма Минин обратился к горожанам с призывом собрать средства для подготовки нового ополчения... Оставалось найти полководца. Выбор пал на лечившегося в своем имении недалеко от Нижнего Новгорода князя Дмитрия Михайловича Пожарского... Кузьма Минин стал его верным помощником. Он организовал не только сбор пожертвований, но и «пятой деньги», т.е. пятой, а иногда и третьей части всего имущества» [Сахаров, 2014, с. 661]; «Нижегородский земский староста – торговый человек Кузьма Анкудинович Минин обратился к жителям города с призывом помочь всеми силами и средствами в создании нового народного ополчения для освобождения России от иноземных захватчиков. Он первым пожертвовал немалые деньги. Примеру Минина последовали многие состоятельные люди» [История России. 7 класс, 2016, с. 24].

В учебном пособии для бакалавриата «История России с древнейших времен до наших дней» Кузьма Минин описывается аналогично: «В октябре 1611 г. посадский староста Кузьма Минин обратился к нижегородцам с патриотическим призывом: "Будем нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожалети животов (жизней) своих, да не только животов своих, ино не пожалети и дворы свои продавать, и жены, и дети закладывать"» [История России с древнейших времен до наших дней, 2019, с. 117]. Следует отметить, что в учебном

пособии для вузов упор сделан в первую очередь на цитировании первоисточников, а не только изложении событий в их хронологической последовательности, как, например, в школьных учебниках.

Таким образом, можно заметить, что школьные учебники и учебники для вузов приводят идентичные сведения, практически не отличающиеся друг от друга, что говорит о стремлении к выработке единого учебника по истории России.

Исходя из всего вышесказанного, стоит сделать вывод о том, что как дореволюционные учебники были выдержаны в православно-монархическом духе и должны были соответствовать идеологическим требованиям государства. Личность Кузьмы Минина и его роль в событиях Смутного времени в них описывались исключительно в патриотическом ключе и являлись отражением государственного видения истории России. Также роль Минина в создании Ополчения сводилась к произнесению знаменитой речи и призыванию в Нижний Новгород князя Д.М. Пожарского. Для школьных учебников советского периода было характерно жесткое следование схеме К. Маркса, основанной на смене общественно-экономических формаций и классовой борьбе трудящихся с эксплуататорами. Если в 1920-е гг. Минин предстал в качестве основного выразителя воли имущих классов, благодаря которому победу одержало помещичье землевладение, то уже в 1930-е гг. вместе с князем Пожарским начинается его реабилитация как одного из главных освободителей Отечества от польско-литовских интервентов. В современных учебниках ярко выражено стремление к воспитанию патриотических чувств и формированию определенных социальных и нравственных ценностей у подрастающего поколения.

Библиографический список

Алексеев С.Л., Воронович А.В., Сусоров Р.С. Учебники по истории России. М., 2009.

Бочкарев В.Н. Очерк русской истории: конспект лекций для ВУЗов, партшкол и для самообразования. Тверь, 1924. 158 с.

Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797. 191 с.

История России. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. / под ред. А.В. Торкунова. М., 2016. Ч. 2. 128 с.

История России с древнейших времен до наших дней: учеб. пособие. 2-е изд., испр. / под ред. А.Х. Даудова. СПб., 2019. 386 с.

История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в IV т. / под общ. ред. М.Н. Тихомирова. М., 1966. Т. II. Борьба

народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого Русского государства. 631 с.

Куркин Б.А. Живое и нежить // Стратегия России. 2019. № 4. С. 71–78.

Курукин И.В. «Для вперения в юношество любви к Отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX в. // Исторический вестник. 2013. № 3 (150). С. 96–121.

Летопись о многих мятежах / изд. М.М. Щербатовым. СПб., 1771. 386 с.

Ляпин Д.А. «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии Российского государства середины XVII в. // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 164–172.

Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. 160 с.

Морохин А.В., Кузнецов А.А. Спорные моменты биографии Кузьмы Минина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 71–76.

Муравьев М.Н. Историческое изображение России в VII веке // Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: в 3 ч. СПб., 1819. Ч. 2. С. 297–313.

Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XIV. Первая половина. С. 23–154.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Пятое посмертное издание. М., 1934. 259 с.

Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до начала XXI века: учебное пособие. М., 2014. Ч. 1. Раздел I–III. 667 с.

Синописис или Краткое описание от различных летописцев. 5 изд. СПб., 1762. 224 с.

Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786. 122 с.

Устрялов Н.Г. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. Изд. 10, доп. СПб., 1857. 312 с.

Устрялов Н.Г. Русская история. Изд. 2-е, исправленное. СПб., 1839. Ч. 2: Древняя история. 364 с.

Фоменко И.Ю. Смутное время в исторических трудах М.Н. Муравьева // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции Ярославль, 6–9 июня 2012 года. М., 2012. С. 346–355.

Шестаков А.В. Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов. М., 1937. 223 с.

Янкович-де-Мириево Ф.И. Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. 4-е изд. СПб., 1807. 191 с.

THE IMAGE OF KUZMA MININ IN THE EDUCATIONAL HISTORICAL LITERATURE FROM THE XVIII TO THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Klyueva Anna I.

Lobachevsky State University,
23, Gagarina pr., Nizhny Novgorod, 603022, Russia,
anna.klyueva.98@mail.ru

Annotation

The article presents the results of the analysis of the image of Kuzma Minin in the educational historical literature from the XVIII to the beginning of the XXI centuries. There are three periods in the formation of the historical memory of the leader of the Troubles: textbooks published before 1917, textbooks of the Soviet era and modern textbooks. In the course of the work, general scientific methods of logical analysis, comparative historical method and situational analysis are applied. The main conclusion was the statement that in different historical periods in textbooks on the history of Russia, the image of Minin was transmitted in different ways: in pre-revolutionary textbooks, the hero of the Troubles was described in the Orthodox-monarchical spirit, for school textbooks of the Soviet period was characterized by strict adherence to the scheme of Karl Marx, in modern textbooks, the desire to educate patriotic feelings in the younger generation is clearly expressed.

Key words

Kuzma Minin, Textbooks on the History of Russia, Educational Historical Literature, Historical Memory, the Evolution of the Image.

СТЕРЕОТИПЫ О ЖЕНСКОЙ ДОМАШНЕЙ ПРИСЛУГЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДНИХ СЛОЕВ ПЕТЕРБУРГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Богданов Лев Георгиевич,
Ивановский государственный университет,
153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, 39,
levbogdanovistfak@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу формирования городскими средними слоями своей идентичности. Этот процесс можно проследить на основе частично реконструированных стереотипов о женской домашней прислуге, которые мы можем найти в произведениях писателей-сатириков начала XX века. Этими стереотипами являются: глупость, необразованность, некритичная приверженность традиции. Подвергая анализу или высмеиванию этих черт, писатели, которые являлись нарождающимся городским средним классом, таким образом, осознавали себя как антиподы людям, которые приезжали из деревень и сел.

Ключевые слова

Женская прислуга, средние городские слои, идентичность.

Период начала XX века в Российской империи пользуется достаточно большой популярностью в отечественной историографии. Одной из самых актуальных тем, в последние годы, является тема домашней прислуги. На данный момент, существуют работы, посвященные различным ее сторонам, среди которых можно выделить следующие: социальный, профессиональный статус прислуги, гендерный состав, воровство, виды дополнительных заработков, и многие другие.

Однако мы хотим предложить посмотреть на данный феномен немного под другим углом. На наш взгляд, стереотипы – т.е. «односторонние, преувеличенные и нередко предубежденные взгляды в отношении социальных групп, классов и т.д.» [Аберкромби и др., 2004, с. 580] – о женской домашней прислуге, могут послужить для нас «ключом» к пониманию того, кем мыслили себя средние слои как жители крупных городов. Таким образом, объектом нашего исследования выступает идентичность средних городских слоев, под которой мы будем понимать отличительные аспекты характера, которые связаны с чувством самости [Гидденс, Саттон, 2019, с. 218]. Предметом же будут являться стереотипы о женской

домашней прислуге, при помощи которых идентичность конструировалась. Соответственно, цель нашей работы – выявление набора характеристик, на основании которых средние слои могли соотнести себя с «воображаемым сообществом» горожан.

Уже из постановки цели, становится понятным то, что мы придерживаемся конструктивистской парадигмы идентичности. Следуя этому подходу, мы можем утверждать, что принадлежность к той или иной социальной группе формируется в социальных взаимодействиях [Давыдов, 2012, с. 135]. Протекать же эти взаимодействия могут в повседневной жизни. Исследуя эти контакты, мы будем ориентироваться на подход немецкого историка Мартина Дингеса. Он предложил программу «культурной истории повседневности» на основе концепции «стилей жизни». Под «стилем жизни» подразумевается «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения» [Дингес, 2000, с. 106]. Культивируя тот или иной «стиль жизни» люди, тем самым, формируют свою идентичность.

Теперь перейдем к определению хронологических и территориальных рамок исследования. Наше внимание сосредоточено на состоятельных жителях Санкт-Петербурга. Наш выбор места обусловлен тем, что на примере этого города, как одного из основных культурных и экономических центров Российской империи, легче проследить изменения в жизни людей. Хронологические рамки же будут следующими: 1905–1914 гг. Выбор именно этого периода обусловлен тем, что в это время значительным образом увеличивается, по ряду причин (русско-японская война, революция 1905–1907 гг., рост уровня грамотности, смягчение, затем отмена предварительной цензуры в 1905 году) [Рейтблат, 2009, с. 168], спрос на печатную продукцию.

Основой источниковой базы нашей работы является журнальная сатира. Нас будут интересовать издания, основной направленностью которых, является высмеивание устоявшихся общественных нравов, такие как «Сатирикон» и «Свободный смех». Также мы обратимся к произведениям писателей-сатириков начала XX века, которые публиковались отдельно от названных выше журналов. В частности, мы привлечем пьесы А. Аверченко и Н. Фалеева (Чуж-Чуженина), рассказы А. Бухова и В. Дорошевича.

Очертив вводные вопросы, перейдем к определению двух основных анализируемых социальных групп. Для начала вкратце составим представление о женской домашней прислуге. В пореформенное время стало массовым прибытие в город на заработки крестьян. Но за деньгами шли не только мужчины, а также

и женщины [Самарина, 2019, с. 81]. Большинство женщин устраивалось на работу в качестве домашней прислуги. Считалось, что такой труд будет несложным, т.к. их с самого детства готовили к работе по дому [там же, с. 82]. Специализация прислуги была достаточно широкой и могла варьироваться в зависимости от материального достатка хозяев, размера их дома, необходимости определенной услуги, а также от способности найти подходящего человека [Временко, 2013, с. 243].

Следующей изучаемой группой будут городские средние слои. Мы разделяем позицию специалиста по истории сословно-классовой структуры общества Российской империи Н. А. Ивановой, и считаем, что процесс формирования среднего класса не был завершен [Иванова, 2018, с. 251], и уместнее использование названия городские слои. Под этими «слоями», мы подразумеваем, прежде всего, часть формирующегося среднего класса, а именно «новые средние слои». Это люди, занимающиеся профессиями, которые стали более распространенным под влиянием процессов модернизации: управленцы, служащие, интеллигенция [Там же, с. 248–252].

Обратимся непосредственно к анализу основных черт образа домашней прислуги. Мы выявили несколько характеристик, которыми, на наш взгляд, являются: глупость; безграмотность; приверженность традициям. Попробуем же раскрыть их на конкретных примерах. Мы пойдем в обозначенной выше последовательности и начнем с «глупости».

Так, например, в пьесе Аверченко «Хлебосол» (1913), между хозяином и горничной идет диалог, в ходе которого он допытывается до прислуги по поводу того, как именно она передала его послание торговцу:

«– Кулаков. Как же ты сказала? – Горничная. Да так и сказала. – Кулаков. Фу ты, какое дерево. “Так, так”! А как так? – Горничная. Да как вы велели. – Кулаков. А как я велел?» [Аверченко, 2013, т. 7, с. 158]

И только после того как горничная воспроизвела сообщение дословно, хозяин успокаивается. Здесь мы отчетливо можем проследить ожидание от прислуги того, что она неправильно поймет сообщаемую ей информацию.

Похожую картину мы встречаем в рассказе А. Бухова «Непосредственная натура» (1915). В нем, по сюжету, главный герой пытается отдалиться от чрезмерно настойчивого внимания навязывающейся к нему в любовницы Натальи Михайловны. Так, скрываясь от нее в один из дней, он не хочет подходить к телефону и просит кухарку Дашу соврать, что его нет дома, и в итоге та все портит:

«– Даша... Если это та, что сегодня звонила, скажите, что меня нет дома... Поняли?»

– Поняла, поняла, не маленькая... Слу-ши-ю... Кого? Их дома нет... Спит? Нет, не спят... Я не говорю, что не спят, а в столовой...

– Фу-ты, дура... Даша, ну, чего же вы... Ну, скажите, что сейчас подойду...» [Бухов..., 2005, т. 40, с. 87].

Отказывает прислуге в способности думать самостоятельно и героиня пьесы «Когда женщина захочет» (1916) А. Аверченко:

«–Жена.Где же утренняя почта? –Горничная. Сейчас принесу, барыня. – Жена. Очень мило. Выходит так, что не скажи я вам сейчас – вы бы принесли почту в три часа дня, или в пять! Или в десять – да?» [Аверченко, 1916, с. 380]

Домработниц очень часто называли «дурой», когда они делали что-то, что не устраивало их хозяев. Так, например, в пьесе Н. Фалеева «Иммортели» (1908), горничная Степанида входит в комнату к «барам» без предупреждения, за что и получает выговор: «Сколько раз я тебе, дуре, говорила... <...> ... Сколько раз я вам, идиотке, говорила, что без доклада сюда входить нельзя» [Кабаретные пьесы..., 2018, с. 253]. В таких случаях прислуга подвергалась нападкам и высмеиванию из-за несоблюдения установленных правил. Таким образом, прислуге приписывалась неспособность самостоятельного мышления и принятия рациональных решений.

Перейдем к следующей черте образа домашней прислуги – к безграмотности. Для начала разберемся с тем, что мы понимаем под грамотностью. Мы выделим два значения данного понятия: 1) умение читать и писать; 2) обладание познаниями в определенной области [Миронов, 2015, т. 3, с. 474]. Для изучаемых нами средних слоев было характерно прохождение начальной и средней ступеней образования. Так, гимназический курс окончили Влас Дорошевич и Надежда Тэффи; Николай Фалеев окончил Московское Александровское военное училище, а Аркадий Бухов учился (но так и не окончил) на юридических факультетах в Петербурге и Казани.

Жители же села имели гораздо меньше возможностей обучать своих детей. В начале XX века средняя и неполная средняя школа перестали быть чисто городским явлением. Но крестьянам, хотевшим дать своим детям среднее образование, все равно надо было отправлять их на учебу в уездные и губернские центры, что значительно повышало стоимость учебы [Расписание перемен..., 2012, с. 141]. Поэтому неудивительно то, что, уровень грамотности городских жителей был значительно выше, чем у сельских [Миронов, 2015, т. 3, с. 481–484].

Необразованность женской прислуги могла проявиться в непонимании смысла слов, которые употребляли их хозяева. Об этом представлении нам могут

сообщить даже журнальные анекдоты. Возьмем для примера один из них, напечатанный в журнале «Свободный смех». В нем две горничные рассказывают друг другу об изменах их хозяев. У одной барыня все время говорит, что не изменит «*Рыжиму*» (т.е. своему режиму/распорядку дня), а у второй барин завел себе любовницу не то немку, не то вихлянку по имени «*Традиция*» [Свободный смех, 1905].

Теперь обратимся к отрывку из рассказа «На кончике пера» (1907) В. Дорошевича: «– *Так точно, – горничная поясняет, – это куфарка пальцами. Дрейфусовским делом антирисуется, потому и пачкает... – Акромя того, – горничная говорит, – куфарка приказала вам сказать, чтобы вы газету переменили. Она другую любит читать: Та, – говорит, – антирисуется...*» [Дорошевич, 1907]. Что нас здесь может заинтересовать? В этом юмористическом рассказе Дорошевич намеренно гротескно подает нам тот «факт», что прислуга интересуется делом Дрейфуса, читая о нем в газетах. Абсурдность ситуации, при которой прислуга читает и интересуется зарубежной политикой, подчеркивает речь кухарки, в которой присутствует огромное количество ошибок. Таким образом, безграмотность (или полуграмотность – непонимание того, о чем читаешь) была одним из основных признаков необразованности.

Однако самый показательный пример того, как думали об образованности прислуги городские жители, мы находим у Н. Тэффи, в рассказе «Культуртрегеры» (1913) (уже самое название, которое переводится как «распространители просвещения», говорит о многом). Основной его смысл заключается в том, что горничной Гаши адвокат, принесший фонограф, пытается объяснить принцип его работы. Здесь особо подчеркивается разница между городом и деревней: «*Постойте, Гаша, постойте, – засуетился адвокат. – Посмотрите, какая штука. Видали вы такую штуку? – Еще бы! В деревне у вас такой нет! – Нету в деревне, – не поспорила Гаша. – А что я вам сейчас покажу! Вот, слушайте!*» [Тэффи, 2011, т. 2, с. 15]. Но еще более показательным то, как адвокат начинает свои объяснения: «*Слушайте, Гаша. Вы, смотрите, не подумайте, что это нечистая сила, какой-нибудь черт или что-нибудь в этом роде*». Т.е. в представлении жителей города, новинки технического прогресса должны вызывать чувство страха у выходцев из сельской местности.

Еще одним свидетельством необразованности являлось недоверие к «ученым» людям. Так, в рассказе Н. Тэффи «Лекарство и сустав» (1911), нам повествуют о недоверии к науке, и научной медицине в частности: «*Позовите любую старуху – няньку, кухарку, ключницу, коровницу, – каждая сумеет вам порассказать такие ужасы про докторов и такие чудеса из собственной практики, что*

вы только руками разведете. <...> Кухарка издевалась над этой системой со всей едкостью холодного ума и все – даже рак желудка и вывихнутый палец – лечила хреном снаружи и редькой “В нутро”» [Тэффи, 2011, т. 1, с. 439].

Таким образом, прислуга, по мнению некоторых представителей средних городских слоев, не обладала высоким уровнем культуры, который «необходим» для жизни в городе: не умела читать, обладала ограниченным кругозором, не доверяла науке.

Последней чертой образа является приверженность традиционному укладу жизни. Выражалась она, например, в вере в необходимость такого института, как брак. Напомним, что в основном прислуга рекрутировалась из крестьянок. Вне брака среди крестьян, в конце XIX века, оставалось лишь около 4% (среди городских жителей 11–12 %) [Миронов, 2015, т. 1, с. 568]. Среди городских же слоев более активно шла трансформация семейно-бытовых отношений. Росли внесемейные ориентации членов семьи (начало приобщения женщин к некоторым видам труда); снижались наиболее авторитарные явления (критика послушания как основы семейной жизни), усилилась морально-психологическая потребность в семье как в союзе близких людей (проблема супружеских измен) и т.д. [Араловец, 2019, с. 146–150]

Иллюстрацией к этим двум противоположным взглядам является рассказ «Брошечка» (1911) Н. Тэффи. По сюжету, в семье Шариковых оба супруга изменяют друг другу, а потерянная прислугой брошка случайно вскрывает это. В конце рассказа выясняется, что эту брошку потеряла горничная, и которая теперь плачет из-за того, что ее бросил жених, обвиняя ее в рассеянности [Тэффи, 2011, т. 1, с. 186–191]. Здесь мы видим, как случайно сталкиваются городской и деревенский миры: городская семья переживает кризис, связанный с супружескими изменами, а деревенская девушка плачет из-за того, что не смогла выйти замуж.

Еще одной черта, которая была присуща прислуге, по мнению зажиточных горожан – обрядовая религиозность прислуги. В начале XX века образованная часть общества была занята выработкой новых подходов к отношениям с верой и религией, что выразилось, например, в организации Религиозно-философских собраний в 1901–1903 гг., а позже и работе Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде) [Религиозно-философское общество..., 2009, т. 1, с. 5–26]. Потому и не удивительны насмешки в сторону сельского населения по поводу их отношений с верой.

Так, хозяйка квартиры в рассказе Н. Тэффи «За стеной» (1910) очень недовольна тем, как ее горничная поет, когда никого нет дома: *«Часа два поет во все горло: «Господи помилуй! Господи помилуй!» Ревет, как бык. Прямо у меня все*

нервы трещат» [Тэффи, 2011, т. 1, с. 83–92]. В несколько ироничном ключе представляет Аверченко прислугу в минуты опасности. Увидев кровь на ковре, кухарка тут же начинает молиться вслух: «*Да тут кровь... Ой же ж, Господи... Пантелеймон-целитель... сорок мучеников... Фрол и Лавр...*» [Аверченко, 2013, с. 313]. Смешной Надежде Тэффи, кажется старуха-нянька, которая ругая всех вокруг после исповеди, считает своими главными грехами лишь чрезмерное употребление кофе и ссоры с другой прислугой [Тэффи, 2011, т. 1, с. 29].

В рассмотренных примерах, на наш взгляд, высмеивается традиционно-обрядовая религиозность простонародья, т.е. та, которую человек получал в наследство от предыдущих поколений и которую не пытался переосмыслить.

Итак, мы рассмотрели такие черты образа женской домашней прислуги как глупость, необразованность (т.е. безграмотность, отсутствие какого-либо начального образования) и приверженность традициям. Каким же образом они связаны с идентичностью среднего городского жителя? На наш взгляд, встречаясь в повседневной жизни с обозначенными чертами и подвергая их высмеиванию, городские средние слои, таким образом, осознавали себя как противоположность необразованному простонародью, которое приезжало из деревень и сел и нанималось в прислуги. Горожане казались себе более рациональными людьми, более образованными, «развитыми», «культурными», способными отказываться от архаичных традиций. Это черты, но и не только они, можно рассматривать как элементы идентичности городских жителей.

Список источников и литературы

Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; пер. с англ. И. Г. Ясавеева под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004. 620 с.

Аверченко А. Т. Собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. Чертова дюжина / сост., подг. текста и комментарии С. С. Никоненко. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2013. 424 с.

Араловец Н. А. Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект: 2-е стер. изд. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 270 с.

Бухов А. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 40. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 672 с., ил.

Временко В. А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях второй половины XIX–начала XX вв. // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* 2013. № 21. М., 2013. С. 241–273.

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед.

ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 336 с.

Давыдов Д. Социальная идентичность: теория рационального выбора как альтернативный подход к концептуализации // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2. М., 2012. С. 131–142.

Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей: Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 96–124.

Дорошевич В. М. На кончике пера. URL: http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_1907_na_kontchike_pera.shtml (дата обращения: 06. 11. 2020).

Иванова Н. А. Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX–начала XX вв. Теория и конкретика / Институт российской истории РАН. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2018. 294 с.

Кабаретные пьесы Серебряного века / сост., подгот. текста, вступ. статья, биогр. очерки и примеч. Н. Букс при уч. И. Лоцилова. М.: ОГИ, 2018. 570 с.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.,: Дмитрий Буланин, 2014–2015. Т. 1, 3. 886 с., 992 с.

Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х–1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. 896 с.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге. История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. Т. 1: 1907–1909. М.: Русский путь, 2009. 680 с.

Самарина Л. А. «Из деревни в город»: проблема социальной адаптации женской прислуги в Российской империи во второй половине XIX–начале XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. М., 2019. С. 78–81.

Свободный смех: [Еженедельный юмористический журнал с карикатурами]. 1905. № 2. 9 декабря. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/69519-2-9-dekabrya#mode/inspect/page/6/zoom/8> (дата обращения: 01.03.2021).

Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов; Прочее; Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: Сборники рассказов. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. 480 с., 432 с.

**STEREOTYPES ABOUT FEMALE DOMESTIC SERVANTS
AS AN INSTRUMENT FOR CONSTRUCTING THE URBAN IDENTITY
OF THE MIDDLE STRATA OF ST. PETERSBURG AT THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY**

Bogdanov Lev G.,
Ivanovo State University,
39, Ermak str., Ivanovo, 153025, Russia,
levbogdanovistfak@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the formation of the identity by the urban middle strata. This process can be traced with partially reconstructed stereotypes about female domestic workers that we can find in the works of satirical writers of the early 20th century. These stereotypes are: stupidity, ignorance, uncritical adherence to tradition. By analyzing or ridiculing these traits, writers who were the emerging urban middle class thus perceived themselves as antipodes to people who came from villages and towns.

Key words

Female Servant, Middle Urban Strata, Identity.

ТЕЛЕСНОСТЬ И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАК ЗНАКОВОЙ ФОРМЫ В XX ВЕКЕ

Сосновик Анна Борисовна

Белорусский государственный университет,
220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4,
anya.sosnovik@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается интерпретация телесности как знаковой формы в XX в. Важнейшими для выдвигания ее в качестве объекта социально-гуманитарных исследований видятся дискурсы иррационализма, феноменологии и психоанализа. Знаковым для осмысления телесности как результата социокультурного воздействия на тело человека являются теории культурных антропологов первой половины XX в. Анализируются различные подходы в рамках постмодернизма, где сознание и тело человека нередко отождествляются с текстом, в частности, в концепции Р. Барта. На установление источников конструирования телесности направлены работы М. Фуко и Ж. Бодрийяра, в которых постулируется зависимость субъекта и его тела от властных практик и гиперреальности, создаваемой масс-медиа. Ключевыми в культурфилософском дискурсе, затрагивающем телесность, видятся проблемы ее обусловливания нормами и ценностями культуры, властью, медиатехнологиями, а также перформативностью гендерных ролей.

Ключевые слова

Телесность, XX в., символизация, Барт, Фуко, Бодрийяр, перформативность гендера.

Телесность является концептом, вошедшим в дискурс социально-гуманитарных исследований в XX в. с развитием неклассической, а затем постнеклассической философии. Устоявшегося мнения о содержании этого феномена не существует, что обусловлено трудностями с пониманием его структуры: что именно интегрирует телесность, как она связана с телом, какие существуют «тела», правомерна ли оппозиция тела и духа или тела и плоти, каково соотношение между духовным и телесным, телом как субъектом и как объектом, между биологическим телом, социальным и культурным. Также важными остаются вопросы об автономности тела и телесности, границах их социальной обусловленности (и есть ли они, границы?).

Наряду с тем, что тело есть физическая данность, организм, который при этом репрезентируется и воспринимается различными способами, оно является

проживаемым: не просто развивающимся по естественным законам и существующим на последовательных биологических стадиях, но вмещающим в себя мыслящего субъекта – того самого «компонента», который необходим для рождения личностного уровня телесности. Восприятие тела и как пассивной биологической целостности, подчиняющейся естественным и социальным законам, и как материального воплощения активного субъекта, познающего и живущего во всей полноте, ставит вопрос о соотношении тела как объекта и как субъекта, тела и духа. Таким образом, задается онтологическая проблема, основополагающая для понимания сущности человека, рефлекслируемая с начала развития философии.

Российский психолог В. П. Зинченко в поисках ее разрешения писал: «Для обсуждения путей одушевления тела и овнешнения, “оплотнения” души... должно быть привлечено пространство между, в котором бы находилось нечто, относящееся в равной степени и к душе, и к телу, но не было бы ни тем ни другим. Или, точнее: было бы плотью и души, и тела» [Зинченко, 2005, с. 168]. Выдвижение концепта телесности заполняет это пространство, снимает оппозицию души и тела и гармонизирует отношения между биологическим телом и социокультурным влиянием, оказываемым на него.

Разные периоды и главенствующие в них метанарративы задавали свои подходы, по-своему конструировали субъекта и его взаимоотношения со своим объективированным телом, однако для глубинного понимания проблем, связанных с телесностью, было необходимо включение в философский дискурс всего спектра телесных проявлений. Такой проект был осуществлен в неклассической философии, в рамках которой постулировалась невозможность познания объективной реальности и исследовались иррациональные основания субъективности и мира в целом.

А. Шопенгауэр в рамках своего подхода осмыслял тело как проявление иррационального начала – мировой воли. Такой взгляд противопоставлялся традиционному рационалистическому, где тело понималось как функциональный инструмент души – для Шопенгауэра первична не душа, а внерациональная, холодная, безличная воля, воплощающаяся в теле и использующая мышление индивида в качестве инструмента [Шопенгауэр, 2016]. Ф. Ницше также акцентировал внимание на теле, противопоставляя свой подход христианскому, где первично духовное начало. Ницшеанская смерть Бога, борьба против самой его фигуры привела к выдвиганию на его место субъекта – сверхчеловека, освобожденного от морали, овладевшего собственными творческими, иррациональными силами, осознающего свою телесную природу и способного выйти за ее пределы

[Ницше, 2014]. Итак, в философии иррационализма утверждается ценность тела, оно как категория становится неотъемлемой частью философского вопрошания.

Новый подход был продолжен в феноменологии, где тело воспринималось как основа для бытия, превращающая пустоту в чувствуемый, проживаемый мир. В понимании феноменологии, интенциональность сознания, его постоянная направленность на предметы, мысль «о чем-то», что составляет часть субъективного, переживаемого опыта, приводит к тому, что Другой воспринимается, прежде всего, как телесная форма, тело – подтверждение его существования. Другой становится alter ego субъекта, вступающего с ним в диалог, и конструируется, познается ассоциативно, по принципу сходства, исходя из личностных качеств познающего. При этом самоосмысление осуществляется в контакте с Другим, поэтому «смысл Другого для Меня – он является необходимым зрителем, без которого не может начаться спектакль “театра одного актера”, коим является, по существу, вся моя жизнь... Я тоже необходим Другому как зритель Его неповторимого спектакля» [Феррони, 2015, с. 41], – как комментирует исследователь В. В. Феррони. Можно сказать, что феноменологический подход перевернул существующие в философии представления, поставил тело и его проявления в центр исследований и открыл путь для дальнейшего изучения телесности.

Одновременно с этим развивался психоанализ, основанный как радикально новый подход в медицинском, психиатрическом дискурсе, но трансформировавшийся впоследствии в метанаучный подход. Созданное З. Фрейдом учение было направлено на снятие оппозиции между телом и душой, изучение обусловленности тела психикой, а ее – социокультурными процессами, запретами-табу, существующими в культуре и ее определяющими. При этом тело подробнейшим образом изучалось как субъект и объект сексуальности, находящийся в неразрывной связи с психикой. Психоанализ стал связующим звеном между естественнонаучными и философскими дискурсами о телесности, стимулировал дальнейшее ее изучение.

Вобрав в себя открытия философии, связанные с радикально новым пониманием тела, с начала XX в. сформировалась социологическая традиция Э. Дюркгейма, которая продолжала постулированный К. Марксом тезис «бытие определяет сознание» и концепцию интенциональности сознания в феноменологии. Возник новый подход к пониманию соотношения субъекта и социума, их взаимозависимости, обозначилось влияние социальных институтов на индивида. Важными в исследовании этих аспектов стали работы западных культурных антропологов, которые подтвердили, что Другой определяется, конструируется существующими в его повседневном опыте культурными нормами, ценностями,

запретами. Для формирования такого взгляда были необходимы пересмотр ценностных установок антропологии и выработка новой методологии – так в рамках этноисторического направления Ф. Боас определил принцип релятивизма, по которому каждая культура должна оцениваться исходя из собственных категорий, нуждается во вчувствовании, открытости, признании ее отличной природы с условием сохранения своей собственной. В дальнейшем этот принцип, оформленный М. Херсковицем, стал ведущим для представителей этнопсихологической школы (школы «Культура и личность») А. Кардинера, Э. Сепира, Р. Бенедикт, М. Мид и др., изучавших психологические характеристики иных культур, взаимосвязь психологии, личности и культуры.

Исходя из этого была доказана социокультурная обусловленность субъекта и его психики, его вариативность, многомерность, отличность. Было показано, что сознание конструируется в процессе социализации и инкультурации и потому неразрывно связано с ценностями, заложенными в культуре. В частности, М. Мид, изучая тихоокеанские архаичные общества, подчеркнула, что «гендерно-расовый другой не обладает целостной природой и единым генезисом... это сложная многочленная конструкция, в которой каждый оказывается Другим по отношению ко всем остальным, и одновременно – Иным по сравнению с европейцами» [Суковатая, 520, с. 145], – комментирует украинская исследовательница В. А. Суковатая.

Таким образом, в центре гуманитарных исследований оказался феномен социально обусловленного Другого, который, исходя из феноменологической традиции, прежде всего, телесен. Подробное изучение тела Другого проводилось в рамках этнопсихологической школы в работах М. Мид, Р. Бенедикт, Д. Горера, где рассматривалась зависимость между принятыми в культуре способами воспитания и психологией личности. Паттерны телесного поведения выделились в объект исследования, в частности, в концепции техник тела М. Мосса, и рассматривались как обусловленные полом, возрастом, социальными группами формы использования человеком собственного тела – способов сна, родов, ходьбы, бега, танца, плавания, еды, питья и т.д. Тело стало восприниматься как многомерная форма, предстающая в качестве биологического тела, опосредованного социокультурным влиянием.

Понимание того, что Другие творят собственные символические миры и ими определяются, было взаимосвязано с лингвистическим поворотом в философии, в ходе которого исследовалось соотношение реального опыта и языка, описывающего этот опыт. В рамках семиотического подхода Э. Кассирера культура стала определяться как система знаков, кодов, образующих искусственно

созданную человеком реальность. При этом конструирование языка находится в неразрывной связи с телом, которое «служит человеку первичной сеткой координат, к ней он в дальнейшем постоянно возвращается и на нее постоянно ссылается – и из нее же он также заимствует обозначения, необходимые для описания его пространственной экспансии» [Кассирер, 2002, с. 140], – писал Э. Кассирер. Однако созданная человеком символическая система – язык, миф, искусство, религия – будучи направленной на адаптацию, лишь усилила разрыв человека с природой. В результате символизации сформировалась иная реальность, попадая в подчиненное положение от которой, индивид оказался отчужденным от самого себя и собственного тела, захваченным знаковым миром.

В последующем на семиотические и лингвистические теории (в частности, гипотезу Сепира–Уорфа, по которой язык конструирует мышление индивида) опирались представители структурализма. Они стремились выделить в любом культурном артефакте универсальные глубинные структуры, по отношению к которым субъект и его самоощущение, телесность выступали как нечто зависимое, вторичное. В постструктурализме мир продолжал пониматься как символическая вселенная, бесконечный Текст, но при этом акцентировались его открытость для интерпретации, множественность, цитатность, децентрированность, фрагментированность, искусственная природа.

В ракурсе культурологии и философии постмодернизма вслед за ницшеанской «смертью Бога» констатировалась и «смерть субъекта», утрата им целостности, выраженного «я» и, напротив, существование в состоянии процессуальности, постоянной незавершенности вследствие зависимости от существующих дискурсов. Сознание человека текстуализируется, т. е. рассматривается как бесконечный постструктуралистский текст, фактически интертекст – лишенный центра, единой идеи, идентичности, состоящий из предшествующих текстов и множественности цитат без кавычек. Тело также оказывается вовлеченным в процесс символизации, а телесность становится «пространством между», надреальностью, которая формируется дискурсами, отражает ризоматичное сознание индивида и обуславливает его отношения со своим телом. Проблемы, связанные с телом и телесностью, разрабатывались в концепциях М. Фуко, Ж. Бодрийера, Ж. Делеза, Ж.-Л. Нанси, Дж. Агабмена, Р. Барта, Ж. Деррида и др. Телесность стала осмысляться как результат нанесения ценностных знаков на биологическое тело властью, ее институтами, медиатехнологиями, в понимании чего большую роль сыграли теории Р. Барта, М. Фуко и Ж. Бодрийера.

Французский структуралист и постструктуралист Ролан Барт связывал во едино текст и тело, предлагая концепт «текста-наслаждения» и «текста-удовольствия». Прежде всего, сам текст, текст-письмо есть, по Барту, «та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [Барт, 1989, с. 384]. Следствием смерти субъекта становится смерть автора как единой инстанции истины, носителя смыслов, заложенных в текст – отныне текст открыт для бесконечной интерпретации; смысл рождается в процессе его восприятия. Автор трансформируется в скриптора – всего лишь исполнителя функции письма, не обладающего собственными чувствами и страстями, которыми он мог бы наполнить текст, а создающего мозаику из цитат и аллюзий, отсылающих к культурному наследию. Породить один из множества смыслов такого текста способен только читатель, который занимает место умершего автора и сам создает для себя интерпретацию прочитанного.

Читатель, особенным образом вовлеченный в текст, способен испытывать от него настоящее удовольствие, которое открывает для него процесс создания собственных смыслов. Как комментирует российская исследовательница И. Жеребкина, «читатель оказывается за пределами обыденного чувства самотождественности, выходит за пределы своего статично-определенного “я” в сферу множества чувственных состояний» [Жеребкина, 2007, с. 48]. На этом этапе и выделяются текст-удовольствие и текст-наслаждение. Первый – захватывает, влечет следовать за канвой сюжета, создан для классического чтения, т. е. порождения единственной интерпретации, раскрытия заранее заданного смысла и обнаружения присутствия автора. Второй же вид текста, текст-наслаждение, обладает процессуальностью, динамичностью, незамкнутостью, порывает с традиционным способом чтения и потому вызывает у читателя потерянность и дискомфорт, однако именно в наслаждении утверждается функция читателя, его субъективность. Текст-наслаждение всегда становится революцией, скандалом, в том смысле, что он радикально порывает с прошлым, создает собственную дискурсивность, по причине чего о нем можно говорить, только исходя из его природы.

Р. Барт писал: «Текст... это образ, анаграмма человеческого тела... Но речь идет именно о нашем эротическом теле. Удовольствие от текста несводимо к его грамматическому... функционированию, подобно тому, как телесное удовольствие несводимо к физиологическим отправлениям организма»

[Барт, 1989, с. 474]. Субъект, воспринимающий такой текст, оказывается в состоянии раскола – он создатель интерпретации, в которой, однако, не может быть абсолютно свободен. Он чувствует дискомфорт, разрушение собственного «я», т. к. погружается в текст, выходящий за пределы культурной традиции. «Удовольствие» оказывается задаваемым извне, находящимся вне текста и вне тела. Фактически, эротическое тело, о котором говорит Барт, представляет собой нечто большее, чем биологическую целостность – это знаковая форма, отождествляемая с текстом, телесность.

Исследование субъективности и ее зависимости от присущих обществу Текстов проводилось французским историком, постструктуралистом Мишелем Фуко. В качестве основного источника воздействия на субъекта Фуко определял власть – анонимную, децентрированную, проявляющуюся на всех уровнях социальных отношений. Власть производит истину, т. е. контролирует, что именно считается знанием, попадает под категорию «правильного» и «нормального». Как описывает позицию Фуко российский исследователь Ю. П. Зарецкий, «внеисторического субъекта как некоей онтологической данности (пусть и изменчивой) вообще не существует. Субъект появляется всякий раз заново в результате игры отношений власти и истины, а не просто изменяется от эпохи к эпохе, как считали традиционные философия и историография» [Зарецкий, 2012, с. 306]. Итак, индивид оказывается тотально зависимым от властного дискурса, который воздействует на человека преимущественно посредством контроля над его телом.

Типологизируя власть, Фуко выделял три основных ее типа – суверенную власть, дисциплинарную власть и биовласть. Каждая из них проявляется особым образом на теле человека и конструирует его телесность. Так власть суверена являлась определяющей до XVIII в. и формировала ярко проявившееся в период Средневековья «пытаемое тело» и «казнимое тело». Оно противопоставлялось телу короля и участвовало в церемониях, призванных в символической и буквальной форме утвердить торжество истины и режима власти-знания, ее создавшего: «Публичная казнь не восстанавливала справедливости, она реактивировала власть» [Фуко, 1999, с. 74], – отмечал М. Фуко. Таким образом казимый противопоставлялся власти и должен был посредством отказа от своего тела в пытке, казни войти в дискурс истины, стать жертвой всемогущего государя, провозглашающего свою силу. Пытка становилась игрой истины, а казнь – ее кульминацией, отражающей торжество истины перед глазами главных зрителей в театре правосудия – народа.

Дисциплинарная власть, распространяемая с XVIII в., использовала иные телесные механизмы, направленные на сохранение жизни и диверсификацию индивидов. Основная ее цель – тщательное наблюдение за каждым подконтрольным телом, научение его определенным техникам, позволяющим его нормализовать, привести к единому образцу и повысить производительность. М. Фуко писал: «Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново... Дисциплина увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания)» [Фуко, 1999, с. 201].

Итак, дисциплинарная власть, подчиняя тело, трансформирует его в наиболее выгодную для себя форму и через него – самого субъекта. Хотя такая власть не локализована и функционирует в каждой социальной группе, в результате чего человек в любой момент времени оказывается под надзором, особую роль для ее распространения и утверждения нормы играют различные институции – пенитенциарные, медицинские, психиатрические, образовательные и др. Они работают по принципу гетеротопий, которые, будучи вписанными в повседневность, являются пространствами изоляции, где человек подчиняется определенным правилам в отношении телесного поведения и оказывается зависимым от властных дискурсов.

Биовласть, формируемая со второй половины XVIII в., связана, в первую очередь, с выдвиганием категории населения как человеческого ресурса, состоящего из отдельных индивидов, но при этом являющегося целостностью, которая может быть исследована с помощью естественнонаучных и статистических методов. Она также использует дисциплинарные механизмы, но в большей степени ориентирована не на индивидуальность, а массу, «не на тело, а на жизнь... Стремится не к индивидуальной дрессировке, а к глобальному равновесию, к чему-то вроде гомеостаза: к сохранности целого по отношению к внутренним опасностям» [Фуко, 2005, с. 263]. Биовласть поддерживает безопасную, высококачественную жизнь населения, которое задействуется в системе производства, и при этом осуществляет глубинный надзор над телом, являющегося частью более масштабной категории. Одним из механизмов власти становится сексуальность, позволяющая контролировать как биологическое, глобальное, так и частное, присущее конкретному телу субъекта. Таким образом, как считал М. Фуко, все три типа власти, распространяясь на различных исторических этапах и переплетаясь в настоящем, контролируют субъекта через его тело и конструируют телесность – символическую форму, обуславливающую телесное поведение человека.

Французский философ, теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр также активно исследовал состояние человека XX века и его отношения к собственному телу. Осмысливая современное ему общество, Бодрийяр отмечал его символическую, искусственную природу, где каждое явление опосредованно, что в результате приводит к расхождению означаемого и означающего и созданию симулякра – копии без оригинала, символа, утратившего свой первоисточник. Основным механизмом формирования симулякра становится масс-медиа, которые, перестав отражать объективную реальность, ее видоизменяют и искажают. Разрушив подлинное, медиатехнологии заменяют его множеством симулякров, формирующих гиперреальность: «Речь идет уже не об имитации, не о дублировании, даже не о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального знаками реального...» [Бодрийяр, 2015, с. 7]. В условиях технической воспроизводимости, когда каждый культурный артефакт может обрести не только копию и символ, но и симулякр, главенствует массовое потребление все новых и новых форм, что Ж. Бодрийяр описывал так: «Логика товара распространяется, управляя сегодня не только процессами труда и производства материальных продуктов, она управляет всей культурой, сексуальностью, человеческими отношениями вплоть до индивидуальных фантазмов и импульсов» [Бодрийяр, 2020, с. 304]. Человек общества потребления, окруженный бесконечным потоком символов и образов, во всем видящий товар, фетиш, сам начинает выполнять ту же функцию.

Наибольшее вложение для человека постсовременности, по теории Ж. Бодрийяра, требует тело, представляющее собой самый желанный фетиш и капитал, поддерживаемый в идеальном состоянии для символического обмена и потребления. Тело становится культом, новой манией масс, формируемой и распространяемой с помощью медиа. Оно подпадает под пристальное внимание, неустанную заботу, которая амбивалентна (позитивна, но в целом негативна) и вырождается в репрессивную заботливость. Забота становится способом контроля, утверждения фиксируемых модой и медиа форм, сводящих тело к набору знаков.

Фетишизированное тело становится «функциональным телом», основными характеристиками которого являются красота и эротизм, выделяемые в качестве знаков и маркирующие своим присутствием человека, сообщающие ему эти качества. Бодрийяр четко разделяет «эротическое тело», носящее знаки сексуальности и желанности, от тела, обладающего индивидуальными желаниями, природной, внутренней сексуальностью – «тела-импульса», «тела-фантазма». Идеальным воплощением эротического тела становится манекен – объект моды

и рекламы, обнаженный, но лишенный всякой чувственности, демонстрирующий свое тело, но по сути не обладающий им, отчужденный. Также аллегорией предельного в своей эротичности тела становится «тело-кукла» – фетиш, товар, сформированный массовым сознанием и обладающий сексуальностью, которая раскладывается на знаки и приписывается индивиду в качестве определенной характеристики, передается как готовый набор.

По мнению Ж. Бодрийяра, власть использует сексуальность для самосохранения, создания иллюзии собственного существования, восполнения утраченной реальности. Так гиперреализм, откровенность знаков порнографии пытаются доказать, что якобы освобожденная сексуальность существует в своей подлинности. Сексуальность, фетишизация становятся характерными чертами общества, «все становится сексуальным, все являет собой объект желания: власть, знания – все истолковывается в терминах фантазмов и отталкивания; сексуальный стереотип проник повсюду» [Бодрийяр, 2000, с. 16], – писал Ж. Бодрийяр. Итак, в соответствии с его подходом, вся действительность сводится к завораживающему, поглощающему наблюдателя миру гиперреальности, в котором тело становится одной из многих симуляций, а телесность представляет собой знаковую форму, наделяемую задаваемыми масс-медиа смыслами и ценностями.

В целом, в дискурсе постмодернизма концепт телесности становится одним из приоритетных направлений исследований, что связано с необходимостью осмысления множества трансформаций, которым подверглось тело XX века. Ставится проблема соотношения децентрированного, расколотого сознания субъекта и его отчужденного, неподвластного самому обладателю тела. И сознание, и тело текстуализируются, фактически отождествляются с Текстом, от которого они пребывают в тотальной зависимости.

Понимание телесности как знаковой формы продолжилось в ракурсе гендерных исследований, в частности, в перформативной теории гендера, разрабатываемой американским политическим философом Дж. Батлер. Основываясь на теории М. Фуко и исследованиях С. де Бовуар в рамках философии экзистенциализма, она предложила понимание гендера как социального конструкта, утверждаемого во взаимодействии, акте и основанного на законах конкретной культуры и общества. При этом «гендер не следовало бы понимать просто как культурное наслоение значения на биологически предзаданный пол... он должен также указывать на аппарат производства, посредством которого были созданы оба пола» [Батлер, 2000, с. 307]. Заключается, что телесность является продук-

том власти и ценностей культуры, что создает, в соответствии с феминистической теорией, «множественную друговость» гендера, также зависящего от социальной, национальной среды.

В целом, положения неклассической и постнеклассической философией родили современный подход, где «телесность является высшей психической функцией, т. е. комплексным биопсихосоциальным образованием, которое нагружено символическими значениями и не тождественно телу человека» [Бескова и др., 2011, с. 328], – отмечает российская исследовательница Д. А. Бескова. Телесность функционирует как символическая форма, наполненная продиктованными социокультурным влиянием, властью, медиатехнологиями смыслами и опосредующая способы, которыми человек использует собственное тело. Тело и телесность оказываются в центре вопросов, связанных с гендером, виртуализацией, межкультурным и межличностным взаимодействием, существованием человека в период экологического кризиса. Важность осознания, что представляет собой телесность, усиливается, т. к. на нее все большее влияние оказывают виртуальный мир и медиaprостранство, пропагандирующие определенные телесные образы, а также власть, использующая разные формы и методы воздействия на тело и получающая через него доступ к субъекту.

Библиографический список

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С.297-346.

Бескова И. А., Князева, Е. Н., Бескова, Д. А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2020. 320 с.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

Жеребкина И. Субъективность и гендер. СПб.: Алетейя, 2007. 312 с.

Зарецкий Ю. П. История европейской субъективности М. Фуко // Субъективность и идентичность: коллект. моногр. / отв. ред. А. В. Михайловский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 293–318.

Зинченко В. П. Психология на качелях между душой и телом // Гуманитарные науки: теория и методология / Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. С. 151–169.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Азбука-Классика. Non-Fiction, 2014. 352 с.

Суковатая В. А. Лицо другого: Телесные образы другого в культурной антропологии: Монография. Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2009. 520 с.

Феррони В. В. Тело и Другой (проблема Другого в феноменологической концепции М. Мерло-Понти // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – №3. С. 33–50.

Фуко М. Лекция от 17 марта 1976 г. // Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 253–279.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: AD MARGINEM, 1999. 241 с.

Шопенгауэр А. О воле в природе. Мир как воля и представление. Дополнения. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 768 с.

CORPOREALITY AND ITS UNDERSTANDING AS A SYMBOLIC FORM IN THE 20TH CENTURY

Sosnovik Anna B.

Belarusian State University,

4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, Belarus,

anya.sosnovik@mail.ru

Annotation

The article considers the interpretation of corporeality as a symbolic form in the 20th cent. The discourses of irrationalism, phenomenology and psychoanalysis were the most important for the promotion of corporeality as an object of social and humanitarian research. The theories of cultural anthropologists in the first half of the 20th cent. were significant for understanding corporeality as a result of a sociocultural impact on the human body. Also the analysis of postmodern approaches has shown, that the human mind and body were identified with the Text, f. e. in the concept of R. Barthes. Works of M. Foucault and J. Baudrillard established, that the subject and his body were dependent on powerful practices and the mass media. So the key issues in the cultural-philosophical discourse, connected with corporeality, are the problems of its construction by norms and values of culture, power, media technologies and gender performance.

Key words

Corporeality, XX Century, Symbolization, Barthes, Foucault, Baudrillard, Gender Performance.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

УДК 94(491.1):[003:069.5]

ИСЛАНДСКИЕ САГИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ ВЫСТАВОК

Рычина Ксения Александровна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
ksaenetesis@gmail.com

Аннотация

Успех популяризации исторического знания в современном мире во многом зависит от выбранного способа репрезентации, который будет понятен и сможет заинтриговать массового потребителя. Исландские саги являются трудным в адаптации для широкой публики источником. В научной литературе мало исследований, касающихся популяризации исландских саг в музейном дискурсе и представления их массовой аудитории. В статье анализируются приемы, с помощью которых исландские саги были представлены посетителям на выставках, посвященных культурному наследию Исландии на ее территории. В целом, все рассмотренные выставки имеют схожие тенденции к акценту на визуализацию информации, отказу от текстовых форм репрезентации, использованию особой цветовой символики, обусловленной культурными традициями Исландии и использование иконических знаков и образов, понятных как местным жителям, так и туристам.

Ключевые слова

Скандинавские саги, Исландия, семиотика, визуальная семиотика, публичная история, музеи.

Современный запрос на упрощенное потребление исторического знания побуждает авторов исторических экспозиций, все больше отказываться от текстовых форм репрезентации. Исландские саги XIII–XVI веков являются объемным средневековым нарративным письменным источником, содержащим в себе огромное количество топонимов и имен, что усложняет задачу их представления на выставках для массовой аудитории. Переработка текста источников является недостаточной для того, чтобы аудитория стала потребителем истории. У авторов проектов возникает необходимость заключения переработанного нарратива в определенный контекст для лучшего понимания аудиторией содержания исторических событий, изложенных в тексте.

Данная работа направлена на выявление интерпретации исландских саг в музейном дискурсе в Исландии в начале XXI века. Для выявления нам необходимо провести анализ визуальных приемов, благодаря которым исландские саги представляются посетителю, а также особенностей трактовки визуальных модулей с точки зрения семиотики и в контексте культурного наследия Исландии. Актуальность работы связана с востребованностью исследований *publichistory*, репрезентации исторического знания в музейном пространстве и способах потребления истории массовой аудиторией.

Стоит сказать, что к изучению скандинавских письменных источников в свое время подходило множество авторов, как историков, так и лингвистов. Саги рассматриваются не только как последовательность событий, произошедших в X–XI вв., но и как поле интерпретаций повседневной жизни исландцев того периода. Можно назвать П. Хальберга с работой «Исландская сага», где обсуждаются отражение характера героев, темы судьбы, ценностей и идеалов героев в сагах [Hallberg, 1962]. Л. Д. Бек, профессор древнескандинавских и скандинавских исследований в Калифорнийском университете, в монографии «Вражда в исландской саге» описывает, каким образом модели вражды и способы урегулирования конфликтов в исландском обществе отражены в сборнике саг о Стурлунгах [Byock, 1982]. Кэрл Дж. Кловвер в работе «Средневековая сага» анализирует связь саг с континентальной литературой [Clover, 1982]. Йоханна Катрин-Фридриксдоттир в работе «Женщины в древнескандинавской литературе. Тела. Слова и сила» проводит анализ женского образа в исландских сагах и описывает их социальное и экономическое положение в средневековом исландском обществе в рамках гендерных исследований [Friðriksdóttir, 2013]. Из отечественных исследователей, в первую очередь следует назвать А. Я. Гуревича, медиевиста, скандиевиста и культуролога. Одно из основных его произведений, касающихся исследования письменных источников Скандинавии, является – «История и сага. О произведении Снорри Стурлусона «Хеймскрингла» [Гуревич, 1982]. Также стоит назвать Т.Н. Джаксон, российского скандиевиста. Множество ее трудов посвящено королевским сагам, а также отражениям в них Руси того времени. Что касается музейных пространств, то теорией интерпретаций музейных артефактов в публичной истории занимался Джером де Гроот, что отражено в его монографии «История потребления: историки и наследие в современной массовой культуре». Современный музей все чаще становится объектом для интерпретаций с точки зрения семиотических подходов. О.С. Минуровская в статье «Семиотиче-

ский подход к пониманию музея как феномена культуры» рассматривает пространственную модель экспозиции и способы ее интерпретации [Минуровская, 2011, с. 54–57].

Несмотря на то, что Исландские саги являются хорошо исследованным источником, темы репрезентации саг в музейном пространстве и оценке этой репрезентации с точки зрения public history и визуальной семиотики не были развиты, поэтому можно говорить о новизне данной темы.

Методологией данного исследования является публичная история и структурно-семиотический подход. В исследовании были использованы методы контент-анализа и сравнительный метод.

Для анализа были выбраны выставки, посвященные сагам, находящиеся на территории Исландии и созданные в начале XXI века, а именно: «Сага о Ньяле» в Центре Саги в Хвольсведлуре, «Эгил» в Расчетном Центре Боргарнеса, «Сноррастофа», посвященная Снорри Стурлусону в культурном и средневековом центре Рейкхольта и Музей Саги в Рейкьявике. В качестве источников выступили официальные страницы данных проектов, фотографии экспозиций, предоставленных как сотрудниками музеев на официальных сайтах, так и посетителями на сайте «Tripadvisor», а также отзывы посетителей.

После кризиса 2008 года Исландия становится туристической страной и помимо страны с «нетронутой цивилизацией природой», прослеживается тенденция к рекламе Исландии, как стране с «древним прошлым», стране мореплавателей и завоевателей, несмотря на удаленность от Европы, внесших вклад в ее развитие в Средневековье [Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы, 2018, с. 197–210]. При анализе выставок прослеживается проблема этноцентризма исландцев: общепринятые трактовки семиотических кодов могут не работать при оценке закрытой исландской культуры. Однако, представляя свою историю посредством выставок, исландцы стараются совместить исторические образы своих предков с образами разрекламированных в массовой культуре викингов, поскольку необходимость в развитии туризма, а также иммиграционный бум 2010-ых годов вынуждает исландскую культуру к более открытому диалогу с приезжающими людьми, носителями других культур.

Центр Саги, в котором представлена экспозиция, посвященная «Саге о Ньяле» не предоставляет посетителям аудиогuida, как это происходит в Музее Саги, или адаптации материала для детей, как это происходит в Расчетном Центре. Визуальной коммуникации с посетителем на данной выставке меньше, чем на других выставках и в проектах, за исключением выставки, посвященной Снор-

риСтурлусону. Авторы данной выставки делают акцент на текстовой составляющей саги, сопровождая ее визуальными модулями: картинами, реконструкцией обеденного зала, одеждой, оружием, доспехами. Последние преобладают среди экспонатов, кроме того выставка сопровождается картинами, на которых изображены вооруженные исландцы причем в активных, не статичных позах. Подобные знаки стоит интерпретировать весьма однозначно: люди, о которых говорится в саге, были войнами, что интересно, учитывая, что Ньял, чьим именем названа сага, описывается скорее, как один из мудрейших людей, а не сильнейший или воинственный.

Стоит обратить внимание также на местоположение выставки в пространстве музея. Выставка расположена в замкнутом, широком, но без ответвлений, коридоре, предлагая посетителю «прочитать» сагу от начала и до конца. Сам коридор имеет темный потолок и пол, которые теряются на фоне стендов и экспонатов, не позволяя посетителям отвлечься на посторонние раздражители. Стенды и экспонаты закреплены на деревянных рамах, само дерево, как материал, является нейтральным, что также способствует погружению посетителей. Кроме этого дерево, к тому же изогнутой формы, является символом «натуралистичности», подчеркивая близость людей саг к природе [Kress, vanLeeuwen, 2006, с. 16–45]. При этом деревянная отделка служит композиционной границей между посетителями выставки и экспонатами, и между отрезками экспонатов, в первом случае отделяя посетителей от объектов не только в целях безопасности последних, но и психологически, оставляя четкую границу между настоящим, в котором существует посетитель и прошлым, частью которого являются экспонаты. Что касается цветовой символики, то на выставке основными цветами являются красный и желтый, что также могут иметь определенный психологический код, который воздействует на зрителя [Павлова, 2013, с. 59–64].

Красный цвет является доминирующим практически у всех представленных проектов, что можно объяснить тем, что красный цвет долгое время являлся основным и доминантным в истории человечества [Паустро, 2019, с. 4–23]. Кроме того, красный цвет является символом огня, в том числе и вулканического. Также стоит отметить значение красного цвета в истории Исландии, а точнее – в исландских сагах. Красный цвет являлся цветом богатства во времена действия саг, поскольку неоднократно появляются сюжеты, где герои одеты в красные одежды, что интерпретируется внутри саги как достаток героя или же подобная одежда является дорогим королевским или императорским подарком [Tibbs, 2012, с. 20–23]. Не стоит забывать о том, что красный цвет сам по себе

является цветом, который привлекает внимание, что активно используется в дизайне, например, в создании дизайна рекламных баннеров [Мальсагова, 2019, с. 55–60]. Таким образом, темное окружение и подсвеченный красный стенд с текстом саги содержат более натуральный и привлекательный модус для зрителя чем другие предметы, оттягивая его внимание на себя.

Что касается желтого цвета, то каких-либо исторических обоснований для использования его в дизайне нет, поэтому говорить с уверенностью о символике желтого цвета в контексте выставки не уместно, поскольку в исландской культуре, закрытой от континентальной Европы, трактовка желтого цвета может различаться от европейской или же отсутствовать вовсе. Стоит лишь отметить, что желтый является одним из базовых цветов, в современном дизайне трактуется как цвет «для привлечения и удержания внимания» и широко используется наравне с другими основными цветами — синим и красным. Кроме этого, желтый считается самым узнаваемым и запоминаемым цветом, поэтому его чаще всего используют в художественном оформлении рекламы [Павлова, 2013, с. 59–64].

Что касается адаптации самого текста саги, то можно отметить, что авторы выставки старались адаптировать текст и историю для посетителей, не знакомых с ней. Например, один из начальных стендов знакомит аудиторию с жанром саг, со способами художественного построения и особенностями данного литературного жанра. Стоит также учитывать, что «Сага о Ньяле» является одной из самых длинных саг, которая нуждается в адаптации для неподготовленного посетителя. Наличие настоящих предметов быта, одежды и вооружения предполагает, что сага в контексте выставки рассматривается не как литературное произведение, а как исторический источник, который достоверно отражает события древней Исландии. Ее сюжет используется как средство, которое помогает посетителю лучше понять последовательность событий, описываемых в выставке. На стендах текст не расположен линейно, а поделен на блоки, то есть является не линейным, тем самым, невозможно предугадать, каким образом двинется взгляд посетителей.

Как отмечалось ранее, на выставке, посвященной Снорри Стурлусону, авторы не делают акцент на нем, как авторе литературных произведений, предпочитая уделить внимание его биографии. Однако на выставке присутствуют секции, посвященные творчеству этого человека. Так, в первую очередь, бросается в глаза секция, посвященная Младшей Эдде – самой знаменитой работе Снорри. Секция с текстами дополнена репродукциями иллюстраций Младшей Эдды из сборника «Младшей Эдды» фермера Якоба Сигурдссона. При этом отсутствует

иллюстрации Эгила из «Саги об Эгиле». Стоит также отметить, что выставка имеет схожую черту с Центром Саги, а именно преобладание текстовых ресурсов, однако присутствуют и визуальные модулы, выраженные иллюстрациями на стендах с текстами, а также витрины с рукописными текстами произведений Снорри, или произведений о нем, которые выступают уже трехмерным изображением. Выставка позиционирует себя как «Дом Снорри», что отражено на входе в музей: ярко расписанные бытовыми сценами ворота. Также мотив дома проявляется в логотипе всего центра: желтый треугольник-дом с дверью.

Визуальное оформление выставки также нацелено на то, что посетитель не будет отвлекаться от содержания: ненужные области затемнены, как пол и потолок, однако авторы не ограничивают зрителей в плане передвижения по экспозиции. Отдельные участки биографии скальда, как и его произведения, композиционно отделены стенами, создавая небольшую комнату с проходом. Внутри подобных комнат преобладает один из цветов, например, у «Младшей Эдды» этот цвет зеленый. На данной выставке к уже упомянутым цветам, – желтому и красному, – также добавился синий и зеленый цвет. Они используются для украшения ворот, они же используются для композиционных акцентов, становясь своеобразным кодом для той или иной секции выставки.

Синий цвет, помимо того, что является одним из триады основных цветов, также имеет под собой и культурологическое для Исландии, и Скандинавии в целом, значение. Именно синий, а не желтый, ассоциировался у исландцев с богами, что нашло отражение в мифах: верховный бог Один представляется стариком в синих одеждах [Тодд, 2005]. Что касается зеленого, то жители Скандинавии, как и германцы, почитали этот цвет и хронисты писали, что одежды высадившихся на берег норманн были зеленого цвета. Кроме того, для путешествующих исландцев земля, покрытая зеленью, являлась знаком надежды и процветания [Паустро, 2018, с. 35]. Подразумевался ли исторический и культурологический контекст данных цветов авторами выставки при ее создании или дело ограничилось эстетической функцией этих цветов — сказать сложно. Что касается современного дизайна, то трактовка этих двух цветов такова: синий является цветом спокойствия и умиротворения, вызывает доверие и чувство безопасности, в то время как зеленый, тоже ассоциирующийся со спокойствием, вызывает чувство расслабления, гармонии и связывается со здоровьем и природой [Мальсагова, 2019, с. 55–60].

Если обратиться к веб-странице сайта, то стоит отметить, что навигация на сайте закодирована цветами выставки. С точки зрения композиционной инфор-

мационной ценности горизонталь на web-странице отделяет навигационную панель с визуальным представлением выставки от основной части, тем самым по мере продвижения по сайту верхняя часть остается знакомой посетителю, в то время как нижняя часть меняется, предоставляя новую информацию. Цветная навигационная панель создает выпуклость на странице, а линии рамки разъединяют основную часть страницы и навигационную панель по разделам. Также стоит отметить, что для удобства на сайте используется шрифт без засечек, однако на логотипе Снорристофа использован один из готических шрифтов, выполняющих эстетическую функцию.

Выставка, посвященная саге об Эгиле, отличается от предыдущих тем, что авторы используют только аудиовизуальные семиотические коды: скульптуры по мотивам саги, сделанные из дерева дизайнерами для выставки и аудиогид. В оформлении выставки выделяется обилие не прямых линий, что является символом приближения к живому, природе [Kress, van Leeuwen, 2006, с. 16–45]. Данная особенность хорошо заметна в дизайне деревянных фигур, начиная плавными линиями масок и заканчивая скульптурой Мирового Змея, чьи кольца размещены на полу и будто уходят под пол выставки, символически опоясывая все представленное пространство. Сами скульптуры и изображения стилизованы под более поздние иллюстрации исландских саг и Младшей Эдды. Также подсвеченные фигуры и затемненное пространство без информационных стендов позволяют посетителям глубже погрузиться в историю, рассказанную в саге. Кроме этого плавность присутствует и в логотипе музея, который является символическим изображением носа корабля, окрашенного также в красный цвет, так и в профилях персонажей саг, изображенных на оформлении всего Расчетного Центра.

Несмотря на то, что посетителям выставки физически предоставлен выбор, к какому объекту подойти первым, фактически же существует сдерживающий фактор в виде аудиогuida, рассказывающего историю постепенно. В оформлении всего Расчетного Центра преобладает не яркий красный, однако при визуальном оформлении выставки используется свет желтого, сине-зеленого и красного цветов. При этом прослеживается логическая последовательность использованных цветов на выставке: сине-зеленый появляется в имитациях пещер или в демонстрации кораблей и моря, желтый – при обозначении людей и сцен из саги, создавая контраст холодных и теплых оттенков.

В оформлении web-сайта центра также доминирует бледно-красный цвет. Предпочтение отдается визуальному коду, поскольку первое, что видит посетитель – изображения, рекламирующие выставку, подробнее о которых можно

узнать с помощью навигации. Изображение также сопровождается информационным блоком, в котором прописаны часы работы Центра, а также краткой характеристикой выставки, после смены одного изображения на другое. Появляется движение изображения сквозь пространство, которое способствует привлечению внимания посетителя. Для композиционной выпуклости использованы навигационные блоки красного и серого цветов. В логотипе сайта, проставляющего собой также иконический знак, не используются специфических шрифтов, шрифт сайта также предназначен для удобства посетителей при прочтении информации.

Сага об Эгиле считается одной из самых длинных и насыщенной событиями саг. Авторы проекта попытались интерпретировать текст для людей, ни разу не знакомых с ней, предоставив аудиогид на пятнадцати языках, а также сократив текст саги, поскольку экскурсия занимает всего тридцать минут. Люди, посещавшие музей, в основном были удовлетворены таким форматом, комментируя, что сюжет показался им интересным. Что касается детей, то их, в первую очередь, привлекали, судя по отзывам, именно постановки в музее, поскольку, дети путались в именах и названиях саги. О том, что без подготовки и прочтении материала в именах и названиях можно запутаться отмечалось и несколькими взрослыми посетителями. Кроме того, люди воспринимали зачастую сагу как художественное произведение, не акцентируя внимания на том, что оно может рассказать им об обычаях древней Исландии.

В Музее Саги в Рейкьявике также делается акцент на визуальную составляющую, при которой аудиогид является дополнением. Музей Саги является проектом, наиболее обеспечивающим эмоциональное погружение посетителей в представленную на выставке историю. Выставка представляет собой экспонаты в виде восковых фигур в аутентичных одеждах, с помощью которых рассказывается не только сюжет саг, но и всей Исландии в целом. Физически посетители также не отделены, с помощью композиции, от экспонатов, находясь среди них, однако их маршрут передвижения скорректирован аудиогидом, при этом аудиогид способен подстраиваться под перемещение зрителя, передавая ему информацию о тех экспонатах, около которых тот находится в данный момент. Таким образом перемещение посетителей становится непредсказуемым. Выставка также отделана деревом и имеет преобладание желтого цвета, как в оформлении и подсветке объектов, так и в оформлении сайта. Тексты саг не представлены последовательно, а в контексте тех персонажей, которые изображены в том или ином блоке, и представлены частично, в необходимых для рассказа о конкретном

экспонате количества. Тем самым сюжеты саг находятся в обрамляющей канве Исландской истории, становясь неотделимыми от нее.

Логотипом сайта является всадник на коне с занесенным мечом, фигура динамична, к тому же при загрузке сайта присутствует анимация логотипа, что сразу воспринимается как символ агрессии, но не по отношению к посетителю, а по отношению к представленным на выставке персонажам и их истории. Кроме этого примечателен дизайн шрифта логотипа, стилизованный под исландскую руническую надпись. Стилизацию имеют также цифровые обозначения на сайте, что способствует дополнительному погружению. В композиции присутствуют разделители — рамки, отделяющие текст от изображений, которые доминируют в дизайне сайта.

Стоит отметить, что помимо цветовой гаммы выставки имеют схожие символические коды. Символическим кодом выставки «Сага о Эгиле» является корабль: это отражено в логотипе Расчетного Центра и в смежной с предыдущей выставке «Переселенцы». Трактовать символ корабля можно вполне однозначно: предки исландцев — мореплаватели, они заселили остров, открыли Гренландию и северный берег Америки. Кроме того, символ короля легко считывается посетителями, поскольку в массовой культуре связан с образом викинга-мореплавателя.

Символическим кодом выставки «Дом Снорри» и, отчасти, «Сага о Ньяле» стоит считать книгу. Выставка о Снорри сама по себе наполнена множеством книг и рукописей. К тому же, Снорри известен как автор Младшей Эдды, которая является учебником для скальдов. Символ книги на выставке «Сага о Ньяле» представлен экспонатом, который содержит рукописи, а также описание процесса создания книг в средневековой Исландии. Символ книги также можно трактовать как символ уважительного отношения исландцев к своей истории.

Третий символический код — оружие. Этот символ прослеживается во всех выставках, но наиболее ярко отражен в Музее Саги. Вооруженный всадник является их логотипом, также это первое, что видит посетитель, если зайдет на сайт музея. Символ очень яркий и для аудитории трактуется однозначно, так как в массовой культуре викинг не просто мирный мореплаватель, а налетчик.

Лейтмотив корабля, книги и оружия проявляются в той или иной мере в каждом проекте. Также эти символы можно трактовать как характеристику древнего исландца: моряк, скальд, воин. Именно эти роли поощряют исландские саги для своих героев. Однако, по крайней мере, визуально, на выставках не представлен отрицательный образ исландца-воина, исландца-завоевателя. Персонажи саг — отважные, умные, сильные люди. Такими они выглядят на выставках и у

посетителей складывается сугубо положительный образ о прошлом Исландии, как о стране героев.

Стоит отметить, что художественный стиль выставок схож между собой: ни одна выставка не выполнена, например, в стиле хай-тек. Используются природные материалы, естественные цвета, не синтетические ткани, которые окрашены натуральными красителями. Оформление отчасти напоминает современный скандинавский этнический стиль с преобладанием природных материалов, аутентичной символики и культурными особенностями древней Скандинавии. Причем подражание данному стилю прослеживается в музеях и центрах за пределами выставки, то есть в административной части здания.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что авторы проектов, нацеленных на популяризации исландских саг, придерживались схожих идеи, что выражается в схожих способах интерпретаций саг. Авторы выставок стремятся создать особую атмосферу на территории проектов, что осуществляется благодаря образам, задействованным в визуальной оформлении, работой с композицией, планировкой и цветом. Создавая атмосферу для этих проектов авторы тем самым подчеркивают экзотичность исландских саг, особенно для туристов. Также данные музеи представляют имидж Исландии, как страны, чтящей свою историю. Кроме того, история в данных музеях словно законсервирована внутри нее, представляя символическое окно в мир прошлого. Авторы выставок стремятся к воссозданию аутентичного духа, описанного в исландских сагах. Почти во всех рассмотренных проектах делается упор на идею «саги, как художественное произведение», чем на идею «сага — исторический источник», поскольку первая идея лучше всего соотносится с потребности широкой аудитории в потреблении истории, а не ее изучении. Все представленные проекты используют мультимодальные способы репрезентации выраженное в широком применении аудиовизуальных и пространственных модусов. Выявлено активное использование визуальных семиотических кодов, выраженных в цветовой гамме, символике, планировке, композиции и оформлении выставок, что обусловлено тенденциями развития современной культуры и особенностями мышления современного человека [Романов, 2017, с. 97–106]. История становится продуктом, который необходимо потребить как можно быстрее и как можно ярче, чтобы с помощью эмоций она зафиксировалась в памяти.

Библиографический список

Аккерман Ф. и др. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). URL:<https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html> (дата обращения: 20.03.2021).

Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии: Исследование, тексты и переводы. СПб., 2016. 230 с.

Гуревич А.Я. История и сага. О произведении СнорриСтурлусона «Хеймскрингла». М., 1972. 202 с.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг. М., 1991 С. 5–169.

Мальсагова М.И. Символика цвета и маркетинговые коммуникации // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 55–60.

Минуровская О.С. Семиотический подход к пониманию музея как феномена культуры // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. С. 54–57.

Павлова В. С. Возможности применения принципов и технологий семиотики в графическом дизайне рекламы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 3 (94). С. 59-64.

Паустро М. Зеленый. История цвета. М., 2018. 168 с.

Паустро М. Красный. История цвета. М., 2019. 160 с.

Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 97-106

Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы/ под ред. Е.И. Филипповой Е. И. и К. Ле Торривеллека. М., 2018. 322 с.

Byock J. L. FeudintheIcelandicSaga. Los Angeles, 1982. 300 p.

Clover C. J. The Medieval Saga. Cornell University Press, 1982. 222 p.

Digital History and Argument, Roy Rosenzweig Center for History and New Media, 2017. P. 2–29.

Friðriksdóttir J. K. Women in Old Norse Literature. Bodies, Words, and Power. Palgrave Macmillan, 2013. 192 p.

Gunther Kress and Theo van Leeuwen. Reading Images: The Grammar of Visual Design, Routledge. 2006. 310 p.

Jerome de Groot. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary, Routledge. 2009. 332 p.

Kristen M. Tibbs. Semiotic of the Cloth: Reading Medieval Norse Textile Traditions, Marshall University. 2012.P. 20–23

Hallberg P. The Icelandic Saga, University of Nebraska Press. 1962. 180 p.

ICELANDIC SAGAS: INTERPRETING THE VISUAL CONTENT OF EXHIBITIONS

Rychina Ksenia A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
ksaenetesis@gmail.com

Annotation

The popularity of historical knowledge depends on the way it is represented. This way should be clear and interesting to the mass consumer. The Icelandic sagas are a difficult source to adapt. However, studies on the popularization of Icelandic sagas weren't explored in the scientific literature. In our paper, the visual ways of representing the Icelandic sagas have been analyzed. We looked at exhibitions in Iceland that are dedicated to the country's cultural heritage and sagas. The study showed that all exhibitions have similar tendencies towards the visualization of information and the rejection of textual forms of representation, the use of color symbols, which depends on the cultural tradition of Iceland. Also, the study showed the use of iconic signs and images that are understandable to both locals and tourists.

Key words

Scandinavian Sagas, Iceland, Semiotics, Visual Semiotics, Public History, Museums.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗИЦИИ ПСКОВСКИХ ПОСАДНИКОВ В «БРАНИ О СМЕРДАХ» ПОСРЕДСТВОМ АТРИБУЦИИ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ РОСПИСИ ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ МЕЛЁТОВО

Цветкова Екатерина Тагировна

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48,
tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

Аннотация

В исследовании политической и дипломатической деятельности псковских посадников существуют различные проблемы и противоречия. Остается не выявленной их позиция в «брани о смердах» и других конфликтных ситуациях внутреннего и внешнеполитического характера. Существенно переиначено толкование иконописной программы сюжетов росписи церкви Успения Богородицы в селе Мелётово, заказчиками строительства которой являлись одни из самых влиятельных псковских посадников. Устранение искажений в толковании иконографических сюжетов росписи храма, может помочь установить принадлежность заказчиков строительства церкви к определенным политическим и религиозным течениям, существовавшим в Псковском обществе в середине XV столетия.

Ключевые слова

Псков XV века, Мелётово, Успение Богородицы, А.Н. Овчинников, уния, фресковая композиция, иконографический сюжет.

Вторая половина XV века наполнена значительными историческими событиями, повлиявшими на становление централизованного Российского государства. Великое княжество Московское трансформировалось в Русское царство и последовательно присоединяло территории, обособившиеся за долгие годы феодальной раздробленности.

Накануне окончательного включения Пскова в Московское княжество, в самом Пскове произошло крупное социально-политическое волнение, получившее в исторической науке наименование «брань о смердах». Конфликт разгорелся в 1483 году из-за того, что часть псковских горожан («черных людей») возмутилась появлением нового нормативно-правового акта – «смердъей грамоты», предусматривающей сокращение налогов, которые должны были выплачивать в казну города смерды – жители псковских пригородов.

Многими исследователями осуществлялась попытка установить причины и предпосылки этой псковской смуты, однако ни к согласию трактовок, ни к единству суждений эти поиски не привели. Чаще всего данный инцидент толковали как межклассовое противостояние, «как борьбу двух партий через призму желаний или нежелания той или иной партии интегрировать Псков в Московское государство» [Вовин, 2019, с. 194; Масленникова, 1955, с. 146]. Под этими партиями подразумевались различные социальные слои населения Пскова и его пригородов, от общественных групп низшего уровня (смерды, «черные люди») до высших боярско-купеческих элит («житьи люди», посадники, князь).

Пытаясь реконструировать летописные данные и анализируя «Псковскую судную грамоту», историк Ю.Г. Алексеев пришел к убедительному выводу о том, что «брань о смердах» следует рассматривать как элемент земельной реформы, проводимой в псковском княжестве великим князем московским Иоанном III, целью которого было экономическое и политическое ослабление псковской привилегированной знати, стремившейся к сепаратизму [Алексеев, 1980, с. 223].

Заметив, что из имеющихся документальных источников невозможно установить всей полноты развернувшихся тогда в Пскове событий и уместно формулировать лишь некоторые гипотезы, сам Алексеев склонялся к версии, допускающей, что в разрешении данного конфликта псковские посадники не занимали четкой однозначной позиции и могли поддерживать как сторонников, так и противников этой реформы.

Одной из характерных особенностей института псковского посадничества являлось наличие в нем нескольких кланов, семей, группировок. В исследовании А.А. Вовина отмечено, что «Политические собрания горожан на вече во второй половине XV в. были затруднены в силу резкого увеличения количества участников» [Вовин, 2019, с. 168–169], однако, до настоящего времени в исторических источниках не было выявлено никаких свидетельств о том, что среди именно посаднических сообществ Пскова существовала какая-либо политическая конкуренция. В псковских социально-политических нестроениях отмечают конфликты интересов посадников и «черных людей», посадников и князя, посадников и смердов, в то время, как в среде самих посаднических объединений какой-нибудь конфронтации не наблюдается.

Ранее историками отмечалось, что в течение XV века количество упоминаемых в летописях и других актовых материалах псковских посадников увеличилось в несколько раз, причем, настолько (от шести в 1407-м году до шестнадцати в 1486-м), что это явление невозможно объяснить только естественным ростом

территории городского пространства, т.к. оно не имело такой стремительной интенсивности развития. Более того, появилось такое явление, как одновременное правление нескольких «степенных посадников» – высшего ранга в этом слое псковской элиты. Все такие обстоятельства исследователями объясняются как признаки противоборств, вызванных кризисом в управлении по распределению привилегий, возникшим на почве изменений социально-экономического характера.

Работая над сохранением и копированием фресок церкви Успения Богородицы в селе Мелётово, художник-реставратор А.Н. Овчинников пришел к выводу о том, что, упомянутые в надписях портала и в барабане купола заказчики постройки данного храма – псковские посадники Яков Кротов, Зиновий Михайлович и Иван Пучков, были причастны к московской партии псковского боярства. Исследователь указал, что в данный исторический период «Псков был раздираем изнутри не только антицерковными ересями, но и политическими партиями – новгородской, немецкой, псковской, московской и т.д.» [Овчинников, 1992, с. 3].

Относительно того, что различные посадники могли принадлежать к различным политическим партиям, версия Овчинникова подтверждается тем, что в ходе урегулирования «брани о смердах» псковское вече отправляло в Москву четыре различных посольства, одни из которых были приняты Иоанном III, другие же оказались отвергнутыми. Посольства посадников, которые поддерживали возмущение псковичей новыми порядками, не были приняты государем, а те посольства, в которых участвовали посадники Зиновий, Яков Кротов и его сын Григорий, были приняты и именно с ними велись переговоры [Алексеев, 1980, с. 212–214]. Впоследствии, недовольные реформами псковичи разгромили дворы посадников Якова Кротова и Зиновия, однако сыновья Кротова продолжали занимать посаднические должности до самого присоединения Пскова к Москве (1510 г.), когда Иван Яковлевич Кротов занимал должность степенного посадника.

Церковь Успения Богородицы в селе Мелётово была построена и расписана в 1461–1465 гг., что на двадцать лет отстает от событий «брани о смердах». В историографии данного периода не отражено упоминаний о каких-либо межпартийных конфликтах псковских посадников, тем не менее, в летописных источниках содержатся сведения, по которым можно установить, что еще в 50-е годы XV в. в среде псковских посадников имелись разногласия в вопросах ведения внешней политики, а именно, в выборе ориентации на сближение с Москвой или Великим Новгородом.

В Псковских летописях отражено, что в 1456 г., во время военного похода великого князя московского Василия Васильевича на Новгород, новгородцы обратились к псковичам с просьбой о поддержке, в ответ на что «послаша псковичи воевод своих, посадника Леонтия Макариича и посадника Максима Ларивоновича с силою псковскою в помощь Великому Новгоуроду, а крестное целование правя, и противоу великого князя». Сразу после этого в летописях упомянуто, что «В тоже время владыка новгородский Еоуфимии поеха с посадники с новгородскими и с тысячцкими, тако же и с послом псковскимъ, с посадником Зеновьем Михайловичем и с посадником Федором Патрыкеечем добивати челом князю великому Василью Васильевичу за свою вину» [Псковские летописи, 1941, с. 53–54] Из описаний летописцев следует, что в одно и то же время различные псковские посадники выступали с различной позицией в вопросе псковского участия во взаимоотношениях Новгорода с Москвой – главным вопросе внешней политики Пскова того времени.

Все четверо упомянутых выше псковских посадника, как в разные, так в одни и те же годы, занимали в Пскове должность степенного посадника. Зиновий Михайлович являлся одним из заказчиков строительства мелётовской церкви и вместе с другим заказчиком – посадником Яковом Кротовым, их имена неоднократно упоминаются в псковских летописях, при повествованиях о дипломатических поездках посольств в Москву, Новгород, Литву и Ливонию.

Учитывая, что на 50-60 гг. XV в. приходится начало процесса переориентации псковских правящих элит на промосковскую политику, появление в это же время большого числа упоминаемых в источниках посадников (до шестнадцати), а также возникновение одновременного правления нескольких степенных посадников, следует объяснить образованием в корпусе посаднических объединений Пскова нескольких политических партий (фракций, альянсов), либо совсем не признающих легитимность друг друга, либо остро соперничающих на почве установления дальнейшего политического курса. Одни из псковичей надеялась на то, что им удастся остаться независимыми от конфликтующих между собой соседних держав, другие же склонялись к различным вариантам союзов: с Москвой, с Литвой, с Новгородом, с Ливонией. Несколько десятилетий эти партии конкурировали друг с другом, при этом каждая из них использовала в поддержку своих идеологических убеждений религиозный аспект, что, в общем-то, свойственно всему периоду Средневековья.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о мировоззренческих позициях псковичей, о приверженности их к конфессиональным объедине-

ниям той эпохи. Эту особенность В.О. Ключевский охарактеризовал так: «В России XV века было одно местное церковное общество, которое благодаря наивной запутанности своих внутренних отношений и сложности внешних влияний ясно, может быть, яснее какого-либо другого в то время, отражало на себе изменившееся настроение русской Церкви с его последствиями. Это был Псков» [*Ключевский*, 2000, с. 354]

В середине XV столетия Православие переживало величайшее потрясение. После того, как в 1439-м году Константинопольский Патриархат принял унию с Католической Церковью и признал главенство Папы Римского, Русская Церковь с управлением в Москве вышла из его подчинения и объявила автокефалию (самостоятельность). Архиепископы Твери и Новгорода присылали в Москву грамоты о признании решений новых московских соборов, но сами на них не являлись.

Покорение Новгорода великим князем московским Иоанном III происходило в 1470-е годы. Главной причиной проведения военных операций было заключение новгородской знатью анти-московского военного договора с Польско-Литовским королевством, на том момент уже захватившим территории Киевской, Смоленской и других западно-русских православных епархий, которые были вынуждены признать унию и подчиниться Ватикану и назначенным из него новым альтернативным митрополитам-кардиналам [*Алексеев*, 1989, с. 80].

Для расширяющей свои пределы Москвы Псков всегда являлся важным геополитическим объектом, необходимым ей для выстраивания прямых отношений с Европой и воспрепятствованию контактов Твери и Новгорода с Литвой и Ливонией. В Пскове это тоже хорошо понимали, но осложнение отношений обострялось тем, что церковное управление Пскова осуществлялось архиепископом Новгорода, и выйти из этого подчинения можно было, либо, получив от Московской митрополии законный статус отдельной епархии, либо вообще разорвав с ней каноническое общение, что влекло за собой прямой политический конфликт.

В связи с распространением ранее в Пскове еретического учения стригольников, а также по причине «многопартийности» и самоуправства псковских боярско-купеческих элит, в Москве имелись сомнения в отношении того, что, получив статус епархии, псковичи выстоят под напором давления своих соседей, склоняющих их к принятию унии или католичества. По этой причине, строительство «промосковскими» псковскими посадниками Успенской церкви именно в Мелётово (в 42 километрах к востоку от Пскова) было лучшим способом проде-

монстрировать свою твердую непоколебимость в отстаивании истинных догматов православной веры. Более детально и выразительно позволяли это сделать язык, техника и методы храмовой росписи.

Согласно версии историка Н.Н. Воронина, заказчиками строительства Успенской церкви в Мелётово были «консервативные лидеры псковской знати, стремящиеся противиться воссоединению Пскова с Москвой и отстоять «псковскую старину», т.е. власть боярской олигархии» [Воронин, 1952, с. 313–314]. Эта же концепция была развита Н.Н. Масленниковой [Масленникова, 1955, с. 146] и Н.Е. Мнёвой, что повлияло на последующие интерпретации иконографических сюжетов необычных фресковых композиций мелётовской церкви, в содержании которых стали усматриваться вольность и «тенденция создавать новые иконографические образцы, произвольно толкующие религиозные догматы. Эти иконографические отступления рассматривались в XV веке как еретические и вызывали протесты высших церковных иерархов» [Мнёва, 1965, с. 70].

Древние фрески были обнаружены под штукатуркой мелётовской церкви в конце XIX века и с того времени толкованию их сюжетов были посвящены работы исследователей, пытавшихся установить как сами темы иконографических композиций, так и смысл этих изображений. Были выявлены некоторые сюжеты храмовой росписи, одни из которых типичны для данного времени и места, другие же довольно редки, а некоторые из них совершенно уникальны. Особенности всех этих сюжетов до сих пор однозначно не интерпретированы, их объяснение принято относить к местным богословским спорам, связанным с употреблением в молитвословиях сугубой (двойной) аллилуйи, ересями стригольников и жидовствующих.

Упомянутые религиозные инциденты действительно играли роль в церковной жизни Пскова XV века и повлияли на ход истории. Тем не менее, используя культурно-исторический подход в анализе времени и места строительства данной церкви, а также исследуя особенности иконографии ее фресок, следует считать более значительным другое событие той эпохи – Ферраро-Флорентийский собор 1438–1442 годов.

С самого начала изучения росписей мелётовской церкви отдельного внимания исследователей стала заслуживать необычная сюжетная композиция, расположенная на западной стене храма и изображающая скомороха. Академик Д.С. Лихачёв установил, что литературным источником данного сюжета является история об Анте-скоморохе из древнего Синайского патерика «Луг духовный», составленного духовным писателем VII века, Иоанном Мосхом [Лихачев,

1964. с. 462–466.]. История содержит рассказ о богохульнице-скоморохе, наказанном Богородицей отсечением рук и ног за свои кощунства. Лихачёв предположил, что этот и другие уникальные мелётовские сюжеты могут иметь отношение к проблемам, возникшим с распространением ересей. Его идею поддержал реставратор Овчинников [Овчинников, 1992, с. 3] и историк Ю.А. Строганова [Строганова, 2005, с. 131], однако в их трудах нет обоснования сделанных выводов, а в диссертации Строгановой нет ни одного упоминания о Ферраро-Флорентийском соборе и заключенной на нем унии.

Другими исследователями в изображении мелётовского скомороха усматривалось сходство с царем Давидом [Розов, 1968, с. 93], что приводило к мысли о «христианизации» образа скомороха, вместо традиционного запрета скоморошества [Бетин, 1973, с. 333]. Сам факт явления скомороху Богородицы стал рассматриваться признаком его святости [Даркевич, 1988, с. 215–216]. Скомороху стало приписываться участие в богослужениях [Крылов, 1996, с. 126], церковных песнопениях, исполнение в храмах акафистов [Шулакова, 2017, с. 119], он даже стал отождествляться со святым Романом Сладкопевцем [Серёгина, 2017, с. 83–126].

Игнорируя тот факт, что вплоть до XVIII века в русском средневековом церковном пространстве скоморошество и инструментальная игра вообще воспринимались крайне негативно [Привалов, 1904, с. 17–19]., исследователи мелётовских фресок оставили без внимания и то обстоятельство, что изображенный музыкальный инструмент скомороха – гудок не мог соответствовать реальным аналогичным инструментам, используемым на псковщине в середине XV века, из чего специалисты инструментоведы и этнографы приходят к выводу о том, что этот элемент данной фресковой композиции мог иметь только символическое значение [Устюгова, 2018, с. 63; Поветкин, 1989, с. 151; 2003, с. 228].

Учитывая данные обстоятельства, надлежит сделать вывод о том, что изображение скомороха в мелётовской церкви Успения Богородицы не противоречило установленным в Русской церкви XV века правилам иконографии. Вместо того, чтобы искать в мотивах заказчиков и живописцев желание «воцерковить» образ скомороха, исследователям мелётовских фресок следует установить тот негативный аллегорический и (или) метафорический объект, на который могло быть направлено символическое, возможно, карикатурное, изображение скомороха.

В заключение следует прийти к выводу, касающемуся заказчиков строительства и росписи данного храма. В их деятельности нет никаких, приписываемых им ранее, элементов религиозной вольности и еретического отступничества

от догматов веры. Наоборот, пытаясь защититься от давления, склоняющегося в унию Новгородского владычества, часть псковичей не хотела вступать в открытый раскол, к чему их склоняли некоторые из собственных же соотечественников.

Из этих обстоятельств можно сделать уверенный вывод о том, что если заказчики Успенской церкви в Мелётово были склонны к политическому союзу с Москвой, то, несомненно, в религиозном контексте они также были приверженцами единства Церкви и сохранения чистоты православного вероучения.

Библиографический список

Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время/ АН СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отд.; Под ред. Н.Е.Носова. Л.: Наука, 1980. 243 с.

Алексеев Ю.Г. МоскваиНовгороднаканунеШелонскогопохода// Новгородский исторический сборник. Л., 1989. № 3 (13). С. 75–97.

Бетин Л.В. Композиция на тему повести об Акте скоморохе в росписи церкви Успения в селе Мелётове // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 333–338.

Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 398 с.

Воронин Н.Н. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусства АН СССР, М., 1952. С. 257–316.

Даркевич В.П. Народная культура средневековья: Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. М., Наука, 1988г. С. 215–216.

Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. 623 с.

Крылов А.К., Крылова О.Ю. Композиционное построение сюжета с изображением скомороха в селе Мелётове и его литературный прототип (Взаимодействие изобразительного и повествовательного) // Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм»: сб. материалов. Вып. 10, Ч. 2, СПб., 1996. С. 122–128.

Лихачев Д.С. Древнейшее русское изображение скомороха и его значение для истории скоморошества // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964. С. 462–466.

Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 196 с.

Мнёва Н.Е. Искусство Московской Руси: Вторая половина XV–XVII вв. М.: Искусство, 1965. 252 с.

Овчинников А.К. Роспись церкви Успения Богоматери в Мелётово. М.: Всерос. худож. науч.-реставрац. центр им. И. З. Грабаря, 1992. 19 с.

Поветкин В.И. «Русский» изобразительный канон на музыкальные инструменты // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 136–159.

Поветкин В.И. Гудебные сосуды древних псковичей. Ч. 1: Псков в российской и европейской истории (К 1100-летию первого летописного упоминания): Международная научная конференция. В 2-х т. Т.1 / Моск. гос. ун-т печати. М.: МГУП, 2003. С. 224–235.

Привалов Н.И. Гудок, древнерусский музыкальный инструмент в связи с смычковыми инструментами других стран: Ист.-этногр. исслед. Н.И. Привалова. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1904. 34 с.

Псковские летописи. Вып. 1 / приг. к печ. А. Насонов. Акад. наук СССР, Ин-т истории; [отв. ред. изд. акад. Б. Д. Греков]. М.: Изда-во Акад. наук СССР; Л., 1941. 148 с.

Розов Н.Н. Еще раз об изображении скомороха на фреске в с. Мелётово: К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 85–96.

Серегина Н. С. Интонация как ценность: протосмыслы. Древняя Русь / Российский институт истории искусств. СПб: Галарт+, 2017. С. 83–126.

Строганова Ю.А. Фрески церкви Успения Богородицы в Мелётово: Историографический анализ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 179 с.

Устюгова А.В. Древнерусские иконографические памятники XV в. как источник сведений о смычковых инструментах // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 58–65.

Шулакова Т.В. Фрески – чудо и слава Псковской земли / авт. текста Т. В. Шулакова; сост. альбома Ю. Мартынов; фот. Ю. Мартынов. Б. м.: б. и., 2017. Псковская областная универсальная научная библиотека. URL: http://vivaldi.pskovbook.ru/shulakova_freski_chudoislavapskzemli2017.pdf/details. (дата обращения: 10.04.2021).

**DETERMINING THE POSITION OF THE PSKOV POSADNIKS
IN THE "BATTLE OF SMERDS" BY ATTRIBUTING
THE ICONOGRAPHIC SUBJECTS OF THE PAINTING
OF THE CHURCH OF THE ASSUMPTION OF THE VIRGIN
IN THE VILLAGE OF MELETOVO**

Tsvetkova Ekaterina T.

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Reka Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia,
tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

Annotation

There are various problems and contradictions in the study of the political and diplomatic activities of the Pskov posadniks. Their position in the "battle of smerds" and other conflict situations of a domestic and foreign political nature remains undisclosed. The interpretation of the icon-painting program of the subjects of the painting of the Church of the Assumption of the Virgin in the village of Meletovo, whose construction customers were some of the most influential Pskov posadniks, has been significantly changed. The elimination of distortions in the interpretation of the iconographic subjects of the painting of the church can help to establish the identity of the customers of the construction of the church to certain political and religious movements that existed in Pskov society in the middle of the 15th century.

Key words

Pskov of the 15th Century, Meletovo, Assumption of the Virgin, A. N. Ovchinnikov, Union, Fresco Composition, Iconographic Plot.

ЭВОЛЮЦИЯ КИНОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА АННЫ БОЛЕЙН

Оборина Елена Андреевна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
tanyasidova2000@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается кинорепрезентация образа Анны Болейн в кинематографе с 1920 по 2010 гг. В исследовании прослеживается эволюция в отображении английской королевы, выделяются её основные этапы и причины того или иного изменения перенесения на экран образа Анны Болейн.

Ключевые слова

Анна Болейн, кинематограф, эволюция кинорепрезентации, кинообразы, Англия.

Существует достаточно много историко-биографических исследований, посвящённых Анне Болейн. В то же время практически отсутствует научное осмысление восприятия ее образа в кинематографе. Материалом для подобного исследования могут послужить многочисленные киноленты, в которых фигурирует вторая жена английского короля Генриха VIII, а исторические документы помогают сопоставить её личностные качества в жизни и на экране. Данная работа является попыткой выделить этапы эволюции кинорепрезентации личностных качеств Анны Болейн, а также обнаружить факторы, повлиявшие на эти изменения. Особенности меняющейся репрезентации правящих королей и королев позволяют выявить свойства исторической и культурной памяти людей XX и XXI вв.

В качестве исторических источников были использованы письма Генриха VIII, Анны Болейн и придворных английского двора, а кинематографические источники представлены художественными фильмами с 1920-е по 2000-е гг., в которых одним из главных или второстепенных персонажей является Анна Болейн, что позволило сопоставить реальные личностные качества английской королевы с их отображением в кино.

Анна Болейн (1507–1536 гг.) - вторая жена Генриха VIII (с 1533 по 1536 гг.) и мать английской королевы Елизаветы I. В детстве она получила не самое лучшее воспитание для своего времени [*Letter from Anne Boleyn to her...*], однако

умела подать себя и искусно танцевать [Лоудз, 1997, с. 94]. Анна научилась этому, когда жила при французском дворе: сначала в свите Марии Тюдор, сестры Генриха VIII, а затем у жены Франциска I, Клод Французской. В отличие от Марии Болейн, своей сестры, Анна пользовалась положительной репутацией и заслужила множество хвалебных высказываний придворных Франциска I [Борман, 2017, с. 152]. В 1522 году она стала фрейлиной английской королевы Екатерины Арагонской, однако первые письма Генриха VIII к ней относятся к 1525 году. На протяжении долгого времени Анна Болейн сохраняла нейтралитет в вопросах взаимоотношений королевской четы, но в 1529 г. из её письма видно нетерпимость к длительному процессу развода Генриха. В дальнейшем она вышла за него замуж, но не родила наследника мужского пола и потеряла часть влияния на него [Штокмар, 2005, с. 165]. Противники второй жены английского короля только прибавлялись. Совокупность данных фактов и привела Анну Болейн к казни.

При анализе исторических источников удалось выявить следующие личностные качества Анны Болейн: интерес к политической деятельности, заинтересованность в собственном положении при дворе, умение поддержать разговор, сдержанность, с течением времени эволюционировавшая во вспыльчивость, и настойчивость.

Интерес к политической деятельности Анны Болейн характеризуется желанием провести религиозные реформы и личным участием в их подготовке [Лоудз, 1997, с. 60]. Это замечают в своих посланиях испанские послы Карла V, которые характеризуют королеву следующим образом: «с дурным характером, чье слово — закон для него [короля]» (см.: [Борман, 2017, с. 159]), и обвиняют в разрыве с католической церковью. Подобное проявление заинтересованности тесно связано с желанием самого Генриха VIII преобразовать государство, в чём Анна Болейн выступала помощницей [Лоудз, 1997, с. 63]. В дальнейшем это сильно повлияет на формирование её отрицательной репутации среди подданных, поскольку народ именно королеву обвинял в разорении церковных приходов, что приводило к народным восстаниям [Борман, 2017, с. 163].

Заинтересованность в собственном положении при дворе появилась у Анны Болейн ещё в юности [Борман, 2017, с. 157], однако апогея достигла уже во время замужества - она часто беспокоилась о сохранении внимания Генриха VIII [Лоудз, 1997, с. 79]. Джордж Кавендиш в биографии кардинала Уолси цитировал одно из писем английского придворного, в котором тот заметил, что после принятия официального статуса фаворитки короля Анна Болейн «начала

смотреть очень высокомерно и гордо, будучи украшена всевозможными драгоценностями, а ее одежда была лучшей, какую только можно купить за деньги» [Cavendish, 1997, p. 109]. Однако стоит отметить, что Уолсив целом был не самого высокого мнения о ней. Проявление данного качества ограничивалось только демонстративном подчеркивании своего статуса. Оно связано с желанием самой Анны Болейн отличаться от Екатерины Арагонской [Акройд, 2021, с. 124], которую подобное не интересовало [Лоудз, 1997, с. 63]. Также могли повлиять воспоминания о судьбах предыдущих многочисленных фавориток английского короля, которые не смогли сохранить за собой статус при дворе и расположение Генриха VIII [Там же, с. 58]. И хотя наличие данного качества вполне обычно для того периода, у Анны Болейн оно приняло крайнюю форму [Борман, 2017, с. 168], что привело к утрате заинтересованности Генриха к ней и увеличению количества противников королевы при дворе [Даниэл, с. 156].

У второй жены английского короля также было умение поддержать разговор не только на дипломатических встречах, но и в обыденных беседах, когда затрагивались вопросы культуры и политики. Это отмечали послы Испании и Франции [Акройд, 2021, с. 125]. Например, Анна Болейн принимала участие во встрече с Франциском I в Кале зимой 1532 года [Лоудз, 1997, с. 77] на правах будущей английской королевы, а также активно поддерживала связь с французским послом Жилем де ла Поммерэ [Там же, с. 76]. Проявление этой черты связано с личной инициативой королевы быть в центре внимания и сохранять за собой статус [Letter from Anne Boleyn to Cardinal...] на внутригосударственной и внешнеполитической аренах.

Такая черта как сдержанность трансформировалась после коронации Анны Болейн во вспыльчивость, что подтверждается нетерпимостью к новым любовным увлечениям Генриха VIII [Борман, 2017, с. 163]. Наиболее ярко это можно проследить через переписку Генриха VIII и Анны Болейн. Когда он предложил ей «стать его единственной возлюбленной» [Letter from Henry VIII to Anne Boleyn...], она ответила следующее: «Я, скорее, потеряю собственную жизнь, чем мою честь... Я не стану вашей любовницей» (см.: [Лоудз, 1997, с. 34]). Шаткое положение бывших фавориток английского короля и большой шанс испортить себе репутацию подталкивали Анну Болейн держать дистанцию между собой и Генрихом VIII [Там же]. Вспыльчивость же можно заметить даже в последнем письме английской королевы, где в начале она показывает свою смиренность, а затем пишет следующие строчки: «... но если Вы уже решили, как поступить со мной, если Ваше заветное желание – не только умертвить, но и оклеветать меня, тогда я прошу, чтобы Бог простил Вам этот великий грех, а равно и моих врагов,

его орудие. И если он не призовет Вас к ответу сразу же за недостойное государя и жестокое обращение со мной, на высшем суде, перед которым Вы и я вскоре предстанем и в правоте которого я не сомневаюсь (что бы там ни думал обо мне весь мир), моя невиновность будет признана открыто и получит достаточное подтверждение» [Letter from Queen Anne Boleyn to her husband...]. Это не единственное доказательство: имеются донесения и от придворных [Лоудз, 1997, с. 84]. Трансформацию этой черты можно объяснить укреплением статуса и влияния при английском дворе. Однако это личностное качество послужило охлаждению взаимоотношений между Анной Болейн и английским королем и дальнейшей утрате ее влияния на него.

Настойчивость проявлялась в демонстративном подчеркивании своего статуса и расположения к ней короля [Борман, 2017, с. 159]. Важно отметить, что эта личностная черта была замечена даже в переписке между Генрихом VIII и Анной. Например, в ее письме от 1529 года, когда только начался длительный суд над Екатериной Арагонской, она писала: «Разве я не говорила вам, что когда вы ведете разговоры с королевой, она уверена в своем превосходстве? Я вижу, что в одно прекрасное утро вы сдадитесь на ее уговоры и выгоните меня. Я долго ждала и могла за это время заключить какой-нибудь выгодный брак... Но увы! Следует сказать „прости“ моему времени и моей юности, растраченным совершенно понапрасну» (см.: [Лоудз, 1997, с. 71]). Это связано, прежде всего, с заинтересованностью в собственном положении при дворе, но проявлялась и в общении с английскими придворными и политическими деятелями [Там же, с. 47], что в своем итоге привело к появлению некой раздражительности и у подданных, и у Генриха VIII к ней. Эта личностная черта не являлась ключевой для характера Анны Болейн [Там же, с. 32], однако ее проявление наиболее агрессивно воспринималось в среде английских придворных.

А как образ Анны Болейн трансформировался в кинематографе? В первую очередь необходимо выработать критерии, по которым можно выделить отдельные этапы репрезентации. Такими в данном исследовании выступили полнота, достоверность отображения личностных качеств английской королевы и значимость присутствия Анны Болейн в том или ином фильме. При анализе кино- и телефильмов было выделено пять этапов кинорепрезентации образа Анны Болейн.

В первой трети XX в. в кинематографе преобладала модель «порядочной женщины» или «жертвы» [Ярская-Смирнова, 2007, с. 477], что значительно повлияло на отображение образа Анны Болейн - она показывалась однобоко, пере-

дача личностных черт ограничилась лишь находчивостью и заинтересованностью в собственном положении при дворе. Однако и эти качества трактуются недостоверно из-за ограничений, накладываемых рамками определенной модели [Там же, с. 478]. В киноленте «Анна Болейн» 1920 года она показана как «жертва обстоятельств». Особенно это видно в совместной сцене с Генрихом VIII, Анной и Норфолком, где девушка соглашается стать второй женой английского короля только под их давлением. Интересно также наблюдать начало любовной линии между Генрихом и Анной. Фильм показывает эти взаимоотношения через отображение силы и настойчивости короля и постоянные отказы Анны, что подтверждает закрепление за ней модели «жертвы».

С 1933 по 1953 гг. образ Анны Болейн в фильмах уходит на второй план, она упоминается лишь в контексте других исторических фигур. Это видно из резкого уменьшения экранного времени и значимости ее образа для раскрытия сюжета кинолент. Например, в фильме «Малышка Бесс» ее присутствие необходимо лишь для раскрытия контекста формирования характера у Елизаветы Тюдор, а в «Частной жизни Генриха VIII» Анну Болейн противопоставляют с Джейн Сеймур и показывают разницу их личностных черт. Для наглядного сравнения авторы кинолент используют одни и те же реплики в устах обеих героинь. Несмотря на наличие подобного приема, репрезентация второй жены английского короля выглядит неполноценной. Авторы концентрируются на особенностях взаимоотношений этих героинь с Генрихом VIII. Переход от первого к второму этапу характеризуется увеличением значимости в исторической памяти создателей кинолент образов Генриха VIII и Елизаветы I.

Третий этап (с 1969 по 1972 гг.) характеризуется возвращением образа английской королевы на главенствующую роль, акцент делается на её острый ум, умение поддержать беседу и решительность. Пусть на этом этапе создатели кинолент раскрывали личностные черты Анну Болейн не полно, однако достоверность передачи повысилась, хоть и не полностью. Это видно через ее гиперболизированные реакции на внимание Генриха VIII. Например, на ухаживания короля (что в доме Болейнов, что при английском дворе) вплоть до его активного бракоразводного процесса с Екатериной Арагонской Анна реагирует дерзко и совершенно неестественно для той эпохи. В фильме «Тысяча дней Анны» она показана как подданная, которая может раскритиковать поведение английского короля прилюдно и не понести за это наказание. Подобная ситуация наблюдается и в киноленте «Генрих VIII и его шесть жен», где сперва показывают отрицательную сторону ее личностных черт (в совместных сценах с Генрихом, когда

она шантажирует короля размолвкой, если он не разведется), а затем положительную, показывая ее незаурядные качества проведения и организации важных политических мероприятий. Изменения между репрезентацией второй жены Генриха VIII на втором и третьем этапах связаны с увеличением количества качественной художественной литературы, основанной на подлинных исторических источниках, а также интереса скорее к биографическим элементам при отображении исторических фигур [Креленко, 2012, с. 250].

На четвёртом этапе (в начале XXI века) в образе Анны Болейн режиссеры делали акцент на её равнодушие к собственному статусу при дворе, однако и ранее упомянутые черты также присутствовали. Это проявляется в увеличении количества диалогов и сцен, где она рассуждает о собственной значимости и роли «серого кардинала». Важно отметить возрастающую достоверность передачи личностных качеств в одной из кинематографических работ («Генрих VIII» 2003 г.). В этом телефильме ведется подробное повествование от знакомства Анны и Генриха VIII до ее казни. В нем отсутствуют перегибы в отображении ее личностных черт, она ведет себя согласно статусу и нормам того времени. Здесь присутствует более прописанная сюжетная линия, изображающая добрачный период Анны Болейн и английского короля: репрезентация заинтересованности к собственному статусу при дворе умело интегрирована в их диалоги, но дополняется также настойчивостью. Важно отметить умелое вписывание в сюжет киноленты трансформации такой черты второй жены Генриха VIII как переход сдержанности во вспыльчивость, что создатели отобразили не просто через рефлексию английского короля (как это было в более ранних работах), а через изменение любовных взаимоотношений между супругами. Переход от третьего к четвертому этапу связан сразу с несколькими факторами – культурной памятью создателей кинолент, вызванной большим успехом киноленты «Тысяча дней Анны», и рецепцией более ранних фильмов, а также появлением большого количества научных трудов, многогранно рассматривающих фигуру Анны Болейн [Warnicke, 1989; Fraser, 2002], в результате чего режиссеры и сценаристы смогли опираться на обширный круг материалов.

Пятый этап ознаменовался дополнительным включением в репрезентацию образа Анны Болейн такой личностной черты как увеличение интереса к политике. Она проявляется, прежде всего, в разговорах английской королевы с Генрихом VIII, где она позволяет себе осуждать политическую деятельность короля, а также предлагает пути решения государственных проблем. Однако достоверность на этом этапе уходит на второй план из-за использования создателями ки-

нолент в основном художественной литературы, а не научных трудов. Это заметно в фильме «Еще одна из рода Болейн» 2008 года в сценах обсуждения развода и разговорах об Анне между Генрихом VIII и Марией Болейн, когда английский король делает заявление об обладании власти Анной Болейн над ним. В действительности же письма между ними свидетельствуют, что в то время подобные разговоры были невозможны. Кинолента делает большой акцент на настойчивости Анны Болейн через сцены попытки устроить свою свадьбу с Генри Перси, попытки убеждения Генриха VIII начать процесс развода с Екатериной Арагонской и сменить политический курс. Однако подобная репрезентация этой черты скорее отсылает к фильму «Тысяча дней Анны», чем к историческому прототипу. Последнее изменение связано с силой общественных движений, в том числе феминистских, которые направили ракурс рассмотрения этой исторической фигуры в сторону политики.

Таким образом, особенности изображения фигуры Анны Болейн позволяют рассмотреть репрезентацию ранней новой истории Англии сквозь призму исторической и культурной памяти на разных этапах развития общества в XX и XXI веках. По степени полноты и значимости отображения выявленных нами личностных качеств Анны Болейн в положительную сторону выделяются фильмы второй трети XX – XXI вв. Это произошло по причине увеличения количества качественной научной и художественной литературы, повлиявшего на изменения в культурной памяти создателей кинолент, а также из-за силы общественных движений. Достоверность, то есть соответствие личностных качеств героини кинофильмов подлинным историческим источникам, так же превалирует в фильмах второй трети XX – начала XXI вв. На наш взгляд, это объясняется тенденцией к раскрытию образа исторических фигур не только с помощью освещения связанных с ними событий, но и раскрытия их эмоциональной и психологической мотивации.

Библиографический список

- «Анна Болейн» (реж. Эрнст Любич, 1920).
- «Частная жизнь Генриха VIII» (реж. Александр Корда, 1933).
- «Малышка Бесс» (реж. Джордж Сидни, 1953).
- «Тысяча дней Анны» (реж. Чарльз Джэрротт, 1969).
- «Генрих VIII и его шесть жен» (реж. Уорис Хуссейн, 1972).
- «Генрих VIII» (реж. Пит Трэвис, 2003).
- «Еще одна из рода Болейн» (реж. Филиппа Лоуторп, 2003).
- «Еще одна из рода Болейн» (реж. Джастин Чадвик, 2008).

Акройд П. Тюдоры: История Англии. От Генриха VIII до Елизаветы I. М.: КоЛибри, 2021. 656 с.

Борман Т. Частная жизнь Тюдоров. Секреты венценосной семьи/ Пер. с англ. А. Жирнов. М.: Издательство «Э», 2017. 550 с.

Даниэл К. Англия. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2007. 480 с.

Креленко Н.С. Два кинопортрета Английской революции (Образ в искусстве как отражение духа времени) // Диалог со временем. М. 2012. Вып. 38. С. 241–256.

Лоудз Д. Генрих VIII и его королевы / пер. с англ. Ю.И. Губанова. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. 320 с.

Штокмар В.В. История Англии в Средние века. СПб.: Алетейя, 2005. 203 с.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социологический анализ кинотекста // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. С. 467–503.

Cavendish G. The Life and Death Of Cardinal Wolsey. Toronto: University of Toronto Library, 1997. 187 p.

Letter from Anne Boleyn to Cardinal Thomas Wolsey. 1529 // English History [Электронный ресурс]. URL: <https://englishhistory.net/tudor/letter-anne-boleyn-c..> (дата обращения: 02.04.2021).

Letter from Anne Boleyn to her father whilst in the service of Margaret of Austria // History of Royal Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history-ofroyalwomen.com/anne-boleyn/anne-..> (дата обращения: 02.07.2021).

Letter from Henry VIII to Anne Boleyn. After May 1527 // The Anna Boleyn files [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theanneboleynfiles.com/resources/anne-bol..> (дата обращения: 02.04.2021).

Letter from Queen Anne Boleyn to her husband, King Henry VIII. 6 May 1536 // English History [Электронный ресурс]. URL: <https://englishhistory.net/tudor/queen-anne-boleyn-le..> (дата обращения: 02.04.2021).

Fraser A. The Six Wives of Henry VIII. London: Phoenix, 2002. 589p.

Warnicke R. M. The Fall of Anne Boleyn: Family Politics at the Court of Henry VIII. New York: Cambridge University Press, 1989. 338p.

THE EVOLUTION ANNE BOLEYN'S FILM IMAGES

Oborina Elena A.

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
tanyasidova2000@gmail.com

Annotation

This article is examined the presentation of Anne Boleyn's image in cinematography from 1920 to 2010. The study is traced the evolution in the representation of the Queen of England, identifies its main stages and the reasons for one or another change in the transfer of Anne Boleyn's image to the screen.

Key words

Anne Boleyn, Cinema, Evolution of cinema, Film images, England.

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ В СОВЕТСКОМ КИНО 1941-1991 ГГ.**

Слесарчук Владислав Алексеевич
Нижегородский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник,
603005, Россия, г. Нижний Новгород, Верхне-Волжская наб. 7,
stalker7503@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется проблема репрезентации темы сотрудничества с немецкими оккупантами в советском кино. Проанализировано в общей сложности тридцать лент, снятых за период 50 лет. Кино рассматривается и как орудие пропаганды, и как инструмент конструирования исторической памяти о войне. Делается вывод о постепенном отходе от примитивного показа пособников в годы войны до более сложных образов в позднесоветский период.

Ключевые слова

Советское кино, пропаганда, коллаборационизм, советская пропаганда.

В данной статье мы исходим из того, что советское кино существовало не просто как жанр искусства, но и на всем протяжении истории СССР выполняло государственный заказ, освещая события истории и современности с идеологических позиций, которые были взяты на вооружение политическим руководством страны в конкретный исторический период. Кино, как и каждый канал информации (пусть и развлекательного свойства), включалось в единую систему пропаганды и агитации. Средствами кино идеология создавала как образ «своего», которому хотелось бы соперничать, так и образ «чужого», врага. Образ врага, прежде всего, призван был выполнять, на наш взгляд, несколько важнейших функций в области агитации и пропаганды, рисуя «чужого», который ведет себя не в рамках принятой системы поведения и ценностей, отвергает существующие нормы, предлагая, как правило, «деструктивные», взамен «конструктивных» советских. Помимо показа модели «антагонистичного» поведения, характера, образа жизни, «враг» был призван раскрывать причину неудач на разных этапах социалистического строительства; важной функцией среди прочих было

своеобразное сплочение перед лицом общей угрозы, воспитание стремления выявить (если враг из разряда «внутренних»), разоблачить и противостоять носителю «противоположной» идеологии.

С началом Великой Отечественной войны резко возникла потребность в усилении эффективной кинопропаганды. Специфика восприятия кино советскими зрителями заключалась в том, что актеры, воплощавшие образы на экране, зачастую прямо отождествлялись (особенно детской и подростковой аудиторией) с персонажами конкретного фильма. Через данное взаимодействие кинофильма и зрителя рождалась особая коммуникация советского человека, для которого сам феномен кино был еще в новинку (тем более, в далеких от центра районах), «доверительность», чувство сопричастности. Убеждение с экрана в неизбежности успеха СССР вносило свою лепту в формирование мотивации общего сопротивления, дополняя в этом плакатное искусство, поэзию, песни.

Облику врага в советской визуальной пропаганде уделялось много внимания: с учетом опыта предыдущих лет шла работа по «расчеловечиванию» врага, намеренному приданию ему грубости, зооморфных черт для усиления воздействия [Орлова, 2015, с. 27–31]. Пропаганде пришлось задействовать проведение параллелей и отсылки к прошлому через демонстрацию в первые дни войны исторических картин, стилем показа врага, наделенного признаками символической вражеской «орды», вторгшейся на территорию страны: в военном кино противник доминирует, как правило, количеством, при этом подробно выписана его ничтожность, трусливость, способность эффективно противостоять только одинокому «советскому» герою, что также работало на пробуждение в зрителях сопротивленческой мотивации, изгнания врага. Итак, в психологическом аспекте кино во время войны заняло весомое место, подавая визуальную и эмоционально окрашенную информацию, которая местами значила больше, чем официальные сводки, компенсируя тяготы действительности в форме героического эпоса, воздействуя на эмоции [Изолов, 2006, с. 68].

В кино военного периода тема предательства и добровольного сотрудничества советских граждан с оккупантами не нашла место в первый год войны – сказались стремительно изменяющаяся обстановка на фронте, необходимость средствами пропаганды создать в первую очередь образ «врага-немца» с четкой национальной привязкой. «Фронтное» кино во многом переняло основные модели и схемы кино довоенного. Киновед М. Туровская, выделяющая в советском кино набор идеологических сюжетов-мифов (наряду с мифом о вожде, герое, коллективного единства, врага и прочих), также отдельно выделяет и «миф о пре-

дателе». Предатель в мифе не тождествен врагу, выступая в более «худшем» качестве, не имея возможности искупить свою вину [Туровская, 1995, с. 39]. Поэтому «расправа» над предателем совершается непосредственно народом, что служит своего рода коммуникативным средством, мобилизуя в массах чувства бдительности и стремления к борьбе. По-видимому, тяжелая ситуация лета 1942 года заставила включить в игровые ленты «предателей». Как правило, все картины, где затронута данная тема, рисуют жизнь и быт оккупированных территорий запада СССР, Украины и Белоруссии.

Для объяснения мотивов коллаборационизма уже в 1942 году в кино вводятся два компонента: классовый и национальный, хотя преобладать на данном этапе будет классовый аспект.

В целом персонажи-пособники выглядят в кино следующим образом (проанализировано 11 фильмов за 1941–1945):

– имеют услужливую и заискивающую жестикуляцию и повадки; иногда национальную привязку (украинскую или прибалтийскую).

Фото 1. Кадр из х/ф «Партизаны в степях Украины». Источник: YouTube

– «бывшие» – представители интеллигенции, которые во время оккупации сохраняют «манеры» и (по сравнению с другими персонажами) хорошо одеты; дочь петлюровского офицера, бежавшего в Германию; нарочито глуповатая «манекенщица»; неприметный конторщик, старый провокатор царской охранки, наделенный ярко негативной чертой – тягой к выпивке; адвокат, за годы войны выдавший много большевиков, некогда репрессированный за взятки, подчеркнута трусливый и «интеллигентской» наружности (бородка, очки).

Впервые, пожалуй, появляется персонаж солдат-дезертир, поступок которого тут же объясняется происхождением – сын кулака. Функциональное назначение всех пособников – выдавать партизан, сообщать немцам обо всем подозрительном.

Фото 2. Кадр из х/ф «Поединок». Источник: YouTube

Бывший инспектор царской гимназии, артист городского театра (творческая интеллигенция); бывший городской глава, купец, с соответствующими повадками и интонациями, маскирующийся до определенного момента при отходе советских войск под старика-беженца и возвращающийся в свой дом, занимаемый до того советским учреждением;

Фото 3. Кадр из х/ф «Нашествие». Источник: YouTube

– староста, бывший кулак, упирающийся на то, что немцы рано или поздно дадут в частное пользование крестьянам землю «за усердие». В кино военных лет сельские старосты выведены в строго негативном контексте

Фото 4. Кадр из х/ф «Радуга». Источник: YouTube

(хотя по некоторым воспоминаниям многочисленных жителей оккупированных территорий, старосты в некоторых случаях выступали своеобразными посредниками между местными и немцами: иногда они выбирались общим сходом жителей, ведя двойственную деятельность: являясь, с одной стороны, представителями оккупационных сил, с другой – в некоторых свидетельствах сохранились сведения об оказываемой ими помощи как односельчанам, так и партизанам. Показательно, что в народной памяти на фоне этого отложилось строго негативное отношение к членам набираемой из местных жителей полиции, куда действительно шли «несогласные» с политикой прежней власти или бывшие асоциальные элементы [Кормина, Штырков, 2006]. Однако условия военного времени диктовали свои каноны репрезентации всех пособников оккупантам, как уже было сказано, в однозначном ключе.

- добровольно сдающиеся в плен, вызывающие презрение со стороны односельчан. Показаны солдаты-паникеры, которые подвергаются расстрелу со стороны боевых товарищей. В историческом контексте, привязывая дату создания киноленты к текущей обстановке на фронте, можно предположить, что эти эпизоды наглядно демонстрируют выполнение на практике приказа главнокомандующего №227, изданного в середине 1942 года.

Стоит отметить, что не всепредставители творческой интеллигенции, ответственные за производство кинофильмов, стояли на одинаковых с государством позициях относительно показа пособничества. Режиссер А. Довженко в

разгар 1943 года упоминал не только о необходимости усиления пропаганды через раздвижение «границ допустимого» в искусстве, но и о показе темы коллаборационизма, даже в чем-то его оправдывая: «...не виноваты в том, что у них нет патриотизма, а виноваты те, кто не сумел в них этого патриотизма воспитать, т.е. мы сами, вся система советского воспитания, не сумевшая пробудить в человеке любви к родине, чувства долга, патриотизма» [Власть и художественная интеллигенция..., 1999, с. 498]. Подобная постановка вопроса была неприемлема в годы войны, когда перед искусством стояла задача воспитать ненависть к врагу, воодушевить на борьбу, но не искать виноватых в просчетах идеологической работы.

Иногда вопрос о пособничестве немцам переходил в иную плоскость – в кино после 1945 года были попытки произвести пересмотр этой темы и репрезентировать персонажей, работающих на немцев по заданию партизан в разведывательных целях, как отчасти положительных, тоже внесших свой вклад в общую победу и искупивших этим свою вину, но они были немногочисленны и встречали отпор и критику на высшем государственном уровне. Первый случай запрета кино из-за показа темы коллаборационизма: х/ф «Большая жизнь» (реж. Л. Луков, 1946).

Фото 5. Кадр из х/ф «Большая жизнь». Источник: YouTube

Начальник полиции, гордый новым социальным положением, являет в себе негативные качества, которые «не к лицу» советскому человеку – пьянство, мстительность, корысть. Его заместитель, ранее такой же бывший «антисоветский элемент», работающий в полиции по заданию партизан, предлагает начальнику полиции сдать советским властям, отсидеть срок ради искупления вины, но выйти потом «свободным русским человеком». В этом эпизоде видится некая «приукрашенность» действительного отношения к пособникам после освобождения захваченных территорий – к примеру, в ходе процесса над пособниками в

Краснодаре в 1943 году подавляющее большинство фигурантов было приговорено к смертной казни, и лишь немногие – к исправительным двадцатилетним лагерным работам [Судебный процесс..., 1943]. Персонаж раскрывается как несогласный, непримиримо относящийся к советской власти бывший «кулак». Особенно ярко непринятие им идеологии труда во имя «общего дела». Символично, что после своего «разоблачения» герой в буквальном смысле исчезает из пространства фильма: герои в последующих сценах о нем не вспоминают, не произносят его имени, будто такого персонажа никогда и не существовало.

Критика изображения в качестве главных героев пособников немцев, была особо выделена в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г.», основное обвинение которого заключалось в «порочности в идейно-политическом и художественном отношении» [Власть и художественная интеллигенция..., с. 600–601]; киноведы Е. Марголит и В. Шмырев видят первопричину запрета из-за оптимистичного настроения кинокартины, несоответствие реального исторического опыта, полученного советским человеком в годы войны, идеологическому курсу государства, «утопическому сознанию» [Марголит, Шмыров, 1995, с. 95].

«Подвиг разведчика» (реж. Б. Барнет, 1947) помещает действие на оккупированную территорию Западной Украины. Советскому разведчику, выдающему себя по легенде за европейского коммерсанта, противостоит немецкий шпион, создавая таким образом типичный антагонизм приключенческого сюжета. Однако в роли шпиона выступает бывший местный житель – украинец, действующий так исключительно по личным соображениям, движимый националистическими чувствами.

Фото 6. Кадр из х/ф «Подвиг разведчика». Источник: YouTube

В целом же послевоенное сталинское кино по характеру изображения врагов довольно близко к кино периода войны.

Перемена социально-политической парадигмы в период «оттепели» отразилась в военном кино в теме оккупации. В х/ф «Через кладбище» (реж. В. Туров, 1964) жизнь на оккупированной территории обретает иное, более «человеческое», индивидуальное отражение, отличное от привычной формы героического эпоса: занятый немцами город, изображенная жизнь в котором мало чем отличается от мирной; конформистская модель поведения героев, которые хоть и не отрицают укоров в свой адрес, но и не скрывают позиции: война войной, но гражданам надо выживать на своей земле. В изображении такого пассивного сотрудничества нет почти ничего от пропагандистских канонов прежних лет. Положительным героем представлен старик-извозчик, прислуживающий и немцам, и партизанам, демонстрирующий пессимистичный настрой относительно отступления советской армии и апеллирующий к картинам довоенной пропаганды, рисовавшим молниеносную победу в грядущей войне.

Фото 7. Кадр из х/ф «Через кладбище». Источник: YouTube

Также выписаны и полицаи (презрительно именуемые «холуями») и бывшие военнопленные, вынужденные пойти работать к немцам.

Проблема пособничества в иных случаях эволюционировала (в т.ч. и в послевоенном кино) в тему шпиономании, которая достаточно широко затрагивалась еще в довоенном кинематографе, активировав у зрителя чувство постоянной бдительности и готовности к разоблачению внутреннего врага. В этих фильмах демонстрируется тезис неотвратимости советского правосудия, подробно показаны бывшие коллаборационисты в качестве «спящих ячеек» для содействия

иностранным спецслужбам в шестидесятых [Колесникова, 2009]. Характер одного из них, опасавшегося за раскрытие своего прошлого, раскрывается в ленте «Ошибка резидента»: бывший переводчик в гестапо в разговоре с резидентом иностранной разведки не считает виновным ни себя, ни других пособников, упирая на добросовестное исполнение ими приказов высшего командования и экстремальные условия военного времени.

Фото 8. Кадр из х/ф «Ошибка резидента». Источник: YouTube

В ленте «Противостояние» (реж. С. Аранович, 1985) спасший свою жизнь предательством человек после войны становится типичным криминальным элементом. Но, к примеру, в х/ф «ТАСС уполномочен заявить» (реж. В. Фокин, 1984) образы пособников более сложны и противоречивы: коллаборанты показаны как оступившиеся граждане (признающиеся: «кому-то дано выстоять, кому-то нет»), желающие помочь после войны госбезопасности. Другой бывший власовец также на удивление выписан далеко не однобоко: раскаивающийся, пытающийся помочь КГБ в раскрытии иностранного резидента и вернуться из эмиграции в СССР.

На рубеже 1970-х в первый раз за всю историю советского кино показана фигура А.А. Власова. Мятный генерал-перебежчик в х/ф «Освобождение» (реж. Ю. Озеров, 1970) раскрывается как сложный и сильный противник. Более того, есть тенденция признания факта, что из добровольно сотрудничавших с немцами граждан формировались военные соединения, а не только лишь административно-хозяйственного или полицейские кадры для управления и поддержания порядка; сам же факт формирования из пособников таких соединений уже подразумевает массовость самого феномена коллаборационизма. Можно сказать, что этот официальный взгляд на войну несколько идет вразрез с советской историографией, где эта проблема трактовалась в сторону относительной коли-

чественной малочисленности коллаборационистов [Кринко, 2004]. Тема власовцев на киноэкране также была раскрыта в х/ф «Родины солдат» (реж. Ю. Чулюкин, 1975), посвященном реальному историческому лицу, генералу Советской армии Д.М. Карбышеву. Сюжетная линия с солдатами РОА занимает одно из главных мест. В изображении самого генерала-изменника преобладают черты умного и опасного противника, пытающегося склонить главного героя к сотрудничеству ради «интересов Родины», говоря о неизбежности падения Советского Союза, но уповая при этом на возрождение «России новой, демократической». Власов преследует и свои интересы, называя себя истинным патриотом России, – с четким осознанием, что немцы не смогут эффективно управлять захваченной огромной территорией, потому будут вынуждены поделиться властью.

Концлагерь, в котором находится пленный генерал, при этом полон русских добровольцев, состоящих в основном из бывших советских офицеров, основная мотивация которых – страх за жизнь: бывший капитан артиллерии, скрывающий свое звание полковника штаба, хоть и сражавшийся до последнего патрона, но попав в лагерь, смирился с этим. Другой – такой же бывший солдат – наоборот, пошел в добровольцы ради совершения при удобном случае диверсии в немецком тылу, однако такой поступок в общем идейном посыле фильма не предстает заслуживающим какого-либо одобрения.

Фото 9. Кадр из х/ф «Родины солдат». Источник: YouTube

Одной из самых заметных работ о пособниках стал фильм А. Германа «Проверка на дорогах» (1971; вышел в прокат в 1986), после своего завершения имевший сложную судьбу. В центре сюжета – фигура добровольца, т.н. «хиви» [Семиряга, 2000, с. 460], в прошлом обычного советского гражданина, без анти-советского подтекста, ушедшего служить немцам. Примечательно, что кино шестидесятых-семидесятых окончательно уходит от гротеска в изображении врагов и отрицательных персонажей: главный герой внешне ничем не отличается от партизан.

Фото 10. Кадр из х/ф «Проверка на дорогах». Источник: YouTube

История его перехода к немцам абсолютно лишена «антисоветскости»: честно воевал в рядах советской армии, как и все, до войны был обычным представителем рабочего класса (что уже заметно отличается от моделей репрезентации пособников в предыдущее годы). Главный герой в чем-то является жертвой реалий войны – в трудный момент окружения он делает свой выбор, движимый желанием жить, после этого искренне раскаиваясь. Момент «перелома» зрителю не показан: герой введен в повествование после осознания своего поступка и добровольной сдачи партизанскому отряду. По приходу в отряд бывшему пособнику нет ни доверия, ни сочувствия со стороны бойцов, в особенности, политрука. Отметим, в реальности случаи добровольного перехода полицаяев (в т.ч. и массового) в партизанские отряды и действующую армию не были редкостью, довольно силен был фактор советской пропаганды в виде листовок к коллаборационистам [Советская пропаганда..., 2007, с. 492–493]. В фильме главный герой «доказывает» свою приверженность Родине через осуществление засады на немецкий транспорт, погибая в финале, во время главной партизанской акции – угон поезда с продовольствием с железнодорожной станции. Признавая свою вину, он апеллирует к массовости явления дезертирства и перехода к немцам. Другая модель поведения в фильме – юноша, цепляющийся за жизнь, признающийся, что был вынужден пойти служить в полицию из-за уговоров родственников и расстрелять трех комсомольцев, дабы упрочить свое положение под немцами, но не испытывающий по этому поводу заметных мук совести. Война в пространстве фильма, часто определяемого киноведами как «авторский», выступает как испытание предательством, которое главный герой не проходит. Искупление в этом случае одно – через гибель в финале. По воспоминаниям самого режиссера, фильм был запрещен из-за того, что (по выражению одного из членов худсовета) собрал все ошибки и клише кинематографа о войне [Божович, 1999].

Обвинения касались и изображения партизанского движения: так, в ленте показано не всегда позитивное отношение местных к деятельности подпольщиков, из-за которых затем страдают в первую очередь мирные жители. Данная картина отчасти согласуется с некоторыми свидетельствами участников оккупации, для которых «настоящие» партизаны – те, в первую очередь, чьи действия не провоцировали карательных экспедиций в деревни [Кормина, Штырков, 1996]. Также критика фильма была направлена в адрес главного сюжетного конфликта, названного фальшивым. Вместе с тем некоторые высказывания режиссера А. Германа о причинах запрета [Герман, 2008] не во всем проходят критическую проверку приводимых им фактов о сотрудничестве советских граждан с оккупантами: так, первая послевоенная реабилитация некоторых категорий пособников была осуществлена уже в 1955 году [Указ Президиума..., 1955], а общее число добровольцев, в тех или иных формах служивших оккупантам не превышало, по всей видимости, цифры в 1 миллион человек, с учетом всех охранно-полицейских подразделений и вооруженных формирований [Семиряга, 2000, с. 529]. Представляется, что основной причиной запрета стала не только лишь отдельная тема раскаяния главного героя, искупающего кровью вину, что до этого момента не выходило на первый план, но вся совокупность элементов, изображенных в фильме, открывающих доселе не затрагиваемые так глубоко страницы войны, образ которых во многом отличался от показанного ранее.

Иная картина, выводящая в качестве главного героя фигуру предателя, исследующая в рамках искусства его психологию – «Восхождение» (реж. Л. Шепитько, 1976) по мотивам повести В. Быкова «Сотников». Бывший советский офицер, оказавшийся в партизанском отряде после отступления первых месяцев войны, проходит в повести и фильме целый путь от честного солдата до коллаборациониста. Поначалу ничто не выдает в нем будущего предателя, но это впечатление обманчиво.

Фото 11. Кадр из х/ф «Восхождение». Источник: YouTube

Притом основной чертой героя является не столько трусость, сколько, на первый взгляд, желание переиграть врага, не сдаваться ради продолжения борьбы, но именно это и приводит к трагической развязке (писатель отмечал также, что помимо темы измены Родине произведение показывает и «заплутавшего» между «своими» и «чужими» в экстремальных условиях войны человека, беззащитного перед силой обстоятельств) [Быков, Адамович, 2013].

Итак, в советском кино «предатель» появился почти с начала войны, специально собирая в себе низменные чувства: эгоизм, подхалимство, стремление к доносительству, бытовой роскоши и, самое главное, спасению своей жизни за счет других, что в советской системе морально-нравственных ценностей было неприемлемо. В противоположность положительные герои исповедовали аскетизм, коллективистский дух, стремление отомстить врагу. В фильмах военного времени неоднократно проводилась мысль о том, что коллаборационист хуже врага: враг «чужой» изначально, предателем может оказаться и бывший сосед. Объяснением подобного поступка служило и социальное происхождение (этот аспект характерен и для последующих лет) – во многих фильмах на это делался намеренный акцент: пособники немцев или бывшие «кулаки», или иные асоциальные элементы общества. Повышенное внимание уделялось пластике персонажа и созданию нарочито отталкивающего облика.

Заметна эволюция в области репрезентации темы исследования: в семидесятые и восьмидесятые годы в кино, посвященном войне, тема пособничества присутствует чаще, однако, как правило, в виде эпизодических персонажей, имеющих «типовую» психологию поведения, почти без каких-либо полутонов, становясь неотъемлемой, но не слишком заметной частью советской «памяти о войне». Можно сказать, что серьезного переосмысления данной темы после 1970-х за редким исключением не наступает. Однако дальнейшее развитие отражения этой проблемы не остановилось на месте. Почти во всех случаях однозначно осмысляемая в СССР тема возникнет через некоторое время в постсоветском кино, рождая свои шаблоны репрезентации.

В кинематографе военных (и после-) лет заметна тенденция к национальной привязке феномена коллаборационизма. Обязательным условием в визуальной пропаганде был и устоявшийся мотив возмездия. Более глубокое раскрытие сути пособничества, его причин на «индивидуальном» уровне, было предпринято в эпоху оттепели и в 1970–80-х, однако не все ленты добрались до экрана по цензурным соображениям. Подобное, на наш взгляд, объясняется официальным взглядом на Великую Отечественную войну, который допускал, в большинстве случаев, лишь две модели репрезентации поведения в пласте культуры, посвященном войне – «героев» и

«врагов». Данная тема в то же время была неудобной и постыдной, показывая недо-работки в области идеологии советского государства, но все же количество встав-ших с оружием на защиту своей страны в военные годы неизмеримо превышало ко-личество тех, кто встал на путь пособничества оккупантам.

Библиографический список

Божович М. Алексей Герман: «Изгоняющий дьявола» // Искусство кино. 1999. № 6. URL:<https://old.kinoart.ru/archive/1999/06/n6-article18> (дата обращения: 19.04.2021).

Быков В., Адамович А. Диалог в письмах // Сибирские огни. 2013. №11. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2013/11/11a-pr.html> (дата обращения: 19.04.2021).

Герман А.Ю. «Лечь на полку непросто» // Театрал. 2008. № 9. URL:<https://teatral-online.ru/news/1656/> (дата обращения: 19.04.2021).

Изолов Н.А. Война, эпос, наука и политика // Война на экране / сост. М. Зак, Ю. Михеева. М.: Материк, 2006. С.67-72.

Колесникова А.Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холод-ной войны» в советском кино (сер. 50-х – сер. 80-х гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.; 2009. 25 с.

Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто. История окку-пации в устных свидетельствах // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Герма-ния, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.222–241.

Кринко Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. №11. С. 153–163.

Марголит Е., Шмыров В. Изъятое кино: 1924-1953. М.: «Дубль-Д», 1995. 132 с.

Орлова А.С. Способы воплощения образа врага в советском киноискусстве 1940-х гг. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. №4. С. 27–31.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуни-кация убеждения» и мобилизационные механизмы / сост.: А.Я. Лившин, И.Б. Ор-лов. М.: РОССПЭН, 2007. 806 с.

Спецсообщение управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисовет-ских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК

ПКР(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. / сост.: А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 498.

Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. 48 с.

Туровская М.И. Кино тоталитарной эпохи // Кино: политика и люди (1930-е): [Сб. статей]. М.: Материк, 1995. С. 26–52.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны / Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Указ_Президиума_ВС_СССР_от_17.09.1955_об_амнистии_советских_граждан,_сотрудничавших_с_оккупантами_в_период_ВОВ&oldid=517884 (дата обращения: 19.04.2021).

COLLABORATIONISM OF SOVIET PEOPLE DURING GREAT PATRIOTIC WAR: TOPIC'S EVOLUTION IN SOVIET CINEMA 1941-1991

Slesarchuk Vladislav A.

The Nizhniy Novgorod State Reserve Museum of History and Architecture,
7, Verkhne-Volzhsкая str., Nizhniy Novgorod, 603000, Russia,
stalker7503@yandex.ru

Annotation

The article dedicated to representation of soviet collaborationism in USSR cinema. 30 fiction films between 1941–1991 were analyzed. United Soviet's cinematography considered as a propaganda tool and implement of creating historical memory about war. The conclusion is made about the gradual departure from the primitive display of betrayers in early years to more difficult images in the late soviet period.

Key words

Soviet Cinema, Propaganda, Collaborationism, Soviet Propaganda.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ КОСМОНАВТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»)

Катыгин Георгий Александрович
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
kungurkatalex@mail.ru

Аннотация

До середины XX века полет в космос воспринимался как явление, возможное лишь на страницах научно-фантастических произведений. После октября 1957 года сюжеты об освоении околоземного пространства стали публиковаться в газетах и журналах. В данной статье представлен обзор репрезентаций советской космонавтики в журнале «Огонек» в 1957–1965 гг., а также анализ приведенных репрезентаций с позиции символической политики. Тот факт, что Советский Союз первым вырвался к «последнему рубежу», позволял выстраивать образ государства и социалистического строя как наиболее передового и прогрессивного. В выстраивании космического нарратива нужно было не только показать, что такое достижение было достигнуто конкретной общественно-экономической формацией, но показать вовлеченность советских граждан в процесс освоения околоземного пространства. Подобные штампы были характерны не только для газет, но и для журналов, в том числе «Огонька».

Ключевые слова

Советская космонавтика, символическая политика, Оттепель, советская периодика.

Покорение космоса по праву считается одним из величайших научно-технических достижений человечества. То, что некогда считалось уделом фантастических и научно-фантастических произведений, стало явью. Однако вопреки представлениям о науке вне политики, первые шаги человечества за пределы земного притяжения были осуществлены в разгар Холодной войны. Космическая гонка, развернувшаяся между США и СССР, была не только противостоянием на технологическом фронте, но и противостоянием идеологическим. Передовые достижения космической отрасли перестали быть успехом сугубо научной и технической мысли – успехи в космосе становились доказательством правоты коммунистической или капиталистической идеологии.

Данная статья рассматривает статьи и заметки журнала «Огонек» посвященных космонавтике в рамках концепции символической политики. Важно отметить, что журнал «Огонек» не был сугубо научно-техническим изданием: он являлся еженедельным общественно-политическим и художественно-литературным журналом. Будучи нацеленным на широкую читательскую аудиторию, издание старалось сфокусировать внимание на наиболее актуальных событиях недели. Учитывая ажиотаж вокруг покорения космоса советскими аппаратами и космонавтами, опубликованные в «Огоньке» материалы также освещали последние достижения в космонавтике. В свою очередь, это была популяризация среди населения одной из самых закрытых тем – освоение околоземного пространства и подготовка полетов к другим космическим объектам, по крайней мере в рамках Солнечной системы. Однако кроме популяризации космонавтики, данные материалы играли еще одну важную роль: пропаганду коммунистической идеологии. Серьезным подспорьем в этом выступал факт того, что СССР был первым государством, осуществившим ряд пионерских прорывов за пределы земной гравитации: первый спутник на орбите, первый живой организм на орбите, первое успешное возвращение живого организма на землю, первый космонавт, первая женщина-космонавт и первый выход человека в открытый космос. В таком ключе, успехи воспринимались не столько успехами отдельной отрасли, а доказательством правильности коммунистической идеологии в целом и Советского союза в частности. Космическая программа легитимизировала социалистический политический проект и материалы «Огонька» были одними из инструментов такой легитимация.

В качестве методологического основания для данной статьи была выбрана концепция символической политики О.Ю. Малиновой. В частности, можно обратиться к идеологическим представлениям – когнитивным рамкам, выступающим в качестве функции политических представлений. Эта функция приобретает свою актуальность в рамках процесса легитимации коммуникативных действий политических сил: борьбы за общественное мнение или конструирования политически значимых идентичностей [Малинова, 2013, с. 133]. Для понимания непосредственно процесса легитимации, а именно процесса конструирования политически значимой идентичности, обратимся к дефиниции «легитимации», представленной социологами П. Бергером и Т. Лукманом. Они понимали под легитимацией процесс смысловой объективации социальной реальности. Этот процесс заключается в осмыслении и подтверждении символического универсума индивидом. Соотнося свою субъективную идентичность с социальным универсумом, индивид может убедиться в правильности своей идентичности, которая имеет

свое место в институциональном порядке. Это касается не только более близких к индивиду явлений социальной реальности (семья, смерть), но и явлений, которые вместе с индивидом охватывают и общество, к которому он принадлежит. Это вопрос политической легитимации. Бергер и Лукман также отмечают, что суть символических универсумов заключается в интеграции разрозненных институциональных процессов: каждый отдельный институт легитимируется будучи включенным во всеобъемлющий смысловой мир [Бергер, Лукман, 1996, с. 75]. Исходя из этого мы можем предпринять попытку рассмотреть публикации о советской космонавтике в «Огоньке» как способ легитимизации социалистического политического проекта.

Обратимся к выпуску № 46 за октябрь 1957 года. На странице 7 представлена заметка «Советским спутникам привет!». В этой заметке высказывается ажиотаж вокруг запуска первых искусственных спутников земли: Спутника-1 и Спутника-2. В частности, свое восхищение выразил французский профессор Шаланж: «Вы заставляете прогрессировать науку и в то же время сильно укрепляете мир». Восторг от успеха советской космонавтики подчеркивается в выводе: «Людам, запустившим советские спутники, пишут по-китайски и по-английски, по-чешски и по-французски, и все эти письма роднит одно – настроение радости, гордости и счастья. Они стали драгоценными документами нашего времени, наших достижений, наших побед». Таким образом, можно говорить как о легитимации советской космонавтики (иностранцы граждане отреагировали ажиотажом на полет спутников), так и о легитимации социалистической идеологии («драгоценные документы наших достижений, наших побед») [Полынин, 1957, с. 7]. Кроме того, обращение к образу «нашего» в какой-то мере выполняет интеграционную функцию. Индивид-читатель оказывается включен в общий символический универсум: мы – представители социалистического строя и нашего общее достижение оказалось признано во всем мире.

Другим примером использования темы покорения космоса для легитимации социалистического государства можно назвать заметку в семнадцатом выпуске журнала за апрель 1961 года. Выпуск посвящен полету космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, который стал первым человеком совершившим полет на околоземной орбите. На 26 странице журнала была помещена заметка ученого секретаря комиссии по подготовке и изданию научного наследия К.Э. Циолковского Академии наук СССР Б. Воробьева. В своей заметке ученый выражает восторг, вызванный полетом Юрия Алексеевича Гагарина и заключает ее восторженным лозунгом: «Предвидение наконец свершилось. Только не робко, а с пол-

ной, непоколебимой уверенностью вошел наш – советский человек! – в свой космический корабль». В подтверждение своих слов Воробьев приводит слова Циолковского из его письма от 13 сентября 1931 года: «Все свои труды по авиации, ракетоплаванью и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти – подлинным руководителям человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды» [Воробьев, 1961, с. 26]. Данная заметка наиболее характерная среди остальных, представленных в этом выпуске. Хотя в остальных материалах – включая цитату Хрущева на обложке выпуска – говорится о триумфе советских ученых, именно в этой заметке подчеркивается два ключевых момента. Во-первых, подчеркивается преемственность советской науки по отношению к неоспоримому научному светилу К.Э. Циолковскому. Во-вторых, подчеркивается точность предвидения Циолковского, который предсказал роль СССР как государства на пике научно-технического прогресса. В данном случае между триумфом советской космонавтики и приближением светлого коммунистического будущего, которое стремится воплотить Советский союз, проводится прямая параллель: Циолковский, будучи авторитетным ученым и так называемым «научным прорицателем», предсказал, что только советская власть будет способна осуществить первый полет человека за пределы земного притяжения. И это предсказание сбылось: первым космонавтом планеты Земля стал советский летчик-космонавт Ю.А. Гагарин.

Еще один яркий пример космонавтики в идеологической легитимации можно выделить в выпуске журнала №13 за март 1965 года. Выпуск посвящен выходу в открытый космос Алексея Леонова. Наиболее примечательным в данном выпуске можно выделить разворот 26 и 27 страниц. На 26 странице расположена заметка заведующего отделом науки журнала «Огонек» Кима Бакши под названием «Догоняйте!». Данная заметка посвящена полету американского аппарата Джемини-3, который не смог до конца выполнить свою миссию. В заметке указано, что миссия Джемини-3 была аналогичной с миссией Восхода-2 – корабля Алексея Леонова и Павла Беляева, – выход в открытый космос. Ким Бакши с иронизированием отмечает: испытание техники, электроники и человека, с которым столкнулся экипаж Джемини-3, успешно прошел советский аппарат Восход-2. «Советская наука и техника, советский человек блистательно выдержали это испытание, снова подтвердили свое первенство», – пишет заведующий отделом науки «Огонька» [Бакши, 1965, с. 26].

Кроме этой заметки, разворот занимает перевод статьи английского писателя Джеймса Олдриджа под названием «Герои». В этой статье выражается восхищение мужеством советского человека – Алексея Леонова, – который первым

вышел в открытое космическое пространство. В конце статьи, Олдридж приводит следующий вывод: «С того момента, когда ракета подняла их ввысь, и до приземления космонавты жили в будущем. Это подчеркивает их принадлежность к социалистическому обществу, которое само по себе – неизбежное будущее для человечества». Таким образом, из содержания разворота можно выделить два характерных момента. Во-первых, в обеих заметках подчеркивается превосходство советского над капиталистическим: это касается как науки и техники, так и идеологии. Во-вторых, словами популярного среди советского общества Олдриджа, подчеркивается прогрессивность и неизбежность «светлого социалистического будущего» [Олдридж, 1965, с. 27]. Космонавтика, будучи остром прогресса, связывается с фактом того, что первопроходцами в космосе являются советские космонавты. Тем самым социалистический проект легитимируется на основе репрезентации успехов советской космонавтики. Кроме того, автор подчеркивает разницу между американскими и советскими героями-покорителями космоса. Олдридж отмечает, что образ астронавтов опирается как на прежний образ античных богов, так и на более современный ницшеанский образ «сверхчеловека». Советский космонавт, по мнению английского писателя заметно отличается от своего западного коллеги: «Каждый человек, кто смотрит на лицо Леонова, знает, что это не маска, надетая для эффекта, он узнает в леоновском лице свое, точно смотрит в зеркало. Такое лицо мы видим в зеркале по утрам, когда бреемся... Героями не рождаются, а становятся. Леонов и Беляев стали героями» [Олдридж, 1965, с. 27]. Данный троп позволяет провести заметную параллель: американцы делают из своих астронавтов, героизм которых может казаться как нечто предначертанное их судьбой, их статусом, в то время как советские космонавты во многом похожи на рядовых граждан СССР. Что еще более важно, их героизм показан не как слепое предопределение, а как достижение, которое Леонов и Беляев заслужили своим трудом. Тем самым Олдридж делает важное замечание: космонавты являются такими же выходцами советского общества, которое позволило им, – токарю и художнику, – отправиться в полет, который откроет новую веху в истории космонавтики. Таким образом, не только указывается на то, что советские космонавты являются такими же «простыми смертными», но подчеркивается прогрессивность социалистического строя, способного из рядовых граждан воспитать и подготовить отважных покорителей космического пространства.

Таким образом, можно проследить как тема покорения космоса в материалах журнала «Огонек» способствовала легитимации СССР и коммунистической

идеологии. Во-первых, этому способствовали сами передовые научно-технические достижения советской науки: они воплощали в реальность мечты фантастов. Учитывая, что космическими первопроходцами оказались советские искусственные спутники и советские космонавты, стало возможным легитимизировать советское (социалистическое) общество, как общество будущего на основе наглядных примеров. Во-вторых, эти достижения признавали за границей: за триумфом советской космонавтики следили во всем мире, в том числе и в капиталистических странах – странах противоборствующего лагеря. В-третьих, в деле покорения космоса не отрицалась причастность советских граждан – данное достижение подавалось как общее для всех граждан Советского союза. Кроме того, образ космонавта обладал определенной двойственностью. С одной стороны, признавалась исключительность космонавта, как человека доказавшего, что он готов лететь в космос: готов не только морально, но и физически. С другой стороны, подчеркивалось его происхождения из народа, что позволяло выстраивать нарратив о герое – обычном человеке, таком же рядовом жителе Советского Союза. Тем самым, выполняется еще одна из функций легитимации – интеграция субъективного восприятия индивида в символический универсум: общество, в котором живет советский человек, смогло приблизить светлое будущее и в том, что это стало возможным, также заслуга этого советского человека. Следовательно, можно говорить о том, что освещение в советском журнале темы покорения космоса играло на легитимацию социалистического строя как с позиции общего вклада индивидов в развитие общества, так и с позиции признания превосходства советской науки и техники со стороны иностранных (в том числе капиталистических) государств.

Библиографический список

Бакши К. Догоняйте! // Огонек. 1965. №13. С. 26.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания /пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1996. 323 с.

Воробьев Б. Вещие слова // Огонек. 1961. №17. С. 26

Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013.

Олдридж Дж. Герои // Огонек. 1965. №13. С. 26–27.

Полынин В. Советским спутникам привет! // Огонек. 1957. №46. С. 7.

**SOVIET SPACE ENDEAVOUR AS IMAGE OF INEVITABILITY
OF COMMUNISM: REPRESENTATION OF SOVIET SPACE
PROGRAMME IN «OGONYOK» MAGAZINE, 1957–1965**

Katygin Georgiy A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
kungurkatalex@mail.ru

Annotation

The Conquest of space is rightfully considered as one of the outstanding scientific achievements of humankind. Spaceflights, which were considered mere science fiction at the time, have become a reality. But despite the idea of «Science without politics», the first steps of humankind beyond the gravity of planet Earth were made during the Cold War period. Space race between the USA and USSR was not a struggle of scientists and engineers. It was the struggle of ideologies. Any groundbreaking achievement in the field of space exploration was not considered as strictly scientific and engineering success, but also as proof of superiority of one ideology over the other. This article will be devoted to the analysis of representation of soviet space programme in «Ogonyok» magazine in 1957–1965 as a means of legitimation of socialist political project.

Key words

Soviet space programme, symbolic politics, soviet press, the Khrushchev Thaw.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ (СУГГЕСТИВНЫЕ) ТЕХНИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ СУБКУЛЬТУРЫ РЕЙВЕРОВ

Саранцева Мария Егоровна

Белорусский государственный университет,
220108, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Курчатова, 5,
romashka.star@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные манипулятивные техники визуальной культуры, включающие психоаналитическую и семиотическую группы. Рассмотрение техник на примере молодежной субкультуры рейверов позволяет глубже исследовать одну из самых распространенных субкультур современности.

Ключевые слова

Молодежная субкультура, манипулятивные техники, суггестия, визуальная культура, клинико-феноменологический метод.

Медиакультура является одним из аспектов визуальной культуры, придающих большое значение манипуляции, целью которой является создание психоэмоциональных установок человека. Денотативное значение манипуляции сводится к обращению с объектом с заданными целями по отношению к нему. Коннотативное же – ловкость, управление, акт влияния [Кара-Мурза, 2005]. Объектом распространения манипуляции является человеческая психика, а точнее составляющая структуры сознания. Важная составляющая манипуляции заключается в ее неочевидности для предмета влияния, поэтому для достижения эффективной манипуляции необходимо обладать должным уровнем знаний, умений и навыков. Использование визуальных средств манипуляции повышает ее эффективность, так как визуальные образы надолго остаются в сознании, а подкрепление визуальных техник аудиальными максимизирует число подверженных воздействию. Существует несколько подходов к пониманию техник воздействия, однако для анализа визуальной культуры наиболее релевантными окажутся психоаналитическая и семиотическая группы техник. Психоаналитический подход можно обозначить как воздействующий непосредственно на подсознание, Id, апеллирующий прежде всего к инстинктам, а семиотический, наоборот, воздействующий путем воссоздания образов в имажинации и воздействии

путем переживания человеком опыта в процессе рационализации образа и последующем создании норм и ценностей, характерных для Супер-эго.

Важной основой для механизмов понимания психологической и психоаналитической манипуляции стало учение о высшей нервной деятельности И.Павлова, которое, несмотря на очевидность, работает как программирование психики людей и сегодня. Позже первенство программирования занял психоанализ З.Фрейда. В. Бехтерев рассматривал манипуляцию сознанием как внушение, направленное на Id, так как «внушение влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния» [Бехтерев, 1908]. Из этого можно вывести еще один принцип – эффективное внушение апеллирует к инстинктивному, бессознательному, иррациональному. В данном случае чем проще техники, тем они менее очевидны для объектов манипулирования. Рассмотрим технику на примере основных фрейдистских категорий – Эроса и Танатоса, которые направлены прежде всего на Id. Танатос является основным влечением, именно через которое человек обретает небытие и спокойствие. Способом скорейшего достижения Танатоса является Эрос – половое влечение, которое доминирует в поведении человека в течение жизни. Таким образом, человек стремится обеспечить себе потомство как собственное продолжение и уйти в небытие. Манипуляция, основанная на Эросе, заключается в постановке конечной цели как достижении удовлетворения либидо, а визуальные методики предполагают соблазн и эротическое влечение. Апеллирующие к Танатосу техники используют образы ритуала, провозглашают «культ смерти». В медиаконтенте это может выражаться как призыв к скорейшему приобретению услуги, ее лимитированности или сенсационности. Оба этих подхода основываются на загадочности и недостижимости цели. Еще одним подходом является цветовое манипулирование Л.Ческина, которое можно назвать основным в визуальной культуре, так как оно направлено непосредственно на зрительное восприятие. Суть цветового манипулирования заключается в выявлении возникающих эмоций при восприятии того или иного цветового сочетания. Так, красный воспринимается как возбуждающий, вызывающий к инстинктам, желтый – знак опасности или брэнности, синий или голубой – расслабляющие и рационализирующие, а коричневый создает психологический комфорт. В данном подходе следует учитывать не только конечную цель манипулятора и эмоции, которые он стремится создать, но и пол, возраст и социальный статус испытуемого. Существенным фактором в реализа-

ции психоаналитического манипулирования является защитный механизм психики, Эго, которое принимает решения об удовлетворении влечений через этическую оценку Супер-эго, поэтому первичной задачей данного подхода является нейтрализация этого механизма.

Семиотическую манипуляцию можно отнести к более рациональной, однако она базируется не на установках этики или науки, а на культурных кодах, которые вызывают к некоторой степени пережитков мифологического мышления. Семиотический подход основывается на создании знака: иконического, индексального или символического, требующего интерпретации. Визуальная культура позволяет создавать эффективные знаковые сообщения, требующие дешифровки, интерпретация которых зависит от индивидуального опыта субъекта. Анализом семиотической манипуляции занимался Р.Барт, который вывел идею о влиянии знака как промежуточной составляющей означаемого и означающего: «Есть означающее, означаемое и есть знак, который представляет собой результат ассоциации первых двух элементов» [Барт, 1989]. У. Эко рассматривал манипуляцию с точки зрения словестного и визуального кодов и выделил 3 уровня: иконический, иконографический и уровень тропов. Иконический уровень оказывает наименьшую семиотическую манипуляцию, так как означающее совпадает с означаемым. Чем сложнее кодирование, тем больший уровень психоэмоционального воздействия он оказывает. На иконографическом уровне Эко выделяет «исторический» и «условный» уровни кодификации, которые предполагают отсылку к классическим и относительным значениям. Уровень тропов основан на символическом, метафорическом изображении значений. Эко утверждает, что визуальная манипуляция чаще прибегает к более простым формам кодирования: иконическому и иконографическому, так как они являются более зрелищными, однако именно символический оказывается наиболее эффективным. Например, рекламу с иконически оголенной женщиной воспринимают естественным образом, а рекламу с намеком на удовольствие девушки (не отсылающего к сексуальному) воссоздают в имажинации как непристойную, подкрепляя семиотический подход психоаналитической регуляцией. Таким образом, создатели медиаконтента зачастую прибегают к подмене понятий путем размещения предметов, создающих ожидаемые эмоции, рядом с продукцией (счастливая семья рядом с шоколадом), так как манипуляция производится именно посредством воссоздания образа в имажинации. В отличие от психоаналитического подхода к манипуляции, который основывается на недостижимости цели и создает влечения для ее достижения, семиотический подход основан на создании иллюзии достижимости

недостижимого. У. Эко комментирует это: «техника рекламы в ее лучших образцах, по-видимому, основывается на информационной идее, заключающейся в том, что объявление больше привлекает внимание, чем больше нарушает принятые коммуникативные нормы (иконические и иконографические), перестраивая таким образом систему риторических ожиданий» [Эко, 1998]. В рамках семиотических техник можно выделить воздействие путем парадоксальности: несовпадения иконического знака, и смысла, которое создается путем текстового подкрепления сообщения. Эффективность данной техники обуславливается большой степенью вероятности привлечения внимания аудитории.

Новым направлением в изучении влияния становится суггестология, построенная на внушениях через коммуникацию, где под суггестией понимается поведенческая реакция на внешний раздражитель, так как уровень внушаемости не оправдал себя как категория личности. Однако степень подверженности суггестиям может транслироваться на уровне культурных кодов. В отличие от осознанного действия или относительно осознаваемого психологического и семиотического манипулирования, «суггестивная коммуникация может создавать полную иллюзию свободы выбора, или, наоборот, отсутствия свободы действий, и именно в такой иллюзорности проявляется сила суггестивного влияния, побуждающая одного или более реципиентов изменить без критической рефлексии их суждения, мнения, установки и т.п.» [Лепехин, 2018]. Актуальной для исследования суггестологию делает методология трехфакторного анализа, включающая директивную, недирективную и социальную форму суггестивности – убеждение, конформность, внушаемость посредством вопросов и т. д. [Лепехин, 2018]. Социологи стремятся объяснить стихийное причисление себя к субкультурам или движениям вследствие подверженности влиянию суггестий, так как они взывают к иррациональному, чувственному, стихийному поведению. Контрсуггестия способствует психоэмоциональной идентификации членов групп и объясняет генезис вступления в движения и субкультуры, в том числе и рейверов, путем обособления от доминирующей культуры вследствие ее несовершенства, а также создает феномен «коллективных представлений» как альтернативной аксиологической системы. Из этого можно заключить, что суггестология является родственным понятием манипулирования, но не сводится к нему, и имеет собственные техники воздействия.

Таким образом, основными группами техник воздействия в медиакulturе как составляющей визуальной культуры являются психоаналитическая, семиотическая и суггестивная группы, имеющие разные подходы. Суггестивную группу техник можно считать родственной как для психоаналитической, так и

для семиотической, однако методология ее воздействия принципиально отличается от вышеуказанных. Изучить данные техники воздействия поможет клинико-феноменологический метод.

Визуальная культура рейверов является неклассической и основывается на понятии contemporary art (современное искусство), которое основано не на получении эстетического удовольствия, а на воссоздании образов в имажинации и коммуникации с арт-объектом. Для создания данной визуальной культуры используются все доступные человеку технологии: световые манипуляции, погружение в виртуальную реальность, скульптурное моделирование, а главной ее чертой является интерактивность и постоянная коммуникация с интерпретатором, подразумевающая мгновенное восприятие объекта. К составляющим визуальной культуры рейверов можно отнести: видео-арт, инсталляцию (визуальная и предметная), перформанс (исполняющийся как человеком, так и светом или виртуальной скульптурой), хэппенинг, лэнд-арт. Единственной составляющей, доступной в дистанционном пользовании, является видео-арт, поэтому основная часть исследования сосредоточена на нем.

Основываясь на том, что визуальная культура рейверов выходит за рамки использования классических образов, изучение ее при помощи традиционных методов исследования окажется неэффективным. Именно поэтому обосновывается необходимость использования клинико-феноменологического метода, который разработал и описал А. Лазурский [*Малейчук*, 1998]. Данный метод включает синтез черт клинического и феноменологического. Описание психического процесса и развернутое описание психоэмоционального состояния человека вследствие организованного наблюдения представляет собой клинический метод. Черты феноменологического метода выражаются в изучении наблюдаемых феноменов в таком виде, в каком они нам предоставлены, и последующего анализа, основанного на них.

В данном исследовании объектом будет являться психоэмоциональное воздействие визуальной культуры рейверов, а предметами выступят арт-объекты, доступные только в режиме реального времени, и видео-арт рейверов. Респондентами являются представители субкультуры рейверов, посещающие мероприятия с частотой от 1 раза в месяц не менее 1 года. Будет проведен анализ рассмотренных ранее техник манипулирования и выявлена наиболее эффективные из них.

Рассмотрим обозначенные ранее техники воздействия: психологическое световое программирование И. Павлова, фрейдистское манипулирование, осно-

ванное на Эросе, фрейдистское манипулирование, основанное на Танатосе, психологическое цветовое манипулирование Л. Ческина, воздействие Р. Барта, основанное на ассоциативности означаемого и означающего, иконическая и символическая манипуляции У. Эко как полярные, а также суггестивная коммуникация.

Рассмотрим данные техники на примере арт-объектов, доступных исключительно во время рейва и подразумевающих восприятие и реакцию «здесь и сейчас». Расположим объекты по возрастанию популярности у респондентов: визуальная инсталляция, хеппенинг, перформанс, предметная инсталляция, ленд-арт. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что для участников культуры рейва более характерным и значимым оформлением становится стремящееся к динамике, что логично, так как музыка, играющая на мероприятиях, подчиняет себе все остальные его аспекты. Визуальная инсталляция представляет собой совокупность светового оформления, которое может быть как конкретным, образным, так и диффузным, отвлеченным. Основную привлекательность визуальной инсталляции для респондентов составляет резкая, скачкообразная смена освещения, которая создает ощущение динамичности происходящего и вызывает состояние возбуждения и иллюзорности. Хеппенинг и перформанс вызывают у респондентов состояние включенности, а в совокупности с музыкой могут вызывать агрессию. Хеппенинг, в отличие от перформанса, не имеет заготовленного сценария и предполагает участие зрителей в действии, что создает коммуникацию актера и зрителей, а также зрителей между собой. Погружаясь в действие, рейвер поддается влечениям: респонденты, принимавшие участие в хеппенингах, сравнивают свое состояние с аффектом и определяют его как наиболее агрессивное среди опыта восприятия арт-объектов. Предметная инсталляция и ленд-арт – наиболее статичные и наименее популярные объекты среди рейверов. Большинство представителей обращают на них внимание только 2-4 раза за мероприятие на непродолжительное время, однако те 10%, которые длительно рассматривают данные арт-объекты, начинают проводить с ними ассоциации и создавать конкретные образы в имажинации, четкой структуры которых не обнаружено: некоторые респонденты идентифицировали себя с объектом и испытывали скорее положительные эмоции, испытывали прозрение, у других же объект вызывал страх. Вероятнее всего, такая корреляция связана со степенью подверженности психотропным веществам. В данном исследовании было выявлено, что манипулятивные техники визуальной культуры могут найти отражение не только в категориях экранного, но и в объектах, направленных на восприятие в реальном вре-

мени. Таким образом, для визуальной инсталляции наиболее характерной техникой воздействия становится психологическое световое программирование И. Павлова, а также можно предположить, что состояние возбужденности может быть вызвано техникой, основанной на Эросе, подкрепленной цветовым манипулированием Л.Ческина, так как освещение на мероприятиях преимущественно красного цвета. Так как хеппенинг и перформанс направлены прежде всего на коммуникацию и успешно выполняют задачу включения, данные виды визуальной культуры являются следствием суггестивных техник. Стоит отметить, что влечения, вызванные хеппенингом или перформансом могут также быть результатом влияния фрейдистской Эротической техники. Единственные объекты, не попадающие в данную категорию вследствие сложности выявления чувственных тенденций – предметная инсталляция и ленд-арт. Они вызывают наиболее определенные, конкретные ощущения, основанные на дешифровке образов объектов, чем выражают семиотический подход к воздействию.

Рассмотрим каждую из обозначенных техник на примере видео-арта. Значимость видео-арта среди всех техник наиболее явная: он является первым источником информации, от которого рейвер узнает о событии, сопровождает все мероприятие в фоновом режиме, и, более того, после проведения события часто используется в роли пост-фактума. Стоит заметить, что все 3 требования могут соблюдаться не всегда, однако, несмотря на это, видео-арт оказывается наиболее распространенным сегментом визуальной культуры рейверов. Техника светового программирования И. Павлова находит отражение в ярких вспышках света или резком его изменении на протяжении всего видео. Благодаря этой технике у респондентов воссоздается образ рейва в имажинации, который вызывает немедленное желание посетить мероприятие. После каждого повторного просмотра видео-арта желание посетить мероприятие увеличивается и в какой-то момент становится навязчивым, из чего можно сделать вывод об эффективности техники. Фрейдистские манипулятивные техники, основанные на Эросе и Танатосе, выражаются в появлении у респондентов влечений, проявляющихся в эмоциональном возбуждении. Испытуемые характеризуются наличием идеи посещения рейва, недостижимой на момент просмотра видео. Цветовое воздействие Л. Ческина также имеет место: контрастные сочетания цветов, чаще всего сконцентрированные вокруг черного и дополняемые красным или желтым цветом, кислотными или голографическими сочетаниями бросают вызов зрителю, провоцируют на эмоции, призывают к радости и праздности. Респонденты отмечают, что данные сочетания привлекают их яркостью, а в совокупности со световыми вспышками и техно создают ощущение динамики, экстаза, аффекта.

Среди знаковых кодов в видео-арте рейверов зачастую используются смоделированные насекомые или пресмыкающиеся: ночные бабочки, осы, пауки, скорпионы или змеи, а также заикленные композиции, визуальные смерчи и тоннели. Такие знаки погружают в атмосферу инклюзивности и оторванности от реального мира. Иногда встречается образ обезличенной металлической женщины или выглядывающих глаз. Респонденты по-разному описывают образы, однако можно выделить общие тенденции: ощущение таинства, ритуала, полета. Таким образом, семиотическое воздействие проявляется в ассоциировании себя с отдаленной от человеческой сущностью, будь то летающее насекомое или железная материя. Говоря о суггестивном воздействии, можно выделить процесс включенной коммуникации с контентом, которая наблюдается у всех рейверов, а также последующей идентификацией себя с образами, вызванными в сознании контентом, порождающими общность мироощущения всех представителей субкультуры.

Таким образом, визуальная культура рейверов, хотя и является неклассической, наглядно демонстрирует различные техники манипулирования. С точки зрения структуры сознания наиболее восприимчивой его составляющей у рейверов является Id. Это наглядно прослеживается через наиболее эффективные техники манипулирования: психологическое световое программирование И. Павлова и суггестивное воздействие.

Библиографический список

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 16 с.
- Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1908. 210 с.
- Демшина А. Ю.* Визуальное искусство в ситуации глобализации культуры. Институциональный аспект. СПб.: Астерион, 2010. 320 с.
- Душкина М. Р.* ПР и продвижение в маркетинге: коммуникации и воздействие, технологии и психология. СПб.: Питер, 2010. 560 с.
- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
- Колодий В. В.* Визуальность как феномен и ее влияние на социальное познание и социальные практики. Томск: ТПУ, 2011. 27 с.
- Лепехин Н. Н.* Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление // Верхневоложский филологический вестник. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestologiya-v-kontekste-kulturogeneza-kak-nauchnoe-napravlenie/viewer> (дата обращения: 07.12.2019).
- Малейчук Г. И.* Клинико-феноменологический метод в психологии // Журнал практической психологии. 1998. №7. С. 23–28

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. В. Николаева; ред. М. Вавилова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

Сальникова Е. Визуальная культура в медиасреде: современная тенденция и исторические экскурсы. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 890 с.

Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

MANIPULATIVE (SUGGESTIVE) TECHNIQUES OF VISUAL CULTURE FOR EXAMPLE OF RAVER SUBCULTURE

Sarantseva Mariya E.

Belarusian State University,
5, Kurchatovstr, Minsk, 220108, Republic of Belarus,
romashka.star@mail.ru

Annotation

The article considers the main manipulative techniques of visual culture including psychoanalytic and semiotic groups. Consideration techniques by example of youth raver subculture will let us research one of the most spread modern subcultures deeply.

Key words:

Youth Subculture, Manipulative Techniques, Suggestion, Visual Culture, Clinical and Phenomenological Method.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОДЕРЖАНИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Губанова Татьяна Сергеевна

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34,
gubanova-ts09@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы гендера в системе современного российского школьного образования. Производится анализ российского законодательства в области образования, некоторых учебников и рабочих программ по разным школьным предметам с целью выявления стереотипов, препятствующих установлению гендерного равенства. Отдельное внимание уделяется преподаванию предметов гуманитарной направленности, проблеме профессионального выбора девушек. Производится выявление сущности понятия «скрытый учебный план».

Ключевые слова

Гендерные исследования, гендер в образовании, гендерные стереотипы, скрытый учебный план.

Школьное образование, как и любая сложная социальная система, включает в себя множество различных взаимосвязанных элементов, является эффективным механизмом конструирования гендерных стереотипов у школьников. На уровне официальной политики статус мужчин и женщин уравнивается. Однако система законодательства России имеет достаточное количество проблем в вопросах гендерного равенства.

Гендерные противоречия затрагивают нормативную базу, регламентирующую отношения в сфере образования. Основными документами, определяющими форму и содержание школьного образования в Российской Федерации, являются Закон об образовании РФ и Федеральные государственные образовательные стандарты. Калабихина И.Е., Григорьева Н.С., Луковицкая Е.Г., Давтян М.Д. замечают, что в области образования в РФ гендерная дискриминация формально отсутствует в отношении доступа девочек и женщин к образованию на всех уровнях и практически во все профессии [Калабихина и др., 2012]. Однако сложившаяся ситуация говорит о том, что на данный момент недо-

статочно существующих механизмов для устранения дисбаланса, который фактически происходит за счет невозможности равной реализации своих прав женщинами и мужчинами.

В основу новых образовательных стандартов общего образования, определяющих цели и содержание школьного образования, легла «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». В данном документе подчеркивается значение таких категорий, как «традиционные ценности», «нравственные ориентиры», «самобытная культура», также говорится о «поспешном копировании западных форм жизни» [Данилюк и др., 2010, с. 40]. Зачастую одной из образовательных (и не только) целей становится «формирование/распространение/сохранение и т.п. традиционных ценностей и установок среди учеников и их родителей». Данная тенденция вызывает множество вопросов, первый и самый очевидный из которых: «что в представлении идеологов этого подхода значит “традиция”, “традиционные ценности”?» В науке (истории, социологии) существует классификация и периодизация типов обществ, составленная постиндустриалистами во второй половине XX века, согласно которой традиционные общества являются самыми примитивными в цивилизационном отношении. Совершенно логично, что Л.В. Штылева задается вопросом о сопоставлении «традиционных ценностей» с традиционным обществом [Штылева, 2015]. Отсюда следует другой вопрос: стоит ли обучать детей с консервативных позиций таким образом, чтобы при интеграции во «взрослые» экономические и социальные отношения, они неминуемо сталкивались с конфликтом ценностей и ориентиров?

Современные исследователи достаточно часто обращаются к проблеме гендера в системе современного школьного образования. Гендерной экспертизе российских школьных учебников посвящены репрезентативные исследования А. В. Смирновой, [Смирнова, 2005], Л. В. Штылевой [Штылева, 2008], Я. С. Соловьева [Соловьев, 2011]. Л.В. Штылева [Штылева, 2015], О. Б. Савинская и Т.А. Мхитарян [Мхитарян, 2018, с. 34–48] обращаются к такому феномену, как «скрытый учебный план». К данному понятию относятся и неформальные отношения учителей с учениками, выстраиваемые в процессе организационной и воспитательной работы, и личностные ориентиры учителя, которые ложатся в основу оценивания образовательных результатов обучающихся, и формальная методическая база – содержание учебников и рабочих программ. О. И. Ключко обращается к проблеме социальных ролей и ценностных ориентиров, к конструированию которых стремится система российского школьного образования [Ключко, 2016, с. 80–91].

О том, как выстраиваются гендерные стереотипы в среде школьников, можно узнать, исследовав некоторые школьные учебники. Например, в одном из популярных учебников по обществознанию для 8 класса авторы вводят определение понятия «гендер», констатируя факт разделения гендерных ролей, в окончании параграфа предлагают ответить на вопрос: «... "Ты можешь сделать все те вещи, что ты видишь, независимо от того кто ты – мальчик или девочка". Разделяешь ли ты такой взгляд на гендерные роли?» [Боголюбов, Городецкая, 2014, с. 122]. Данная формулировка в сознании школьников косвенно ставит под сомнение необходимость наделение женщин и мужчин равными правами.

В школьных учебниках по истории женщины упоминаются и описываются гораздо реже мужчин. Стоит добавить, что упоминание наделенных властью императриц не будет в реальности подчеркивать роль женщины в российской истории, так как статус этих женщин был предписанным в условиях сословной организации общества. Диспропорция в частоте обращения к историческим фигурам мужского и женского пола зависит от взгляда на историю в целом как на «историю мужчин».

Сущностью нового российского традиционализма, в том числе и в педагогике, является ориентация на консервативные принципы дореволюционной России по содержанию. Несмотря на атеистический опыт советского общества, невозможно игнорировать влияние Русской православной церкви на образование школьников прошедших двух десятилетий. Выражается это, прежде всего, в появлении новых школьных курсов, таких как «Нравственные основы семейной жизни» – для учащихся 10–11-х классов. Тестирование данного проекта проходило в некоторых школах большинства субъектов РФ и завершилось обязательным введением в ряде субъектов в 2020–2021 году.

Противоречивость данных курсов заключается в том, что они в значительной степени вступают в конфликт с традицией светского характера образования. При выборе одного из модулей «Основ религиозной культуры и светской этики» каждому учащемуся предлагается определенная религия, соответствующая его национальному происхождению, убеждению его родителей или собственному убеждению и образу жизни. В одном из учебников светской этики существует глава под названием «Какие правила мужские, а какие – женские?», в которой постоянно говорится: «... жена и мать – это главные из обязательных ролей женщины. А защитник и труженик – это главные из обязательных ролей мужчины», предлагаются к выполнению задания по составлению «кодекса женского/мужского поведения» [Шемшурин и др., 2019, с.62]. В учебнике другого автора тема

«Мужество» и вовсе напрямую связывается исключительно с мужчинами [Студеникин, 2012, с.90].

По поводу курса «Нравственные основы семейной жизни», стоит сказать, что все время проведения эксперимента по внедрению данного курса, обучение детей производилось по учебникам, авторами которых являются священники Д. А. Моисеев и монахиня Н. Н. Крыгина [Моисеев, Крыгина, 2017], что во многом определяет содержание учебных материалов.

Необходимо отметить, чем опасны эти процессы, и какое влияние они оказывают непосредственно на гендерное просвещение российской молодежи. Во-первых, представители РПЦ видят воспитание школьников и подготовку их к «взрослой жизни» исходя исключительно из религиозных представлений о «нравственности». Частью данного представления является табуированность вопросов сексуальности. Это исключает возможность заимствования позитивного западного опыта в вопросах сексуального просвещения подростков. Понятие «гендер» отрицается, поскольку по мнению консерваторов подразумевает вариативность и может противостоять «естественной», по мнению консерваторов, категории «пол».

Во многих школах также до сих пор отдельно для мальчиков и для девочек преподается технология. При этом авторы программ отмечают: «Выбор направления обучения школьников не должен происходить по половому признаку, а должен исходить из интересов и склонностей учащихся...» [Тищенко, Синица, 2015, с. 5]. Далее остается только представить ситуацию, когда мальчик-пятиклассник, увлекшийся кулинарией, объявляет о своем намерении заниматься изучением технологии ведения домашнего хозяйства в группе с девочками. Очевидно, за этим может последовать высмеивание сверстниками, только что пришедшими с урока светской этики, на котором учитель говорил, что готовить, шить и стирать – дело женское.

В целях исследования гендерных стереотипов при обучении мальчиков и девочек было проведено интервью с участием самарского учителя технологии. По словам педагога, значительная часть самарских школ (около половины) еще придерживается тактики половой сегрегации на уроках технологии, а учителя, родители и ученики выступают против объединения.

Из интервью:

– В некоторых школах после нескольких занятий по новой [объединенной] программе родители девочек пошли жаловаться. Они говорят: «... Учите

наших девочек шить, готовить – это им в жизни нужно, более востребовано для них».

Данное утверждение может свидетельствовать не только о том, что стереотипные представления о «мужском» и «женском» родах деятельности еще популярны в среде школьников и родителей, но и в несовершенстве программы технологии «для мальчиков», которую педагоги пытаются интегрировать в женский курс, при сохранении половой сегрегации на уроках *defacto*.

Дискриминация девочек в процессе обучения – явление, сопровождающее сферу технического, математического и естественнонаучного образования. В работе О. Б. Савинской и Т. А. Мхитарян внимание уделяется не только формальной стороне образовательного процесса [Савинская, Мхитарян, 2018, с. 34–48]. Авторы обращаются к понятию скрытого учебного плана, подчеркивая, что его сложно охарактеризовать однозначно, однако речь идет о совокупности неформальных отношений во время воспитательного и организационного процесса, когда стереотипы формируются косвенно, а не напрямую. В данном исследовании авторы обращаются и к проблеме профессионального выбора женщин (почему девушки-абитуриентки не отдают предпочтение STEM-дисциплинам), корни находят именно в системе ориентиров, установленных учителями в процессе получения девочками общего образования. Таким образом, выводы, к которым приходят авторы статьи, заключаются в том, что причиной незаинтересованности девочек точными и техническими науками является конструирование определенных ролевых моделей учителями («инженер-мужская профессия» и т.п.).

Аналогичной теме проблемы непопулярности STEM-дисциплин среди девушек посвящена статья Л. В. Штылевой, которая утверждает, что важную роль играют недостатки в гендерной политике государства, гендерные стереотипы на рынке труда и в образовании, методические просчеты в обучении школьников математическим и естественнонаучным дисциплинам в целом [Штылева, 2018, с. 49–66].

По результатам исследования Е.С. Замятиной, можно сделать вывод о сохранении достаточно устойчивой традиции отождествления профессий с женским или мужским полом, что подтверждается анализом количества женщин и мужчин-абитуриентов [Замятина, 2017, с.171]. «Маскулинизированные» профессии представлены практически только инженерными специальностями, одновременно с этим данные специальности находятся по большей части только в группе «мужских». Средний балл государственного экзамена, по которому аби-

туриенты поступают в вуз, у женщин часто выше. Однако лишь на немногих специальностях повышается доля женщин – они не полностью используют свои возможности.

Таким образом, система современного школьного образования в России включает в себя ряд противоречий по вопросу гендерного равенства. Феномен, который принято называть скрытым учебным планом, в существующем виде негативно влияет на установление равных образовательных условий для мальчиков и девочек. Гендерные стереотипы закрепляются в рабочих программах, методических рекомендациях, учебниках и т.д., что существенно ограничивает возможности самореализации женщин.

Библиографический список

Боголюбов Л.Н., Городецкая Н.И. Обществознание: 8 класс. М.: Просвещение, 2014, 2019. 255 с.

Гладкова О.Ю. Проектирование гендерно ориентированного урока // Педагогическое обозрение. – 2013. – №1–2 (131–132). С. 18–19.

Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. – 2010. – № 1. С.40.

Замятнина Е. С. Гендерные различия при выборе специальности в вузе в современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 163–176.

Калабихина И.Е., Григорьева Н.С., Луковицкая Е.Г., Давтян М.Д. Гендерные проблемы России по национальным публикациям 2004-2012 гг. М. 2012. 127 с.

Ключко О. И. Модели полоролевой социализации в российском образовании // Женщина в российском обществе. 2016. №1. С.80–91.

Моисеев Д. А. Нравственные основы семейной жизни. 10 класс: экспериментальное учебное пособие с мультимедийным приложением/ иерей Дмитрий Моисеев, монахиня Нина (Крыгина). Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской епархии; Ульяновск: ИнфоФонд, 2010. 209 с.

Савинская О. Б., Мхитарян Т. А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 34–48.

Смирнова А.В. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М., 2005. URL: <https://refdb.ru/look/2186144.html> (дата обращения: 11.04.2020).

Соловьев Я. С. Гендерный подход в учебниках по истории России для старших классов: опыт сравнительного изучения // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. № 1. С. 39–45.

Студеникин М.Т. Основы светской этики: 5 класс. М.: Русское слово, 2012. 160 с.

Тищенко А.Т., Синиц Н.В. Программа по технологии для 5-8 классов. М.: Вентана-Граф, 2015. 147 с.

Шемшурин А.А., Брунчукова Н.М., Демин Р.Н. Основы духовно-нравственной культуры народов России: Основы религиозных культур и светской этики: Светская этика: 4 класс (4-5 классы). М.: Дрофа, 2019. 176 с.

Штылева Л. В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 49–66.

Штылева Л. В. «Традиционные ценности» и цели гендерной социализации молодежи в изменяющемся российском обществе: проблема релевантности ориентиров // Социальная педагогика. 2015. № 4. С. 63–75.

Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕРСЭ, 2008. 316 с.

GENDER STEREOTYPES IN THE CONTENT OF SCHOOL EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gubanova Tatiana S.

Samara University,

1, Akademika Pavlova Str., Samara, 443068, Russia,

gubanova-ts09@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the study of the problem of gender in the system of modern Russian school education. The analysis of the Russian legislation in the field of education, some textbooks and work programs in various school subjects is carried out in order to identify stereotypes that hinder the establishment of gender equality. Special attention is paid to the teaching of humanitarian subjects, the problem of professional choice of girls. The essence of the concept of "hidden curriculum" is revealed.

Key words

Gender Studies, Gender in Education, Gender Stereotypes, Hidden Curriculum.

**ВОСПИТАННИК ХАРЬКОВСКОГО УКРАИНОФИЛЬСТВА:
Н. И. КОСТОМАРОВ**

Рачев Евгений Расимович
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
evgeny.rachev@gmail.com

Аннотация

Национальные воззрения украинофилов вызывают пристальный интерес у исследователей не только в России, но и за рубежом. Кейс лидера умеренного крыла украинофильского движения Н.И. Костомарова примечателен пограничностью национальных взглядов. В данной статье изучается ключевой период идейного становления мыслителя, который приходится на обучение в Императорском Харьковском университете. В атмосфере раннего романтического национализма украинофил формулирует основные исторические представления, с помощью которых конструирует уникальность малороссов. В работе продемонстрирована устойчивость исторических воззрений, усвоенных Н.И. Костомаровым в студенческой юности и используемых в последующих академических трудах.

Ключевые слова

Николай Иванович Костомаров, украинофильство, конструирование нации, романтизм, казачество, народный дух.

Николай Иванович Костомаров получил известность в академической среде в качестве воплощения двух ипостасей: основоположника народнического направления в российской исторической науке и активного деятеля эпохи украинского национального возрождения XIX в. В обоих случаях внимание исследователей приковывает период творческой зрелости мыслителя, берущий начало с момента образования Кирилло-Мефодиевского общества в 1846 г. Однако идейное становление историка приходится на более ранний период обучения в Императорском Харьковском университете, когда происходило формирование базисных исторических представлений Н. И. Костомарова, являющихся следствием влияния акторов региональной ветви украинофильского движения.

«Украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиян к своей народности, происшедшая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский, а известно, когда исчезает народность, всегда является в пользу ее агоническое движение» – таким образом историк формулировал

для себя актуальность нового идейного течения. [*Костомаров*, 1990, с. 298]. На исходе первой трети XIX в. украинофильство предстало в виде элитарного сообщества провинциальных исследователей народной культуры Малороссии, преимущественно состоявшего из предприимчивых преподавателей и увлекающихся студентов. При этом творческие поиски юных романтиков не ограничивались компиляцией фольклора и антикварным ремеслом, а возрастали до поэтических и академических произведений.

Подобным образом родилась попытка научного осмысления дихотомии северной и южной части Руси, а также природы самобытности южнорусской народности в диссертации Н.И. Костомарова «О причинах и характере Унии в Западной России». Как известно, работа не была допущена к защите из-за возражений церковных сановников, в частности архиепископа Иннокентия. [*Сухомлинов*, 1877]. Но возражения религиозного характера затмили еще одну важную составляющую запрещенного труда Н.И. Костомарова – изучение феномена национального и культурного перерождения Малороссии. Так, мыслитель полагал, что «бывают восстания народа, потерявшего не только права гражданские, но и человеческие; восстания в ту эпоху, когда всякое терпение исчезает, когда тирания не одного правительства, но целого народа над другим переходит границы, – такие восстания не кончаются примирением, но совершенным отделением, часто падением одного из народов» [*Костомаров*, 1841, с. 89]. Следовательно, освободительная война под предводительством Богдана Хмельницкого становилась мифом основания новой народности, а не дальнейший союз с великороссами, о чем свидетельствует одно из положений, выдвинутое на защиту: «Хмельницкий заключил Зборовский мир против народных требований, ему ложно приписывают освобождение своего отечества» [*Костомаров*, 1841, с. 109].

Интерес к истории Малороссии выражался в поэтических устремлениях харьковских студентов, объединявшихся в литературные сообщества. Начинающие поэты были охвачены идеей украинского литературного возрождения, поэтому главной целью украинофильских салонов являлось совершенствование владения малорусским наречием. «Когда я пробовал читать мои произведения знакомым малоруссам, бывшим своим товарищам, то встретил очень неодобрительные отзывы; одни смеялись над моим малознанием и указывали мне промахи...» – вспоминал Н.И. Костомаров. [*Костомаров*, 1922, с. 151–152]. Помимо исследуемого историка, романтическую плеяду молодых писателей составили Александр Корсун, Яков Щоголев, Порфирий Кореницкий и др. Дебюту в периодической печати украинофилы обязаны типографии Императорского Харьков-

ского университета, которая обеспечивала украинскими изданиями всю Слобожанщину. Тиражи харьковской печати превышали отметку в полтысячи экземпляров, а сочинения, воспевающие казачье прошлое, получали обратную связь от именитых критиков, в частности В.Г. Белинского и М.П. Погодина.

На страницах литературных сборников молодая поросль навязывала конкуренцию в борьбе за читателя признанным знатокам словесности, стоявшим у истоков зарождения многих украинских жанров. Преимущественно художественные произведения дебютантов сосредотачивались в сборниках «Сноп» и «Молодой месяц», в то время как в альманахах «Запорожская старина» и «Украинский сборник» публиковали сочинения профессоров университета и фольклорные материалы. Однако здесь не стоит искать глубинной конфронтации между поколениями, поскольку основным каналом распространения украинофильских идей оставались дискуссии в Императорском Харьковском университете, являвшиеся площадкой для обсуждения спорных исторических событий. Так, впоследствии выпускники вспоминали отличительную черту преподавания классика малороссийской сатиры П.П. Гулака-Артемовского, который «...каждую почти субботу имел с своими слушателями репетиции, которые имели также форму ученых собеседничеств, с тем только различием, что в них профессор предоставлял себе право входить с ними в спорные суждения» [*Халанский, Багалей*, 1908, с. 82]. Публичные прения, функционирование студенческих объединений и выпуск изданий должны находиться под присмотром факультетских собраний, согласно Университетскому Уставу, принятому в 1835 г. Законодательство Российской империи в данной области имело тенденции к ужесточению контроля над нравственным воспитанием молодых людей, поэтому развернувшаяся деятельность ревнителей украинской старины свидетельствует о положительном восприятии провинциального культурничества администрацией учебного учреждения.

Во время действия охранительных университетских уставов Харьковская высшая школа оказывается одним из центров рецепции идей классической немецкой философии. Диапазон воззрений местных преподавателей включал в себя принадлежность к взглядам Иммануила Канта, Иоганна Фихте, Фридриха Шеллинга и Георга Гегеля, поэтому современные исследователи выдвигают предположения о существовании самостоятельной Харьковской школы философии в первой половине XIX в. [*Куценко*, 2011, с. 117]. Восприятие традиций немецкого идеализма побуждает юных мыслителей к принципиально иной коннотации сущности народности, включающей в себя не только этнические при-

знаки и особенности быта народа, но и его сакральное предназначение. Например, в произведениях Н.И. Костомарова зачастую встречаются размышления о высвобождении «народного духа», лежащего в основании поступков людей.

Пристальное внимание писателей к феномену самости малороссов фиксирует важный этап развития регионального движения украинофильства, воплощающийся в зарождении ранней национальной идеи. Воспользовавшись типологией национализмов Мирослава Гроха, можно определить, что украинский кейс нациестроительства в 1840-х гг. соответствует фазе «А». Для нее характерен интерес к прошлому со стороны интеллектуальной элиты.

Узкий круг ученых Харькова осознавал потребность в изучении становления народности, не подкрепленную социальным запросом. По этой причине локальному интеллектуальному сообществу не удалось создать обзорный труд о генезисе украинского народа, который стал бы предметом общественного обсуждения. Своеобразным эквивалентом такой обобщающей книги, снискавшей славу в среде студентов, оказалась «История руссов» Георгия Конисского. Несмотря на то, что книга была опубликована только в 1846 г., она имела широкое хождение среди известных русских поэтов, в частности Кондратий Рылеев и Александр Пушкин ей вдохновлялись при написании некоторых произведений. [Ploky, 2012, p. 3]. Другим показателем слабости развития национальной мысли является отсутствие регулярных социальных практик, утверждающих определенный взгляд на историческое прошлое. Маргинальные собрания студентов 1840-х гг. сильно контрастируют с промыслом громад, развернувших свою работу в разных областях Российской империи в начальный период правления Александра II. Помимо прочего громады отличались от других просветительских организации направленностью на обучение малорусскому наречию с популяризацией народных одеяний.

Тем не менее, в творчестве харьковских украинофилов заметны важные пробы выразить национальные воззрения. Прежде всего, речь идет о первых попытках конструирования национального языка. Лидерство в данном направлении принадлежит профессору Императорского Харьковского университета Измаилу Срезневскому, который с 1838 по 1841 гг. выпускал «Литературный сборник», примечательный уникальным этимологическим разделом, объяснявшим происхождение и значение малоизвестных украинских слов. Источником подобных изобретений стали редкие работы малорусских философов, фольклорная культура и даже местная разговорная речь. «Коломитный – мутный <...> мара – призрак <...> пройдисвет – бродяга» – примеры переводов, встречающихся в конце выпусков. [Срез-

невський, 1838, с. 80, 81, 85]. Современные украинские слова «коломітний», «примара» и «пройдисвіт» во многом восходят от народной разговорной традиции. Стихосложение на малорусском наречии содержало в себе намеки на дальнейшую эмансипацию и становление украинского литературного языка, оптимального для ведения обучения будущих поколений. Знакомству поэтов с народным творчеством способствовало общение с носителями культуры. Н.И. Костомаров, наиболее проявлявший энтузиазм в этом вопросе, отправлялся в длительные этнографические экспедиции. Впоследствии артефакты песенной культуры, собранные в деревнях вблизи Харькова, послужили отправной точкой для написания легитимной диссертации историка, то есть утвержденной ученым советом.

Согласно определению известного британского социолога Бенедикта Андерсона нация – «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон, 2016, с. 47]. Если воспользоваться методологией нациестроительства применительно к опыту харьковских украинофилов, то можно обнаружить любопытный кейс конструирования самости малороссов, соответствующий этапу раннего романтического национализма. Это время экспериментов по «воображению» украинской народности в провинциальном печатном пространстве. В отличие от своих коллег Н.И. Костомаров не ограничивался художественными произведениями, а вел поиск исторических доказательств обоснования украинофильских теорий. В его работах осуществлялась легитимация возвеличенных образов казачества и простого народа на основании анализа большого комплекса исторических источников. Этот прецедент возникает не в Галиции, а в Слобожанщине, где сильны централистские устремления общественности. К научному наследию Н.И. Костомарова обращались М.П. Драгоманов и М.С. Грушевский, критиковали его за умеренные воззрения, но также пользовались историческим инструментарием в качестве способа «воображения» нации.

Судьба провинциальных ревнителей старины сложилась по-разному. Я. Щоголев, П. Кореницкий, Г. Квитка-Основьяненко прочно связали свою жизнь с г. Харьковом, в то время как Н.И. Костомаров выстроил яркую академическую карьеру в столице Российской империи. Национальные представления историка также выходили за рамки регионального идейного течения, поскольку содержали сильный компонент славянской взаимности, который в полной мере раскроется в трудах Кирилло-Мефодиевского общества. Однако время обучения

в Императорском Харьковском университете не стоит недооценивать, потому что с ним связано становление магистральных идей исторического дискурса Н.И. Костомарова, в том числе:

1. *Народоцентризм*. В условиях господствующей макроисторической парадигмы в центре внимания исторических штудий XIX в. оставались выдающиеся государственные деятели прошлого. Более того, в отечественной историографии набирает популярность направление «государственной школы», связанной с исследованиями К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Н.И. Костомаров делает шаг в сторону альтернативного подхода, предполагавшего изучение народов в качестве движущей силы исторического процесса, поэтому в его монографиях возникает дихотомия удельно-вечевого и единой державного начал в отечественной истории. Такое изменение акцентов объясняется незнатным происхождением ученого, симпатией к низшим сословиям – истинным носителям народной культуры и влиянием художественных произведений антикрепостнической ориентации украинского сатирика С.С. Гулака-Артемовского, например, басня «Пан да собака». В первой диссертации, извлеченной цензурными органами из печати, Н.И. Костомаров подчеркивал: «Не Хмельницкий был действующим лицом, а народ; не Хмельницкий воззвал народ к восстанию, а народная потребность вывела Хмельницкого из бездействия» [*Костомаров*, 1841, с. 98]. Не случайно, в определенный момент лидером украинского народничества становится В.Б. Антонович – ученик и последователь Н.И. Костомарова.

2. *Культ казачества*. Пилотные работы украинофильства основывались на усвоении романтиками фольклора Малороссии, наполненного героическими образами казаков. Эти образы в дальнейшем использовались Н.И. Костомаровым для возвеличивания казачества вплоть до мессианской роли в «Книге бытия украинского народа» – неотъемлемого элемента политической программы Кирилло-Мефодиевского общества. «И не любила Украина ни царя, ни господина, а скомпоновала себе казачество, есть то истинное братство, куда каждый, приставая, был братом других – будь он прежде господином, или невольником, только бы христианин, и были казаки между собой все равны, и старшины выбирались на совете и должны были служить всем по слову Христову, и всякой помпы барской и титула не было между казаками» – настаивал автор [*Костомаров*, 1924, с. 17]. На протяжении всей академической карьеры мыслитель еще не раз вернется к теме защиты веры, простого народа и справедливого управления на основе казацкой старшины. В свою очередь, резко негативную оценку получит правление Екатерины II, которое подвело черту под украинским самоуправлением.

3. *Этнопсихологизм*. На раннем этапе творчества историк увлекался философскими трактатами Г.С. Сковороды, вошедшими в историю украинской философской мысли как явление «кордоцентризма» – мировоззрения, для которого свойственно эмоциональное познание объективной действительности преимущественно благодаря духовному опыту, нежели логико-дискурсивному мышлению. Н.И. Костомаров заимствует из кордоцентрической традиции ключевой элемент «народного духа», определяющий его содержание, – национальный характер. Первые стихотворения, исторические драмы и баллады украинофила как раз были призваны раскрыть характер суеверных, пылких, глубоких, самоотверженных, спонтанных героев через множество аллегорий с природой. Нередко вымышленные персонажи погружались в исторический контекст и получали развитие на фоне поворотных событий в становлении малорусской народности. Например, трагедия «Переяславская ночь» повествует о взаимоотношениях разных людей в канун Переяславской Рады, проводятся аналогии с известным религиозным конфликтом католиков и гугенотов с одним разительным отличием. Имея за плечами многолетний опыт сражений с противником, украинские герои не поддались на провокацию хтонических персонажей, не стали отмечать белыми крестами дома поляков, а поступили благородно, поддавшись эмоциональному порыву [Корсунов, 1886, с. 55]. Впоследствии в начале 1860-х гг., когда происходит нарастание конфронтации в Западном крае, Н.И. Костомаров возвращается к публикационной деятельности в виде умеренной ретрансляции самости украинцев. На это время приходится наиболее известная абсолютизация этнопсихологического подхода в его фундаментальной статье «Две русские народности», когда историк конструирует рубеж между народностями с помощью следующего ряда антонимов: вольность – исполнительность, индивидуальное – коллективное, народное – государственное, эмоциональное – рациональное, сельское – городское. [Костомаров, 1861, с. 57].

Подводя итоги, следует отметить, что идейное становление Н.И. Костомарова проходило в аксиологическом пространстве провинциального романтизма, опиравшегося на местный фольклор. Харьковский опыт оказал решающее влияние на воззрения историка, способствуя формированию представлений об отличительных атрибутах малорусской народности. Усвоенные в студенческой юности исторические детерминанты первоначально относились исключительно к территории Малороссии, но со временем распространились на более обширные просторы, охватив и русинов Австро-Венгрии. Специфический способ «воображения» нации Н.И. Костомарова, базирующийся на артикуляции идеализированных образов казачества и простого народа, успешно адаптирован последующими

поколениями украинофилов. Отношение к творческому наследию Н.И. Костомарова со стороны современников и будущих исследователей прогнозируемо разнится вплоть до полярного восприятия, поскольку взгляды историка находились на пересечении правобережной и левобережной национальных традиций. А сочетание вышеуказанных идеологических концепций будет будоражить умы мыслителей еще долгое время.

Библиографический список

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалая. Харьков: Университетская типография, 1908. 400 с.

Корсунов А. Переяславская ночь: Трагедия написанная на южно-русском языке Н.И. Костомаровым // Северный вестник / пер. Александра Корсунова. 1886. № 1. С. 1–56.

Костомаров Н.И. Автобиография Н.И. Костомарова / под ред. В. Котельникова. М.: Задруга, 1922. 440 с.

Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С. 33–80.

Костомаров Н.И. О причинах и характере унии в Западной России. Харьков: Университетская типография, 1841. 119 с.

Куценко Н.А. Восприятие идей немецкой классической философии в университетских философских школах Харькова и Одессы в первой половине – середине XIX века // История философии. 2011. № 16. С. 108–122.

Нові зизнання М.І. Костомарова в III відділенні // Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. / АН УРСР. Археограф, комісія та ін.: упоряд. М.І. Бутич, І.І. Глизь, О.О. Франко; редкол.: П.С. Сохань. К.: Наукова, думка. Т. 1. 1990. 544 с.

Срезневський І.І. Український збірник: Перша книжка. Харків: Університетській друкарні. 1838. 88 с.

Plokhy S.M. The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. XVI. 386 pp.

STUDENT OF UKRAINPHILIA OF KHARKIV: N. I. KOSTOMAROV

Rachev Evgeny R.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
evgeny.rachev@gmail.com

Annotation

National ideas of ukrainophiles are the objects of a strong interest among scientists not only in Russia but also abroad. The case of N.I. Kostomarov, the leader of the moderate wing of ukrainophilia, is notable for adjacency of his national views. A crucial period of the ideological formation of a thinker during his studies at the University of Kharkiv is examined in this article. In conditions of early romantic nationalism, N.I. Kostomarov formulates main historical concepts, which are used to form the uniqueness of the little Russian people. This article also demonstrates the sustainability of historical views, learned by N.I. Kostomarov at university and which were used in his later academic works.

Key words

Nikolay Ivanovich Kostomarov, ukrainophilia, nation building, romanticism, the Cossacks, national spirit.

ПОНЯТИЕ «ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ» И ЕГО СИНОНИМЫ В ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX В. НА ПРИМЕРЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НОВГОРОДА К МОСКВЕ

Гилевич Никита Дмитриевич
Уральский федеральный университет,
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19,
gilevich.nikita@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает проблему изучения процесса централизации русского государства в XV–XVI вв. в отечественной историографии XIX в. В ходе исследования было выявлено, что в научном языке фактически не существовало устойчивой внешней формы, то есть одно и то же по содержанию понятие разные авторы могли в своих работах называть и собирание земель, и национальное объединение русского народа. Несмотря на данный фактор можно утверждать, что само понятие было успешно сформировано в лексиконе российской исторической науки, вариации же в форме рассматривались скорее, как синонимы, выбор которого зависел от личных предпочтений автора.

Ключевые слова

Историография XIX в., история русского Средневековья, Иван III, присоединение Новгорода, история понятий.

Раскрытие данной темы поможет в изучении проблемы централизации русского государства в XV–XVI вв. Исследование должно помочь ответить на вопрос: какой вклад в историографию проблемы внесли российские историки XIX в.

В качестве источников в данном исследовании рассматриваются научные публикации имперских историков, в которых рассматривается проблема централизации русского государства. Следует сразу оговориться, что в задачу авторов не входило дать исчерпывающее определение понятию, поэтому во многом их приходится реконструировать исходя из контекста.

Романтическая эпоха обычно связывается с гегельянством, с философией духа истории, как своеобразный переход между XVIII и XIX в. Этот переходный период содержит в себе многие уникальные черты, нашедшие свое отражение в историографических тенденциях восприятия проблемы присоединения Новгорода.

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» говорит о том, что, несмотря на все вольности, данные Ярославом, Новгород всегда был частью России и «без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на Естественном Праве», не мог войти в состав другого государства [*Карамзин*, 1892, с. 31]. Карамзин выработал концепцию применения Иваном III естественного права: «Иоанново правило соглашать вводимое им Единовластие с уставом естественной справедливости» [*Карамзин*, 1892, с. 141].

Историк и литератор Н.А. Полевой известен, в первую очередь, как автор «Истории русского народа», в которой он задался целью ниспровергнуть тот образ истории России, который даёт Карамзин. Образ, где главную роль играет государство и его воплощение – правитель. Полевой поставил перед собой цель показать движущую силу народа. И решая подобную задачу, Полевой не мог пройти мимо характеристики одного из главных героев истории Карамзина – Ивана III – и одного из ключевых событий его правления – присоединения Новгорода.

Полевой усматривает в противниках Москвы торговый люд и часть духовенства, аристократию же напротив считает союзником. Марфу Посадницу Полевой считает, скорее, не ярой республиканкой, а «богатой и умной купчихой». Чернь же новгородская была переменчива и легко управляема [*Полевой*, 1833, с. 459–460]. Отказ от акцента на противостоянии республики и монархии, вероятно, произошёл из-за того, что автору было необходимо показать, почему республика пала, в чем была её слабость, а именно – раскол элит и пассивность народных масс.

В силу того, что в XVIII в. и первой трети XIX в. были широко распространены исследования, ставившие на первое место роль личности Ивана III (Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой), последующие исследователи критически отнеслись к подобному подходу и старались предложить новые методы и концепции.

С.М. Соловьёв высказывает в своей магистерской диссертации ряд тезисов:

– старый новгородский быт не мог сосуществовать с новым Московским бытом;

– их столкновение было неизбежно и очевидно обеим сторонам;

При переходе в «латинство» новгородский народ лишился нравственной опоры. Иван хотел представить поход на Новгород как общерусское дело, как наказание за страшную измену. Окончательное покорение Новгорода Соловьёв связывает с возросшими амбициями Ивана III после брака с Софией Палеолог [*Соловьёв*, 1845, с. 83–91].

Иначе эти вопросы рассматриваются в «Истории России»: «Иоанн III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным ... Новгород, Тверь, ... ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтоб присоединиться, приравняться к ней» [*Соловьёв*, 1895, стб. 1349–1350].

По мнению Соловьёва, к присоединению Новгорода всё было готово уже при Василии II, но ему помешали смерть и увещевания архиепископа Ионы. И после смерти последнего его сына ничего не сдерживало бы даже если бы новгородцы вновь не попытались прибегнуть к помощи Литвы. Но тут союзником великого князя стала «старина», что позволило обосновать поход против Новгорода в 1471 г. Однако присоединение Новгорода осложнялось наличием в нём сильной литовской партии и для того, чтобы её окончательно подавить великому князю и потребовались поход 1478 г. [*Соловьёв*, 1895, стб. 1351–1354]

Н.И. Костомаров в публичной лекции 1861 г. «О значении Великого Новгорода в русской истории» обратился к проблеме падения Новгородской республики и сформулировал их следующим образом: «когда в народных понятиях всей остальной Руси единое государство стало нормальным порядком, Новгород со своими старыми началами должен был или отложиться от русского мира, или подчиниться добровольно новым требованиям» [*Костомаров*, 1863, с. 380–381]. Костомаров подчёркивает, что ситуация уже не могла оставаться прежней – анахронизм, несоответствие Новгорода складывающимся на Руси порядкам требовал решительных перемен. Присоединение Новгорода рассматривается историком, с одной стороны – как следствие объективного исторического процесса распространения самодержавного уклада, с другой стороны – как необходимая мера по сохранению Новгорода в рамках русского мира.

В своей работе «Севернорусские народоправства» Костомаров, уже не стеснённый рамками одной лекции, рассматривает присоединение Новгорода с более широким применением фактического материала. Интересно, что историк видоизменяет саму концепцию изложения событий. Если в лекции 1861 г. Костомаров представляет процесс как борьбу двух укладов, то в этом произведении борьба происходит между двумя народностями – московской и новгородской. Например, «В Москве воцарилась радость побеждающей народности; Москва гордилась торжеством своего великого князя, как своим собственным; Новгород поклонился не только лицу государя, но всей Москве; московская сила показала свой перевес над соперником» [*Костомаров*, 1994, с. 130]. Костомаров пришёл к выводу, что общности людей с настолько разными социальным бытовым и политическим устройством корректнее называть отдельными народностями, хотя

и в рамках одного народа. Однако, несмотря на общее происхождение и язык, эти народности могут отчаянно враждовать друг с другом. Они будут стремиться подавить соседа, подвести его под свой уклад. Это взаимоотношение народностей и составляет основу исторического процесса.

Г.Ф. Карпов в своей магистерской работе приводит ряд аргументов, делающих неизбежным присоединение Новгорода к Москве. Во-первых, устаревшее и закостеневшее общественное устройство, которое не позволяло быстро и грамотно реагировать на возникающие перед всем Новгородом проблемы [Карпов, 1867, с. 44–45]. Кроме того, в Новгороде был постоянный разлад между различными боярскими партиями и на момент присоединения он лишь усилился, чем предоставил удобную возможность великому князю. Во-вторых, государство не могло не покорить Новгородцев так же, как и казачество – из-за их разбойничьих набегов на русские земли.

В.О. Ключевский затрагивает тему присоединения Новгорода в своём знаменитом курсе лекций: «В Новгороде московская партия состояла преимущественно из простонародья с несколькими боярами, стоявшими во главе его; эта сторона ищет управы на своевольную новгородскую знать у московского великого князя... московское собрание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением» [Ключевский, 1904]. Ключевский считает, что именно в конце XV в. произошёл качественный переход России на новый уровень исторического развития, изменился сам характер её государства и этот переход спровоцировал ускоренное завершение процесса централизации русских земель.

С.Ф. Платонов считает, что централизация служила защитам интересов простонародья, уменьшала их зависимость от местных элит и способствовала установлению более социально справедливого общественного устройства. Так в случае с Новгородом историк утверждает, что за Москву выступало простонародье, за Литву – бояре. Внутренний раскол Новгорода чрезвычайно ослаблял его и делал его падение неизбежным. Платонов считает историю с неверным титулованием лишь поводом, которым воспользовался великий князь, когда решил, что он готов к полному подчинению Новгорода. Лучшие люди были выведены из Новгорода, их земли конфискованы. С исчезновением знати исчезла и новгородская вольность, но, по мнению Платонова, в этом не было никакой трагедии. Так как меньшие люди были избавлены от боярского гнёта и образовали крестьянские податные общины, то есть им не было причин жалеть о прежних новгородских временах [Платонов, 1917, с. 126–130].

Профессор Новороссийского университета А.С. Трачевский так сформулировал основную характеристику периода 1450–1650 гг.: «борьба с последними пережитками первобытной разрозненности». Так как эта борьба наполняла весь период, историк склонен называть его «смутным» [Трачевский, 1895, с. 239]. Трачевский образно характеризует состояние Новгорода накануне присоединения: «этот маститый представитель старого строя не мог существовать далее при той жгучей потребности русского народа в сплочении...» [Трачевский, 1895, с. 241–242].

Историк А.И. Боргман считает, что Иван III поднял политику собирания земель на количественно и качественно новый уровень. Он смог обеспечить свои действия не правом силы, но через защиту общенациональных интересов придать легитимности всем своим действиям. Так в случае с Новгородом он смог сначала выставить их вероотступниками, а затем использовал их челобитье для окончательного покорения [Боргман, 1912, с. 176–183].

М.Н. Покровский характеризует присоединение Новгорода следующим образом: «государственный переворот, произведенный в Новгороде Иваном III, был одним из наиболее ярких моментов «собирательной» политики [Покровский, 1899, с. 147]. Покровский считает, что присоединение Новгорода Иваном III было лишь вынужденной мерой в силу сложившихся и независящих от него обстоятельств. Если бы не объективное историческое развитие, то ни один представитель правящей династии не стал бы что-либо кардинально менять.

Профессор Д.И. Багалеи признаёт, централизация — это долговременная политика нескольких поколений московских князей по приведению под своё подчинение окрестных земель. Профессор Д.И. Багалеи признаёт, что заслуги Ивана III значительней, чем у его предшественников, но «лично ему принадлежит немного, он не предложил новых путей, а лишь шёл по дороге, проторенной его предками» [Багалеи, 1911]. То есть Иван III выступает не как великий творец истории, а как исполнитель, лишь доведший исходный замысел до конца.

В течение XIX в. получили развитие концепции, воспринимающие централизацию русского государства в качестве многофакторного растянутого на века процесса. Также в ходе исследования было выявлено, что в научном языке фактически не существовало устойчивой внешней формы, то есть одно и то же по содержанию понятие разные авторы могли в своих работах называть и собирание земель, и национальное объединение русского народа. Несмотря на данный фактор можно утверждать, что само понятие было успешно сформировано в лексиконе российской исторической науки, вариации же в форме рассматривались скорее, как синонимы, выбор которого зависел от личных предпочтений автора.

Библиографический список

Багалея Д.И. Русская история: Курс проф. Д.И. Багалея, сост. по его лекциям. Ч. 2 (Удельный и московский периоды) / под ред. В.А. Барвинского. Харьков: Изд. филол. отд. Об-ва взаимопомощи студентов Харьк. ун-та, 1911. VI, 402 с.

Боргман А.И. Русская история. Ч. 1: До Петра Великого. СПб.: Тов-во А.С. Суворина – Новое время, 1912. XII, 467 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Тип. В.Н. Греча, 1819. Т. 6. 542 с.

Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508. М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1867. 301 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб.: БМ, 1904. 1146 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3102/9767/> (дата обращения 27.05.2021).

Костомаров Н.И. О значении Великого Новгорода в русской истории // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863. Т. 1. С. 359–390.

Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельновечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли, 1994. Т. 1. 544с.

Платонов С.Ф. Учебник по русской истории для средней школы: курс систематический: в 2 ч. Пг.: Тип. Башмаков и Ко, 1917. 526 с.

Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен, М.: Мир, 1896–1899. Ч. 1. 272 с.

Полевой Н.А. История Русского народа. М.: Тип. Августа Семена, при Мед.-хирург. акад., 1833. Т. 5. 694 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. СПб.: Общественная польза. Кн. 1, Т.1–5. 1896. 879 с.

Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям: Историческое исследование. М.: Университетская типография, 1846. 174 с.

Трачевский А.С. Русская история: с указателем и хронологической таблицей. СПб.: б. и., 1895. 574 с.

**THE CONCEPT OF "CENTRALIZATION" AND ITS SYNONYMS
IN THE IMPERIAL HISTORIOGRAPHY OF THE XIX CENTURY:
ON THE EXAMPLE OF THE ANNEXATION
OF NOVGOROD TO MOSCOW**

Gilevich Nikita D.
Ural Federal University,
19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia,
gilevich.nikita@yandex.ru

Annotation

The author considers the problem of studying the process of centralization of the Russian state in the XV–XVI centuries in the Russian historiography of the XIX century. The study revealed that in the scientific language there was virtually no stable external form, that is, the same concept in content could be called by different authors in their works and the collection of lands, and the national association of the Russian people. Despite this factor, it can be argued that the concept itself was successfully formed in the lexicon of Russian historical science, while variations in the form were considered rather as synonyms, the choice of which depended on the personal preferences of the author.

Key words

Historiography of the XIX Century, History of the Russian Middle Ages, Ivan III, Annexation of Novgorod, History of Concepts.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 329.055.2

«С УЛЫБКОЙ НА ЛИЦЕ»: ОБРАЗ ФРАУКЕ ПЕТРИ КАК ЛИДЕРА НЕМЕЦКИХ ПРАВЫХ РАДИКАЛОВ

Бурмистрова Екатерина Сергеевна

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
burmi-k@yandex.ru

Аннотация

На современном этапе прослеживается тенденция, согласно которой количество успешных женщин-политиков, возглавляющих правые партии в Европе, увеличивается. На примере Фрауке Петри, стоявшей во главе партии «Альтернатива для Германии» с 2015 по 2017 год, предпринимается попытка ответить на вопрос о том, какой именно предстает женщина-лидер правых и как ее образ соотносится с идеальной женщиной для правых. Автор также ставит перед собой задачу охарактеризовать, как влияние женского лидерства отражается на партийной повестке, электорате и общем имидже партии. С опорой на партийную программу, политические плакаты, интервью с партийными лидерами, материалы СМИ и праворадикальных новостных порталов, автор воссоздает образ Ф.Петри как партийного лидера немецких правых и делает выводы о значении этого образа для имиджа партии.

Ключевые слова

Правый радикализм, гендер, традиционные ценности, «Альтернатива для Германии», Фрауке Петри.

Как для научного сообщества, так и для широкой публики не является секретом тот факт, что в последние годы Западная Европа переживает то, что принято называть «правым поворотом», термином, достаточно открыто описывающим свое содержание уже в своем названии. В рамках этой тенденции всё большую популярность набирают, казалось бы, представители консервативной идеи – ведь правые типично ассоциируются с закрытием границ, национализмом и поддержкой традиционных ценностей. Однако, в современном мире, воспевающим ценности либерализма и толерантности, все вынуждены играть по одним и тем же правилам, а потому правые превращаются в «новых правых».

Традиционно праворадикальные движения и партии рассматривались как исключительно мужская вотчина, отстаивающая интересы белых консервативно настроенных мужчин. Однако на современном этапе прослеживается тенденция, согласно которой количество успешных женщин-политиков, стоящих во главе видных правых популистских партий в Европе ставит под сомнение такой взгляд, а понимание праворадикальных партий как исключительно партий «мужчин-харизматиков» уходит в прошлое.

Важно также отметить, что праворадикальные партии часто характеризуются как партии харизматического типа, для которых очень важна именно личность человека, возглавляющего партию [Eatwell, 2002], поэтому можно предположить, что появление женщин в числе лидеров партий свидетельствует о том, что приоритеты правых организаций меняются.

В центре внимания исследования – партия «Альтернатива для Германии» – одна из самых молодых праворадикальных партий Европы. На ее примере явнее всего можно проследить, как меняется образ женщины-лидера, с которым партия стремится себя ассоциировать. Исходя из гипотезы, что первое лицо партии определяет то, как подается партийная политическая повестка, предлагается проследить, как изменилось позиционирование женщины-лидера «Альтернативы для Германии» на примере Фрауке Петри.

Она ощущается как глоток свежего воздуха с ароматом юности, а «когда она улыбается, уголки ее рта доходят до ушей, глаза озорно мерцают, подбородок приподнимается со сдержанным высокомерием». «Разве можно, взглянув на нее, не подумать об Одри Хэпберн в “Завтраке у Тиффани”?» [Elsässer, 2016]. Именно в подобных выражениях праворадикально настроенная пресса с чувственным восторгом описывала Фрауке Петри, на протяжении двух лет возглавлявшую одну из «самых опасных» по оценкам либеральной прессы партий Европы – «Альтернативу для Германии». Впрочем, подобных настроений не избегали и в редакции того же Spiegel, отмечая в своих интервью благожелательную и располагающую к себе улыбку Фрауке, а также ее простой, но в то же время элегантный стиль в одежде.

Фрауке Петри, стоявшая у истоков основания «Альтернативы для Германии», достаточно быстро закрепилась на ведущих позициях в партийной иерархии и политической жизни всей страны. Уже в 2015 году она не только возглавила немецких правых, но и стала второй самой обсуждаемой женщиной-политиком в стране.

Когда Петри начала строить свою партийную карьеру, основной сферой ее деятельности были проблемы иммиграции. Свен Петри, бывший муж Фрауке,

вспоминал, что предлагал ей заняться проблемами семейной политики, сфере гораздо более близкой для «молодой женщины с успешной карьерой и четырьмя детьми». Петри, однако, ответила, что иммиграционная проблема «важный вопрос, которым к тому же никто больше не хочет заниматься» [Frauke Petry's Turbulent Path..., 2017]. Впоследствии, именно Петри станет тем человеком, под лидерством которого «Альтернатива для Германии» станет ассоциироваться именно с антимигрантской политикой, о необходимости внедрения которой Петри говорила с самого начала. Требования закрытия границ, запрета на ношение хиджаба и строительства минаретов – вот те позиции, которые лежали в основе взглядов Петри и определявшие политическую повестку партии. Своим главным политическим методом Петри называла провокацию, как «вынужденный способ привлечения внимания для маленькой партии» [Petry'sAfD..., 2016]. Можно говорить, что Петри одновременно играет две роли: с одной стороны – она уверенный политический игрок, выступающий за жесткие ограничения в миграционной политике, с другой – идеальная женщина в праворадикальном представлении.

Чтобы понять, из каких элементов складывается образ идеальной женщины для немецких правых, следует обратиться к политической программе «Альтернативы для Германии». В программе заостряется внимание на том, что в современном мире «неправильно понятого феминизма» под угрозой оказывается не только семья как институт [Программа для Германии, 2017, с. 44]. Феминизм, в его современном понимании, по мнению правых, вреден и для женщин, так как он в первую очередь ценит женщин лишь как рабочую силу и обходит вниманием, даже дискриминирует женщин, не работающих, а занимающихся семьей и домашним хозяйством. «Альтернатива для Германии» берет на себя задачу по укреплению роли таких женщин в обществе и возвращению к идеалу традиционной семьи. Отмечая, что «центром нынешней семейной политики в Германии является женщина, занятая полный рабочий день», немецкие правые говорят о том, что это негативно сказывается на воспитании детей [Программа для Германии, 2017, с. 46]. Они призывают создать в обществе условия, как экономические, так и социальные, которые позволят существовать «реальной свободе выбора», когда родители или один из родителей будет принимать решение о том, хочет ли он заниматься исключительно воспитанием детей, или хочет совмещать это с работой. По проблеме аборт «Альтернатива для Германии» дает однозначный ответ: «приоритетной целью является защита нерожденной жизни». Заявляя о том, что равные возможности для мужчин и женщин гарантированы кон-

ституцией, они призывают отказаться от таких «неэффективных, несправедливых и способствующих ущемлению прав» проявлений гендерной идеологии как гендерный мейнстриминг, квоты и изменение языка, путем добавления в него гендерно-нейтральных слов. Таким образом, идеальная женщина для немецких правых – это замужняя мать нескольких детей, желательно никогда не делавшая аборт, работающая, но не в ущерб воспитанию своих детей, причем работу свою получившая благодаря равным возможностям, существующим в обществе, а не квотам.

Можно заключить, что Фрауке Петри таким критериям соответствует: дважды замужняя (первый муж протестантский пастор, второй – коллега по партии) мать пятерых детей, химик по образованию, успешный предприниматель и политический деятель.

В образ идеальной женщины немецких правых не вписывался, пожалуй, лишь развод и последующие отношения с коллегой по партии Маркусом Претцеллем. Однако на вопросы о том, насколько человек, придерживающийся менее традиционной модели семьи, чем та, за которую борется партия, может выступать защитником консервативных идеалов, Петри отмечала, что она вполне способна на это. «И хотя по личным причинам я не живу в рамках этой модели, я продолжаю ручаться за семьи и живу с детьми, иногда с четырьмя, а иногда с восемью» [The Immigration of Muslims..., 2016], заявила в интервью «Spiegel» Петри, говоря о четырех своих и четырех детях Претцелля от предыдущего брака.

В СМИ часто обращали внимание на то, насколько начало жизненного пути Фрауке Петри схоже с ранними годами Ангелы Меркель. Обе они родом из Восточной Германии, обе получили образование в области химии, а затем и докторские степени, обе построили успешную политическую карьеру. Однако сама Петри часто обращала внимание на ключевое, на ее взгляд, отличие между ней и канцлером Германии – материнство. В частности, в 2016 году Петри даже заявила о том, что неудачи в политике Меркель связаны с ее бездетностью: «у меня четверо детей, а у Ангелы Меркель нет ни одного. Благодаря детям становится необходимым заглянуть за пределы своего горизонта. А Меркель этого не делает» [AfD - Chefin Petry..., 2016].

«На протяжении всей моей карьеры у меня всегда были дети. У меня был маленький ребенок, когда я получала докторскую степень, у меня были маленькие дети, когда я создавала свою компанию» [Frauke Petry's Turbulent Path..., 2017]. Петри часто говорит о том, что материнство никак не мешает ее политической карьере, однако отмечает, что иногда становится сложно совмещать эти

две роли. «Быть женщиной в политике это не проблема, на самом деле так даже легче добиться успехов, потому что вы в меньшинстве. Проблема в том, чтобы строить свою политическую карьеру и при этом успевать видаться со своими детьми и заботиться о них» [Frauke Petry: the acceptable face..., 2016].

Тот факт, что партию возглавляла не просто женщина, но и многодетная мать, позволил «Альтернативе для Германии» сосредоточиться на консервативной семейной политике, апеллируя к образу Фрауке Петри как образцу идеальной немецкой женщины, находящей время на карьеру и на семью. Главный упор в отношении семейной политики периода лидерства Петри – проблема увеличения рождаемости. Для Петри семейная политика связана, прежде всего, с демографической политикой [Kemper, 2016, p. 44]. «Немецкая политика обязана обеспечить выживание своего собственного народа, своей собственной нации» [AfD: Petry will Volksentscheid..., 2014]. С такой позицией были связаны также попытки внести в программу партии положения, стимулирующие немецких женщин заводить как минимум трех детей. Дети признаются главной ценностью, а «Альтернатива для Германии» единственной партией в Германии, которая хочет сохранить эти ценности на благо нашего общества [Petry, 2017a]. В этом отношении Петри также обращает внимание на то, что является матерью, а потому более заинтересована в создании стабильного и процветающего будущего Германии: «мы выступаем за устойчивую политику, которая всегда учитывает интересы наших детей и внуков, а также будущих поколений в своих действиях ... там, где госпожа Меркель принимает решения в стиле “после нас хоть потоп”, Фрауке Петри, как многодетная мать, всем сердцем борется за будущее страны» [Petry, 2017b].

Образ Фрауке Петри как матери оказался важен и для праворадикальных СМИ. Так, на страницах журнала «Compact», неофициального печатного органа немецких правых, Юрген Элсассер, главный редактор журнала, отмечал, что Петри в гораздо большей степени заслуживает эпитет «Mutti», ассоциируемый с Меркель: «в отличие от “мутти”, у нее действительно есть дети, а именно четверо детей, и при этом она не потеряла свежести юности» [Elsässer, 2016].

«Внутри ее кабинет украшен детскими рисунками, снаружи – портретом Бисмарка. Она способна так завести толпу, что они, вероятно, подожгли бы ближайшую мечеть, если бы она сказала им это сделать» [Frauke Petry's Turbulent Path..., 2017]. Можно предположить, что именно для смягчения своего образа, Фрауке Петри активно привлекает свою семью и сосредотачивает внимание прессы и общественности на том, что она, прежде всего, является обычной женщиной и матерью. Начиная с того момента, когда еще в 2013 году на одном из

партийных мероприятий она пригласила на сцену своих мужа и детей, и заканчивая интервью для журналов светской хроники. Чем более агрессивной становилась риторика «Альтернативы для Германии», тем сильнее Петри работала над тем, чтобы предстать перед людьми обычной женщиной. Однако такая тактика имела свои недостатки. Так, в марте 2016 года вместе с Маркусом Претцеллем она дала интервью немецкому таблоиду «Bunte», рассказав о деталях своего совместного с детьми отпуска, прокомментировав излишне радикальные высказывания соратников по партии. Интервью сопровождалось фотографией, сделанной в доме Петри, на которой она и Претцелль сидят на полу и улыбаются прямо в камеру. Публикация вызвала шквал критики как со стороны либеральных СМИ, недовольных тем, что «политикам-популистам правого толка дали возможность предстать в подобном свете» [Dämonenhaft schön..., 2016], так и со стороны праворадикальных СМИ, отмечавших неуместность использования столь «нелепых и интимных фотографий» и недопустимость критики членов партии ее лидером на страницах подобного журнала [Welcher Teufel reitet..., 2016].

Апогеем вовлеченности семьи Петри в политику стала предвыборная кампания 2017 года, когда значительный ажиотаж был вызван тем, что на партийных плакатах с вопросом «А какая у вас причина бороться за Германию?» Фрауке Петри держала на руках своего новорожденного сына Фердинанда. Плакат был выполнен в крайне минималистичном стиле – на голубом фоне Фрауке Петри в светлой классической рубашке, из украшений на ней привлекало внимание разве что обручальное кольцо, аккуратно держала на руках ребенка, обращенного лицом к камере. Следует отметить, что использование детей в политических кампаниях крайне нетипично, а уж тем более из ряда вон выходящим предстает тот факт, что лицо ребенка на плакате ничем не закрыто. В прессе высказывалось мнение о том, что Петри сначала не решалась использовать своего ребенка в предвыборной кампании, однако она была вынуждена согласиться на этот шаг из-за внутрипартийной борьбы, разгоревшейся накануне выборов 2017 года. Помимо того, что образ Петри всё чаще стали критиковать уже праворадикальные новостные ресурсы, ее репутация пошатнулась после скандала с дачей ложных показаний, а партия отказывалась согласиться с более умеренным курсом, который был ею предложен. В конечном итоге она попыталась сделать ставку на свой классический образ матери и политика, однако ее решение вызвало шквал критики в адрес «Альтернативы для Германии» [Petrys Posterboy, 2017]. Сразу после успеха партии на выборах, Петри заявила о том, что приняла решение покинуть «Альтернативу для Германии».

Таким образом, можно говорить о том, что сформировавшись как традиционная правая радикальная партия, «Альтернатива для Германии» создала притягательный образ для смягчения своей консервативной повестки в лице Фрауке Петри. В мире, в котором принято считаться с феминистскими ценностями, партиям, пропагандирующим ценности традиционные, не остается ничего иного как взять на вооружение женские голоса. Олицетворением таких женских голосов и стала Фрауке Петри. Многодетная мать, с постоянной улыбкой на губах, находящая оправдания той жесткой политике, инициатором которой была она сама, на протяжении нескольких лет успешно поддерживала свой нежный и женственный образ. Однако, изначально сделав ставку на образ обычной женщины и матери в лице Фрауке Петри, «Альтернатива для Германии» столкнулась с проблемой того, что Петри стала сама слишком активно эксплуатировать этот образ в СМИ, иногда нанося репутационный ущерб другим представителям партии.

Библиографический список

Программа для Германии: программа АдГ. 2017. 104 с.

AfD: Petry will Volksentscheid über Abtreibung / Neue Osnabrücker Zeitung. 21 August 2014. URL: <https://www.noz.de/deutschland-welt/politik/artikel/500073/afd-petry-will-volksentscheid-uber-abtreibung> (дата обращения: 28.05.2021).

AfD-Chefin Petry hält Merkel Kinderlosigkeit vor / Stern. 14 September 2016. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/frauke-petry--afd-chefin-haelt-angela-merkel-kinderlosigkeit-vor-7056952.html> (дата обращения: 28.05.2021).

„Dämonenhaft schön“ – Frauke Petry-Interview sorgt für Unmut in der Bunte-Redaktion / Meedia. 24 März 2016. URL: <https://meedia.de/2016/03/24/daemonenhaft-schoen-frauke-petry-interview-sorgt-fuer-unmut-in-der-bunte-redaktion/> (дата обращения: 28.05.2021).

Eatwell R. The rebirth of right-wing charisma? The cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovskiy / Totalitarian Movements and Political Religions. №3. P. 1-23.

Elsässer J. Die bessere Kanzlerin – AfD vor dem Durchbruch / Compact. März 2016. URL: <https://www.yumpu.com/de/document/read/57010589/compact-magazin-03-2016> (дата обращения: 28.05.2021).

Frauke Petry: the acceptable face of Germany's new right? / The Guardian. 19 June 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/19/frauke-petry-acceptable-face-of-germany-new-right-interview> (дата обращения: 28.05.2021).

FraukePetry's Turbulent Path to the Right / Spiegel.13 April 2017. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/frauke-petry-a-1142901.html>(дата обращения: 28.05.2021).

Kemper A. Foundation of the Nation: How Political Parties and Movements are Radicalising Others in Favour of Conservative Family Values and against Tolerance, Diversity, and Progressive Gender Politics in Europe. Berlin, 2016.83 p.

Petry F. Bundestag beschließt Ehe für alle.30 Juni 2017.URL: <https://www.facebook.com/Dr.Frauke.Petry/posts/1523748471011128:0> (датаобращения: 28.05.2021).

Petry F. FraukePetry und ihr kleiner Sohn jetzt als Wahlplakat. 26 Juli 2017. URL: <https://www.facebook.com/Dr.Frauke.Petry/photos/a.782724038446912/1550590608326914>(дата обращения: 28.05.2021).

Petry'sAfD: Waking ghosts of the past? 23 March 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=anmDcVeuZwA> (дата обращения: 28.05.2021).

PetrysPosterboy / Spiegel. 21 July 2017. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/frauke-petry-wahlplakat-zeigt-afd-politikerin-mit-ihrem-baby-a-1159095.html> (датаобращения: 28.05.2021).

The Immigration of Muslims Will Change Our Culture / Spiegel. 30 March 2016. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/interview-with-frauke-petry-of-the-alternative-for-germany-a-1084493.html> (дата обращения: 28.05.2021).

WelcherTeufelreitetFraukePetry? / PINews. 26 März 2016. URL: <http://www.pi-news.net/2016/03/welcher-teufel-reitet-frauke-petry/> (дата обращения: 28.05.2021).

«SMILING FACE»: FRAUKE PETRY AS LEADER OF GERMAN RADICAL RIGHT

Burmistrova Ekaterina S.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
burmi-k@yandex.ru

Annotation

Nowadays there is a tendency that the number of successful women politicians leading radical right parties in Europe is increasing. On the example of FraukePetry, who was the leader of the Alternative for Germany from 2015 to 2017, the author is trying to answer the question of what exactly a woman leader of the radical right looks like and how her image correlates with the ideal woman for them. The author also characterizes how female leadership affects the party agenda, the electorate, and the overall image of the party. Based on the party program, political posters, interviews with party leaders, media materials and radical right portals, the author recreates the image of FraukePetry as the party leader of the German radical right and draws conclusions about the significance of this image for the image of the party.

Key words

Radical right, gender, traditional values, Alternative for Germany, FraukePetry.

ЖЕНЩИНЫ В МЕДИЦИНЕ АНТИЧНОСТИ: ОТ РЕЛИГИИ К НАУКЕ

Джуган Арина Васильевна
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614015, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская 24,
dzhugan44@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются образы женщин в медицине Античности. В первобытное время именно женщины накапливали медицинские знания, но в Античности их статус как врачевательниц начинает падать. Популярные образы врачей-мужчин, например, Асклепия и Гипократа, затмили успехи женщин, что создало неверное впечатление об отсутствии женского вклада в развитие медицины. Чтобы рассмотреть роль женщин в античной медицине, разделим ее на три аспекта: религиозный, практический и теоретический. В результате исследования выявлено, что, хотя вход в медицину для женщин был затруднен, существовали как образы богинь в мифологии (Гигея, Панакея), так и реальные исторические личности (Аспазия, Метродора), занимавшиеся теоретической и практической медициной.

Ключевые слова

Женщины, врачи, античная медицина, Гигея, Панакея, Агнодика, Аспазия, Метродора.

Болезни сопровождают человечество на протяжении всего его существования, поэтому попытки покорить природу и применить примитивные способы излечения появились очень давно. История говорит, что первыми, кто сознательно стал накапливать медицинский опыт, были женщины [Бородулин, 1961, с. 15]. Занимаясь собирательством, они постепенно узнавали свойства того или иного растения и могли оказать помощь больному. Но в дальнейшем авторитет женщины как врачевательницы начинает падать. Причины этому стоит искать в общественном строе того времени.

Античное общество делилось на две категории: свободные и рабы, но среди свободных по-настоящему полноценными членами общества могли считаться только мужчины, которые были гражданами полиса и главными в семье. То, что даже свободнорожденная женщина не имела гражданских прав, было в древнем обществе повсеместным явлением [Винничук, 1988, с. 149].

Хотя философы допускали возможность равенства между мужчиной и женщиной, так, об этом размышлял Платон в «Государстве»: «Одинаковые природные свойства встречаются у живых существ того и другого пола, и по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немогуще мужчины» [Платон, 2016, с. 198]. Но сохранился традиционный взгляд о главенстве мужчины как на уровне семьи, так и на уровне полиса. Женщина не была самостоятельной личностью: ее жизнью распоряжался сперва отец, а затем муж. Общество видело женщину как продолжательницу рода и домашнюю работницу. Такое мнение прочно закрепилось в сознании древних людей и нашло отражение в трудах мыслителей. Аристотель писал: «Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [Аристотель, 1983, с. 383]. Помимо личной и экономической зависимости имело место быть снисходительное, шутовское или даже агрессивное отношение к женщинам:

«Теперь я вижу, Еврипид – мудрейший из поэтов.

Ведь он про женщину сказал, что твари нет бесстыднее» [Аристофан, 2020, с. 222].

В этой же комедии иллюстрируется положение женщин:

«Сердце горечь жжет. Все из-за нашей горькой женской долюшки,

Из-за того, что у мужчин негодными слышем мы» [Аристофан, 2020, с. 222].

Таким образом, у женщин были ограничены пути для самореализации ввиду отсутствия у них базовых прав. Строгие ограничения и положение на уровне домашних рабынь препятствовали занятиям другими видами деятельности, отличных от домохозяйства и рождения детей, поэтому такая ситуация произошла и с медициной. Центральными персонажами в античной медицине были бог врачевания Асклепий, сын Аполлона, и Гиппократ, т.н. «отец медицины», покончивший с остатками религиозности. Досократики, Демокрит и Эмпедокл, учения которых вошли в медицинскую теорию; представители Книдской и Кротонской медицинских школ, Эфрифон и Алкмеон; врачи Александрийской школы, Герофил и Эразистрат; врачи I–II вв. н. э., Соран Эфесский и Гален – все были мужчинами.

Хотя в перечне известных персоналий нет женщин, это не значит, что их не было совсем. С одной стороны, женщины всегда играли пассивную роль больных: об этом подробно написано на сохранившихся эпидаврских табличках о чу-

десном исцелении и в «Гиппократовом сборнике». Однако их активное присутствие в виде популярных персонажей затмевалась достижениями мужчин в области практического и теоретического врачевания. Чтобы подробно рассмотреть женские образы, условно разделим античную медицину на три аспекта: религиозный, практический и научный. Религиозный аспект подразумевал веру в богов, практический – врачебную деятельность, а теоретический – написание трактатов. Такое разделение, с одной стороны, показывает основные ступени развития и тенденции развития в медицине Античности, отображая ее эволюционный характер, а, с другой, жестко их не разграничивает, поэтому неизбежны пересечения и взаимодействия одного с другим.

Религиозный характер медицины проявлялся в культе Асклепия и ведении врачебной деятельности жрецами в специальных храмах – асклепейонах, посвященных ему. Не сохранилось данных о том, что в храмах работали жрицы, однако существует легенда, что дочь Асклепия, Гигиея, ухаживала в храме за священными змеями. Помимо нее у Асклепия была еще одна дочь – Панакея (Панацея), другие женские образы дочери Огле, Иазо и многочисленные жены представлены крайне редко.

Панакея («всеисцеляющая») олицетворяла собой лекарственное лечение и последующее выздоровление – отсюда понятие «панацея». Гигиея прославилась разумными профилактическими советами и была почитаема как богиня здоровья: от ее имени произошло слово гигиена [Бородулин, 1961, с. 59]. Тем самым, ее мифологический образ вобрал в себя большой смысл, поэтому ее образ представлен намного шире: скульптура, графика, вазопись, монеты. Обычно богиня изображалась со змеей и чашей и сопровождала как самого Асклепия, являясь частью его сущности, так и Аполлона, Афины и др. Она была больше, чем просто помощницей Асклепия [Грибанов, 1990]. В отличие от других женских персонажей она имела собственный культ и своих почитателей.

Доказательством особого почитания Гигиеи и Панакеи служит их упоминание в начале знаменитой «Клятвы» Гиппократов: «Клянусь врачом Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панакеей...» [Гиппократ, 2019, с. 6] Этим самым Гиппократ проявил уважение к дочерям Асклепия и фактически приравнял богинь к богам, отметив, что клясться нужно всем одинаково. Таким образом, вместе с Асклепием особо почитались его дочери Панакея и Гигиея. Они составляли отдельные образы, были самостоятельными богинями, почитались наравне с Асклепием и уважались Гиппократом.

Но наряду с пышным расцветом храмовой медицины в храмах Асклепия продолжалось мирное развитие старой эмпирической медицины; наряду с жрецами, занимавшимися врачеванием, продолжало свое существование и возрастало в числе настоящее врачебное сословие [Мейер-Штейнег, 1925, с. 38]. Врачами могли стать только мужчины, женщины не имели права учиться медицине и практиковать ее. Но в их руках оставалось акушерство, греки считали приемлемым присутствие повивальной бабки или просто опытной в таких делах женщины. Врачи не просто игнорировали роды – закон и обычай прямо запрещали им выступать в роли акушерок [Хаггард, 2012, с. 43]. Из-за недостатка знаний и игнорирования женского организма как объекта исследования античных врачей, роды с повитухой могли заканчиваться неблагополучно как для матери, так и для ребенка. Только в I в. н. э. Соран Эфесский начал практиковать акушерство и написал трактат «О женских болезнях», впервые сформулировав требования для акушерки: «Пригодной же для этого дела может считаться женщина образованная, сообразительная, обладающая хорошей памятью, трудолюбивая, скромная, с хорошо вообще развитыми внешними чувствами, деятельная, с крепким здоровьем; некоторые еще прибавляют, что она должна также иметь длинные и гибкие пальцы на руках с хорошо обрезанными на концах их ногтями» [Соран, 1898, с. 1].

Первой женщиной, которой удалось выйти за пределы акушерства, стать врачом, подобно мужчине, и проложить этот путь для женщин, была Агнодика. Примерно в IV в. до н. э. она нарушила запрет заниматься медициной женщинам: остригла волосы, надела мужскую одежду, притворилась мужчиной, и только таким образом смогла попасть на учебу к врачу Герофилу. Обман раскрылся тогда, когда она оказала помощь роженице. Дело в том, что женщины могли рожать только у акушерки, строго исключая врачей и храмовую медицину. Религиозный ритуал исключал из священных мест как в Эпидавре, так и в других асклепейонах все нечистое, в частности, связанное с рождением и смертью [Сорокина, 2008, с. 121]. Агнодику это не остановило, и она, подняв тунику и показав роженице, что на самом деле является женщиной, приняла роды. Слух о врачевательнице быстро распространился, и вскоре ей пришлось предстать перед судом. Но суд вынес оправдательное решение, разрешив заниматься медициной не только ей, но и всем свободным женщинам.

До сих пор исследователи не пришли к единому мнению по двум вопросам. Достоверно неизвестно, кем была Агнодика – историческим или легендарным персонажем и насколько медицинская практика была распространенным явлением среди женщин. Как правило, в работах по истории медицины, написанных XIX–XX вв., указывают, что Агнодика была единственной женщиной-врачом в

Античности, но новые исследования зарубежных авторов говорят об обратном. Так, Моника Грин считает, что в Афинах было много женщин-врачей, потому что врачебная деятельность считалась очень уважаемой [Green, 2008, p. 112]. Занятие врачеванием среди женского пола не было чем-то удивительным, а история сохранила множество имен известных женщин, практиковавших медицину и внесших вклад в ее развитие.

Известной врачевательницей I–II вв. н. э. была Аспазия. Главным образом она специализировалась на гинекологии. Будучи современницей вышеупомянутого Сорана, она уделяла больше внимания и уходу за пациентом, чем он [Sharon, 2012, p. 123]. Деятельность Аспазии охватывала широкий спектр методов лечения гинекологических заболеваний, включая хирургическое вмешательство и аборт. Таким образом, врачевательница представляла новое направление в медицине – гинекологическую хирургию. Врачом позднего периода Античности была Фабиола. Она организовала госпиталь и лечила отверженных (нищих, калек, голодных), кто страдал «ненавистными болезнями» [Ogilvie, 1986, p. 83]. За свои заслуги она причислена к лику святых, и 27 декабря считается днем ее памяти.

В монографии «A Companion to Women in the Ancient World» значительно расширяется список женщин-врачей: упоминается, что врачеванием занимались Фенострата (ок. 350 г. до н. э. из Ахарне в Аттике), которую называют на ее надгробии «акушерка и врач», тем самым обозначая различие между двумя ролями [Sharon, 2012, p. 122]; Антиохида из Тлоса (ок. 95-55 до н. э.), награжденная статуей «за опыт работы в области врача» [Sharon, 2012, p. 123]; и римлянки Невия и Реститута. Другие исследователи выделяют иных малоизвестных женщин-врачей, таких как Элефантис (I в. до н. э.), Олимпис (I в. до н. э.), Салпе (I в. до н. э.), Сотира (I в. до н. э.).

Итак, даже при формальном запрете заниматься медициной женщины все равно практиковали ее. Агнодика остается символом вхождения женщины на этот путь. Ее успех свидетельствует о том, что в сознании древних людей женщины были способны к обучению и врачеванию наравне с мужчинами. Вполне вероятно, что женщины так и продолжали традицию быть акушерками, но они уже признавались не необразованными повитухами, а врачами – служителями медицины, «поистине самого благородного из всех искусств» [Гиппократ, 2019, с. 7].

Другой стороной женского присутствия в медицине было их занятие теорией и написание трактатов. Хотя центральным медицинским трудом в Античности был «Гиппократов сборник», он не мог охватить весь спектр болезней, потому что, как уже говорилось ранее, женский организм был недостаточно изучен

из-за запрета занятия акушерством мужчинам-врачам. Продолжая методологическую традицию данного сборника и Косской школы в целом, в II – I вв. до н. э. Метродора, которую нередко называют единственной женщиной-врачом античной медицины наравне с Агнодикой, написала трактат «О болезнях и излечениях женщин», который охватывал всю гинекологию, исключая акушерство. В клинической практике Метродора использовала гинекологические инструменты, предоставляя подробное описание патологии, основанных на его применении [Sharon, 2012, p. 123]. Ее работа, состоявшая из 63 глав, повлияла на развитие медицинского понимания теории и этиологии, где женщина была главным объектом исследования.

Однако античная медицина славилась не только практической, но и этической стороной врачевания, впервые сформулированной Гиппократом. Женскую же мораль упоминает Феано, жена Пифагора. О ней мы узнаем от Диогена Лаэртского, который писал про Феано: «Она же, говорят, на вопрос «На который день очищается женщина после мужчины?» сказала: «После своего мужа – тотчас, а после чужого – никогда» [Лаэртский, 2020, с. 434]. Отсюда следует, что женщины оставили мало теоретических трудов, а те, которые были, дополняли имеющиеся знания о женщине.

Таким образом, медицина в Античности славилась не только мужчинами, но и женщинами. Их образ часто затмевался успехами мужчин-врачей, что составляло впечатление о том, что женщины вообще не занимались медициной. Однако работа женщин-врачей были неотъемлемой частью повседневной жизни как в Греции, так и в Римской империи [Сорокина, 2008, с. 134]. Несмотря на затрудненный вход в профессию, женщины были представлены в религии в образе особо почитаемых богинь Гигиен и Панакеи, в практической и теоретической деятельности женщин-врачей. Но даже не являясь профессиональными врачами, женщины передавали друг другу опыт народной медицины, акушерства и базовых медицинских манипуляций. Врачевательницы повлияли не только на развитие европейской медицины и внесли в нее свой уникальный вклад, прежде всего, в изучение и дополнении знаний в области гинекологии, но и предвосхищали появление женщин-врачей как в ближайшем по хронологии раннем Средневековье (например, в XI в. известны ТротулаСалернская и ХильдегардаБингенская), так и в наше время, где трудно представить здравоохранение без присутствия в нем женщин.

Библиографический список

Античная комедия / Аристофан, Менандр, Плавт, Теренций [сборник; пер. с древнегреческого]. М.: АСТ, 2020. 608 с.

Аристотель. Сочинения: В4-х т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. М.: Государственное издательство медицинской литературы Медгиз, 1961. 262 с.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима/ пер. с польск. В. К. Ронина. М.: Высш. шк., 1988. 496 с.

Гиппократ. Этика и общая медицина/пер. с др.-греч. В.И. Руднева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 288 с.

Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. М.: Медицина, 1990. 208 с.

Хаггард Г. От знахаря до врача. История науки врачевания / пер. с англ. А.Н. Анваер. Издательство: Центрполиграф, 2012. 709 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / перевод М. Гаспарова. М.: АСТ, 2020. 800 с.

Из соч. Сорана Эфесского «О женских болезнях» / пер. С.Д. Янпольского. СПб.: С.-Петербург. губ. тип., 1898. 12 с.

Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. М.: Госиздат, 1925. 462 с.

Платон. Государство. М.: АСТ, 2016. 448 с.

Сорокина Т.С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 560 с.

Furst L. R. Women Healers and Physicians: Climbing a Long Hill. Lexington: University Press of Kentucky, 1999. 272 p.

James S. L.; Sheila D. A Companion to Women in the Ancient World. New Jersey: John Wiley and Sons, 2012. 650 p.

Green M. H. Making women's medicine masculine: the rise of male authority in pre-modern gynaecology. London: Oxford University Press, 2008. 409 p.

Ogilvie M. B. Women in Science: antiquity through the 19th century. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1986. 254 p.

WOMEN IN ANTIQUE MEDICINE: FROM RELIGION TO SCIENCE

Dzhugan Arina V.

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614015, Russia,
dzhugan44@gmail.com

Annotation

The article examines the images of women in the medicine of Antiquity. In primitive times women accumulated medical knowledge, but in Antiquity their status as a healer begins to decline. Popular images of men, such as Asclepius and Hippocrates, often overshadowed the success of women, which gave the wrong impression of their lack of contribution to the development of medicine. To consider the role of women in ancient medicine, we divide it into three aspects: religious, practical and theoretical. As a result of the study, it was revealed that, although it was difficult for women to enter medicine, there were both images of goddesses in mythology (Hygieia, Panakeya) and real historical figures (Aspasia, Metrodora) who were engaged in theoretical and practical medicine.

Key words

Women, Doctors, Ancient Medicine, Hygieia, Panakeya, Agnodice, Aspasia, Metrodora.

СОДЕРЖАНИЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЕНРИХА ДАНДАСА И ШОТЛАНДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ К 1788 ГОДУ

Мухин Максим Андреевич

Южный федеральный университет,
344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33,
muhinka.4@mail.ru

Аннотация

Исследование осуществляется с опорой на источник: «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей округов в 1788 году». Выявляется содержание власти Генриха Дандаса над небольшой политической элитой. Раскрывается, что в основе функционирования властной системы лежал контроль политика над распределением различных благ и в первую очередь должностей. Отмечается, что в своей основе власть Генриха Дандаса являлась результатом личных сделок. Обращается внимание на фактор «дружбы» как важный элемент властных отношений. Генрих Дандас скорее лидер системы союзов, чем самовластный правитель, так как в основе контроля над политической элитой Шотландии лежали не институты, а неформальные формы отношений. Делается вывод о том, что форма власти Генриха Дандаса не являлась абсолютной.

Ключевые слова

Шотландия, Генрих Дандас, шотландский управляющий, Палата общин, система управления Шотландией.

«Мистер Генрих Дандас (иногда называемый Генрихом IX)» [Boswell, 1785] – государственный деятель, занимавший главенствующие позиции в Шотландии в последние десятилетия XVIII и в первые годы XIX в. Исследователи традиционно высоко оценивают значение «шотландского управляющего» в политической системе. В частности, историк Джеймс Ловат-Фрейзер в начале XX века писал, что в Шотландии Генрих Дандас был «единственным источником власти» [Lovat-Fraser, 1916, p. 42]. Современный исследователь Майкл Фрай высказывает мнение о существовании «деспотизма Дандаса» в Шотландии [Fry, 1992].

Однако, как отметил Холден Фербер даже в 1796 году, на пике политического влияния, «шотландский управляющий» не смог обеспечить абсолютно лояльное представительство в парламенте от северной окраины Великобритании.

Из 45 депутатов от Шотландии в Палате общин 9 – не были подчинены Дандасу [Furber, 1931, p. 309].

Выскажем сомнение в абсолютном контроле Генриха Дандаса над политической системой, существовавшей в Шотландии, и попытаемся выявить содержание власти этого государственного деятеля над политической элитой, опираясь на источник: «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей округов в 1788 году» [View of the political..., 1887].

Источник содержит в основном краткую характеристику избирателей, которым предстоит выбрать 30 представителей в Палату Общин Великобритании. Для отчета достаточна характерна следующая запись: «Джон Кристи из Барбертона. Старик. Умирающий. Сколотил состояние благодаря выигрышному билету. Никакой семьи. Независим, но имеет небольшое поместье. Племянник, сын доктора Кристи, Инверэск – наследник. Еще один племянник, мистер Эварт, работает в офисе сэра Джеймса Эрскина» [View of the political..., 1887, p. 111].

Генрих Дандас упоминается в отчете около двухсот раз, обычно в контексте отношений с избирателями. К примеру, «Роберт Блэр, адвокат. Очень известный адвокат. Многие связывает с мистером Дандасом. Человекчестноиспособный» [View of the political..., 1887, p. 114]. Обращение к источнику позволяет проанализировать взаимоотношения «шотландского управляющего» с небольшой относительно Англии политической элитой. Если в Шотландии в 1788 году имелось лишь 2662 жителей, имеющих право голоса на выборах в Палату общин, то в Англии в одном только Лондоне было 12 000 избирателей по оценке Уильяма Лоу Мэтьюсона [Mathieson, 1910, p.16].

Ключевое место в контроле Генриха Дандаса над политической элитой занимает фактор «дружбы», под которым понимаем акцентирование авторами источника внимания на личных связях при описании существовавших отношений между политическими акторами в преддверии выборов в Палату общин. Источник «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей округов в 1788 году» содержит следующие записи: «Айзек Грант... В дружбе с мистером Дандасом и его племянником... Стремится получить должность клерка Сессии. Независимый человек» [View of the political ..., 1887, p. 117]; «Доктор Джозеф Маккормик. Возглавляет Сент-Эндрюс. Получил свою должность от Дандаса» [View of the political ..., 1887, p. 140]; «Сэр Арчибальд Хоуп. Баронет. Связанс Дандасом» [View of the political..., 1887, p. 215];

«Сэр Арчибальд Хоупиз Пинки. Друг мистера Дандаса. Много занимается угольными работами. Семья. Его зять однажды входил в кабинет мистера Дандаса» [View of the political..., 1887, p. 115].

Приведенные отрывки типичны для источника в том, что ни в одном из случаев, приведенных в отчете, Генрих Дандас не рассматривается как «абсолютный авторитет». Шотландский политик выступает хоть и как более влиятельный контрагент в возникающих властных отношениях, но, при этом, его фигура вовсе не обладает сакральным характером. Примечательны следующие записи: «Полковник Александр Дункан из Ланди. Близко связан с мистером Дандасом, казначеем военно-морского флота, но выступит с мистером Холдейном в этом графство, но спросите, не отказался ли он от своих обязательств» [View of the political..., 1887, p. 150]; «Генрих Глассфорд из Дугалстона. Очень независимое состояние. Холостяк. Деятельный, здравомыслящий человек, склонный к оппозиции, хотя и связанный с мистером Дандасом через своего брата Джеймса, мать которого приходилась мистеру Дандасу двоюродной сестрой» [View of the political..., 1887, p. 338]. Как видим, даже политические фигуры, имеющие отчетливую связь с Генрихом Дандасом, могли выступить против «шотландского управляющего».

По всей видимости, контакты между политическими акторами во многом строились на основе личных пристрастий. Проиллюстрируем: «Джон Бортвик из Крукстона. Странный человек. Может создать два или три голоса. Довольно хорошее поместье. Склонен противостоять мистеру Дандасу. Не в хороших отношениях с сэром Джоном Далримплом. Никто не знает, как поступит» [View of the political..., 1887, p. 110].

Необходимо подчеркнуть, что властное доминирование Генриха Дандаса над шотландской политической элитой не было институционализировано в какой-либо форме и не имело официально установленный характер, так как после объединения Англии и Шотландии в 1707 году Актом об унии была создана единая властная система (король, кабинет министров, парламент). И во многом в связи с этим существование оппозиции, выступавшей против Генриха Дандаса, являлось абсолютной нормой, не производящей впечатление на авторов источника: «Сэр Филипп Эйнсли. Независимый человек. Женился на сестре лорда Грея. Вдовец. Семья. Традиционно выступал против Дандаса» [View of the political..., 1887, p. 136]; «Джеймс Моррисон... Связан с мистером Дандасом, но отдаст свой голос за отца мистера Баркляя» [View of the political..., 1887, p. 125]. Отчет содержит примечательную запись касательно влияния Генриха Дандаса в

округе Мидлотиан: «Имеет большое личное влияние в этом графстве, но многие не являются его друзьями» [View of the political..., 1887, p. 110].

Но почему с учетом упомянутых обстоятельств Генрих Дандасудерживал главенствующие позиции в Шотландии и был центральным элементом, существовавшей системы управления?

Исследователи, в числе которых Александр Мердок [Murdoch, 1980, p. 4] и Уильям ЛоуМэтьюсон [Mathieson, 1910, p. 22], сходятся, что центральные институты управления не имели устойчивого интереса к северной окраине государства. И даже первый шотландец, занимавший должность премьер-министра Великобритании, Джон Стюарт Бьют, практически не участвовал в реализации властных отношений в регионе. Александр Мердок пишет: «Шотландия была лишь касающимся моментом, отвлекающим фактором и даже просто беспокойством» [Murdoch, 1980, p.100]. Однако центральная власть Великобритании была не заинтересована в повторении восстания 1745 года, когда шотландские войска выиграли несколько битв и взволновали королевские дворы Европы «исключительным продвижением» (по оценке исследователя Стюарта Росса) [Ross, 1990, p. 174]. Также каждый из кабинетов министров Великобритании был заинтересован в лояльности к правительству шотландских представителей в парламенте. Исходя из вышесказанного, центральные институты управления передавали выбранному шотландскому политическому деятелю, в данном случае Генриху Дандасу, властный ресурс для контроля над местной элитой с целью «успокоения» северной окраины государства. В таком случае возникает вопрос: предоставление какого властного ресурса позволяло политической фигуре контролировать Шотландию?

Лояльность шотландской политической элиты к Генриху Дандасу была вызвана, тем что он реализовывал распределение благ, и в первую очередь должностей, через систему патронажа. Практически каждое взаимодействие «шотландского управляющего» с избирателями в источнике связано с предоставлением услуги. «Роберт Синклер. Эсквайр. Адвокат. Дядя сэра Роберта Синклера. Дандас сделал его секретарем Сессии. Выступитсним» [View of the political..., 1887, p. 165]; «Чарльз Гордон... Назначен секретарем Сессии Герцогами Дандасом» [View of the political..., 1887, p. 174]; «ЧарльзХоуп. Способный юрист. Внук Чарльза Хоупа... Получил должность судьи-адвоката от Дандаса. В его отсутствие полковник Генри Хоуп имеет право голоса» [View of the political..., 1887, p. 232]. Имеет важное значение, что Генрих Дандас имел возможность распоряжаться рядом вакансий и за пределами Шотландии: «Джордж Дандас... Капитан

торгового судна Ост-индийской компании благодаря поддержке мистера Дандаса» [View of the political..., 1887, p. 228].

Итак, анализ источника «Взгляд на политическое состояние Шотландии...» [View of the political..., 1887] позволяет утверждать, что власть Генриха Дандаса не являлась абсолютной. В своей основе контроль «шотландского управляющего» над политической системой в Шотландии был результатом множества заключенных личных сделок. Генрих Дандас выступает скорее как лидер системы союзов, чем самовластный правитель, так как в основе контроля над политической элитой Шотландии лежали не институты, а неформальные отношения, выстроенные за счет того, что центральной властью политику была предоставлена возможность распределять блага через систему патронажа.

Библиографический список

Boswell J. A letter to the people of Scotland, on the alarming attempt to infringe the articles of the Union, and introduce a most pernicious innovation, by diminishing the number of the Lords of Session. URL: <https://ota.bodleian.ox.ac.uk/repository/xmlui/bitstream/handle/20.500.12024/K019966.000/K019966.000.html?sequence=5&isAllowed=y> (дата обращения: 11.04.2021).

Fry M. The Dundas Despotism. Edinburgh, 1992. 425 p.

Furber H. Henry Dundas, First Viscount Melville, 1741–1811, Political Manager of Scotland, Statesman, Administrator of British India. London: Oxford University Press, 1931. 331 p.

Lovat-Fraser J. A. Henry Dundas, Viscount Melville. Cambridge, 1916. 146 p.

Mathieson W. L. The awakening of Scotland, a history from 1747 to 1797. Glasgow, 1910. 303 p.

Murdoch A. The people above: politics and administration in mid-eighteenth-century Scotland. Edinburgh, 1980. 199 p.

Ross S. MonarchsofScotland. Moffat, 1990. 192 p.

View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788 / A. Elphinstone (ed.). Edinburgh: David Douglas, 1887. 360 p.

THE CONTENT OF THE POWER RELATIONS BETWEEN HENRY DUNDAS AND THE SCOTTISH POLITICAL ELITE BY 1788

Mukhin Maksim A.
Southern Federal University,
33, BolshayaSadovaya Str., Rostov-on-Don, 344082, Russia,
muhinka.4@mail.ru

Annotation

The research is conducted based on the source: “View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788”. The paper identifies the content of Henry Dundas’s power over a small establishment, analyses the forms of the relations between the “manager of Scotland” and the political elite. The study also reveals that the control of the politician over the distribution of different boons, particularly offices, was the foundation for the system of power to operate on. The authors point out that Henry Dundas’s power was the result of personal deals. The researchers also draw attention to the fact that “friendship” was an important part of the relations of power. Henry Dundas was a leader of an alliance system rather than a sovereign ruler since it were not institutions but informal relations that formed the basis of his power. The authors conclude that Henry Dundas’s power was not total.

Key words

Scotland, Henry Dundas, Manager of Scotland, the House of Commons.

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Снигирев Сергей Алексеевич,
Ренев Даниил Алексеевич
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
sergey199719@mail.ru
ren.dan@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены коммеморативные практики, проводимые на территории Великобритании в межвоенный период. Под данным видом практики понимается установка и открытие памятников по всей территории страны. Коммеморативные действия зафиксированы при помощи газетных заметок и статей, которые дают уникальный материал для восстановления памяти. Исследование проведено при помощи средств ГИС, результатом использования которых стало создание карты с местами памяти и их маркировка по разновидностям. Для анализа полученных данных применена методология «мест памяти», разработанная Пьером Нора, а также привлечены концептуализирующие взгляды на кристаллизованную память Александра Эткинда. Исследование имеет также и практический характер, так как его результатом стала ГИС-карта мест памяти, созданных в межвоенный период на территории Великобритании.

Ключевые слова

История Великобритании, межвоенный период, memory studies, карта ГИС, мемориалы.

Создание памятников и мемориалов, отражающих события о Первой мировой войне, являлось ничем иным как одной из форм её коммеморации. Открытия данных объектов обычно, но не всегда, фиксировались в газетах, оставляя память о коммеморативных действиях. Читая эти заметки в местной прессе можно заметить, что их открытия в первые годы после Первой мировой войны фиксировались постоянно. Упоминания имели весьма вариативный характер, начиная от небольшой заметки в десять слов, и заканчивая полосами, подробно рассказывающие об открытии мемориала. Удивляет и их количество, в каждом небольшом городке имелось несколько мемориалов, посвящённых событиям и погибшим во время недавно прошедшей войны. Память об этих событиях засты-

вала в камне, кристаллизуя и сосредотачивая её в одном месте. Но возникает вопрос: какой смысл вкладывался в повсеместную кристаллизацию памяти в локальных местах Великобритании о Первой мировой войне?

Что же подразумевается под термином «кристаллизация памяти»? Для понимания этого определения, мы обратимся к концепции «мест памяти» Пьера Нора, в которой он отмечает, что «места памяти есть останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но одновременно и нуждающейся в нём» [Нора, 1999]. Исходя из данного рассуждения, под кристаллизацией понимается место сосредоточение памяти, которое не может быть воплощено без акторов события, с которым были связаны определённые воспоминания. К данным памятникам при этом проявляются почтения, преисполненные «ледяной патетики», под которыми воспринимаются действия и правила, установленные обществом в отношении сакрализации тех или иных событий, и им же нарушаемые [Нора, 1999]. Места памяти и ритуалы могут быть также включены в институционализацию государственной концепции памяти, как инструмент и часть внутренней структуры [Эткинд, 2018]. Тем самым сохранившиеся «памятники» могут демонстрировать преемственность политической традиции, идущей от основателей национального государства.

Занимаясь исследованием, сохранившихся до наши дней, памятников и мемориалов, созданных и открытых в межвоенный период, была отмечена одна важная деталь: их форма, а также процедура их установки следовала одному общему образцу. Исследователь Александр Кинг заявляет, что некая схожесть (а в некоторых и полное копирование) мемориалов предполагала общенациональное единообразие целей и взглядов на поминальные практики о событиях и погибших во время Первой мировой войны, что создавало стремление к стереотипизации мемориальных практик британской нации [King, 1993].

Различные органы государственной власти пытались контролировать любые инициативы и попытки кристаллизации памяти, проводимые британским обществом, либо стремились регулировать их при помощи гражданских инициативных групп, которые формировали, так называемые, мемориальные комитеты. От общества поступало множество предложений по поводу того, как должны выглядеть мемориалы, но условно их можно поделить на две группы: эстетические монументы и утилитарные, последние выполняли бы не только функцию кристаллизации памяти, но и могли иметь практическое назначение. Роль последних

выполняли фонтаны¹, башни², ворота³, здания бывших госпиталей и пр. На процесс установления утилитарных мемориалов влияло множество факторов, начиная от веры инициаторов установки и их финансовых возможностей, и заканчивая историей и традициями, присущими для данной территории. Данные факторы влияли на тип памятника, место его расположения, а также закладываемый в него информационный посыл. Всё это вызывало конкуренцию между группами, каждая из которых старалась отразить в мемориале свою политическую или религиозную идентичность [King, 1993].

Так, например, в северо-восточной части Англии было сильно влияние промышленной элиты, которая придерживалась англиканской веры [Brook, 2009], что привело к тому, что мемориалы преимущественно располагались рядом с храмами и близлежащими кладбищами⁴. В Шотландии и Уэльсе наиболее распространённым мемориалом становится так называемый Кельтский крест, форма и символы которого отображали преемственность мемориала с традициями и историей живущих на этих землях людей.

С началом обсуждения формы и вида мемориалов, которые должны были быть установлены в небольших городах и местечках, разворачивалась и общественная дискуссия. Эти споры исследовал британский историк Джордж Робб, который выявил взаимосвязь между экономическим положением слоёв британского общества и их мнением по установке мемориалов [Robb, 2002]. Так, подданные, обладающие большим количеством свободных средств (как правило, ими оказывались политики или предприниматели), делали свой выбор в пользу эстетических форм увековечивания памяти (памятники, мемориальные комплексы). Остальные британцы, обладающие более скромным доходом, предпочитали вкладываться в проекты, которые имели бы и практические функции. К

¹«Фонтан победы», открытый 21 апреля 1924 г. в Шотландском Ньюбурге, на открытии которого присутствовали представители городской администрации и общественности [Электронный ресурс] URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/5742> (дата обращения: 30.04.21).

²Башня в Лланфротене, Уэльс. Открытие произошло 24 августа 1924 г., на котором присутствовал Лорд Ньюборо Томас Джон Уинн, а также духовенство из местной церкви, поскольку башня стала пристройкой храмового здания [Электронный ресурс] URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/37138> (дата обращения: 30.04.21).

³«BallHayeGreen», ворота на спортивную площадку, открытую 5 ноября 1922 г. в Лике, графстве Стаффордшир. Открывал памятник участник войны, подполковник Халлинон. На данном событии также присутствовала администрация города. Сами ворота были построены компанией «Mr. ThomasGraceofLeek», дизайнером стал W.E. Veacham. Средства на мемориал были пожертвованы горожанами, сбор которых производила городская администрация [Электронный ресурс] URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/13696> (дата обращения: 30.04.21).

⁴«BlackshawHeadWesleyanChurch» обелиск, открытый 21 апреля 1922 г. в местечке BlackshawHead рядом с церковью [Электронный ресурс] URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/2852> (Дата обращения 30.04.21); Витражное окно в приходской церкви города Киллармарш, Дербишира, открытое 7 июня 1919 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iwm.org.uk/memorials/item/memorial/14345> (дата обращения: 30.04.21).

ним относились постройка коттеджей для вдов погибших солдат, создание мемориальных аллей и фонтанов [Robb, 2002]. Найти компромисс между практичностью и эстетичностью мемориалов получалось у церкви, так как пристройки к зданиям имели утилитарный характер, при этом проектировались архитекторами и имели эстетическую функцию. Александер Кинг, анализируя эти ситуации, приходит к выводу, что в обществе происходила самая настоящая борьба за обладание правом создавать мемориалы, которые воплощали бы черты и переживания отдельно взятой части общества [King, 1993]. «Мемориальной гонкой» в Великобритании начинают заниматься многие институты, такие как церковный приход, клубы по интересам, места работы, учебные заведения, благодаря чему появляется огромное количество мест памяти, кристаллизующих воспоминания и имеющих множество различных форм их репрезентаций. В данный процесс включаются также семьи погибших на войне солдат, для которых развивающаяся тенденция связана с личной/семейной проработкой горя, что репрезентировалось в создании собственных артефактов памяти. Подобное общественное дробление приводит к такому явлению, которое можно обозначить как «частную память».

Под частными формами мемориализации и коммемориализации в данном исследовании объединены воспоминания и идентичности отдельных индивидов, а также групп, обладающих особой аутентичностью и эмпирической реальностью [Мамардашвили, 1984; Хайдеггер, 1997]. Во многом нарратив памяти, конструируемый государством, выступает как некий «не поддающийся измерению дискурс, делающий утверждение о собственной валидности, которое не может быть верифицируемо», [Мегилл, 2009] что лишает отдельных граждан и групп прав на собственную идентичность. Потеря близкого человека и недовольство коммеморативными мероприятиями, на которых всех погибших приравнивали к одному образцу, становились своеобразными триггерами для создания отдельных мест, где память о погибших будет сакрализована самими близкими людьми.

Большинство из установленных частными лицами мемориалов были представлены могильными плитами и надгробиями, располагающимися на кладбищах. Память о погибших могла быть также кристаллизована в различных объектах и вещах. Так, например, одна из женщин сделала мемориалом нательный крест своего погибшего брата [Coss, 2012]. Известно также несколько случаев установления витражных окон в церквях в память о погибших родственниках⁵.

⁵HolySaviourChurch, Milbourne – витражное окно посвящено погибшим в 1915 году братьям; St. MarytheVirgin, Slaley – витражное окно, установленное в память о любимом племяннике его дядей и тётей.

Популярной формой частной коммеморации являлись мемориальные доски, на которых могла быть зафиксирована подробная информация о человеке, начиная от его имени и заканчивая местом, где он был убит. В Методистской церкви св. Троицы города Спеннимур от тёти своему племяннику была поставлена табличка, на которой имелась надпись «в память о племяннике, убитом на Сомме», а в церкви св. Елизаветы, расположенной в Минстеракрисе, надпись на мемориальной доске гласила, что некто Артур Сильвертоп, офицер военно-морского флота, погиб вместе с кораблём в Ютландском морском сражении 31 мая 1916 года в возрасте 38 лет. Церковь также давала возможность коммеморализации воспоминаний близкого человека с помощью визуализации сюжетов из Евангелии, в частности Крестного пути – изображения страданий Христа. Создавался оммаж жизни убитого с жизнью Христа, полной лишений и страданий.

Для многих семей память о погибших была сосредоточена в их письмах, приходивших с фронта, и фотографиях, которые были сделаны ещё дома в фотоателье. Данный формат хранения интимных воспоминаний был наиболее выигрышным, чем установка одного мемориала, являвшаяся консенсусом между подданными и государством. Исследуя места памяти в Уэльсе, историк Анджела Гаффни приходит к выводу о том, что частная и семейная память была важнее, чем участие в национальных или региональных коммеморативных акциях [Gaffney, 1998]. Она также обнаружила, что места памяти, созданные общинами, приходом или семьёй, были более популярны для проведения коммеморации у людей, чем памятники, установленные с позволения официальных органов власти.

В период с 1919 по 1921 гг. можно пронаблюдать высокую активность по открытию мемориалов, посвящённых Первой мировой войне. Эту частоту во многом обеспечивали места и символы памяти, воссозданные общинами или семьями. Исходя из данного утверждения, можно задать вопрос: что побуждало граждан создавать частные/семейные/общинные мемориалы в обход единых центральных памятников, которые имели национальную коммеморативную форму? По мнению историка Дерека Бурмана, создание частных мемориалов являлось источником утешения от потери близкого человека. Помимо данного фактора исследователь наделяет частные мемориалы свойством сочувствия к семье/общине, понесшей утрату [Boorman, 1988]. Установление мемориалов являлось своеобразной проработкой травмы, нанесённой личными утратами близких людей. Создание отдельными общинами и семьями частных мест памяти стало своего рода маркированием переживаемого травматического события. Этот маркер должен был объяснять природу боли, т.е. содержать достаточно логичные и

не требующие дополнительных доказательств утверждения о том ущербе, которое произошедшее событие доставило сообществу. К тому же подобное маркирование позволяло выстроить корреляцию между трагическими событиями, произошедшими с конкретными индивидами, и потенциальным значением, которое эти события несли для остальных представителей сообщества [Аникин, Головашина, 2017].

Но отнюдь не только индикативную функцию могли носить частные мемориалы. Пэт Джелланд утверждает, что некоторые родственники погибших были просто не довольны созданными государством мемориалами, а также неуместно и с бравадой проводимыми ритуалами поминовения [Jalland, 1996]. По мнению исследователя, создание семейных мест памяти являлось интимным процессом, о котором не нужно было говорить во всеуслышание.

Частные мемориалы могли быть установлены не только рядом с домом, но и в любых других общественных местах. Одним из таких мест являлась церковь. Церковные здания были расположены в каждом городе и являлись сакральным местом для горожан. Выполняящая духовно-рекреационную миссию, церковь ставила перед собой в том числе задачу проработки травм, связанных с потерей близких людей на фронтах Первой мировой войны. Мемориалы и места памяти часто возводили рядом с церковным зданием или непосредственно в нём, что демонстрировало два важных аспекта памятования о жертвах войны. Во-первых, прихожане религиозных учреждений представляли из себя единое сообщество, в основу идентичности которого была заложена необходимость в духовном проводнике и чувстве взаимопомощи и поддержки друг друга [Coss, 2012]. Во-вторых, традиции, сложившиеся в небольших городах и местечках в Великобритании, предписывали, что территория, расположенная рядом с церковью, должна быть выделена под кладбища [Coss, 2012]. Кроме того, члены духовенства нередко оказывали огромное влияние на приход и предлагали устанавливать военные мемориалы на территории, принадлежащей церкви. Известен случай в местечке ХаттонМагна, где проходила встреча жителей, администрации и духовенства по вопросу установления мемориала солдатам прихода, которые погибли на войне. Преподобный отец Донован, присутствовавший при встрече, выразил своё желание установить кладбищенские ворота в качестве мемориала, а жители деревни поддержали данное решение [Coss, 2012].

На церковных кладбищах устанавливались мемориальные кресты с надписями о погибших и указаниями, от кого был воздвигнут данный памятник. Служители местных церквей не возражали против установки мемориалов такого

типа. К тому же крест, поставленный на приходском кладбище, должен был кристаллизировать воспоминания о павших в бою прихожан, обеспечив тем самым непрерывность памяти для будущих поколений [Gregory, 2008]. Самых же священников привлекали больше мемориалы, которые выполняли не только коммеморативную, но и утилитарную для религиозного здания функцию. Ими являлись часовни, алтари, ворота на кладбища, колокола, витражные окна и пр. Исследовательница ДэнисКосс в своей диссертации приводит статью, опубликованную в церковном журнале, в которой говорилось о том, что «большинство памятников в церквях представляют из себя латунные и мраморные таблички, которые придавали эстетический вид церковному зданию. Но почему бы не предоставить церковные принадлежности, такие как кафедра, купель, которые принесли бы не только красоту, но и пользу в дом божий».

Несмотря на все вышеперечисленные формы мемориалов, которые были распространены в церквях, наиболее популярным, отчасти в силу дешевизны, являлся «свиток доблести». Он представлял из себя бумажный лист различной ширины и длины, на котором каллиграфически были написаны имена прихожан, павших в боях Первой мировой войны. Стоит обратить внимание на тот факт, что часто имена были написаны без званий и регалий, и тем самым обозначалось равенство погибших. Но встречались и те, где звание было приписано.

Британский историк Александр Кинг утверждает, что воинские звания старались убирать из мемориалов, тем самым показывая, что данная мера символически уравнивала подвиг военнослужащих, независимо от занимаемой должности и степени участия в военных действиях [King, 1998]. Однако некоторые из записанных участников войны были промаркированы особыми символами, например, изображениями звёзд или крестов, которые обозначали религиозные и погребальные символы. На некоторых свитках в качестве украшений могли быть использованы опознавательные знаки сообществ, для поминовения которых был создан мемориал. Идентификационными маркерами могли стать эмблемы, девизы определённых мест или организаций, к которым принадлежали воевавшие в Первой мировой британцы [King, 1993]. КейтГрайвз предположил, что неравенство в записях сделано намеренно для того, чтобы показать заслуги отдельно взятых личностей [Grieves, 2000].

Частная память выражалась не только семьёй или церковной общиной. Немаловажную роль в мемориализации Первой мировой войны в Великобритании играли коммеморативные практики на местах работы, учебных заведений и частных клубах. Небольшие мемориалы, поставленные самими рабочими и санкцио-

нированные начальством предприятий, имели символический характер, отображая не скорбь или горе по павшим товарищам, а гордость за героев, которые работали здесь. Например, компания Egglecliffe Chemical установила табличку со словами: «Этот мемориал был создан сотрудниками Egglecliffe Chemical Co Ltd в честь доблестных работников, которые погибли в Великой войне». Свитки доблести также были распространённой формой увековечивания памяти на различных предприятиях по всей стране⁶. Но были и уникальные случаи фиксирования памяти о павших сотрудниках фирмы, которыми являлись зимний сад и мемориальный холл, построенный компанией Swan Hunter Whigham Richardson. Это был весьма дискуссионный для своего времени проект. Дело в том, что Военный мемориальный комитет считал, что память должна кристаллизовываться в осязаемом, в памятнике из камня, поэтому они отказали владельцу компании Хантеру в постройке сада. В свою очередь, он выдвинул инициативу с созданием сада от имени погибших на войне сотрудников компании. Данная идея нашла отклик у работников предприятия, которые поддержали инициативу увековечить память о павших героях созданием зимнего сада.

Мемориалы устанавливались также рядом или с университетами, или в самих зданиях учебных заведений. Они были представлены не только в привычных формах свитков памяти и табличек, но и в мемориальных аудиториях и библиотеках. Коммеморации подвергались не только ученики и студенты, но и преподаватели, погибшие на войне⁷.

Множество клубов по интересам также старались увековечить память о павших активистах своих небольших сообществ. Создавались небольшие и скромные мемориалы, которые имели весьма необычные формы. Например, был создан серебряный переходящий кубок, посвящённый «известным атлетам-бегунам, павшим на войне» и вручаемый победителю мемориального забега. Члены спортивного клуба регби из Тайндейла воссоздали армейскую казарму, в которой разместилась раздевалка для игроков.

Таким образом, кристаллизация памяти о Первой мировой войне в семейных и частных сообществах имела более интимный характер переживания утраты, чем коммеморация на государственном и гражданском (общественном) уровнях. Сакрализация павших через установку небольших мемориалов, создание отдель-

⁶Свитки памяти были установлены на таких частных предприятиях, как Ropner and Sons Ltd., North Shore Shipyard, Stockton and Morpeth Post Offices, the British Transport Police, Newcastle and the Dockmaster's in Hartlepool

⁷ В Дарлингтонском техническом колледже имеется табличка, в которую вписаны имена двух сотрудников, павших в боях Первой мировой войны. В то же время другие учебные заведения представляли на мемориальных стендах портреты и фотографии погибших сотрудников Kimblesworth Council School, Chester le Street and Annfield Plain Boys' School, Derwentside.

ных, не связанных с широкой общественной инициативой мест памяти и вкладывание в них личных и значимых символов позволяло семьям и коллегам в различных организациях сохранять с погибшими в войне тесную связь.

В результате проведённого исследования было просмотрено 214 мемориалов различной формы, которые имеют информацию об их создании и дате открытия. Все объекты были занесены в базу данных, на основе которой, с помощью геоинформационных инструментов была создана карта с мемориалами, а их разновидность выделена соответствующим маркером. Ниже будут представлены изображения данной карты.

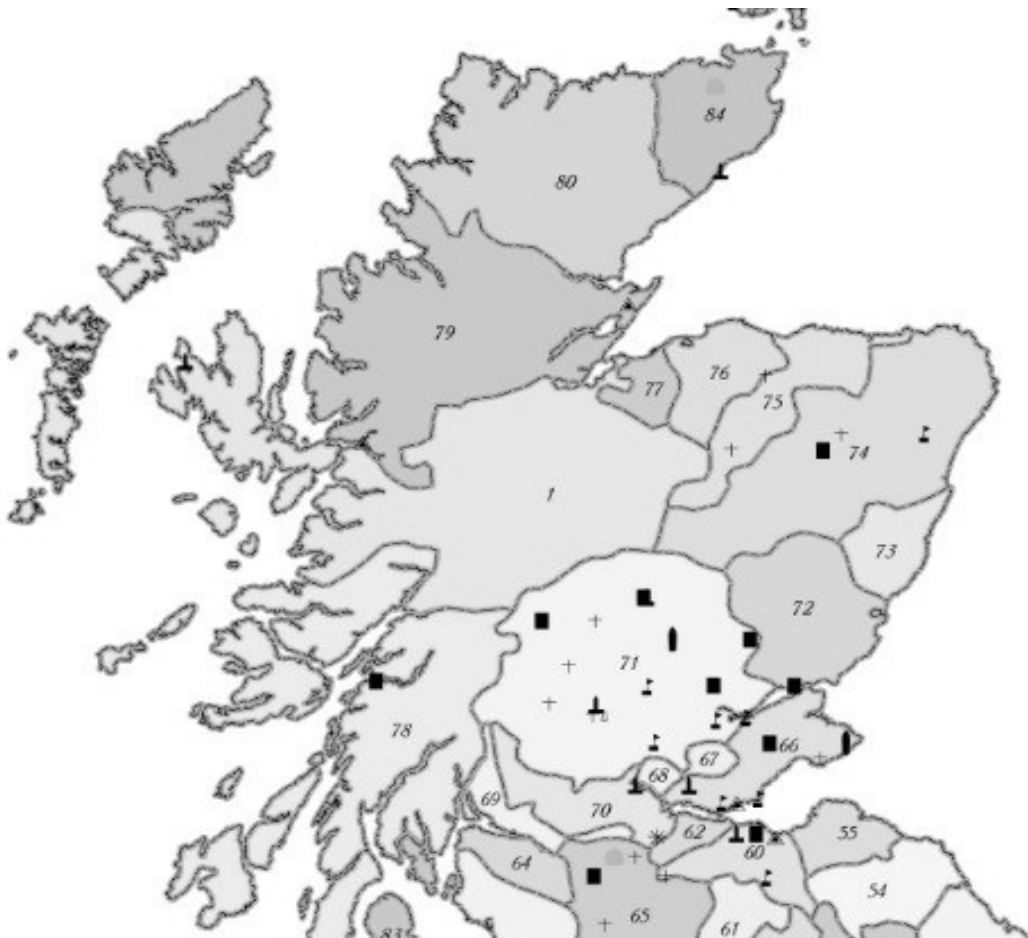

Рис. 1. Места памяти на территории Шотландии

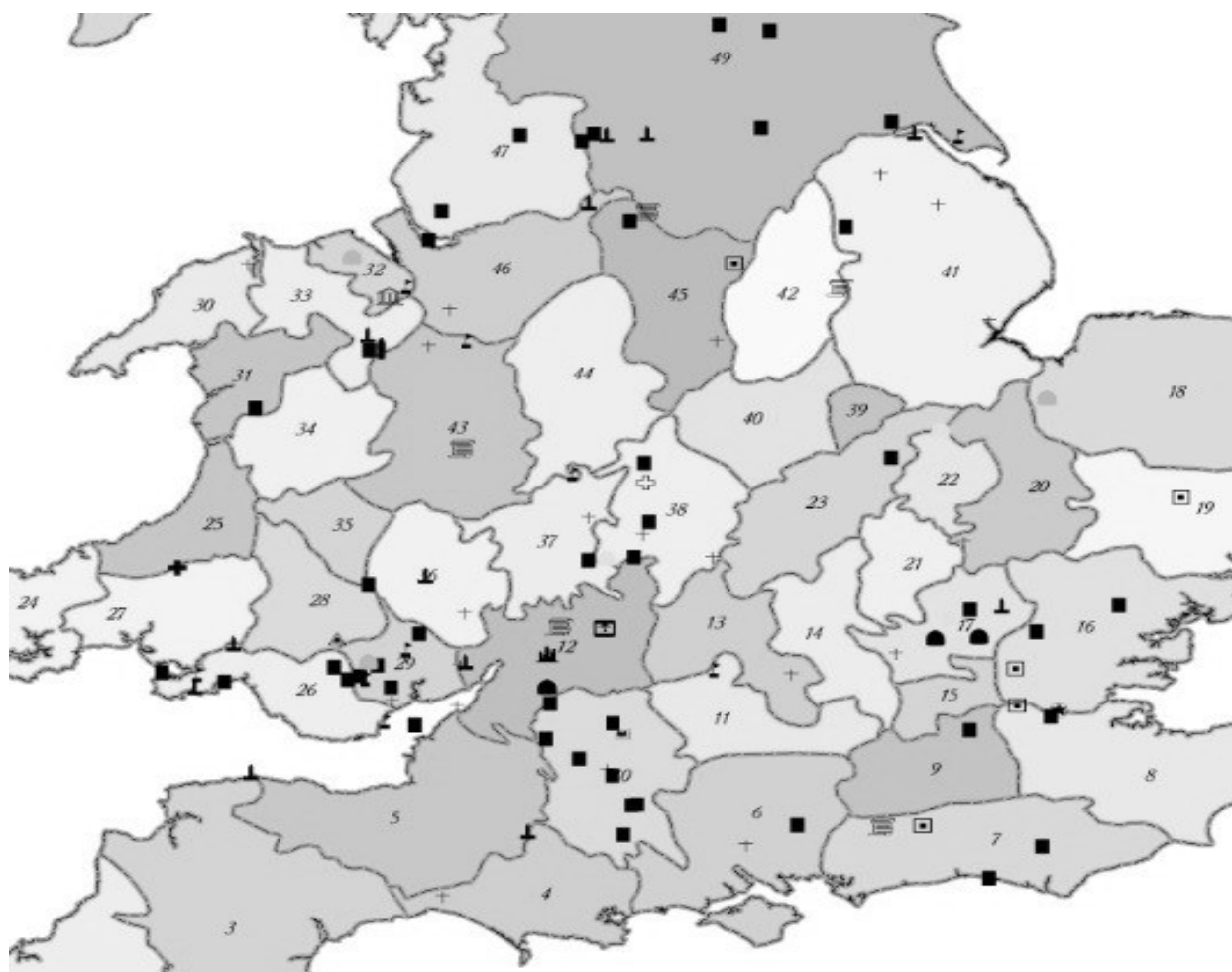

Рис. 2. Места памяти на территории Англии и Уэльса

- ⌚ Башня с часами
- ▣ Витражное окно
- ⌘ Ворота парка
- ⌚ Здание
- Кенотаф
- ▣ Книга памяти
- ⌚ Колокольная башня
- ⌚ Колонна
- + Крест
- ▲ Мемориал
- 🏛 Мемориальный зал
- Могильный камень
- Надгробие
- ⌚ Обелиск
- ⌚ Памятник
- 📜 Свиток памяти
- + Святыня

Рис. 3. Легенда карты

Библиографический список

Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 79–80.

Мамардашвили М.К. Классические и неклассические идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1984. 288 с.

Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

Нора П. Между памятью и историей / пер. с франц. Д. Хапаева // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. 333 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: AdMarginen, 1997. 503 с.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребённых / Александр Эткинд: авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.

King A. The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939. London: London University, 1993. 412 p.

Boorman D. At the Going Down of the Sun: British First World War Memorials. York: Ebor Press, 1988. 172 p.

Brook A. God, Grief and Community: Commemoration of the Great War in Huddersfield 1914–1929. Leeds: University of Leeds, 2009. 349 p.

Coss D. First World War Memorials, Commemoration and Community in North East England, 1918–1939. Durham: Durham University, 2012. 835 p.

Gaffney A. Aftermath: Remembering the Great War in Wales. Cardiff: University of Wales Press, 2000. 194 p.

Gregory A. The Last Great War: British Society and the First World War. London: Oxford University Press, 2008. 364 p.

Grievés K. Investigating Local War Memorial Committees: Demobilised Soldiers, the Bereaved and Expressions of Local Pride in Sussex Villages, 1918-1921 // The Local Historian. 2000. Vol.30. №1. P. 39–58.

Jalland P. Death in the Victorian Family. London: Oxford University Press, 1996. 464 p.

Robb J. British Culture and the First World War. Hampshire, 2002. 216 p.

CRYSTALLIZATION OF THE MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR IN THE TERRITORY OF GREAT BRITAIN IN THE INTERWAR PERIOD

Snigirev Sergey A., Renev Daniil A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
sergey199719@mail.ru
ren.dan@mail.ru

Annotation

This article will review the commemorative practices carried out in the UK during the interwar period. Specifically, this type of practice will mean the installation and opening of monuments throughout the country. Commemorative actions are recorded with the help of newspaper notes and articles, which provides a unique material for the restoration of memory. The study is planned to be carried out with the help of GIS tools, the result of which will be the creation of a map with memory locations and their marking by species. To analyze the data obtained, the methodology of "places of memory" developed by Pierre Nora is used, as well as the attraction of conceptual views on the crystallized memory of Alexander Etkind. The study will also be of a practical nature, as it will result in a GIS map of memory sites created during the interwar period in Great Britain.

Key words

History of Great Britain, Interwar Period, Memory Studies, GIS Map, Memorials.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ХАРБИНСКОЙ ЕПАРХИИ С ЯПОНСКИМИ ВЛАСТЯМИ В МАНЬЧЖОУ-ГО И В СЕВЕРНОМ КИТАЕ: 1932–1945 ГГ.

Яковкин Евгений Васильевич
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
yakowkin.evgenij@yandex.ru

Аннотация

Русская Православная Церковь в Зарубежье по разным причинам вынуждена была поддерживать местные власти. Это особенно видно на примере сотрудничества православных иерархов с японскими властями в Маньчжурии в 1931–1945 гг. Тем не менее сотрудничество Харбинской епархии, благожелательно отнесшейся к приходу японцев, завершилось полным разрывом еще до конца прояпонского режима в Маньчжурии из-за тех ошибок, которые совершили японские власти из-за разницы в менталитете, непонимании патриотических чувств и ошибочной политики в отношении религии. В нашем исследовании мы показываем в чем же проявилось это сотрудничество и в чем именно заключались ошибки японо-маньчжурских властей в отношении православного населения Маньчжурии.

Ключевые слова

Маньчжурия, Маньчжоу-Го, Русская православная церковь за рубежом, русская эмиграция, православие, синтоизм, Харбин, Японская империя, Японская военная миссия.

Тема взаимоотношений власти и церкви давняя. Со времен принятия христианства на Руси восточного типа в X в. Русская православная церковь была в единстве с государственной властью. В обязательном порядке во время богослужений деятели церкви молились за власть в лице великого князя, а затем царя и императора. При Петре единство Церкви и власти еще более углубилось после отмены патриаршества и созданием 25 января 1721 г. Святейшего Синода, когда русской православной церковью управлял чиновник в должности обер-прокурора. Так продолжалось до революции 1917 г., когда на Поместном Соборе в Москве была возрождена должность патриарха. В результате революции и гражданской войны часть священнослужителей вместе с паствой оказались отрезаны от родины. За границей в Сербии в 1921 году был образован Заграничный Синод,

возникла Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ), которая не признала советской власти. С 1898 года в Маньчжурии существовала русская православная община из строителей Китайско-Восточной железной дороги и их потомков. После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке численность русских эмигрантов в Китае пополнилась за счет прибывших беженцев и чинов белых армий. Многие из них были православные верующими. 16 марта 1922 года архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов) получил разрешение на создание отдельной епархии в Маньчжурии, таким образом возникла Харбинская епархия РПЦЗ. В 1923 году Мефодий повел реорганизацию епархии, сделав её самостоятельной. Несмотря на противодействие советских представителей КВЖД в Маньчжурии все церкви продолжили свою деятельность. Деятельность епархии в 1920-е гг. можно охарактеризовать как благотворительную [Забияко и др., 2015, с.73–74]. Строились новые храмы, печаталась православная литература. От китайских властей Харбинская епархия никак не зависела и жала своей жизнью. Всё изменилось с приходом в 1931 году в Маньчжурию японских войск, установивших жёсткий контроль над всем населением.

Пытаясь получить поддержку от новых властей, руководители Харбинской и Маньчжурской к тому времени епархии выступили в поддержку Маньчжоу-Го. Архиепископ Мелитей (Заборовский) в своём приветствии после создания Маньчжоу-Го 1 марта 1932 г. писал: «Маньчжурская Православная Епархия возносит Господу Богу горячие молитвы по поводу образования независимого маньчжурского государства. Приветствует Верховного Правителя (имеется в виду Пу И – последний император Китая, ставший правителем Маньчжоу-Го, а с 1934 г. императором Маньчжу-Ди-Го – прим. автора) желает ему полного успеха в великих трудах возглавляемого им маньчжурского государства. Вместе с тем все православное население Маньчжурии уверено в том, что при его мудром управлении нужды Православной церкви будут пользоваться его высоким и полным вниманием» [Приветствия..., 1934, с. 4]. Вскоре после кончины владыки Мефодия 29 марта 1931 г. именно Мелетий стал во главе Харбинской епархии. Новые маньчжурские власти активно принялись за установление контроля над православной общиной. Все русские православные церкви были поставлены под покровительство Министерства Благополучия. На каждый храм была выдана специальная охранная грамота [Великая..., 1942, с. 325–226]. Кроме того, храмовые здания и церковно-приходские организации были освобождены ото всех налогов, повин-

ностей и сборов. В то же время все они начиная с 1937 года должны были совершать поминовение Его Величества императора Пу И как главы государства [*Коростелёв В.В., Каракулов А.К., 2019, с. 315*].

Иерархи Харбинской Епархии должны были поддерживать не только японо-маньчжурские власти, но и про японские организации русских эмигрантов. В Маньчжурии с 1934 г. это Бюро по делам Российских эмигрантов, с которой епископ Мелетий постоянно держал контакт [*Коростелёв В.В., Каракулов А.К., 2019, с. 214*]. В Северном Китае с 1937г. это Центральный Антикоммунистический комитет, созданный есаулом Е.Н. Пастухиным при содействии японских властей. По поводу годовщины комитета отмечавшийся в ноябре 1938 г. с обращением к эмигрантам выступил архиепископ Нестор, возглавлявший Русскую духовную миссию в Китае. В своем обращении Нестор славит Великий Ниппон, то есть Японию, которая дала возможность объединиться эмигрантам вокруг этого комитета для борьбы против безбожной коммунистической власти. Далее Нестор пишет: «Сегодня, в день первой годовщины Анти-коммунистического Комитета Северного Китая вся Православная паства, возглавляемая мною, охвачена живейшей радостью, что решительная борьба с кровавым интернационалом растет и ширится, что под знаменами анти-коммунистического фронта все теснее объединяются наши братья во всем рассеянии» [*Китайский... , 1938, л. 8–9.*].

При содействии японских властей в Маньчжурии строились храмы, а в 1938 году в Харбине и Шанхае прошли торжества по случаю 950-летия крещения Руси. Были выпущены памятный значок и жетон, а также специальный сборник статей [*Забияко и др., 2015, с. 74*]. Взамен православные священники должны были принимать все всех государственных мероприятиях Маньчжоу-Го, в том числе связанных с русскими эмигрантами, служившими в антисоветских воинских формированиях. Так священники приняли участие в похоронах Михаила Натарова, связиста отряда «Асано», погибшего в боях с Красной Армией в боях при Халхин-Голе в 1939 году [*Коростелёв, Каракулов, 2019, с. 317–318*]. Сохранилось не мало свидетельств как православные священники окормляли и благословляли воинов отряда «Асано», а затем с конца 1943 г. чинов Русских воинских отрядов армии Маньчжоу-Го. Так на праздновании Сунгарийского отряда в мае 1944 г. участвовал о. Серафим, который освятил отрядное знамя, произнес эмоциональную речь и окропил русских воинов Маньчжу-Ди-Го святой водой» [*Праздник... , 1944, с. 8–12*].

9 июня 1941 года на Соборной площади в Харбине торжественно был открыт памятник борцам с коминтерном. Поводом к открытию памятника послужила гибель рядового отряда «Асано» Михаила Натарова. Памятник был посвящен как борцам Белого Движения и их японских союзников, так и памяти уму-чренных большевиками царской семьи, всех членов семьи Дома Романовых рядовым представлял собой часовню [Открытие..., 1941, с. 29–32]. Об открытии памятника впоследствии вспоминала харбинка Н. Лалетина: «Одним из центральных событий города в сороковых годах была постройка памятника жертвам в борьбе против Коминтерна. Это событие всколыхнуло в нас, школьников, патристические чувства, непосредственных свидетелей строительства и всей дальнейшей его судьбы, и когда памятник освятили, нас строем повели к нему. Был молебен, пришло все духовенство из стоявшего рядом любимого Собора» [Лалетина, 2009, с. 37]. Каждый год в день открытия проходила панихида. Например, о такой очередной панихиде сообщал журнал «Рубеж» в 1944 году. Журнал сообщал: «Третья годовщина освящения памятника борцам с коминтерном, находящегося на Соборной площади в Харбине была ознаменована торжественной панихидой, отслуженной архиепископом Нестором, епископом Димитрием и епископом Ювеналием» [Торжество, 1944, с. 6].

В 1940-м году Синтоизм был объявлен государственной религией в Маньчжоу-Го. Данное решение маньчжурских властей было приурочено к отмечаемому в том году 2600-летию Японии. Введен культ богини Аматерасу Омиками, в честь которой основан храм «КэнкокуСинбо» - храм «Основания государства». Для поддержания культа был создан Департамент по государственным храмам во главе с генерал-лейтенантом Хасимото Тораносэкэ. Теперь все поданные обязаны были «проникнуться Высочайшую Волею и выполнять свой дог, труд, промысел и совершенствоваться в добродетели под покровом Аматерасу Омиками». При том было сказано, что совершение государственного ритуала поклонения богине вовсе не означает принуждение народа к исповеданию новой религии [Гаршин, 1940, с. 9]. Хотя все выглядело именно так. Дальнейшим шагом по «синтоизации» духовной жизни населения Маньчжоу-Го стал выход «Наставления верноподданным» за подписью премьер-министра Маньчжоу-Го Цзян Цзинкуя от 8 декабря 1942 г. Первый пункт наставления вызвал целую бурю эмоций среди православного населения. В нём было сказано: «Верноподданные, памятуя, что первоосновой государства является Божественный путь, должны благоговейно почитать Богиню Аматерасу Омиками и свято блюсти верноподдан-

ничество к Его Величеству Императору». Данное наставление было широко распространено в эмигрантской печати [Наставление..., 1943, с. 1]. Митрополит Мелетий вместе с викариями архиепископом Димитрием и епископом Ювеналием выступали против этого положения. В итоге к маю 1944 г. священники пришли в соглашение с японскими властями о том, что принуждение православных к культу богини Аматерасу не будет [Российская..., 2018, с. 267–270].

Стремительные изменения, которые происходили на родине с церковью вызвали неподдельный интерес со стороны иерархов Харбинской епархии. Особенно впечатлили русское духовенство создание Святейшего Синода, избрание патриарха всея Руси. По указанию Мелетия были отслужены молебны за здравие патриарха Сергия. Японские власти запретили проводить такие молебны. Все это ими было воспринято как сочувствие политике Советского Союза. Начались преследования тех, кто пытался установить общение с Московской патриархией [Кара-Мурза, 1944, с. 44]. Ближайший соратник митрополита Мелетия архиепископ Нестор через советское генеральное консульство еще в 1943 году установил контакт с Московской патриархией. С июня 1945 г. в православных храмах Маньчжурии в открытую стали молиться за патриарха Московского и всея Руси Алексея. Отношения с РПЦЗ были разорваны. 8 июля 1945 г. Харбинская епархия перешла под юрисдикцию Московского патриархата. 8 августа 1945 г. Владыка Нестор был вызван к начальнику ГБРЭМ генералу Л.Ф. Власьевскому, где ему были предъявлены обвинения в просоветской деятельности, но ничего не сделали. На следующий день началась война СССР с Японией, Маньчжоу-Го было уничтожено и началась новая веха в истории Харбинской епархии [Короствелёв, Каракулов, 2019, с. 326–328].

Причины сотрудничества Харбинской епархии РПЦЗ были вызваны необходимостью продолжением благотворительной и миссионерской деятельностью русской православной диаспоры. Японские власти, создав Маньчжоу-Го установили свой полный контроль над всем населением. Через Главное Бюро по делам российских эмигрантов велся учет всех русских эмигрантов. Харбинская епархия вынуждена для продолжения своего существования поддерживать японские и маньчжурские власти в своих многочисленных заявлениях, богослужениях. Попытки японских военных поставить под контроль русское православие идеям Синто вызвало недовольство среди русской православной диаспоры, а изменение отношения к Русской православной церкви в СССР очень сильно повлияло на умы многих эмигрантов. Кроме того, многие из доходивших новостей видели, как вел себя союзник Японии – нацистская Германия в войне против Советского

Союза. В итоге многие священники и миряне стали сочувствовать Советской власти и переходить под юрисдикцию Московской патриархии, что окончательно произошло в июне 1945 года.

Библиографический список

Великая маньчжурская империя. Харбин, 1942.

Забияко А.А., Забияко А.П., Легошко С.С. Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015.

Кара-Мурза Г.С. Колониальный режим в Маньчжоу-Го. Чита, 1944.

Китайский благовестник. Пекин. Октябрь–ноябрь 1938. № 10–11.

Коростелёв В.В., Каракулов А.К. Православие в Маньчжурии (1896–1956): Очерки истории. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2019.

Лалетина Н.Н. Японцы//Русская Атлантида (Челябинск). 2009. № 34.

Молодые русские воины – гордость российской эмиграции. Торжественные проводы новобранцев, призванных в русские воинские отряды//Луч Азии (Харбин). 1944. № 2 (113).

Наставление верноподданным// Друг полиции. 1943. № 1(59).

Открытие памятника павшим в борьбе с коминтерном//Луч Азии (Харбин). 1941. № 6 (82).

Праздник Сунгарийского и Ханьдахэцзского Русского воинского отряда армии Маньчжу-Ди-Го//Друг полиции (Харбин). 1944. № 6(76).

Приветствия новой Маньчжурии//Харбинское время. 1932. № 65. 9 марта.

Российская эмиграция и ее подробная характеристика по Маньчжурии. Конфиденциальное издание Японского посольства в Маньчжурии. Февраль 1945 г. //Проклятие Морского дракона. Курск, 2018.

Торжествоупамятника//Рубеж. 1944. № 19.

**RELATIONS OF THE HARBIN DIOCESE
WITH THE JAPANESE AUTHORITIES
IN MANCHUKUO AND NORTHERN CHINA: 1932-1945.**

Yakovkin Evgeniy V.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
yakowkin.evgenij@yandex.ru

Annotation

The Russian Orthodox Church Abroad, for various reasons, was forced to support the local authorities. This is especially evident in the cooperation of the Orthodox hierarchs with the Japanese authorities in Manchuria in 1931–1945. Nevertheless, the cooperation of the Harbin diocese, which was sympathetic to the arrival of the Japanese, ended in a complete break before the end of the pro-Japanese regime in Manchuria due to the mistakes made by the Japanese authorities due to the difference in mentality, lack of understanding of patriotic feelings and erroneous policy towards religion. In our study, we show how this cooperation was manifested and what exactly were the mistakes of the Japanese-Manchu authorities in relation to the Orthodox population of Manchuria.

Key words

Russian Orthodox Church Abroad, Russian Emigration, Orthodox Christianity, Shintoism, Harbin, Japanese Empire, Japanese Military Mission, Manchuria, Manchukuo.

УДК 930

ГОРОДСКАЯ ЗАСТРОЙКА ТАМБОВА В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ

Воробьева Елизавета Михайловна

Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина,
392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33,
moreno_ool@mail.ru

Аннотация

В рамках данного исследования была проанализирована база данных основой для которой являлись дела о выдаче земли в Тамбове. Хронологические рамки исследования – последнее десятилетие XVIII–первая половина XIX века. Цель работы определить основные тенденции в развитии города. Структура базы данных содержит информацию о типе и виде построек, отводимом для застройки месте, сведения о просителях и времени начала ведения дела. Рассмотрен сословный и половой состав получателей земли. Были указаны группы, наиболее заинтересованные в строительстве, а именно: купечество и мещанство. Обозначен хозяйственно-профессиональный характер застройки. Выведены связи между сословным состоянием просителей и типами планируемых строений. Таким образом, в работе дана исчерпывающая информация о самой базе данных и также отмечены некоторые корреляции, требующие дополнительного изучения.

Ключевые слова

Застройка города, Тамбов, база данных, сословия, сословные группы, собственность, выдача земли.

Анализ процесса застройки Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX в. реализовался путем исследования созданной базы данных. В ее основе лежат списки дел фонда №16 [Дело об отводе церковному...], отражающие интересующий нас процесс. Чаще всего, в их названиях фигурирует словосочетание «дело об отводе».

Анализируемая база данных содержит 190 позиции, то есть 190 случаев выдачи разрешения на застройку определенной территории за период с 1796 г. по 1859 г. В отношении каждого фиксировалась следующая информация:

1. Год и месяц начала ведения дела;
2. Фамилия просителя;
3. Сословие или род занятий просителя;
4. Пол;
5. Тип постройки под которое запрашивается участок;

6. Вид постройки;
7. Расположение выделенного места;
8. Дополнительная информация: фонд, опись, номер и название дела.

Собранную информацию нельзя назвать полной, но и она может дать нам определенное представление о темпе, характере и направлении застройки Тамбова в изучаемый период.

Некоторые позиции, имеющие ключевое значение, требуют дополнительного пояснения. Сословие или род занятий представляют собой то к какой общественной группе относится получатель земли. Окончательно перечень состояний и сословий в Российской империи был определен только в первом издании Свода законов Российской империи 1832 г. [Свод законов Российской империи, 1835]. До этого момента у делопроизводителя отсутствовали четкие рамки определения статуса просителя, поэтому, последние не редко записывались не по сословному принципу, а по роду занятий. Тем не менее, род занятий почти всегда позволяет достаточно точно установить сословный статус просителя. Нами были выделены следующие позиции состояний-сословий/рода занятий, фигурирующих в базе данных: мещанство, купечество, крестьянство, военные, однодворцы, ямщики, духовенство, чиновничество, почетные граждане.

В поиске свидетельств отвода земли разумно обратиться к фонду №16 Государственного архива Тамбовской области(ГАТО) в котором содержатся документы Тамбовской городской думы, которая, собственно, и занималась благоустройством и застройкой города.

Большинство характеристик каждого дела требует дополнительного пояснения. Виды построек полностью взяты из источника и никак не сгруппированы, они описывают то, под что был выдан участок: «мельница», «лавка», «завод», «дом» и т.п. Тип постройки является обобщением видов в группы: «профессиональная», «хозяйственная», «жилая», «неопределенная», «нет данных». Важно понимать, что обобщения являются довольно грубыми ввиду недостаточного количества информации.

Так, например, к типу профессиональных были отнесены такие виды построек как: мельница, завод, лавка, баня, слесарня, кузница и т.п. А к хозяйственным: сад, огород, сарай. Необходимо отметить, что иногда эти два типа построек между собой довольно близки. Так, огород и сад мог приносить доход, а в постройке, оформленной под сарай, могла бы содержаться пригодная для непритязательной жизни комната. Однако, разделение на такие формальные группы для нас не менее важно, чем учет многообразия фактического функционала построек, так как оно отчасти выявляет то, как позиционировали себя и свои мотивы сами просители в диалоге с государственной властью.

Все жилые постройки делятся два вида: дома и усадебные участки. В случае если жителю выдается усадебный участок можно предположить, что на нем будет построена усадьба, а именно – «отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями» [Ожегов, Шведова, 2008, с. 838]. При этом мы не можем быть до конца уверены в том, что на участке будет построен дом, пригодный для постоянного круглогодичного проживания, но, в любом случае, жилой вид для усадьбы логически ближе, чем любой другой из нашего перечня.

Важная категория — это месяц и год начала ведения дела. Не до конца ясно, что скрывается за этой информацией: момент подачи прошения или момент «реакции» бюрократической машины на это прошение. Тем не менее, как будет показано ниже, вероятно, между двумя этими моментами не существовало большого временного промежутка, а сама бюрократическая волокита могла довольно быстро перелиться в непосредственные работы, связанные с освоением земельного участка. Мы считаем, что год и месяц начала ведения допустимо интерпретировать как начальную точку физического освоения выделенного пространства.

В базе данных учтены все дела, начало которых приходилось на период с 1796 по 1859 годы. Нижняя граница задана самым ранним делом в указанном фонде. Верхняя граница определяется рядом причин. Во-первых, это дает возможность проследить развитие направления и специфики застройки города спустя значительное время (14 лет) с момента окончания долгого процесса переселения однодворцев из города в слободы. Во-вторых, несмотря на то, что основной фокус нашего исследования лежит на периодах правления Павла I, Александра I и Николая I, захват царствования Александра II позволяет «поймать» в наших данных зависимость тенденции развития города от общественных настроений, в частности – момент ожидания больших реформ после манифеста Александра II до начала их непосредственного осуществления.

При формировании базы данных было отмечено что существуют года, в которые дел о выдаче земли не заводилось, а именно: 1779, 1801, 1815, 1818, 1820, 1821, 1823, 1829, 1852 годы, а также период с 1803 по 1813 включительно. Отсутствие данных, скорее всего, обусловлено утерей документов или нахождением их в других архивах. Тем не менее, формальный анализ ряда данных показывает, что сформированная выборка адекватно может отражать исследуемый процесс, а доля лакун не критическая. Среднее количество дел на каждый год изучаемого периода равно 3, тогда как среднее количество дел на каждый обеспеченный делами год (то есть без «пустых» лет) дает 4. Разница не большая, а значит дела распределены достаточно равномерно.

Перед тем как перейти к анализу информации важно отметить общую специфику некоторых количественных показателей. Таблица №1 содержит распределение выборки по типам построек.

Таблица 1

Типы построек

Тип постройки	Количество позиций
Профессиональная	78
Хозяйственная	72
Жилая	31
Неопределенная	3

Опираясь на таблицу, можно сделать вывод, что база данных определяет процесс застройки города в большей степени профессиональными и хозяйственными сооружениями, в меньшей – жилыми зданиями. Что может нам сказать такая большая разница между хозяйственными/профессиональными и жилыми постройками? Есть три предположения.

Первое – город застраивался в основном местными обывателями или жителями близлежащих территорий, перед которыми вопрос жилья в городе не стоял. Второе – жилые здания строились, в основном, на территориях уже обжитых участков. Третье – фонды городской думы не отражают реального процесса застройки города жилыми зданиями.

Определение истинности этих предположений – вопрос отдельного исследования. Для нас же существенно то, что, несмотря на не ясную ситуацию с ростом жилого фонда, данные дают достаточно четкую картину по поводу освоения территории хозяйственными и профессиональными постройками.

Можно определить какие социальные группы вели наиболее активную деятельность в городе, а именно – получали земельные участки под самые разные нужды. Таблица №2 содержит распределение количества дел по категориям сословие/род занятий:

Таблица 2

Распределение выборки по сословиям/роду занятий

Сословие/род занятий	Кол-во
мещанство	78
купечество	44
чиновничество	29
военные	10
крестьянство	10
одиндворцы	6
духовенство	4
ямщики	2

Как и ожидалось, в освоении города доминировало мещанство и купечество, причем количество дел о выдаче земли мещанам практически в 2 раза больше нежели купцам, что может быть отражением реального соотношения доли купцов и мещан в Тамбове. Крестьяне, в большинстве своем, не стремились или не могли заводить дела в городе, что подтверждает предположение о низких темпах урбанизации в рассматриваемый период.

Мещане – основа городского населения, преимущественно со средним уровнем дохода [Абакумова, 2015, с. 1]. Они имели материальные ресурсы для ведения «бизнеса» или расширения собственного хозяйства. В других источниках того времени по отношению к мещанам можно встретить наименование «люди среднего рода». Так, например, согласно Грамоте на права и выгоды городам Российской империи, к «среднему роду» они относятся в следствие «трудолюбия и добронравия» [Шмелев, 1907, с. 136].

Опираясь на показатели численности каждой группы в делах по выдаче земли можно прийти к следующим выводам. В основном именно мещане наиболее заинтересованы в развитии территорий на которых проживают. Половина всех земель, полученных под хозяйственные объекты (огороды, сады, сараи) принадлежали именно мещанам. Можно предположить, что земля под хозяйственное освоение была более доступна для этого слоя населения, в связи с тем, что строительство сооружений типа кузницы или амбара предполагало более значительного вложения денежных средств.

Распределение профессиональных построек между купцами и мещанами приблизительно равно, несмотря на то что доля последних в структуре населения города того времени была, определенно выше. Кроме того, наша выборка содержит значительно больше мещан, чем купцов.

Купцы в большинстве своем получали землю под профессиональные постройки, что может быть связано с наличием у них свободных средств в обороте и заинтересованностью в укреплении собственных позиций в городе. При этом есть лишь одно дело о отводе земли купцу под жилое помещение. Однако, если учесть человеческий фактор, можно предположить, что, даже если участок был выдан под какие-либо нужды, при профессиональных постройках также могли находиться небольшие жилые помещения.

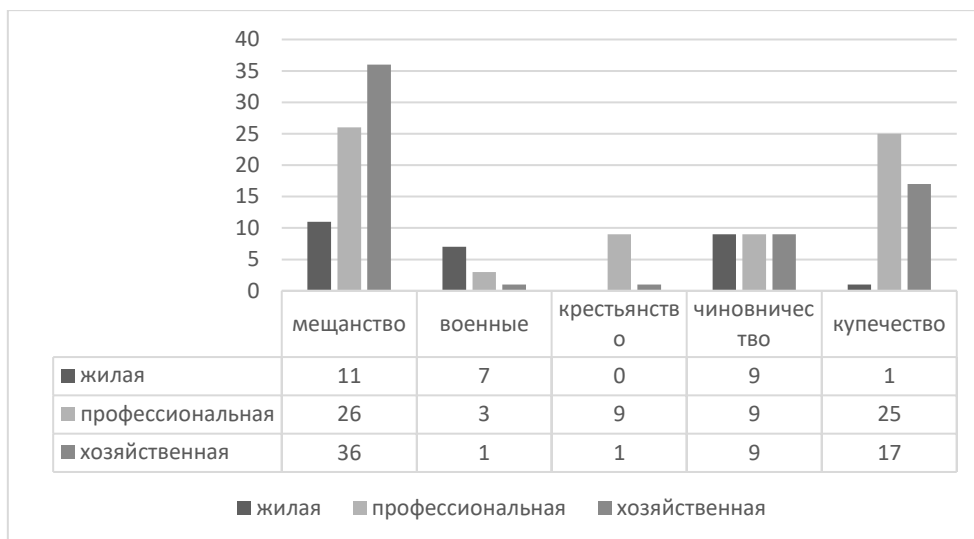

Диаграмма 1. Распределение типов построек по сословиям/роду занятий

Что касается просителей остальных социальных категорий, то их значительно меньше мещан и купцов. Следующими по численности значатся чиновники. Большая часть провинциального чиновничества — это выходцы из самых разных сословий, то есть разночинцы [Дятлов, 2012, с. 601–604]. Их дела по получению земли под жилье, хозяйственные и профессиональные нужды распределяются равномерно. Это коррелирует со взглядом, что разночинцы не относились ни к одному конкретному сословию, а значит каждый из них вполне мог иметь собственный габитус, полученный в результате социализации в рамках своего сословия.

Следующие по численности группы в нашей базе данных — это военные и крестьяне. Военные отличаются от остальных групп тем, в среде их просителей доля женщин значительно выше, чем у других категорий. Наиболее частный случай — это жена солдата («солдатка»). Кроме того, по документам, военные чаще всего оформляли земли под строительство жилья. Интересно то, что делали это не только «отставники», но и те, кто на тот момент еще находится на службе, и могли быть направлены в Тамбов для несения обязанностей.

Несмотря на значительную долю крестьян в населении империи и в Тамбовской губернии, в анализируемых документах эта группа представлена крайне мало. Вероятно, причиной является, во-первых, сословный состав населения города; во-вторых, недостаток средств у большинства крестьян для ведения дел в Тамбове; в-третьих, возможно отсутствие интереса к городу у самих крестьян, предпочитавших, как например герой рассказа И.С. Тургенева «Постоялый двор» [Тургенев, 1908], крепостной крестьянин Аким Семенов, открыть, при воз-

возможности, постоянный двор или трактир за пределами города. Тем не менее, согласно документам, крестьяне получали участки преимущественно под профессиональные постройки: кузницы, сараи, мельницу или баню. Причем наиболее часто строились именно кузницы. Примечательно также, в 3 из 4 дел по отводу земли под кузницы просителем выступал один и тот же крестьянин Пушкарской слободы – В.И. Лоскутов.

Остальные социальные категории в нашей базе представлены настолько мало, что делать какие-то выводы относительно них нет оснований.

Поведение рассмотренных групп вполне корректно отражает базовые представления об их социальных ролях. Большая часть полученных результатов были ожидаемы так как полностью соответствовали сословной специфике каждой из групп. Кроме того, сами названия документов ясно свидетельствуют о доминировании сословий не только в официальном бюрократическом дискурсе (что вполне ожидаемо), но и в качестве маркера самоидентификации просителей (во всяком случае – в диалоге с властью), например: «Дело об отводе церковному служащему Г.Г. Казьмину места на выгонной земле возле Липецкого выезда под кузницу» [Дело об отводе церковному...].

Тем не менее, важно отметить, что уже тогда начался процесс размывания сословных границ. Анализ базы данных показывает, что предпринимательством могли заниматься любые социальные группы, а не только мещане и купцы. Данный вывод является крайне существенным в контексте изучения городской жизни и особенностей взаимодействия членов общества между собой.

Библиографический список

Абакумова Е. А. Статус мещанина в российском обществе во 2-й половине XIX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-meschanina-v-rossiyskom-obschestve-vo-2-y-polovine-xix-veka> (дата обращения: 26.05.2020).

Акты царствования Екатерины II: учреждения для управления губерний и жалованные грамоты дворянству и городам / под. ред. Г.Н. Шмелева. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1907. С. 136

Дело об отводе церковному служащему Г.Г. Казьмину места на выгонной земле возле Липецкого выезда под кузницу // Тамбовский государственный архив (ГАТО). Ф.16. Оп. 19. Д. 14. Л.1.

Дятлов В. А. Особенности социального положения чиновничества российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С. 601–604.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2008. 939 с.

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Изд. 3-е. СПб.: В типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1835–1836. [Т. 9]: Свод законов о состоянии людей в государстве. 1835. 410 с.

Тургенев И.С. Постоялый двор: Рассказ И.С. Тургенева. 5-е изд. СПб.: И. Глазунов, 1908. 76 с.

URBAN DEVELOPMENT OF TAMBOV IN THE LAST DECADE OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY. DATABASE ANALYSIS

Vorobyova Elizaveta M.

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392036, Russia,
moreno_ool@mail.ru

Annotation

As part of this study, the database was analyzed, the basis for which was the case of land grant in Tambov. The chronological framework of the study is the last decade of the XVIII – the first half of the XIX century. The purpose of the work is to determine the main trends in the development of the city. The database structure contains information about the type and type of buildings, the place allocated for construction, information about applicants and the time when the case was started. The class and gender composition of land recipients is considered. The groups most interested in construction were indicated, namely: merchants and philistines. The economic and professional nature of the development is indicated. The relations between the class status of applicants and the types of planned buildings are derived. Thus, the paper provides comprehensive information about the database itself and also notes some correlations that require additional study.

Key words

City development, Tambov, Database, Estates, Class Groups, Property, Land Grant.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Жукова Анна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9,
16sent61@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу экономических последствий реализации реформы 19 февраля 1861 г. в помещичьей деревне Московского уезда Московской губернии. Применение математико-статистических методов и современных компьютерных технологий при изучении ключевых источников по истории реформы, материалов выкупных дел, позволило оценить степень трансформации системы наделов и платежей московских крестьян, и прийти к выводу об улучшении положения крестьян после проведения реформы.

Ключевые слова

Крестьянская реформа 1861 г., крестьянские наделы, повинности крестьян, уставные грамоты, количественные методы, Московский уезд, Московская губерния.

Несмотря на существование значительного корпуса исследований, в которых рассматриваются вопросы, связанные с проведением реформы 19 февраля 1861 г. в Московском регионе [Ильин, 1950; Литвак, 1956; Полосин, 1930; Филиппова, 1953; Щенетов, 1947; Щенетов, 1963], на сегодняшний день результаты этих работ не могут в полной мере удовлетворить исследовательские запросы. Разработка единого методологического аппарата, адаптация методов статистики и внедрение компьютерных средств при исследовании социально-экономических последствий реформы позволяют изучить этот вопрос на современном уровне.

Ключевыми источниками по истории отмены крепостного права, отражающими изменение экономического состояния помещичьей деревни в ходе проведения реформы, являются материалы дел о выкупе земельного надела временнообязанными крестьянами, хранящиеся в фонде Главного выкупного учреждения Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 577). Центральным документов в этих делах можно назвать копии уставных грамот, содержащих сведения о до- и пореформенном положении помещичьей деревни.

Немаловажной проблемой, напрямую влияющей на оценку последствий проведения реформы, является вопрос информативности и достоверности сведений источников. Следует отметить, что уставные грамоты и сопутствующие документы выкупных дел представляют собой высокоинформативный и репрезентативный источник по истории реализации реформы. Точность их содержания обуславливалась их исключительным экономическим значением для всех заинтересованных сторон [Кащенко, 2020, с. 61].

Материалы выкупных дел и, в частности, входящие в их состав копии уставных грамот, являются массовыми источниками [Кащенко, 2013, с. 82; Литвак, 1958, с. 157]. Отличительной особенностью такого вида источников является возможность математической обработки содержащихся в них сведений. В результате анализа содержащейся в выкупных документах массовой информации с применением математического аппарата возможно проследить и оценить степень трансформации системы наделов и платежей крестьян в ходе реформы, что являются одним из главных экономических следствий реформы.

Обратимся к рассмотрению изменению величины крестьянских наделов и платежей на материале более 250 помещичьих деревень Московского уезда Московской губернии [Дела о выкупе...].

Распределение тяглых крестьян по формам эксплуатации позволяет сделать вывод о том, что помещичьи деревни Московского уезда были в основном оброчными. Накануне реализации реформы оброк платили 51,60 % (9 333 душ м. п.) крестьян. Барщину отбывали 16,98% (3 071 душ м. п.) крестьян. На «смешанной» повинности, когда одновременно платился оброк и выполнялись издельные работы, находились 21,27 % (3 846 душ м. п.) крестьян. К «прочим» деревням, в которых часть дворов платили оброк, часть отбывали барщину, а часть имели «смешанную» форму повинности, относились всего 10,15 % (1 836 душ м. п.) крестьян. С проведением реформы соотношение численности крестьян в группах, разделенных по формам повинности, не претерпело существенных изменений. Следует сказать, что со временем все крестьяне были обязаны перейти на оброк.

Необходимо отметить, что в Московском «столичном» уезде дореформенную землю измеряли достаточно точно. По нашим подсчетам, удобная земли была точно измерена у 97,04% душ м. п. крестьян. Таким образом, в нашем распоряжении оказалась «естественно» образовавшаяся репрезентативная выборка «сопоставимых» селений, изменяющиеся в ходе реформы показатели которой поддаются сравнению. Средний душевой надел до проведения реформы состав-

лял 2,64 дес. удобной земли. Наделы крестьян, входящих в выборку, не образовывали однородную группу и варьировались в широком диапазоне. После реализации реформы средний душевой надел в селениях, оказавшихся в выборке или «сопоставимых» селениях, снизился до 2,45 дес. (уменьшился на 0,19 дес. или 7,35 %). Больше всего реформа «ударилась» по «прочим» селениям, где средний душевой надел сократился на 0,24 дес. или 9,25 % и стал составлять 2,37 дес. удобной земли. Реализация реформы внесла изменение и в распределение величины душевых крестьянских наделов. За счет «стягивания» наделов к «высшему», введенного Положением, произошло сокращение ряда распределения величины наделов.

В ходе проведения реформы наделы изменились у 73,72 % крестьян из «сопоставимых» селений. У 38,47% всех крестьян в большей или меньшей мере была произведена отрезка земли от дореформенного надела. Чаще всего землю отрезали у крестьян, состоящих на «смешанной» форме повинности. Прирезки земли также коснулись чуть более трети крестьян. В значительной мере удобная земля прирезалась в «прочих» селениях. Абсолютное изменение у всех категорий крестьян из «сопоставимых» селениях составило -8,05%. Из них 10,08% – отрезка, 2,03 % – прирезка удобной земли. Более всего величина земельного фонда изменилась у крестьян из барщинных и «прочих» селений.

Реализация реформы привела к изменению не только наделной системы крестьян. Преобразования коснулись также системы крестьянских платежей. Для Московского уезда была характерна сильная вариация размера повинностей, что обуславливалось разными экономическими возможностями крестьян. Оценить величину дореформенных платежей всех крестьян уезда сложно, поскольку до реформы на чистом оброке, поддающемся подсчету, были только оброчные крестьяне. Накануне проведения реформы оброчные крестьяне «сопоставимых» селений в среднем платили 9,64 руб. с души. После 19 февраля 1861 г. величина среднего оброка на душу в оброчных «сопоставимых» селениях уменьшилась до 8,45 руб. Таким образом, по сравнению с дореформенным показателем платеж снизился на 1,19 руб. или 12,31 %. Сокращение платежей коснулось половины оброчных крестьян, а возрос оброк у 22,87 % крестьян.

Картина распределения величины оброков после реформы также стала выглядеть по-новому. Ожидаемо большинство пореформенных платежей оказались равны «высшему» оброку или приблизились к нему. В целом, ряд распределения крестьянских платежей сузился вдвое за счет ликвидации крупных оброков и небольшого повышения низких платежей.

Можно заметить, что в результате проведения реформы в уезде одновременно произошли два экономических процесса: сокращение величины надела на душу и уменьшение размера оброка на душу. В первом случае преобразование происходило в пользу помещиков, поскольку находящаяся ранее в пользовании крестьян земля переходила в их руки. Во втором случае снижение платежей приносило выгоду от реализации реформы скорее крестьянам. Для того чтобы оценить какой из процессов шел интенсивней и, соответственно, выявить кто из участников реформы оказался в более «выигрышном» положении, рассмотрим изменение в ходе реформы показателя величины оброка на десятину удобной земли.

Для дореформенного периода подобный показатель возможно рассчитать только для оброчных деревень, в которых точно известно количество удобной крестьянской земли и указана величина оброка. Среди крестьян, состоящих на оброке, из «сопоставимых» селений, до реформы на каждую десятину земли приходилось в среднем 3,31 руб. С проведением реформы средний показатель соотношения оброка на десятину в «сопоставимых» селениях уменьшился на 5,91 % или 0,20 руб. и стал равен 3,11 руб. Таким образом, в ходе реформы сокращение величины оброка происходило быстрее, чем сокращение количества удобной крестьянской земли, следовательно, в среднем реализация реформы улучшила экономическое положение оброчных крестьян Московского уезда. Изменение соотношения величины оброка на десятину коснулось 96,99 % оброчных крестьян из «сопоставимых» селений. Для 54,89 % одна десятина земли стала обходиться дешевле с проведением реформы, тогда как у 42,09 % оброчных крестьян вследствие реформы положение ухудшилось, поскольку для них величина оброка на десятину земли возросла.

Таким образом, в результате проведения крестьянской реформы 1861 г. система наделов и платежей московских крестьян была преобразована, что в целом привело к улучшению их экономического положения.

Примечания

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-09-00365а «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи. Опыт применения статистических методов и современных компьютерных технологий».

Библиографический список

Дела о выкупе земельного надела временнообязанными крестьянами Московского уезда Московской губернии // РГИА. Ф. 577. Оп. 20. Д. 1477–1628, 2258.

Ильин Г. В. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1950. 406 с.

Кащенко С. Г. Источники по истории крестьянской реформы 1861 г. в Санкт-Петербургской и Московской губерниях: (Массовые источники и российская статистика середины XIX в.). СПб.: Президентская библиотека, 2020. 159 с.

Кащенко С. Г. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. Источники и современные методы их изучения. СПб.: Лема, 2013. 278 с.

Литвак Б. Г. К истории формуляра уставной грамоты // Археографический ежегодник за 1957 год. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 157–169.

Литвак Б. Г. Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.: дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1956. 350 с.

Полосин И. И. Шуваловщина в 1858-78 гг. (Из истории аграрной реформы в Верейском уезде Московской губ.). Очерк первый // Труды общества изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930. С. 5–50.

Филиппова С. С. Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории АН СССР. М., 1953. 423 с.

Щепетов К. Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII – XIX веков: по материалам шереметевских вотчин. М.: Учпедгиз, 1963. 100 с.

Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708–1885). М.: ПечатныйДвор, 1947. 378 с.

**THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE REFORM FEBRUARY 19,
1861 IN THE MOSCOW DISTRICT OF THE MOSCOW PROVINCE:
THE EXPERIENCE OF STATISTICAL RESEARCH**

Zhukova Anna V.

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya emb.,
St. Petersburg, 199034, Russia,
16sent61@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the analysis of the economic consequences of the realization of the reform on February 19, 1861 in the landowner village of the Moscow district of the Moscow province. The use of statistical methods and modern computer technologies in the study of key sources on the history of the reform, materials of redemption cases, made it possible to assess the degree of transformation of the system of allotments and obligations of Moscow peasants, as well as to come to the conclusion about the improvement in the situation of peasants after the reform.

Key words

Peasant Reform of 1861, Allotments of the Peasants, Obligations of the Peasants, Land Charters, Quantitative Methods, Moscow District, Moscow Province.

ТРАДИЦИЯ ИЛИ МОДЕРНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА 1870–1917 ГГ.¹

Бекасова Лариса Александровна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая 38,
l.a.bekasova@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы социокультурной и политической трансформации России на рубеже XIX–XX вв. на примере деятельности Пермского губернского земства. Перед автором стоит цель определить направленность действий земцев, в речах которых отражались основные тенденции эпохи. Для достижения этой цели направлено выполнение следующих задач: проведение корпусного анализа текста речей гласных; анализа высказываний земцев по отношению к различным областям деятельности и сравнение их настроений; отслеживание динамики изменений по периодам и выявление характера окрашенности деятельности земства. В качестве основного метода используется контент-анализ речей гласных на основе корпуса журналов Пермского губернского земства.

Ключевые слова

Земство, трансформация России, Российская империя, журналы Пермского губернского земства, контент-анализ, digitalhumanities.

В исследовании рассматривается проблема определения уровня модерности и степени традиционализма в деятельности земских учреждений с целью дальнейшего изучения готовности и способности земства к преобразованиям. Выбор такой темы обусловлен тем, что создание системы местного самоуправления, а затем и создание выборных представительных институтов стали ключевыми моментами социокультурной трансформации России.

Процессы, приведшие к трансформации государственного управления и общества во второй половине XIX – начале XX вв., привлекают внимание многих исследователей. Существует ряд работ, которые представляют новый взгляд на историческое развитие России, рассматривают земские учреждения как фактор социокультурной модернизации российского общества [Волкова, 2008, 2012], [Жукова, 2013], [Юсупов 2015], [Субботина, 2017]. Появляются публикации, в которых рассматриваются возможности применения информационных технологий для анализа истории земских учреждений и парламентской истории на основе

текстов журналов [Корниенко, 2005, 2018], [Ехлакова, 2019]. Активно применяется компьютеризованный контент-анализ и сетевой анализ корпуса текстов: [Рябухин, 2010], [Сметанин, 2014].

Источником для данного исследования выступают оцифрованные журналы Пермского губернского земства за период от 1870 по 1917 год. В них содержатся выступления гласных и их решения по основным вопросам и направлениям деятельности земских учреждений. Журналы были отредактированы в программе FineReader и организованы в корпус для проведения дальнейшего анализа, который осуществлялся в программе AntConc.

Данное исследование базируется на сведениях, полученных в результате прошлого анализа журналов пермского земства, в результате которого были выделены две основные тенденции его деятельности – традиционализм и модернизм [Бекасова, 2020]. Дальнейшее изучение вопроса на основе данного материала требовало более детального и глубинного изучения различных аспектов деятельности земцев, а также их отношение к той или иной проблеме.

Задачи работы могут быть сформулированы следующим образом.

1) Выявить соотношения тенденций модернизма и традиционализма и проанализировать их динамику по основным периодам деятельности земств.

2. Проследить проявление тенденций модернизма и традиционализма по отраслями основным сферам жизни общества (экономика, политика, быт, образование и так далее), определить отношения в земствах к ним.

Нами выдвигается следующая гипотеза: земства в ходе обсуждения перспектив трансформации России стояли на точке зрения необходимости и эволюционного пути развития этого процесса.

Анализ корпуса был осуществлен по 4 исследовательским уровням:

1) Анализ словоформ.

2) Проверка корпуса инструментом Concordance на контекстность и корреляции.

3) N-gram анализ и проверка на взаимную встречаемость слов.

4) Анализ на уровне категорий.

Для получения более полной картины событий предварительно были выделены определенные исторические этапы, по которым впоследствии можно было проследить динамику изменения. В результате было сформировано 7 основных периодов, которые в наибольшей степени повлияли как на государство, так и на общество, тем самым получив наиболее яркое отражение в речах гласных. Данные исторические этапы представлены следующими годами

1) 1870–1889 гг.: с даты введения земств до издания нового положения о Земстве.

2) 1890–1904 гг.

3) 1905–1907 гг.: с даты первой русской революции.

4) 1908–1911 гг.: до убийства Столыпина.

5) 1912–1914 гг.

6) 1915–1916 гг.

7) 1917 г.: с даты февральской революции.

Важно отметить, что, ввиду неравномерности распределения количества лет по периоду, для расчетов использовалось не число появления годов в тот или иной отрезок времени, а среднее арифметическое от всех лет, фигурирующих в исследуемых процессах.

Анализ выделенных словоформ маркеров по модернистскому направлению (результаты анализа представлены на рисунке 1 и 2) позволяет выделить основные тенденции и сравнить их доминанции в различные периоды (рисунок 3).

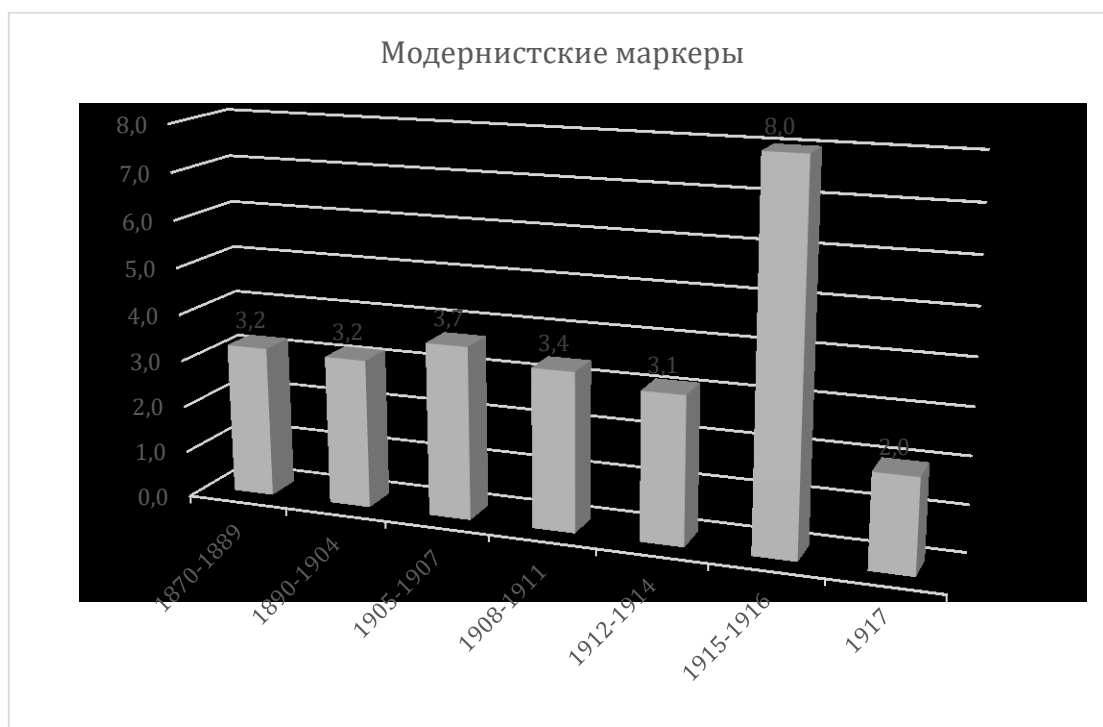

Рис. 1. Распределение модернистских маркеров по периодам

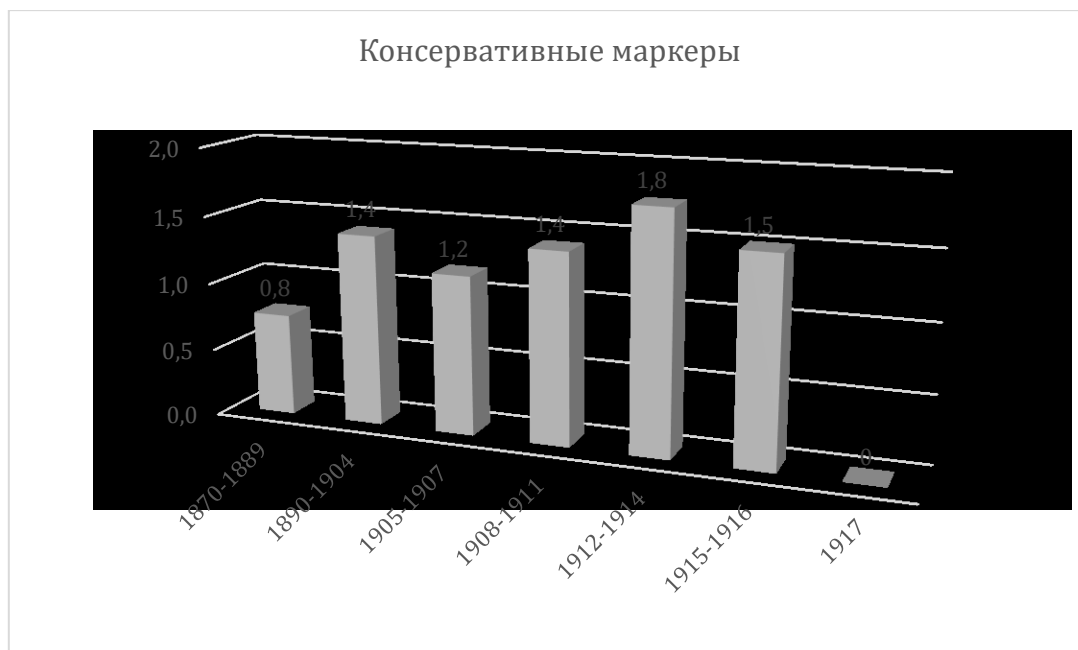

Рис. 2. Распределение консервативных маркеров по периодам

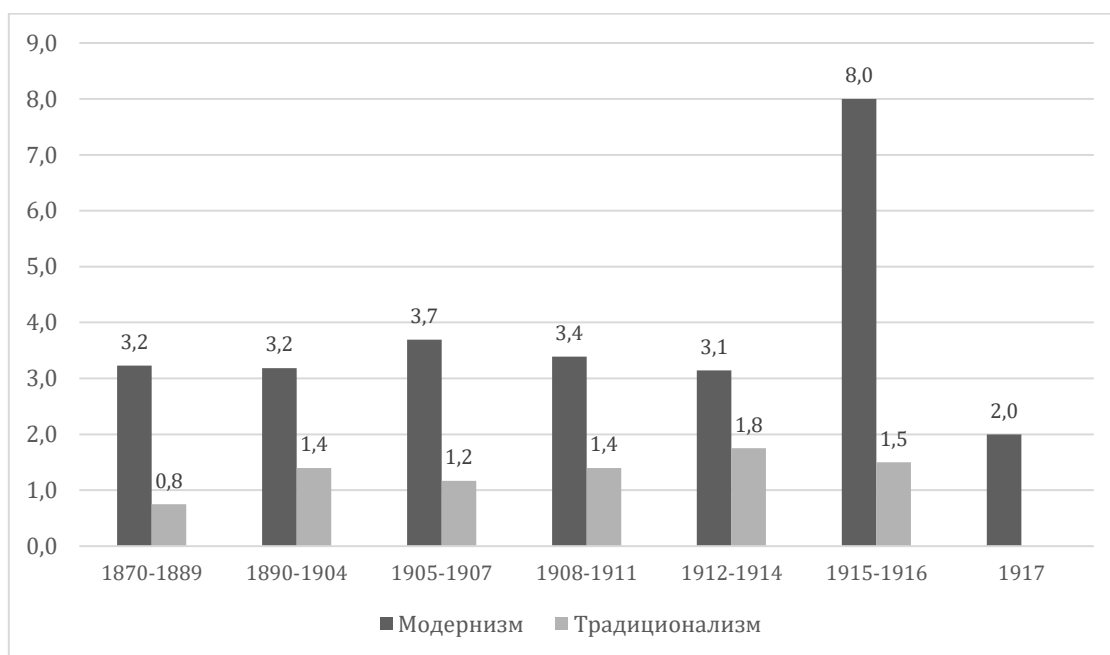

Рис. 3. Сравнение тенденций по периодам

Так, например, в период 1905–1906 гг. мы можем наблюдать явный рост модернистских настроений, и он сохраняется, лишь немного колеблясь вплоть до 1914 года. Наиболее сильный рост охранительных тенденций заметен в период 1912–1913 гг., что скорее всего является реакцией на убийство Столыпина и террористические акты.

Наиболее сильный всплеск модернистских настроений приходится на 1914–1916 гг. - что вполне естественная реакция на мировую войну. Правда, и к традиционности тенденция возрастает, но модернизм все же превалирует.

Если анализировать все маркеры по двум категориям в целом, то можно сделать предварительные выводы о том, что доминирует все же тенденция к модернизму, но традиционализм всегда остается примерно на одной волне. Даже революция 1905 г. не дает всплеска традиционализма. Земство как-то специально не реагирует на ситуацию революции. Хотя мы можем увидеть, что после убийства Столыпина и осуждения терроризма традиционализм несколько набирает позиции.

Далее следует более подробно остановиться на отрасли промышленности, сельского хозяйства и образование, так как они представляют наиболее показательные области народного хозяйства и в наибольшей степени занимают интерес земцев. Диаграмма распределения модернистских и консервативных маркеров по сельскому хозяйству представлены на рисунках 4 и 5 соответственно.

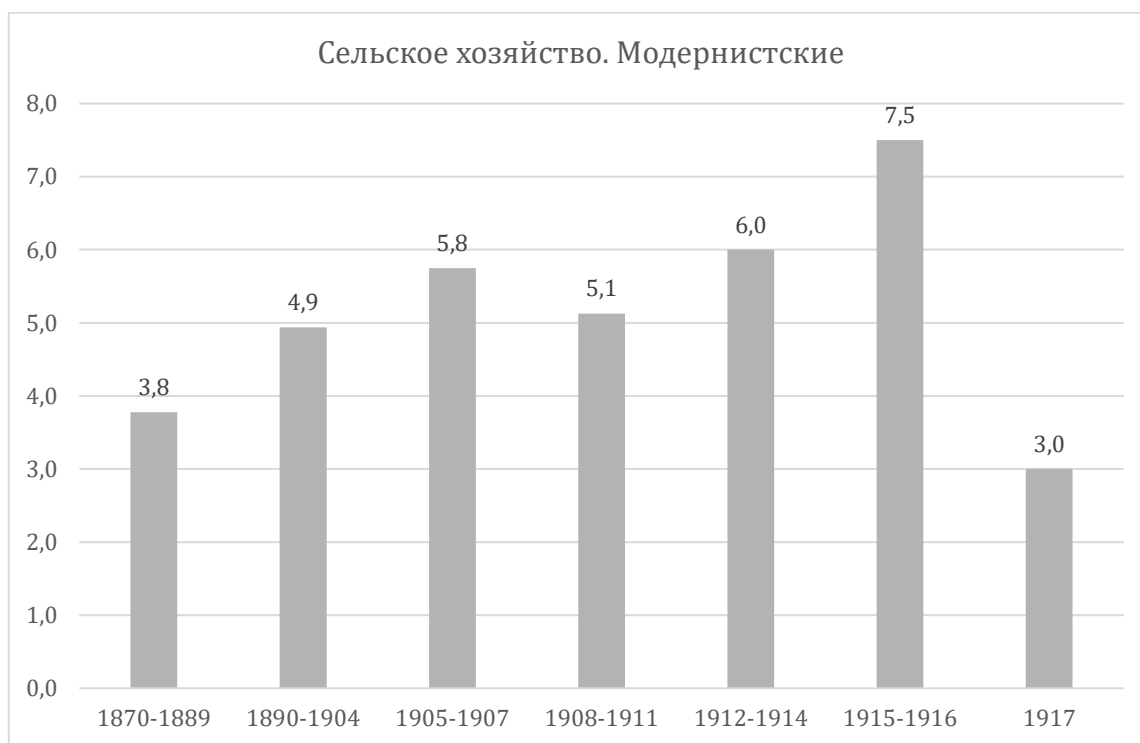

Рис. 4. Распределение модернистских маркеров сельского хозяйства

На графике мы видим, что в соответствии с выделенными периодами на первых трех этапах наблюдается рост модернистской тенденции, затем незначительное снижение (что можно отнести к статистической погрешности). Столы-

пинские реформы дают новый толчок к модернизации, и затем рост вновь продолжается вплоть до 1917 г, где по объективным причинам модернность резко идет на спад.

Выборка по модернистской тенденции представлена в таблице 1 и включает следующие словоформы:

Таблица 1

Словоформы модернистской тенденции по отрасли сельского хозяйства

Словоформа	Количество
улучшение (сельскохозяйств*)	210
реорганизация (сельскохозяйств*)	6
оживление (оживились всходы, растительность, урожай)	6
аграрный (создать аграрные облегчения)	6

Предварительные результаты анализа консервативных маркеров по направлению сельского хозяйства демонстрируют невысокий интерес к сохранению традиционного устоя, особенно в сравнении с модернистскими словоформами, встречающимися в речах гласных.

Рис. 5. Распределение консервативных маркеров сельского хозяйства

Мы можем видеть, что в целом количество модернистских маркеров значительно превышает количество консервативных, что указывает на больший интерес к данной тенденции со стороны гласных.

Выборка по консервативной тенденции представлена в таблице 2 и включает следующие словоформы:

Словоформы консервативной тенденции по отрасли сельского хозяйства

Словоформа	Количество
отклонить (ходатайство сельского общества, вопрос о помощи сельских обществам)	22
отложить (организацию комитета содействия сельскому хозяйству)	6
сохранить (существующий порядок условий отпуска машин сельскому обществу)	3

Отношения земства к области промышленности на основе анализа перечня словоформ нельзя назвать однозначно модернистским или традиционным, так как выделенные маркеры не позволяют четко разделить их по степени окрашенности. Несмотря на то, что словоформы требуют доработки, нами были выявлены определенные модернистские маркеры, демонстрирующие их динамику (рисунок 6).

Рис. 6. Распределение модернистских маркеров промышленности

Наибольший интерес к модернизации промышленности пришелся на период после Первой русской революции 1905 г. Из графика видно, что гласные уделяли много времени обсуждению вопросов улучшения данной области, однако эти разговоры не возымели должного эффекта и дальнейший модернизм пошел на спад.

Словоформы модернистской тенденции по отрасли промышленности

Словоформа	Количество
улучшение (промышленности)	26
реорганизация (промышленности)	1
финансирование (промышленности)	1
оживление (промышленности)	1

Консервативные маркеры по направлению промышленности недостаточно показательны, так как представляют незначительное количество и требуют дальнейшей доработки.

Большое внимание уделялось вопросу образования, причем в большей степени развитию данной области, а не сохранению прежних порядков. Динамика обсуждения образовательных проблем и способов их решения представлена на рисунке 7.

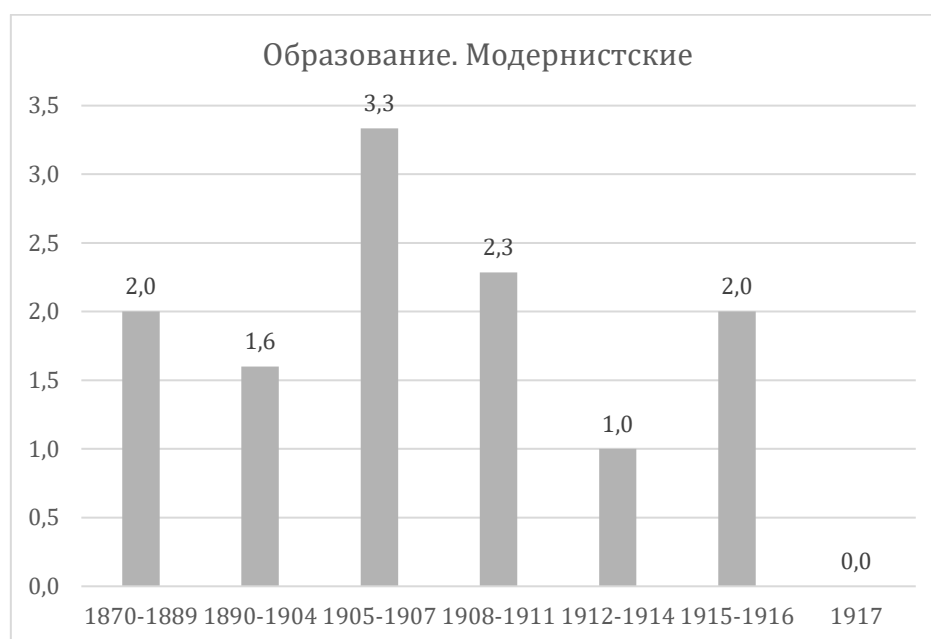

Рис. 7. Распределение модернистских маркеров образования

Интерес к модернизации сферы образования колеблется из года в год и зачастую вызван внешними событиями, которые могли спровоцировать необходимость обсуждения проблем в образовании. Так, мы видим, что в период 1890–1904 гг. земцы практически не обсуждают вопросов касательно образования, однако революция 1905 г. вызывает резкий скачок модернистских маркеров. Основные словоформы представлены в таблице 4.

Гласные остаются обеспокоенными недостатком школьных помещений, необходимостью увеличения числа просветительских учреждений, а также повышением расходов на образование. Вполне естественным образом данный интерес снижается к началу Первой мировой войны, вновь повышается после продолжительных боевых действий, и совсем исчезает в год революции 1917 г.

Таблица 4

Словоформы модернистской тенденции по отрасли образования

Словоформа	Количество
улучшение (начального образования, школьных зданий)	25
ремонт (школьных зданий)	15
расширение (школьных зданий, народного образования)	11
увеличение (числа школ, числа классов, расходов на образование)	20
реорганизация (школ, отдела народного образования)	3

Для консервативной тенденции выделенные маркеры составили незначительное количество, поэтому данные результаты нельзя считать репрезентативными. Подвергать их анализу можно лишь после доработки списка традиционалистских маркеров новыми словоформами.

Примечательно, что, несмотря на то, что земствам была запрещена политическая деятельность и такие дискуссии были недопустимы, они все равно обсуждали эти вопросы, хоть и нечасто. Это особенно видно в периоды, когда такие вопросы выдвигались на 1 план (как, например, 1905 г). Так, слово «партия» в политическом значении этого слова встречается в докладах земцев 34 раза, «революционер» – 6 раз, «анархист» – 3 раза. Причем отношение к революционерам, ровно, как и к анархистам, категорически отрицательное. Особенно яркими примерами являются непосредственные цитаты гласных по этому вопросу: *«вооружиться не револьверами и пистолетами, как вооружились все революционеры и вся сволочь, а ружьями, чтобы иметь возможность дать дружный отпор»* [Журналы Пермского..., 1906, с. 34]. Это указывает на наличие тенденции к модернизации эволюционным путем и отрицание радикальных, революционных способов трансформации общества.

Итак, мы можем наблюдать явное преобладание модернистской тенденции в деятельности земских учреждений, которая в сравнении с традиционалистской проявляется в речах гласных наиболее ярким образом. Наличие маркеров, указывающих на консервативный настрой земцев, незначительно и зачастую вызывает трудности с подбором словоформ, напрямую указывающих на консерва-

тизмых решений. В то же время, анализ маркеров, демонстрирующих прогрессивный характер деятельности, является более показательным и позволяет выявить смысловую окраску речей гласных.

Полученные сведения позволяют сделать предварительные выводы о том, что деятельность земских учреждений на протяжении всего периода их существования была направлена на модернизацию общества. Эта тенденция оставалась относительно стабильной вплоть до начала Первой мировой войны и достигла своего пика в 1915–1916 годы. Революция 1917 г. свела на нет стремительный рост модернистских настроений. Можно предположить, что это вызвано резким отрицанием революции, а также тем, что сами земцы единственный путь развития страны и её выход из кризиса видели в реформации прежнего строя, а не его уничтожения.

Анализ маркеров по каждой отдельно взятой сфере жизни общества также показывает, что в большинстве случаев земцы при обсуждении основных вопросов склоняются к необходимости модернизации системы народного хозяйства и образования, отстаивая консервативную позицию лишь в исключительных случаях. Особое внимание они уделяют сфере сельского хозяйства, на которую приходится большая часть встречаемых маркеров консервативного характера. Куда меньше внимания гласные уделяют промышленности, при этом часто отмечая её отсталость. Действия в сфере образования также можно назвать прогрессивными и направленными на увеличение уровня народного просвещения.

Конечно, выявленные маркеры требуют доработки и дополнительного анализа в соответствии с результатами данного исследования, однако нам уже удалось выявить общие тенденции и проследить их динамику.

Примечания

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–33059 «Земское самоуправление и парламентское представительство как ключевые явления социокультурной и политической трансформации России во второй половине XIX – начале XX в.».

Библиографический список

Бекасова Л.А. Пермское губернское земство: между традицией и модерностью (опыт контент-анализа) // Четвертая зимняя школа по гуманитарной информатике. 2020. С. 42–47.

Волкова Т.И. Роль земств в социокультурной модернизации России (региональный аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 96–103.

Волкова Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губернии Центральной России). Ярославль: ВНД, 2012. 227 с.

Ехлакова А.Р. Журналы Пермского губернского земского собрания первого трехлетия как исторический источник возможности цифрового подхода // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании: 3-й молодежный конвент: матер. междунар. студ. конф. 14–16 марта 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 207–209.

Жукова Л.А. Земства и социокультурная модернизация Российской империи в начале XX в. // Вестник университета. 2013. №20. С. 258–263;

Журналы Пермского губернского земского собрания 36 очередной сессии 1906 г. с докладами губернской комиссии. Пермь, 1906.

Корниенко С.И., Ехлакова А.Р. Журналы земских собраний: организация информации на основе информационных систем (на примере Пермской губернии) // Сборники Президентской библиотеки. Сер. «Электронная библиотека». Вып. 8: Цифровые проекты в современной информационной среде. 2018. С. 70–83.

Корниенко С.И., Масленников Н.Н., Шабалина Д.В. Журналы земских собраний: проблемы создания информационной системы // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2005. С. 153–164.

Рябухин И.В. Контент-анализ запросной деятельности в Государственной Думе Российской империи, 1906–1912 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: Матер. XII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. № 36, октябрь 2010. С. 118–119.

Сметанин А. В. Семантический контент-анализ выступлений депутатов Государственной Думы Российской империи: методологические аспекты // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 3 (26). С. 57–66.

Субботина А.М. Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918) / Российская академия наук, Уральское отделение, Удмуртский институт истории, языка и литературы, Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2017. 299 с.

Юсупов М.Р. Социокультурная деятельность земств Урала в области внешкольного образования на рубеже XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2015. №6. С. 143–146.

TRADITION OR MODERNITY IN THE ACTIVITIES OF THE PERM PROVINCIAL ZEMSTVO DURING 1870-1917

Bekasova Larisa A.

National State University Higher School of Economics,
38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia,
l.a.bekasova@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the study of the problem of socio-cultural and political transformation of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. On the example of the activities of the Perm provincial Zemstvo. The author has a goal to determine the direction of the actions of the Zemstvos, whose decisions reflected the main trends of the era. To achieve this goal, the following tasks are aimed at: conducting a corpus analysis of the text of the vowel lines; analyzing the statements of Zemstvo residents in relation to various areas of activity and comparing their moods; tracking the dynamics of changes by period and identifying the nature of the coloring of the Zemstvo's activities. The main method is the content analysis of vowel speeches based on the corpus of journals of the Perm provincial Zemstvo.

Key words

Zemstvo, Transformation of Russia, the Russian Empire, Journals of the Perm State Zemstvo, Content Analysis, Digital Humanities.

**ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В ДНЕВНИКАХ
СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА МЕТОДАМИ «ДАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ДНЕВНИКОВ
«ПРОЖИТО» И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ПОДКОРПУСА
НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА (НКРЯ))**

Крюков Артем Игоревич

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,

kryukov.ai39@gmail.com

Аннотация

Дневники в связи с антропологическим, лингвистическим и культуральным поворотами в исторической науке становятся всё более востребованными как источник среди исследователей. Однако количественные методы для изучения разных аспектов их содержания, например, политической повестки, применяются достаточно редко. С помощью методов «дального чтения», таких как тематическое моделирование и поиск частотных коллокаций, была предпринята попытка изучить дневники сталинского периода из корпуса «Прожито» на предмет отражения политических событий. Для сравнения были привлечены также публицистический подкорпус Национального корпуса русского языка и коллекция GoogleBooks. Выделена фиксация авторов дневников как на событиях минувших лет (например, Гражданская война), так и на актуальных новостях (принятие конституции, экспедиции на Северный полюс, репрессии). Сделан вывод о соотносимости освещения общественно значимых событий в дневниках и в советской прессе.

Ключевые слова

Дальнее чтение, дневники, публицистика, политический дискурс, сталинская эпоха, тематическое моделирование, коллокации.

Введение

Эго-документы, или источники личного происхождения, на протяжении последних десятилетий становятся всё более популярным объектом изучения среди историков. Это связано, во-первых, со сменой исследовательской оптики – дипломатическая и политическая история «теснятся» историей частной жизни, эмоций, историей понятий, а во-вторых, со стремительным ростом грамотности населения в XX веке, и, следовательно, количества эго-документов. В данной ра-

боте предпринята попытка применить к этому материалу методы «дальнего чтения» – методологии, предложенной американским филологом Ф. Моррети [Moretti, 2013].

Главным объектом для изучения стал электронный корпус дневников «Прожито», состоящий из нескольких тысяч дневников документов, значительная часть которых написана в период 1930–1940-х годов. Выбор именно этого типа эго-документов обусловлен тем, что на русском языке только для дневников существует такой большой и «чистый» набор данных для изучения цифровыми методами. Кроме того, дневники, в отличие от, например, мемуаров, достаточно жёстко привязаны к временной шкале, что позволяет на их основе проводить диахронические исследования. Нам важно также то, что авторы «Прожито» не отдают предпочтения в оцифровке дневникам известных личностей, а публикуют все дневники, которые возможно перевести в электронный вид.

Мы попробовали проанализировать влияние советского социально-политического дискурса на дневниковые записи граждан СССР с конца 1920-х до 1953 г. Этот период включает в себя формирование культа личности Сталина, несколько волн репрессий, Вторую мировую войну и множество других событий, в которых СССР принимал активное участие. Все эти события также освещались в советской прессе и обсуждались в обществе. Мы проверим гипотезу, что элементы пропагандисткой манипуляции сознания напрямую могут быть включены в дневниковые записи как элемент нарратива. Для этого мы также поставим следующие исследовательские вопросы:

1. Какие события социально-политической жизни страны наиболее часто освещаются в дневниках советских граждан?

2. Позитивная (парады, праздники, национальные достижения) или негативная (репрессии, война, голод) повестка находит больший отклик у авторов дневников?

3. Насколько коррелируют полученные политические топики и коллокации из «Прожито» с данными из подкорпуса НКРЯ?

Для ответа на эти вопросы мы применяли как методы «дальнего чтения» (тематическое моделирование, выделение частотных коллокаций, классификация с помощью алгоритмов машинного обучения), так и «медленного», внимательно изучая примеры дневниковых записей.

Историография

Насчёт присутствия в дневниках граждан тоталитарных стран событий и лексики, выходящей за пределы бытовой и личной повестки в историографии существуют разные мнения.

Ещё не так давно была распространена точка зрения [Nivat, 1993], что после революции в России дневниковая культура умерла из-за уничтожения ее носителей - дворян и опасений, что НКВД может использовать дневники против их авторов [Богомолов, 1990].

Однако после распада СССР обнаружилось, что значительный пласт источников просто ждал своего часа. Множество дневников обнаружилось в рассекреченных фондах архивов, на «барахолках». В 2010-х годах к ним прибавились дневники, отправленные авторами или их родственниками на оцифровку для «Прожито». Йохен Хелльбек [Хелльбек, 2020] пишет, что этот поток документов позволил «опровергнуть представление о всеобщем и единообразном подавлении личных нарративов... Дневник, похоже, оставался популярным жанром советского и особенно сталинского периода».

Хелльбек также утверждает, что «авторы советских дневников обнаруживают стремление вписаться в общественно-политический порядок. Они стремились к самореализации в качестве субъектов истории, действия которых определялись приверженностью общему революционному делу».

В историографии наблюдаются схожие дискуссии про наличие политического дискурса в дневниках жителей нацистской Германии. По утверждению авторов коллективной монографии «PrivateLifeandPrivacyinNaziGermany», [Harvey, 2019] раньше преобладала точка зрения, что ведение дневника при нацизме было свидетельством политического и психологического неприятия режима. Однако более поздние исследования [Zur Neiden, 1993] на более широком материале показывают, что вместо этого преобладали формы приспособления к режиму. Также замечается, что в период после 1933 года в дневниках немцев политические темы упоминаются гораздо чаще и подробнее.

Исходя из этого можно зафиксировать общую тенденцию в отношении ведения и содержания дневников людьми при тоталитарных режимах. Можно утверждать, что политические события так или иначе должны присутствовать в части дневников.

Данные

В основу исследования легло 3 датасета - дампы сайта электронного корпуса дневников «Прожито» от 11 апреля 2019 года, подкорпус публицистики Национального корпуса русского языка и GoogleBooks.

В «Прожито» содержится 384587 записей 3464 авторов на русском, украинском и английском языках, самые старые из которых относятся к XVII веку.

Корпус в этом дампе лежит в виде связанных csv-файлов. Обработка таблиц велась с помощью Python-библиотеки prozhito-tools. Для уточнения информации об авторах, рассмотрения отдельных кейсов для топиков мы использовали сам сайт «Прожито». Так как мы анализируем дневники сталинского периода, то из корпуса были извлечены дневники за период с 1928 по 1953 гг., в этой выборке находится 119 394 записи 858 авторов.

Можно заметить, что значительный рост числа записей приходится на годы Великой Отечественной войны - с довоенных 3-4 тысяч в год до 13-18 тысяч в 1941-1943 годах [Рисунок 1]. Это можно попробовать объяснить как советской традицией массово публиковать дневники/мемуары военных лет, так и возможным стремлением людей к повышенной рефлексии на фоне военных лишений.

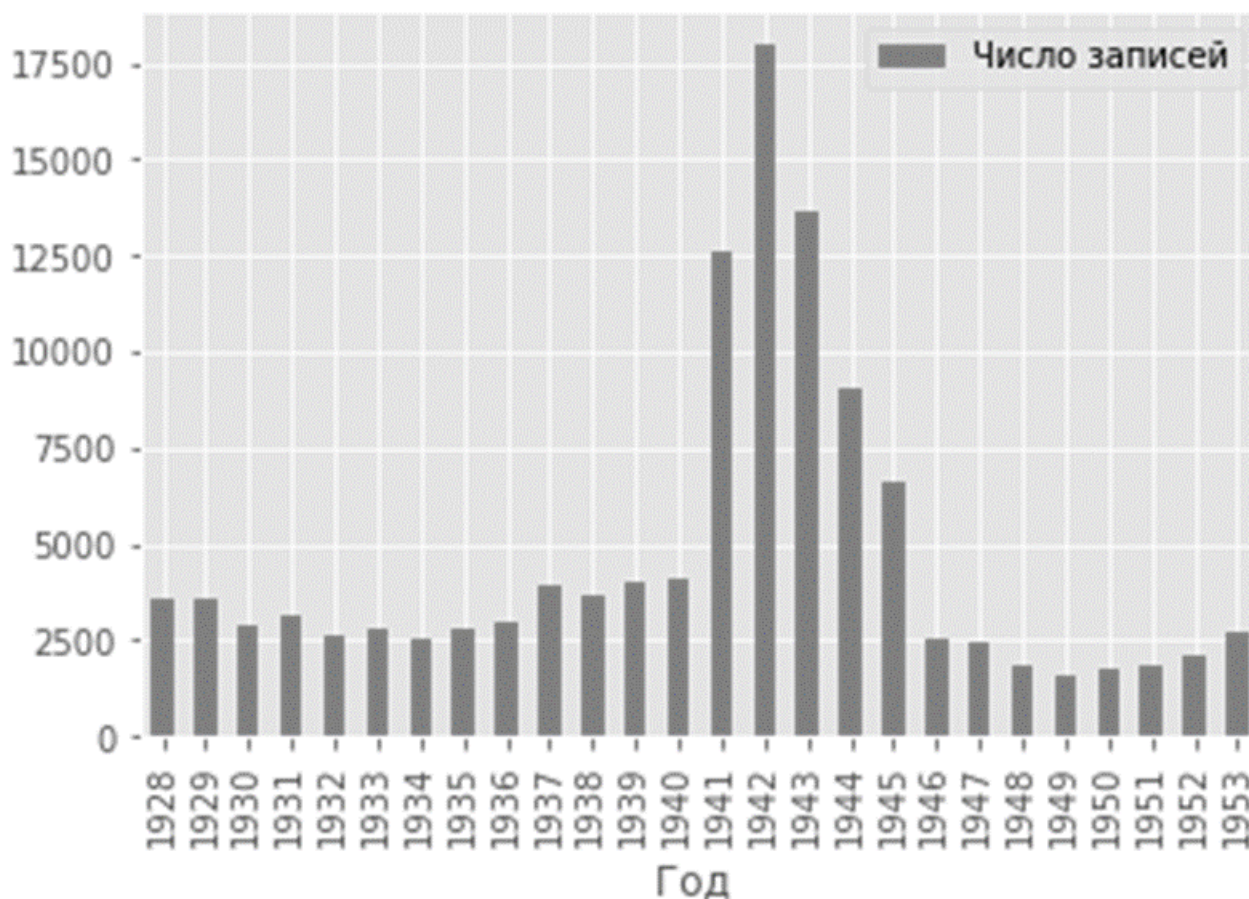

Рис. 1. Распределение дневниковых записей в корпусе "Прожито" по годам

Наибольшее число записей у Пришвина, что достаточно предсказуемо – писатель вёл дневник почти всю сознательную жизнь (Таблица 1). Но в то же

время интересно, что немногим меньше записей у работника Госбанка К.Ф. Измайлова. Соседство таких двух авторов прямо подтверждает главный принцип авторов проекта «Прожито» – «Не бывает неважных дневников».

Таблица 1

Авторы с самым большим числом записей в корпусе «Прожито»

ID	Автор	Число записей
#56	Михаил Михайлович Пришвин	4890
#1629	Константин Федорович Измайлов	4695
#867	Евгений Евгеньевич Лансере	2142
#318	Владимир Афанасьевич Швец	2084
#213	Алексей Васильевич Орешников	1897
#134	Николай Михайлович Дружинин	1346
#1101	Павел Тимофеевич Ананьин	1185
#599	Петр Евграфович Ковалевский	1154
#476	Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович	1105
#117	Сергей Иванович Вавилов	1036

Для сравнения выдачи с общественно-политической повесткой тех лет был отобран подкорпус публицистики из НКРЯ за 1928-1953 гг., в котором содержится 4260 записей. К сожалению, в корпусе нет публицистики за 1932, 1933, 1946, 1948, 1953 годы, что несколько затрудняет его анализ. По итогам разведочного анализа можно сказать, что собранный корпус достаточно релевантен. На первом месте по числу статей предсказуемо «Известия», на втором месте – молодежная газета «Пионерская правда», на третьем – студенческая «Ленинградский университет». Широко представлена региональная пресса (Рисунок 2). Абсолютное большинство публикаций относятся к темам «политика и общественная жизнь» и «армия и вооруженные конфликты» (Рисунок 3).

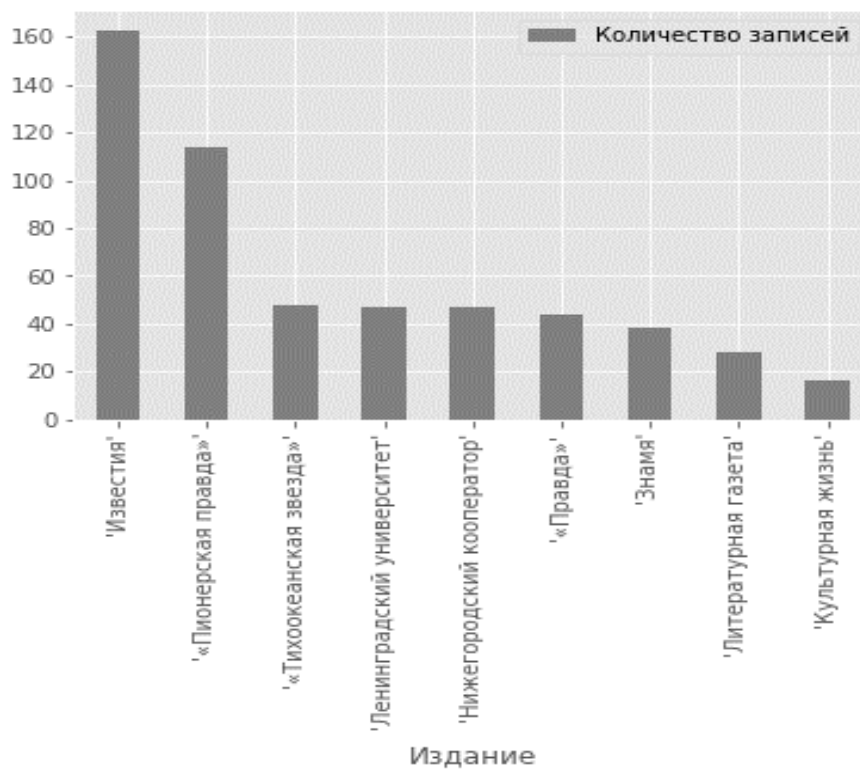

Рис. 2. Издания с наибольшим числом статей в подкорпусе публицистики НКРЯ

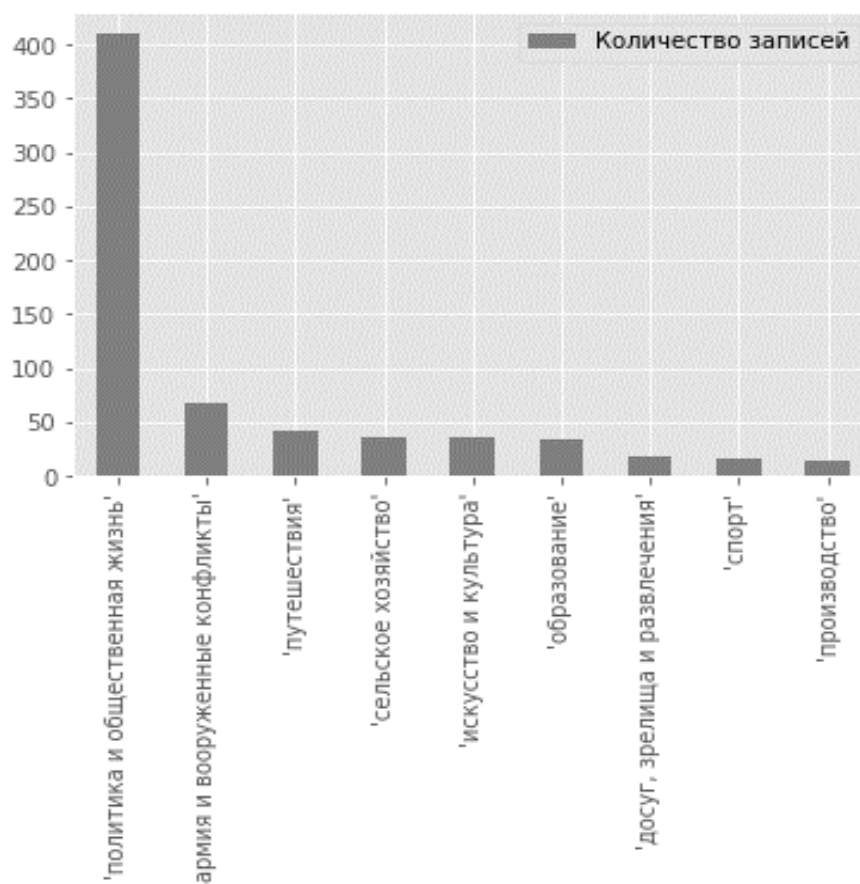

Рис. 3. 10 самых частотных тематик в корпусе публицистики НКРЯ

Помимо корпусов, которые обрабатывались локально, нами также был привлечен Google Books Ngram Viewer. В связи с огромным размером корпуса (более 5 миллионов книг общим объёмом более 500 миллиардов слов, из которых 35 миллиардов слов на русском), работа с ним осуществлялась через запросы с помощью Python-скрипта google-ngrams. Поиск производился по последнему актуальному русскоязычному корпусу 2019 года.

Предобработка корпуса

Извлеченные записи нужного периода из дампа «Прожито» лемматизировались с помощью морфологического анализатора `rumorphy2`. Помимо лемматизации, из текста были убрана пунктуация и стоп-слова (были взяты из библиотеки `stopwords` и добавлены своими).

Размеры имеющихся корпусов различаются в несколько раз – корпус публицистика НКРЯ включает около 15 миллионов знаков в прессе 1928–1953 годов, корпус «Прожито» за те же года имеет длину более 100 миллионов знаков. Многие записи в «Прожито» не содержат и намёка на политику, поэтому чтобы более-менее уравнять корпуса, было принято решение написать и обучить классификатор для фильтрации неполитических записей. Для обучения классификатора были размечены 1002 записи за 1937 год. Выбор этого года для разметки кажется оптимальным, так как в нём зафиксированы как события внутривнутриполитической жизни (перепись населения, начало Большого террора), так и внешнеполитической (подробное освещение гражданской войны в Испании в дневнике Кольцова и др.).

Перед нами стояла задача скорее проредить корпус дневников, а не написать совершенный классификатор политических записей. В связи со структурой дневниковых записей, которые крайне неоднородны по своей длине и содержанию (от коротких записей на несколько строк о событиях дня до эссе на разные темы у Пришвина), это задача достаточно непростая и заслуживает отдельного исследования.

Разметку было решено сделать бинарной – политическая или неполитическая запись. Политической признавалась запись, в которой происходило вмешательство государственных структур в жизнь человека – посещение митинга или партийного собрания. Также фиксировалось описание новостей, прочитанных в газете или услышанных по радио, – они также признавались политическими. Рассуждения человека о существующем строе в стране или за рубежом, репортажи с места событий тоже записывались в эту категорию. Если обобщить, то вторжение чего-то внешнего в повседневную бытовую рутину классифицировалось как «политическое». Эта довольно широкая рамка должна была позволить сохранить

записи с потенциально интересным для нас содержанием, но не исключено, что в таком случае часть неполитических записей могли быть размечены как политические. Тем не менее, риск потерять часть релевантной для нас информации был признан более важным, чем попадание в нашу подвыборку лишних записей.

По итогам разметки около 40% записей из выборки были признаны политическими. Далее эту обучающую выборку предобработали и разделили на три версии - исходный текст записей, текст без стоп-слов, лемматизированный без стоп-слов. Наилучшие результаты классификаторы показывали на втором варианте.

Нами были опробованы несколько базовых алгоритмов из библиотеки `sclearn` для классификации - стохастический градиентный спуск (`sgd`), метод `k`-средних (`kns`), метод опорных векторов (`svm`), наивный байес (`NB`). Лучше всего в нашем случае сработал метод опорных векторов (Таблица 4).

Таблица 2

Метрики качества модели на основе метода опорных векторов

Метрики для <code>sgd</code>	precision	recall	f1-score	support
Политическое	0.93	0.50	0.65	137
Неполитическое	0.36	0.89	0.51	44

В результате применения классификатора было отфильтровано примерно 21 % корпуса. На представленном выше графике можно посмотреть соотношение политических и неполитических записей по годам. Получилось, что был сохранен больший процент «политического», чем было в обучающей выборке. Для нас это некритично, потому что потерять слишком много записей мы не планировали. После сравнения статистик относительного вхождения политической лексики во всём корпусе и в его политической подвыборке выяснилось, что показатели для лексем во втором выросли на 10-15 %.

Затем было сделано тематическое моделирование с помощью средств Python-библиотеки `Scikit-learn`. Настройки для TF-IDF (частотность терминов-обратная частотность документов) - `max_df` равна 0.95 (т.е. термины, которые встречаются чаще, чем в 95% текстов, будут пропускаться), `min_df` равна 5 (игнорируются термины, которые появляются менее чем в 5 документах), искали только биграммы (`ngram_range=(2, 2)`). Применялся алгоритм неотрицательного матричного разложения (NMF) с методами `nndsvd` (неотрицательное разложение по двойному единственному значению) и `random` в зависимости от объёма записей за конкретный год. Тематическое моделирование делалось на 20 тем по 10 компонент по каждому году с 1928 по 1953 год.

После первых пробных топиков выяснилось, что в процессе лемматизации часть дневникового корпуса обработалась некорректно из-за характерного стиля письма некоторых авторов. Некоторые компоненты содержали биграммы, которые на самом деле оказались одним словом, разделенным надвое («"раб ота, выход ил, дун аевский, унива ерситетский"» и т.д.). Для выяснения причин пришлось обратиться к сайту «Прожито». Оказалось, что определенные авторы, например, историк Кареев, писали в дневник слова с сокращениями, и редактора дневников воссоздавали их в полном виде в квадратных скобках. При очистке корпуса от пунктуации и токенизации морфологический анализатор `rumorphy2` воспринимал такие случаи как два слова, что сказывалась на результатах выдачи.

Также в корпусе присутствовали вкрапления французского (в основном в дневниках эмигрантов) и украинского языков. Чтобы они не влияли на выдачу алгоритмов тематического моделирования, некириллические слова были удалены с помощью регулярных выражений.

Некоторые авторы писали довольно малограмотно (как правило, рабочие в первом поколении), из-за чего даже если они употребляли нужную нам лексику, извлечь её было сложно из-за множества орфографических ошибок.

Результаты «дальнего чтения»

Нам удалось выделить топики, которые можно отнести к социально-политическим. Часть из них наблюдаются в разные года, например, такие типовые для советского человека выражения как «*советская власть*» (выделяется как компонента разных тем в 1928, 1929, 1930, 1935, 1937, 1941, 1942 гг.), «*классовый враг*»/«*классовая борьба*» (наблюдаются в моделировании за 1929, 1930, 1932, 1935 гг.), «*социалистическое строительство*» (1928, 1929), «*враг народа*» (1937, 1938), «*диктатура пролетариата*» (1930, 1935, 1937) и др.

Рассмотрим контекст, в которых употребляются разные группы лексем из нашего словаря. Примеры употребления далее были взяты с сайта «Прожито». В случае приведения неполного цитирования записи пропущенная часть заменяется многоточием. После каждой из записей в скобках указаны её авторы дата написания.

Судя по наполнению корпуса, государственные пропагандистские кампании против врагов народа не остались незамеченными рядовыми советскими людьми. Резонанс и пики их упоминаний хронологически совпадают как в дневниках, так и в публицистике (Рисунок 4). Частотность униграммы «арест» также возрастает во времена волн политических репрессий (Рисунок 5).

Рис. 4. Частотность употребления лексемы "враг" на миллион слов

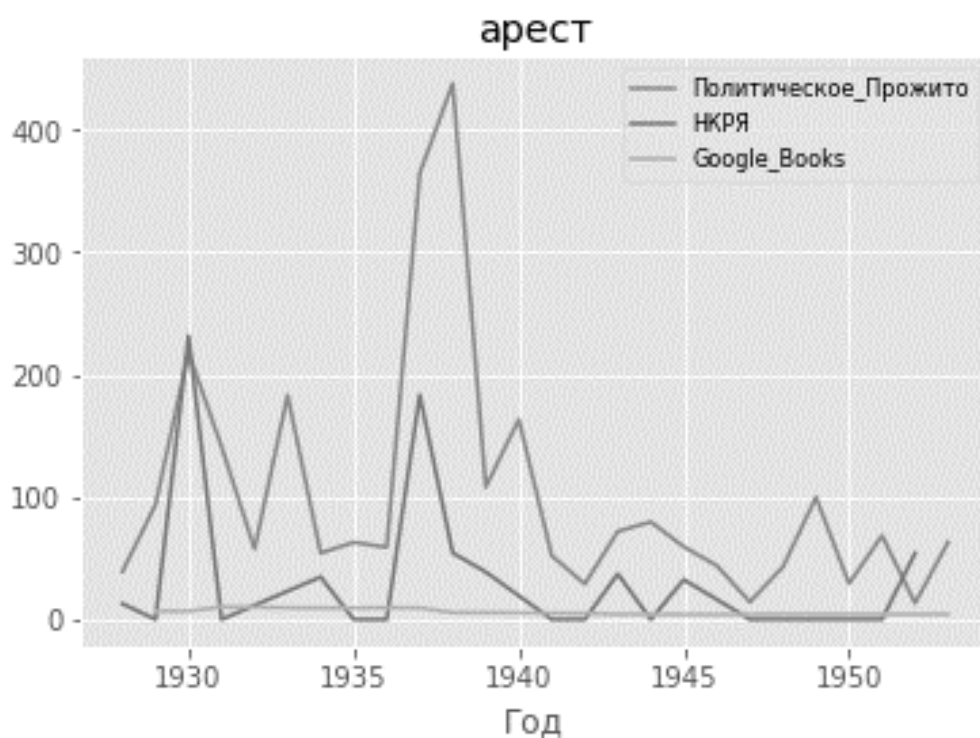

Рис. 5. Частотность употребления лексемы "арест" на миллион слов

Подтверждение масштабности этой «борьбы с врагами» можно найти подтверждение в конкретных свидетельствах авторов:

*«... Что общего имеют эти стихи с теми лозунгами, которые служат заголовками многочисленных газетных статей: «Побольше бдительности и большевистской непримиримости!» «Нет пощады **врагам народа!**» «Мы жестоко отомстим за смерть любимого вождя» и т. д. ... От всех этих лозунгов пахнет кровью. А ведь они действительно осуществляются с невероятной жестокостью» (Л. Николаев, 13.01.1937).*

Неоднозначные чувства и как минимум недоумение вызывали и проходящие по итогам кампании судебные процессы над врагами народа:

*«Страшный процесс кончился. Конечно, расстрел. Как могло случиться, что старые революционеры, десятки лет боровшиеся за власть народа, стали **врагами народа?**..» (Н. Костерина, 07.02.1937).*

*«Ю. Славинский назван **врагом народа**», «дружком Томского». Потеряны все приличия. Он «враг», потому что он «друг». Но всего удивительней, что мало кто замечает эти нелепости и это уже никого не удивляет» (А. Гладков, 25.03.1937).*

Заметим, что во многих случаях штамп «враг народа» остаётся штампом и соответствующе оформляется в записях с помощью кавычек или как часть цитаты, т.е. ощущается авторами чужеродно и не входит в их повседневную лексику.

Второй пик после 1937 года униграммы «враг» предсказуемо приходится на начало ВОВ (Рисунок 4).

Одной из самых распространенных биграмм (721 вхождение в корпус «Прожито») оказалась «советская власть». Интересно выглядит практически полное отсутствие упоминаний в прессе и скачок в дневниках в годы войны, который в определенной степени объясним оккупацией части СССР фашистами (Рисунок 6). Новый режим, установленный там немцами, неизбежно подвергался сравнению с положением при советской власти:

Рис. 6. Частота вхождений лексемы «советская власть» на миллион слов

«Улицы, которые с приходом немцев получили названия Мазены, Петлюры, Богуна и пр., с сегодняшнего дня все переименованы в немецкие — Риттерштрассе и т. д. Представляю себе настроение господ «патриотов» и прихожу в умиление. (...)

По-моему, теперь 80% населения — за Советскую власть. Удивительно быстро у него меняются убеждения.» (Р. Кравченко-Бережной, 21.01.1942)

«Трупы бросают в щели, вырытые во дворах ещё тогда, когда была советская власть, и предназначавшиеся в качестве убежища при немецких воздушных налётах» (Л. Николаев, 13.02.1942).

Судя по встречаемости топиков в корпусе, можно отметить следующее: сугубо советская лексика часто свойственна именно специфическим стратам советского общества – историкам и другим представителям советской гуманитаристики, – рассуждавшим в собственных дневниках о предмете своей научной деятельности, преподавательской рутине. Данная лексика входит как компонента в топики тематического моделирования разных годов, однако частотной ее назвать нельзя. Например, биграмма «диктатура пролетариата» встречается в 1930 году 13 раз, в 1936-м – 7, а в 1937-м – всего 5 раз.

«Трудный день. Утром – подготовка к докладу о диктатуре пролетариата и, очень наскоро, – к лекции...» (Николай Дружинин, 20.02.1937)

Коллокации и топики помогли выявить и кратковременные события, на которых делался акцент в дневниках. Например, аномальный пик биграммы «Северный полюс» в 1937 году относится к топику, связанному с героической экспедицией папанинцев и открытием первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс», а также полетом Чкалова из Москвы в Ванкувер («северный полюс, экспедиция северный, станция северный, байдуков беляков, чкалов байдуков, ширшов фёдоров, советский страна, отто юлий, земля франц, франц иосиф») (Рисунок 7).

Рис. 7. Число употреблений лексемы «северный полюс» на миллион слов

Такое большое количество записей, связанных с темой, объясняется в том числе и тем, что дневники всех членов экспедиции содержатся в корпусе. Однако новости об экспедиции в Арктике встречали с гордостью и энтузиазмом и обычные советские граждане, делясь своим восхищением в дневниках. Те воодушевление и восторг, которые вызвало в сталинскую эпоху у советских граждан покорение Северного полюса, можно позднее сопоставить разве что чувствами от полёта Гагарина в космос:

*«Наши твердые люди прилетели на **полюс!** Радио сказало мне сегодня, что 21 мая в 11 ч. 35 м. Водопьянов посадил свою машину на полюс, а его работа, его пьеса «Мечта» шла премьерой уже после того, как он и его товарищи большевики осуществили эту мечту» (П. Филонов, 22.05.1937).*

«Дома узнал о замечательном полете советских летчиков и высадке 11 человек, в том числе 4 зимовщиков на **Северный полюс**. Все газеты переполнены сообщениями о них» (О. Черневский, 22.05.1937).

«...Но в общем и целом — весело! Радостная, действительно волнующая победа над **Северным полюсом**. Прекрасное дело обуздания стихий. Оседлать землю, очеловечить природу. Тринадцать советских полярников — на льдине у полюса. Шмидт и его двенадцать учеников, апостолов активного гуманизма» (Н. Устрялов, 25.05.1937).

Проект сталинской конституции активно обсуждался в 1936 году (Рисунок 8). В связи с тем, что она формально значительно расширяла права советских граждан, в дневниковых записях мы видим в основном позитивный настрой. Хотя звучали и голоса, подвергавшие критике «раболепный» тон прессы и партийной номенклатуры в адрес самой конституции и её инициатора.

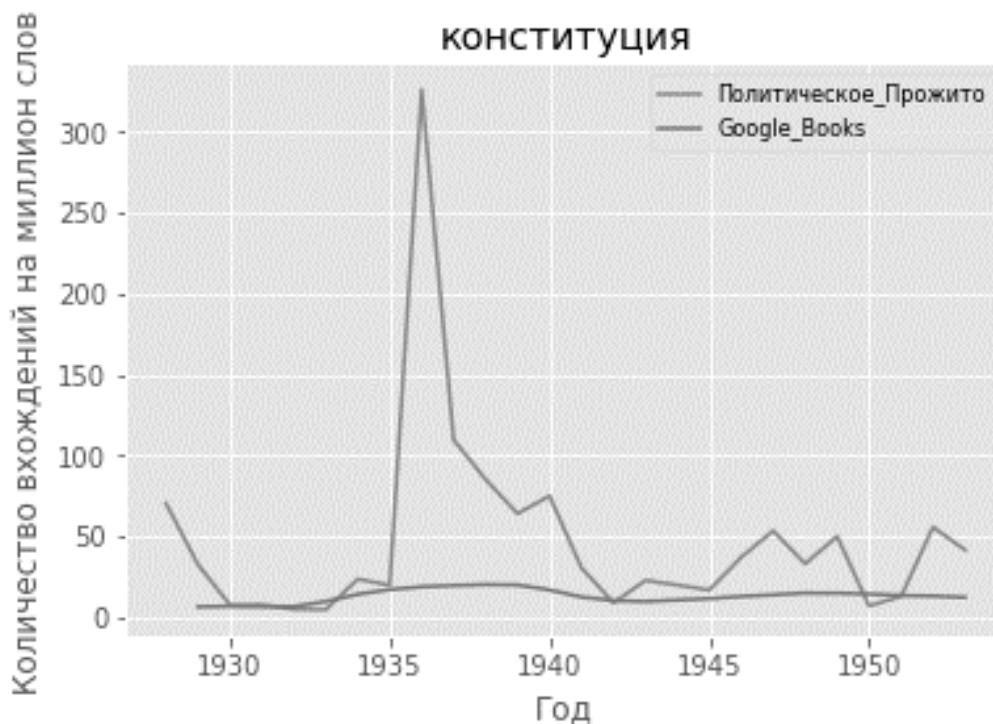

Рис. 8. Число употреблений лексемы «конституция» на миллион слов

«Новая конституция является небывалою первой Социалистической Конституцией в мире, дающей равные права трудящимся страны без различия национальностей, пола и т.д., вводятся всеобщия прямая, тайная выборы. Уничтожается эксплуатация человека человеком» (Д. Лукичев, 05.12.1936).

«Конституция — насколько Мирович мог это осмыслить, составлена умно, широко, многообещающе. Но в газетных лепетах вокруг нее — незрелость,

несамостоятельность, рабий тон. Привыкли к диктатуре, и в крови еще продолжает гудеть «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего» земной поклон и колокольные трезвоны в сторону власти, кем бы она ни олицетворялась. Таковы интонации большинства попавших в «Правду» обсуждающих конституцию голосов» (В. Малахьева-Мирович, 21.06.1936).

«На съезде восторженные выступления, одобряющие сталинскую **Конституцию**. Все по мере сил славословят т. Сталина. Особенно выделяется славословие Хрущева — первого секретаря МК и МГК. Все его длинное выступление, вернее чтение, пронизано явным заискиванием. Даже т. Сталин, слушая его, все время хмурился [...]» (А. Соловьев, 01.12.1936).

Обсуждение внешнеполитических тем также прослеживается в советских дневниках. Например, показательна эволюция биграммы «гражданская война» (Рисунок 9). Объясним пик его упоминания в 1936-1937 гг., связанный с войной в Испании. В годы ВОВ эта тема продолжает возникать в дневниках при полном игнорировании в прессе. Авторы дневников в военное время упоминают темы гражданской войны не только в контексте школьной программы либо описывая чей-то боевой опыт. Зная по личному опыту, какие беды и лишения военного времени им предстоят, советские люди в своих дневниках уподобляют войну с фашистской Германией недавней Гражданской войне:

Рис. 9. Число употреблений лексемы «гражданская война» на миллион слов

*«Каждый предоставлен только самому себе, своему разуму и совести, каждый вновь сам решает свою судьбу, – как в годы **гражданской войны**. Ошибутся и на этот раз? Почти уверен, что нет»* (Н. Рощин, 23.06.1941).

*«Товарищи по работе все ушли на фронт; было неукротимое желание также уйти на фронт и так же, как в годы **гражданской войны**, быть там в первых рядах»* (А. Загорская, 13.07.1941).

*«...Вид у всех стал сразу более воинственным, повеяло даже «романтикой» **гражданской войны**...»* (Н. Иноземцев, 28.06.1941).

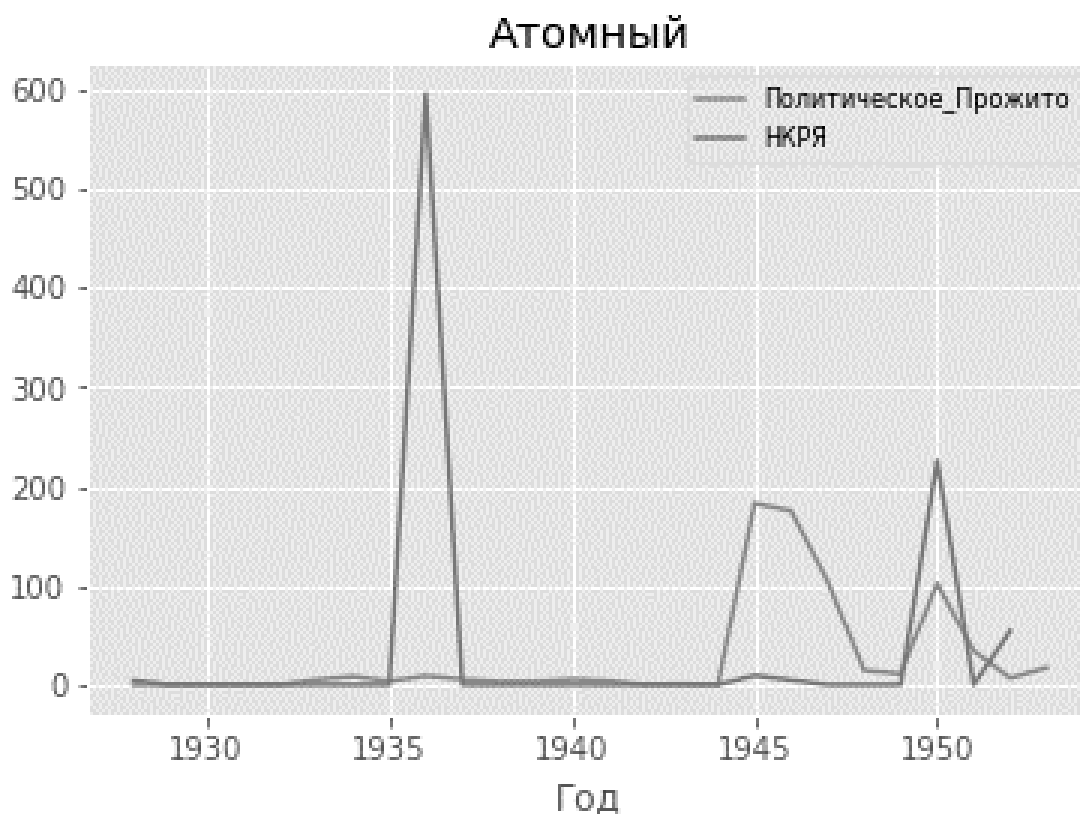

Рис. 10. Число употреблений лексемы «атомный» на миллион слов

Применение американцами в 1946 г. атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки получило у авторов дневников гораздо более мощный отклик, чем позднее изобретение в СССР собственного ядерного оружия (Рисунок 10).

*«...О войне говорят мало — это далеко, это будто не наше. Об **атомной бомбе** не говорят вообще. А я от ужаса атомной бомбы не могу очнуться...»* (С. Островская, 43 года, 10.08.1945).

*«...Любопытно и знаменательно — Япония сложила оружие, как только объявил войну СССР. Видимо, для самураев русский Иван страшнее американской авиации и американских **атомных бомб**»* (В. Войнов, 11.08.1945).

Рис. 11. Число употреблений лексемы «лига наций» на миллион слов

Лига Наций наиболее часто упоминается в 1934–1935 гг., на что несомненно повлияло вступление Советского Союза в эту организацию в сентябре 1934 г. Однако данная биграмма выходит из употребления к 1940 году - моменту исключения нашей страны из Лиги за войну с Финляндией. Логично, что самая весомая доля употреблений термина находится в записях А.М. Коллонтай, находившейся в те годы в Швеции на дипломатической работе (Рисунок 11).

Заключение

Применение инструментов «distantreading», с последующей верификацией результатов с помощью «closereading» дневников дало некоторые интересные результаты, несмотря на разные объёмы сравниваемых корпусов.

Методы тематического моделирования и поиска коллокаций позволили нам выделить среди других те события общественной жизни, которые нашли наибольший отклик у авторов дневников. Среди них – борьба с врагами народа во время «ежовщины», экспедиция папанинцев и перелёт Чкалова, принятие новой сталинской конституции.

Небезразлична для авторов дневников оказалась и внешнеполитическая повестка. Безусловно, стоит отметить события Великой Отечественной войны.

Хотя темы 1941–1945 годов были переполнены топиками, посвящённым военным действиям, голоду, смертям и другим спутникам войны, из рефлексии людей нам удалось вытащить неочевидное сопоставление нового опыта войны с немцами с опытом войны гражданской.

Соотношение позитивной и негативной общественной повестки в дневниках меняется год от года. Достаточно очевидно, что в начале войны сложно найти события, которым бы радовались авторы. С другой стороны, мы отмечаем очень высокую упоминаемость покорения Северного полюса папанинцами в 1937 году, году Большого террора и самых массовых репрессий, где отмечаются топики «слух арест», «враг народа». Можно предположить, что в такие мрачные года люди с особым вниманием относятся к событиям, которые вызывают национальную гордость и показывают достижения строя, при котором они живут.

Сопоставление графиков показало, что динамика упоминаемости биграмм зачастую совпадает в обоих корпусах, особенно когда это касается ограниченных по времени событий. Иногда мы видим, что некоторые биграммы становятся более распространены без толчка со стороны публицистики, как в случае с «гражданской войной». Тотальное преобладание какого-то топики в дневниках и отсутствие его в публицистике можно объяснить тем, что некоторые темы обсуждаются в дневниках советских дипломатов или партийных деятелей «изнутри», что просто не выносится в газеты, а также неполноты имеющегося корпуса публицистики.

Библиографический список

Богомолов Н.А. Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 148–158.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 424 с.

Harvey E. et al. (ed.). Private Life and Privacy in Nazi Germany. Cambridge University Press, 2019.

Moretti F. Distant reading. London; New York: Verso, 2013.

Nivat G. Le journal intime en Russie // Russie-Europe. Le fin du schisme: Etudes littéraires et politiques. Lausanne: L'âge d'homme, 1993.

Zur Nieden S. Alltag im Ausnahmezustand: Frauentagebücher im zerstörten Deutschland, 1943 bis 1945. Orlanda Frauenverlag, 1993.

**THE RESEARCH OF THE POLITICAL AGENDA IN THE DIARIES
OF THE STALINIST PERIOD BY THE METHODS
OF "DISTANT READING" (ON THE MATERIALS
OF THE ELECTRONIC CORPUS OF THE DIARIES "PROZHITO"
AND THE JOURNALISTIC SUBCORPUS OF THE NATIONAL CORPUS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE (NKRYA))**

Kryukov Artem I.

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,
kryukov.ai39@gmail.com

Annotation

Due to the anthropological, linguistic, and cultural turns in historical science, diaries are becoming more and more in demand among researchers as a source. However, quantitative methods for studying various aspects of their content, such as political agenda, are rarely used. We attempted to use "distant reading" methods such as topic modeling and frequency collocation searches to examine the Stalinist diaries from the "Prozhito" corpus in terms of political events. For comparison we also used the journalistic subcorpus of the National Corpus of the Russian language and the Google Books collection. We revealed the diary authors' fixation on the events of the past years (for example, on the Civil War) and on the current news (adoption of the Constitution, expeditions to the North Pole, repressions). It was concluded about the correlation between the coverage of socially significant events in the diaries and in the Soviet press.

Key words

Distant Reading, Diaries, Journalism, Political Discourse, Stalin Era, Topic Modeling, Collocations.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «ИСТОРИКИ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ»

*Максимов Владислав Александрович,
Аверин Сергей Игоревич*
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
workmaximov@yandex.ru
averin-s-i@live.com

Аннотация

Часто базы данных, созданные историками, трансформируются в комплексные информационные системы. При этом возникают как глобальные проблемы реализации системы, так и частные проблемы ее разработки, связанные с используемыми технологиями, предметной областью, междисциплинарным характером работы. Игнорирование или недостаточно эффективное решение таких проблем может привести к появлению в системе ошибок, в том числе фатальных. В данной работе вышеперечисленные проблемы рассмотрены и классифицированы на основе опыта разработки системы «Историки России XIX–XX веков», описан процесс ее реализации, приведены практические рекомендации по решению конкретных проблем разработки.

Ключевые слова

Цифровая история; история России, просопография, информационные системы, распределенные системы.

Часто базы данных (далее – БД), разработанные историками, трансформируются в более сложные информационные системы (далее – ИС), автоматизирующие процессы ввода-вывода данных, их изменения и удаления [Поврозник, 2009]. С одной стороны, создание таких ИС позволяет значительно расширить круг пользователей (например, посредством публикации системы во Всемирной паутине) и упростить взаимодействие пользователя с данными за счет разработки интерфейса, не требующего навыков работы с языком запросов SQL (Structured Query Language) или со специализированным программным обеспечением (далее – ПО). С другой стороны, создание исторической ИС ставит перед ее авторами ряд проблем, которые им необходимо решить.

Мы столкнулись с некоторыми из таких проблем при разработке ИС «Историки России XIX–XX веков» на основе БД, созданной С.И. Авериным для исследования динамики социокультурных характеристик историков России во второй половине XIX – первой половине XX веков [Аверин, 2014]. Встретившиеся нам проблемы мы разделили на два кластера.

«Проблемы реализации» – более общие. Они относятся к тому, что нужно сделать, чтобы разработать систему такой, какой мы хотим ее видеть. В их число входят проблемы формирования требований, моделирования и выбора средств разработки ИС. Возникающие на разных этапах жизненного цикла системы частные вопросы и препятствия мы обозначили как «проблемы разработки» и разделили на три группы: универсальные, междисциплинарные и проблемы предметной области. Кроме того, мы подготовили практические рекомендации по решению каждой из таких проблем.

Говоря о проблемах реализации, нельзя не сказать о характере нашей системы. В первую очередь она предназначена для поддержки просопографических исследований, но ей могут пользоваться и студенты (в образовательных целях), и иные заинтересованные в предметной области люди. При разработке ИС используется методо-ориентированный подход с элементами источник-ориентированного и проблемно-ориентированного [Гагарина и др., 2011, 2016]. Система будет опубликована во Всемирной паутине.

Первая проблема реализации – это проблема формирования или разработки требований. Для того, чтобы выявить требования к системе, мы воспользовались техникой интервью, применяемой бизнес-аналитиками. Требования, которые мы выявили, можно разделить на две группы: функциональные (то, что система должна делать) и нефункциональные (качества системы, не относящиеся к ее поведению). Т.к. на момент формирования требований не планировались и не планируются сейчас мероприятия по масштабированию ИС, в первую очередь нас интересовали и интересуют функциональные требования. Для их документирования и включения в модель ИС были использованы диаграммы прецедентов.

Для создания диаграмм прецедентов применялась нотация Unified Modeling Language (далее – UML). UML – это графический язык, который предназначен для проектирования информационных систем, визуализации их внутренней структуры, специфицирования, документирования их архитектуры и требований к ним. Он дает возможность строить точные и полные модели, однозначно понимаемые людьми, знакомыми с нотацией языка. UML де факто явля-

ется стандартом в области объектно-ориентированного анализа и моделирования, поэтому он был выбран нами для построения модели системы [Буч и др., 2006; Рамбо, Блаха, 2007].

Нотация диаграмм прецедентов состоит из нескольких элементов. В виде схематичной фигуры человека обозначается актер – роль пользователя, которую он выполняет при взаимодействии с системой. Овалом обозначен прецедент – сценарий взаимодействия пользователя с системой. Прецеденты отражают функциональные требования. Сплошная линия – ассоциация между актором и прецедентом, означающая, что актору доступен сценарий взаимодействия с ИС, отраженный данным прецедентом. Пунктирные линии обозначают отношения включения («include») и расширения («extend»). При включении один прецедент полностью входит в состав другого, при расширении – может быть включен в его состав в определенном месте, обозначаемом с помощью точек расширения («extensionpoints»). Сплошной линией с треугольником на конце показано отношение генерализации. Оно означает, что актер, от которого идет линия, имеет все возможности и свойства актора, со стороны которого находится треугольник.

На рисунке 1 показана иерархия акторов. Как можно заметить, для разрабатываемой ИС не важны цели, которые преследует обычный пользователь при работе с ней. Ученый, студент или любой другой человек может получить доступ ко всей функциональности системы, кроме функций администратора.

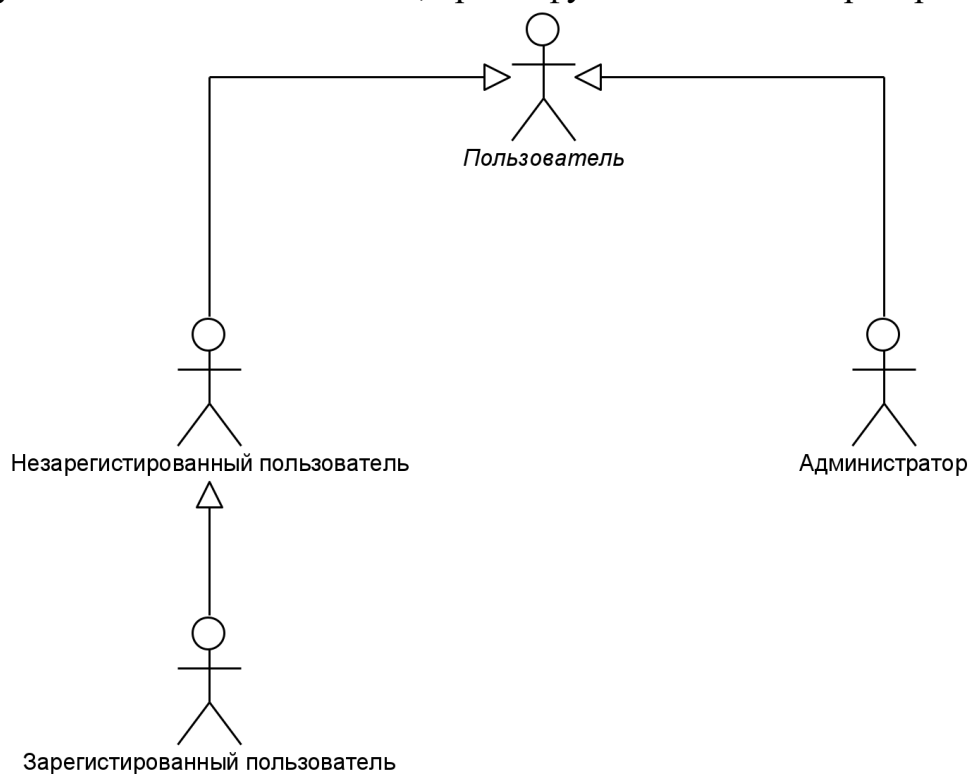

Рис. 1. Иерархия акторов

Диаграмма прецедентов, представленная на рисунке 2, отражает взаимодействие незарегистрированного пользователя с разрабатываемой нами ИС. Незарегистрированному пользователю доступны:

- просмотр списка карточек с краткой информацией об историках;
- раскрытие карточки, после которого пользователь видит полную информацию об историке;
- создание своих выборок историков с помощью фильтра по любым их признакам и сочетаниям признаков (поиск историков);
- получение статистических данных для признаков историков, визуализированных с помощью графиков и диаграмм;
- выполнение корреляционного анализа для признаков историков.

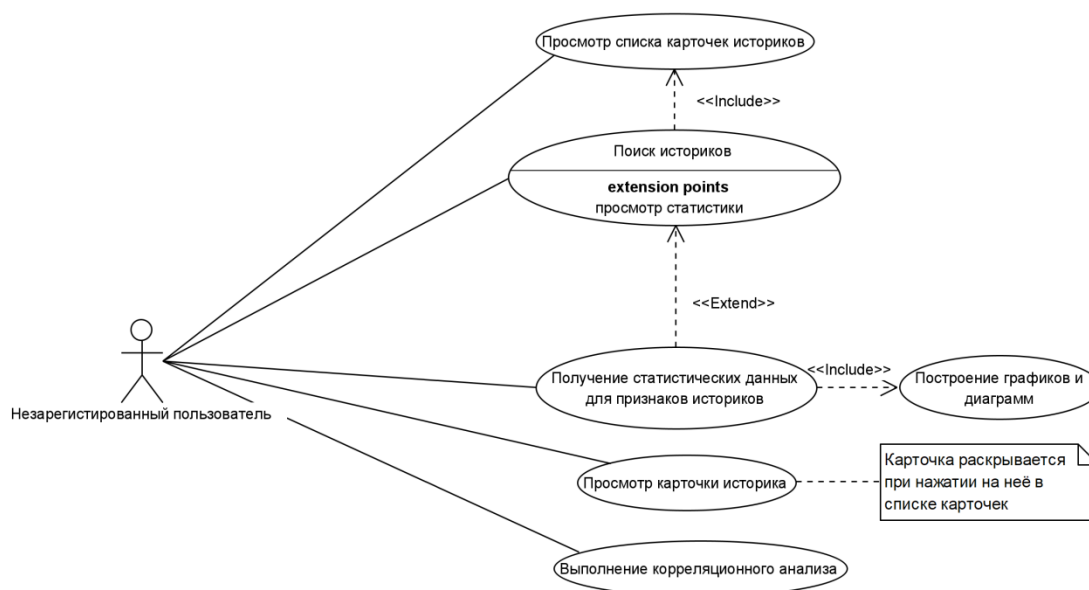

Рис. 2. Возможности незарегистрированного пользователя

Для уточнения прецедента «Получение статистических данных для признаков историков» используется диаграмма, показанная на рисунке 3. Она добавляет два новых прецедента. Прецедент «Получение выборочного среднего для признаков историков» предполагает, что пользователь может получить выборочное среднее для некоторых признаков историков из сформированной им выборки или всей совокупности историков. Этот прецедент напрямую связан с просопографическим характером системы, т.к. для просопографического исследования важно получение «усредненного портрета» представителя рассматриваемой группы людей.

Рис. 3. Уточнение прецедента «Получение статистических данных для признаков историков»

Прецедент «Выполнение корреляционного анализа» включает в себя возможность вычисления коэффициента корреляции для следующих пар и троек признаков историков:

- «Происхождение» и «Направление истории»;
- «Страна», «Регион» и «Место рождения»;
- «Национальность» и «Регион»;
- «Профессиональная область» и «Направление обучения»;
- «Пол» и «Область знания»;
- «Место рождения» и «Место смерти».

Показанная на рисунке 4 диаграмма описывает дополнительные функции, доступные зарегистрированному пользователю. После регистрации открывается возможность добавлять записи об историках в систему с предварительной модерацией, которую осуществляет администратор. Добавление записи можно отменить, пока администратор не начал ее рассматривать.

Рис. 4. Возможности зарегистрированного пользователя

На рисунке 5 представлена диаграмма, которая описывает возможности администратора ИС при работе с ней через панель администратора.

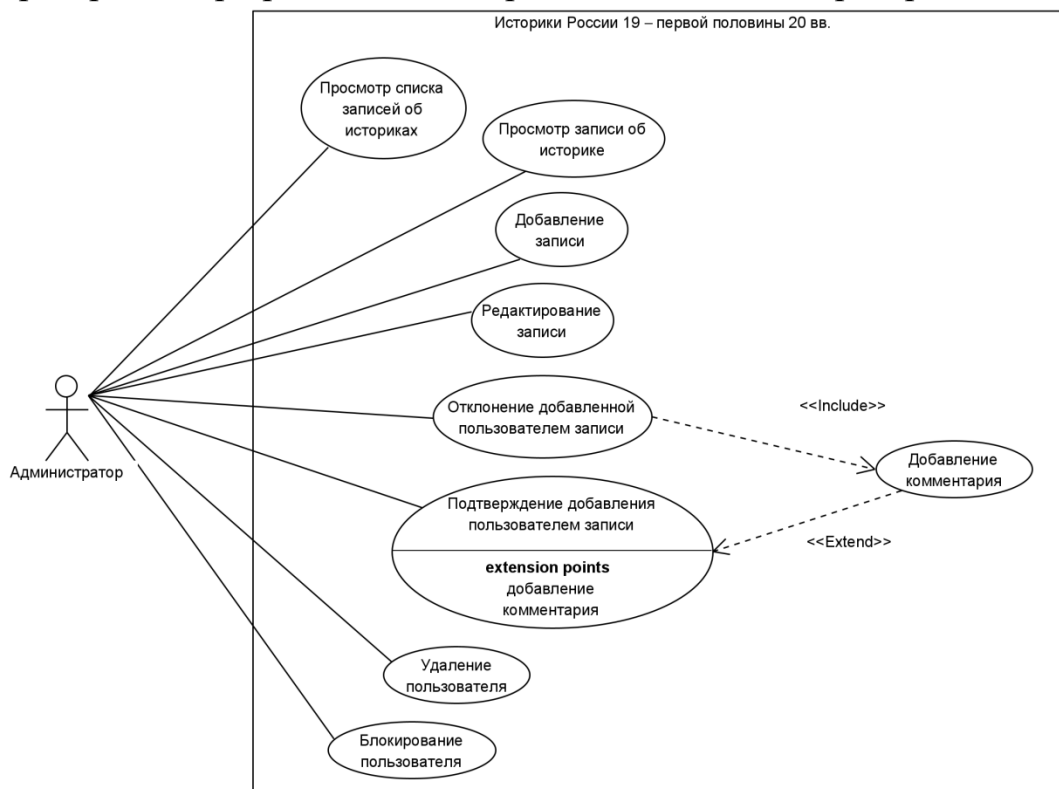

Рис. 5. Возможности администратора

Сценарии взаимодействия с системой этой роли можно разделить на три группы: работа непосредственно с записями в системе (добавление, просмотр, редактирование, удаление), модерация добавленных пользователями записей

(отклонение, подтверждение) и работа с профилями зарегистрированных пользователей (удаление, блокирование).

Для того, чтобы смоделировать физическую структуру ИС, мы использовали UML-диаграмму развертывания, показанную на рисунке 6. Трехмерными фигурами на ней изображены вычислительные узлы, которые содержат компоненты системы. Сами компоненты показаны в виде прямоугольников со стереотипом «component». Они взаимодействуют друг с другом через интерфейсы – кружки, соединенные с компонентами линией (использование интерфейса изображается линией с полуокружностью на конце). В общем случае интерфейс – это множество операций компонента, доступных другому компоненту.

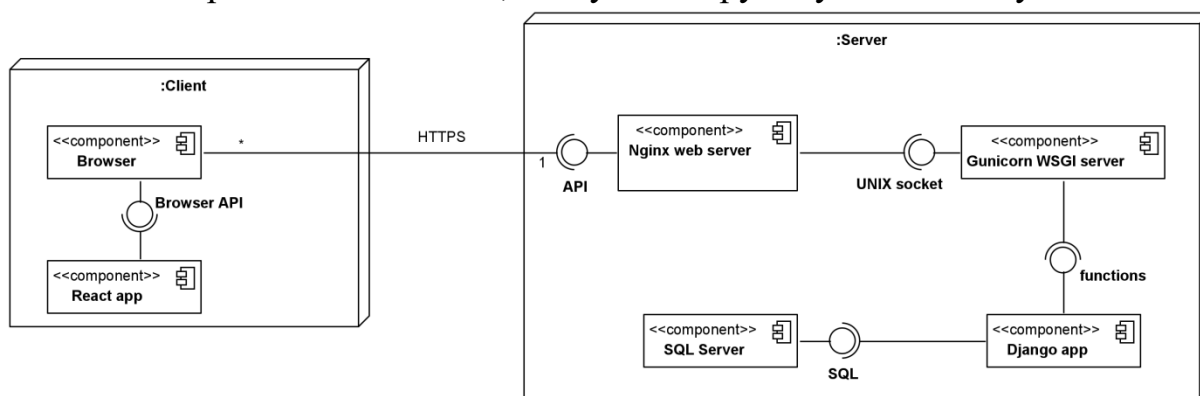

Рис. 6. Физическая структура системы

Как видно из рисунка 6, при разработке ИС реализуется клиент-серверная архитектура. На диаграмме присутствуют два узла: клиентский и серверный. Клиентский узел – это устройство пользователя, на котором он через браузер открывает клиентское приложение – «Reactapp». На серверном узле находится серверное приложение – «Djangoapp».

«Reactapp» обеспечивает визуализацию данных и работу с пользователем. Клиентское приложение взаимодействует с браузером посредством программного интерфейса приложения (Application Programming Interface – API). Когда пользователь впервые запускает «Reactapp», пытается добавить данные в систему или удалить их, браузер отправляет запрос на сервер по протоколу HTTPS (HyperText Transfer Protocol Secure). Для связи с «Djangoapp» используется серверный API. Между нашими приложениями расположены два промежуточных звена, представляющих собой готовые решения: веб-сервер Nginx и WSGI-сервер (Web Server Gateway Interface) Gunicorn. Nginx используется для корректной обработки запросов и отправки статических ресурсов (например, изображений) клиенту. Gunicorn преобразует множество запросов к серверу в вызовы функций «Djangoapp». Со стороны клиента серверу может поступать запрос не

только на получение статических ресурсов, но и на действия с данными, хранящимися в БД. Во втором случае серверное приложение связывается с БД при помощи SQL-запросов: получает данные из базы, добавляет или удаляет их. Если необходима дополнительная обработка данных, серверное приложение осуществляет ее. После того, как все необходимые действия выполнены, «Djangoapp» отправляет ответ на запрос с клиентской стороны (ответ может содержать запрашиваемые данные из базы, код успешного выполнения запроса и т.д.).

Для разработки клиентского приложения выбраны языки HTML (HyperText Markup Language), CSS (Cascading Style Sheets) и JavaScript, с помощью которых созданы почти все сайты во всемирной паутине (более 92%¹, более 96%² и более 97%³ соответственно по данным W3Techs), и библиотека React.

Reactивно развивается⁴ и имеет ряд достоинств, обусловивших его выбор. Во-первых, он позволяет работать с виртуальным DOM (DocumentObjectModel), а не с реальным, что ускоряет обновление страниц браузера и позволяет писать декларативный код (описывающий, что нужно сделать, а не как это нужно сделать). Во-вторых, React работает с JSX – расширением языка JavaScript, которое совмещает разметку страницы и связанный с ней код. При этом библиотека делит ответственность за выполнение действий на веб-странице и визуализацию ее элементов между взаимосвязанными компонентами. При таком подходе разработчик оперирует логическими сущностями, каждая из которых имеет собственное состояние, а не разделяет код, задающий оформление и поведение веб-страницы. В-третьих, говоря о React-компонентах, нельзя не отметить их жизненный цикл, позволяющий управлять компонентами при инициализации, монтаже (создании и добавлении в DOM), обновлении и размонтировании (удалении из DOM).

Отдельно стоит сказать о том, что React используется для создания одностраничных приложений (Single-page applications – SPA). Это такие веб-приложения, которые при переходе на новую страницу не обновляют вкладку в браузере, за счет чего сближаются с десктопными (устанавливаемыми на компьютер и работающими в определенной операционной системе) приложениями по характеру взаимодействия с пользователем. Использование SPA имеет преимущества как для разработчика, так и для пользователя. Разработчик получает возможность писать полностью независимый от серверной части код клиентского приложения и тратить на поддержку написанного кода меньше ресурсов. Для пользователя SPA сочетает в себе достоинства десктопного и браузерного приложений. С одной стороны, оно, как и любое веб-приложение, не требует установки,

запускается в браузере, обновляется на сервере, а не на компьютере пользователя, и работает в любой операционной системе, в которой установлен подходящий браузер. С другой стороны, SPA работает быстрее традиционных веб-приложений, т.к. не требует получения с сервера веб-страниц целиком при переходах между ними, и имеет более отзывчивый интерфейс, потому что обновляет страницы лишь частично [Scott, 2015].

Для разработки серверного приложения были выбраны язык Python и фреймворк (ПО для облегчения разработки приложений) Django.

При выборе Python были учтены следующие его достоинства:

- простота синтаксиса;
- возможность сконцентрироваться на предметной области за счет того, что Python – язык высокого уровня;
- большое количество готовых решений для разработки на нем (более 300 тысяч проектов согласно The Python Package Index⁵);
- большое и активное сообщество программистов, использующих этот язык (согласно индексу TIOBE⁶, исследованию аудитории ресурса Stack Overflow в 2020 году⁷, статистике платформы Github с 2012 года⁸ Python является одним из самых популярных языков программирования в мире);
- изучение языка в рамках образовательных программ по цифровой гуманитаристике (например, курсы по Python включены в магистерские программы Высшей школы экономики⁹ и Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе¹⁰).

Django был выбран из-за преимуществ, отмеченных в технической литературе:

- его популярности;
- соответствия современным стандартам веб-разработки;
- наличия встроенных решений типовых задач (аутентификации, создания панели администратора, соединения с БД и т.д.);
- удобства отладки программы;
- наличия встроенной защиты от нескольких видов атак: внедрения клиентских скриптов на веб-страницы (Cross-Site Scripting – XSS), межсайтовой подделки запроса (Cross-site request forgery – CSRF), SQL-инъекций [Дронов, 2021; Melé, 2020].

Кроме проблем реализации (формирования требований, моделирования и выбора средств разработки ИС), разобранных на примере нашей системы выше, мы выделяли проблемы разработки. Они разделены на три условные группы:

универсальные, междисциплинарные и проблемы предметной области. Универсальные проблемы характерны для разработки публикуемых во Всемирной паутине ИС в целом, и при этом их важно учитывать при разработке исторических ИС. Первая из них связана с оптимизацией поисковых запросов (Search Engine Optimization – SEO). Многие исторические ИС не индексируются поисковыми системами – это значит, что их невозможно найти, например, с помощью Google или Yandex [Корниенко, Гагарина, 2015]. Чтобы систему можно было обнаружить с помощью поисковой системы, не прикладывая при этом больших усилий, мы рекомендуем:

- использовать при разработке семантические HTML-теги (например, руководствуясь **схемой**¹¹, разрабатываемой сотрудниками компаний Google, Microsoft, Yahoo и Yandex);
- писать уникальные, грамотные тексты, использовать в них ключевые слова из частых поисковых запросов, относящихся к предметной области ИС (формировать семантическое ядро);
- учитывать иные факторы SEO (например, из «**периодической таблицы факторов SEO**»¹²);
- для одностраничного приложения реализовывать серверный рендеринг (Server Side Rendering – SSR): без него клиенту отправляется пустая веб-страница, которая затем наполняется содержанием, а в случае, если реализован SSR, страница генерируется на сервере, после чего на стороне клиента работает как одностраничное приложение.

Вторая «универсальная» проблема – проблема совместимости со старыми версиями браузеров. Она может проявиться в случае, если на компьютере установлена старая операционная система и не обновляющиеся старые браузеры, которые не поддерживают конструкции последних версий языков CSS и JavaScript. В таких браузерах ИС, созданная по современным стандартам, либо не будет функционировать вообще, либо будет работать без части функций. Чтобы избежать такой ситуации, пользуются:

- сервисом «**Can I Use...**»¹³, показывающим, какие браузеры поддерживают ту или иную конструкцию языка JavaScript или CSS;
- специальными инструментами (модулями платформы Node.js), такими как **Babel**¹⁴ (преобразует современный код на JavaScript в код, соответствующий старым спецификациям языка), **Autoprefixer**¹⁵ и **postcss-preset-env**¹⁶ (делают CSS-код совместимым со старыми браузерами), **Browserlist**¹⁷ (позволяет указать браузеры, с которыми должно быть совместимо наше приложение, для оптимизации использования инструментов, направленных на

улучшение совместимости кода); перечисленные средства можно использовать вместе.

Вторая группа проблем связана со спецификой междисциплинарных работ. Первая из них заключается в том, что БД, изначально создававшаяся историком для личного пользования или для использования небольшим коллективом, может быть непригодна для более сложных ИС. Например, БД может управляться неподходящей СУБД. В этом случае стоит совершить миграцию, т.е. перенос БД на другую СУБД.

Примером востребованной, но не всегда подходящей для работы на сервере СУБД может послужить MS Access. Access имеет интерфейс, схожий с интерфейсами другого ПО из пакета Microsoft Office, позволяет добавлять таблицы и писать запросы при помощи конструкторов, создавать формы (фрагменты графического интерфейса) и отчеты. Привычный интерфейс и инструменты для решения типовых задач без программирования обеспечивают востребованность MS Access специалистами, занимающимися междисциплинарными исследованиями и проектами. Тем не менее, перечисленные особенности Access не имеют значения при использовании его на серверной стороне. Ограничения данной СУБД, напротив, влияют на работоспособность, внутреннюю структуру и инфраструктуру системы, использующей ее на стороне сервера. На потенциал развития ИС влияет то, что размер БД, управляемой Access, ограничен 2 гигабайтами, а одновременно работать с базой может не более 255 человек¹⁸. При этом Access предназначен только для операционной системы Windows и не поддерживает язык Python¹⁹. Вследствие этих и иных недостатков MS Access как серверная СУБД проигрывает другим популярным решениям (например, Microsoft SQL Server и PostgreSQL).

Кроме того, при проектировании базы могут быть приняты решения, приемлемые для личной БД, но вызывающие трудности, когда база находится в составе комплексной ИС (например, если фамилия, имя и отчество записаны в одном атрибуте, а не в трех). В этом случае нужно либо вносить изменения в БД, либо дополнительно обрабатывать данные в серверном приложении. Причем первый вариант предпочтительнее, т.к. не усложняет код и не уменьшает производительность ИС.

Следующие две проблемы возникают при взаимодействии историков и программистов в рамках одного проекта. Первая из них заключается в том, что программист не разбирается в предметной области так же хорошо, как эксперт-историк. Из-за этого могут возникнуть ошибки при разработке требований к си-

стеме. Такие ошибки самые дорогие, т.к. влекут за собой ошибки на этапах моделирования и реализации ИС. Чтобы избежать подобной ситуации, нужно уделять разработке требований особое внимание. Для их выявления можно использовать технику интервью, которую применяют бизнес-аналитики. Они интервьюируют заказчика или его представителя; в нашем же случае в роли «заказчика» выступает эксперт-историк. Не стоит забывать и о моделировании системы, особенно о диаграмме прецедентов, которая отражает функциональные требования. Кроме того, мы рекомендуем использовать средства для совместной работы, улучшающие коммуникацию, вроде **Miro**²⁰ (инструмента для создания бесконечных виртуальных досок с множеством инструментов), и **Figma**²¹ (средства для прототипирования интерфейсов).

Следующая проблема связана с тем, что историки не так хорошо разбираются в технологиях, как программисты. Поэтому могут возникнуть трудности, если историку придется дорабатывать начатый программистом проект. Чтобы избежать такой ситуации, стоит использовать:

- технологии с более низким порогом вхождения;
- более высокоуровневые технологии, позволяющие сконцентрироваться на предметной области, а не на технических нюансах;
- готовые решения, если их достаточно для выполнения задачи;
- технологии, изучаемые в рамках программ по цифровой гуманитаристике.

Кроме того, мы рекомендуем писать подробную документацию для ИС, разрабатываемых в рамках междисциплинарного взаимодействия.

Последняя проблема связана с исторической предметной областью. Из-за того, что невозможно на каких-либо носителях отразить социальную, политическую, экономическую реальность во всей ее полноте, исторические данные зачастую оказываются фрагментарными. То же справедливо и для наших данных, вследствие чего нашей БД есть пустые поля. Решение проблемы зависит от задач, которые выполняет ИС, и от специфики предметной области. В нашем случае была выбрана визуализация неполноты данных при помощи графиков и диаграмм.

Выделенные нами проблемы разработки и практические рекомендации по их решению удобно представить в виде таблицы (см. таблицу).

Описанный выше опыт и наши рекомендации по решению некоторых проблем разработки исторических ИС могут принести пользу тем, кто участвует в междисциплинарных проектах или организует их. Мы считаем, что изучение проблем организации и исполнения междисциплинарных проектов важно для

развития цифровой гуманитаристики и, в частности, исторической информатики и должно проводиться в дальнейшем.

Таблица

Проблемы разработки и способы их решения

Проблема	Группа проблем	Способы решения
Индексация исторических ИС поисковыми системами	Универсальные	Семантическая верстка (например, в соответствии со schema.org). Уникальные, грамотные тексты с семантическим ядром. «Периодическая таблица факторов SEO». Server-Side Rendering (для SPA).
Совместимость со старыми браузерами	Универсальные	Сервис «Can I Use...». Инструменты Babel, Autoprefixer, postcss-preset-env, Browserlist.
Использование БД, разработанных для личного пользования, в качестве основы для исторических ИС	Междисциплинарные	Миграция БД на новую СУБД. Изменения в структуре БД. Дополнительная программная обработка данных.
Ограниченность знаний программиста в предметной области	Междисциплинарные	Особое внимание этапу разработки требований к ИС. Техника интервью (в роли «заказчика» – эксперт-историк). Построение модели ИС (в первую очередь UML-диаграммы прецедентов). Средства совместной работы: Miro, Figma.
Ограниченность технических знаний историка	Междисциплинарные	Технологии с низким порогом вхождения. Высокоуровневые технологии. Готовые решения. Технологии, изучаемые в рамках программ цифровой гуманитаристики. Подробная документация.
Фрагментарность исторических данных	Проблемы предметной области	Визуализация с помощью графиков и диаграмм.

Примечания

¹См.: Usage statistics of HTML for websites [Электронный ресурс] // W3Techs: Web Technology Surveys. URL: <https://w3techs.com/technologies/details/ml-html> (дата обращения: 29.05.2021).

²См.: Usage statistics of site elements for websites [Электронный ресурс] // W3Techs: Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/site_element (дата обращения: 29.05.2021).

³См.: Usage statistics of client-side programming languages for websites [Электронный ресурс] // W3Techs: Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/client_side_language (дата обращения: 29.05.2021).

⁴См.: Facebook/react [Электронный ресурс] // GitHub. URL: <https://github.com/facebook/react/graphs/commit-activity> (дата обращения: 29.05.2021).

⁵См.: ThePythonPackageIndex [Электронный ресурс]. URL: <https://pypi.org/> (дата обращения: 29.05.2021).

⁶См.: TIobe Index for May 2021 [Электронный ресурс] // TIobe: The software quality company. URL: <https://www.tiobe.com/tiobe-index/> (дата обращения: 29.05.2021).

⁷См.: 2020 Develop Survey [Электронный ресурс] // Stackoverflow. URL: <https://insights.stackoverflow.com/survey/2020> (дата обращения: 29.05.2021).

⁸См.: GitHut 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <https://madnight.github.io/githut/> (дата обращения: 29.05.2021).

⁹См.: Магистерская программа Цифровые методы в гуманитарных науках [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://perm.hse.ru/ma/digitalhum/> (дата обращения: 29.05.2021).

¹⁰См.: UCLADigitalHumanities [Электронный ресурс]. URL: <https://dh.ucla.edu/> (дата обращения: 29.05.2021).

¹¹См.: Schema.org [Электронный ресурс]. URL: <https://schema.org/> (дата обращения: 29.05.2021).

¹²См.: The Periodic Table of SEO Factors [Электронный ресурс] // Search Engine Land. URL: <https://searchengineland.com/seotable> (дата обращения: 29.05.2021).

¹³См.: CanIUse... [Электронный ресурс]. URL: <https://caniuse.com/> (дата обращения: 29.05.2021).

¹⁴См.: Babel [Электронный ресурс]. URL: <https://babeljs.io/> (дата обращения: 29.05.2021).

¹⁵См.: Postcss/autoprefixer [Электронный ресурс] // GitHub. URL: <https://github.com/postcss/autoprefixer>(дата обращения: 29.05.2021).

¹⁶См.: Csstools/postcss-preset-env[Электронныйресурс] // GitHub. URL:<https://github.com/csstools/postcss-preset-env> (дата обращения: 29.05.2021).

¹⁷См.: Browserslist/browserslist [Электронныйресурс] // GitHub. URL:<https://github.com/browserslist/browserslist> (дата обращения: 29.05.2021).

¹⁸См.: Спецификации Access [Электронный ресурс] // Microsoft. URL: <https://support.microsoft.com/ru-ru/office/спецификации-access-0cf3c66f-9cf2-4e32-9568-98c1025bb47c> (дата обращения: 29.05.2021).

¹⁹См.: Microsoft Access System Properties [Электронныйресурс] // DB-Engines: Knowledge Base of Relational and NoSQL Database Management Systems. URL: <https://db-engines.com/en/system/Microsoft+Access> (дата обращения: 29.05.2021).

²⁰См.: Miro [Электронный ресурс]. URL: <https://miro.com/> (дата обращения: 29.05.2021).

²¹См.: Figma [Электронный ресурс]. URL: <https://www.figma.com/> (дата обращения: 29.05.2021).

Библиографический список

Аверин С.И. Динамика социокультурных характеристик историков России во второй половине XIX –первой половине XX вв. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2014. № 42. С. 106–107.

Буч Г., Рамбо Д., Якобсон И. Язык UML. Руководство пользователя. 2-е изд.: Пер. с англ. Мухин Н. М.: ДМК Пресс, 2006. 496 с.

Гагарина Д.А., Кирьянов И.К., Корниенко С.И. Историко-ориентированные информационные системы: опыт реализации «Пермских» проектов // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. № 2 (16). С. 35–39.

Дронов В.А. Django 3.0. Практика создания веб-сайтов на Python. СПб.: БХВ-Петербург, 2021. 704 с.

Гагарина Д.А., Корниенко С.И., Поврозник Н.Г. Информационные системы в цифровой среде исторической науки// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. №7 (51). URL: <http://history.jes.su/s207987840001638-0-1> (дата обращения: 29.05.2021).

Корниенко С.И., Гагарина Д.А. «Историко-ориентированные информационные системы»: возможности интернет-ресурса // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2015. № 44. С. 29–31.

Поврозник Н.Г. Информационные системы для историков: основные тенденции развития // Вестник Пермского университета. История. 2009. № 3 (10). С. 100–104.

Рамбо Д., Блаха М. UML 2.0. Объектно-ориентированное моделирование и разработка. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 544 с.

Melé A. Django 3 By Example. 3rd ed. Packt Publishing. 2020. 568 p.

Scott E. SPA Design and Architecture. Manning Publications. 2015. 312 p.

**ISSUES OF PUBLICATION OF HISTORICAL INFORMATION SYSTEMS
ON THE EXAMPLE OF THE INFORMATION SYSTEM
«RUSSIAN HISTORIANS OF THE XIX–XX CENTURIES»**

Maksimov Vladislav A.

Averin Sergei I.

Perm State University,

15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,

workmaksimov@yandex.ru

averin-s-i@live.com

Annotation

Often, databases created by historians turn into complex information systems. In this case, both global problems of the implementation of the system and particular problems of its development arise, associated with the technologies used, the subject area, and the interdisciplinary nature of the work. Ignoring these problems or finding insufficiently effective solutions to them can lead to mistakes while designing and developing the system, including fatal ones. In this paper, the above problems are considered and classified based on the experience of developing the system «Russian historians of the XIX–XX centuries». The process of its implementation is described, and practical recommendations for solving specific development problems are given.

Key words

Digital History, Russian History, Prosopography, Information Systems, Distributed Systems.

ИСТОРИЯ ФАНДОМОВ: КИБЕРСООБЩЕСТВА И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ (1996-2020)

Дозморова Анастасия Павловна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
nastasia.dozmorova@yandex.ru

Аннотация

Жизнь в мире постоянного включения и коммуникации, возможности нахождения «в нескольких местах одновременно», новые медиа влияют на общение, потребление и производство. Активное развитие цифровых технологий, появление новых возможностей к коммуникации привело одновременно к большей доступности и распространению массовой культуры и возможности включения в неё, кардинально изменяет и сектор культуры. Появляются фан-культуры, которые не только потребляют, но и создают свой собственный контент. Конкретно-исторические исследования касаются по большей части развития отдельных фандомов и общеисторического их значения, в то время как развитие веб-архивов фандомных сообществ на данный момент является новой сферой для изучения такого явления культуры. Открытыми остаются такие вопросы, как восприятие фандома как цифрового сообщества; трансформация фандомной культуры. В статье производится попытка рассмотреть указанные вопросы и делаются выводы о значении и развитии фандомной культуры с 1990-х по настоящее время.

Ключевые слова

Фандомы, субкультура, киберсообщества, киберпространство, фанаты, массовая культура, веб-архивы.

С цифровым развитием технологий соответственно также радикально меняются и взаимоотношения людей – друг с другом и с окружающим миром. Появляется такое понятие, как киберпространство (англ. cyberspace) – мир сетей и связей, место виртуальной реальности [Добринская, 2018].

Мы живём в мире постоянного включения и коммуникации, возможности нахождения «в нескольких местах одновременно», новые медиа влияют на наше общение, потребление и производство. Активное развитие цифровых технологий, появление новых возможностей к коммуникации привело одновременно к большей доступности и распространению массовой культуры и возможности включения в неё, кардинально изменяет и сектор культуры. Появляются фан-

культуры, которые не только потребляют, но и создают свой собственный контент. Развиваются фан-сообщества в цифровом пространстве.

Данный термин – фандом – был перенят русским языком из английского, и изначально это определение означало группу людей, которые увлекаются научной фантастикой [Jenkins, 1992], но с развитием этой сферы общества термин приобретал всё более широкое значение. Фандомы как культурное явление начинают изучаться ещё несколько десятилетий назад. Разумеется, в последние десятилетия изучение фандомов происходит всё более интенсивно, и основной причиной этого является как раз то, что трансформации в сфере технологий позволили как самим представителям фанатской среды – выстроить новую и в новом масштабе систему взаимоотношений.

В этом контексте и рассматривается явление фандомов, как киберсообществ особого толка в интернете.

Объект – фандомы как субкультура, существующая в киберпространстве.

Предмет – развитие площадок фандомных киберсообществ (1996–2020 годы).

В настоящее время уже существует обширный пласт литературы, посвящённый изучению различных сторон данного явления культуры. Западные исследователи начали изучать фандомы как субкультуры ещё в конце XX века. Основными исследовательскими темами при этом были вопросы того, что такое фандом, какие творческие практики существуют в этом сообществе, что присуще этому направлению. Именно на Западе началось и активное изучение такого проявления фандомной культуры, как фанфикшн (данный термин обозначает текст, написанный поклонниками (фанами, фанатами) оригинального произведения искусства, которое было создано на основе оригинального сюжета и/или с использованием персонажей оригинального произведения) [Hills, 2002].

В России фандомы начинают изучаться в начале XXI века, и в этот период исследователи основывались на западных статьях и работах. Основными причинами этого исследователи называют две. Во-первых, то, что исследования fan studies в основном развиваются в англоязычной академии, что означает отделение и англоязычных исследователей от других языковых научных и предметных контекстов, и ученых, которые изучают fan studies на родном языке, от общего поля fan studies. Во-вторых, причина кроется в большей численности и видимости именно англоязычных фандомов как глобальных площадок [Warner, Woo, 2018]. В России особенно активно фандомная культура начинает изучаться с 2010 годов. Во многом исследования направлены на изучение фанфикшн. С течением времени исследования из описательных начинают приобретать более

аналитический характер, а также нацеленность на определение особенностей феномена, поиск его дифференциальных признаков.

В целом можно условно разделить данные исследования на четыре группы.

В первую группу входят работы, в которых освещается тема формирования, развития и отличительных особенностей киберпространства в целом и медиа-сообществ в частности. В первую очередь здесь хотелось бы отметить книгу М. Вильсона «Технически вместе: переосмысление сообщества в рамках технообщества» [Willson, 2006]. Также интересными для исследования представляются книги Эспозито Р. «Общество: происхождение и судьба сообщества» [Esposito, 2009] и профессора Г. Деланти «Гражданство в эпоху глобализации» [Delanty, 2000]. Ещё одна важная работа – исследование российского учёного Ф.И. Шаркова «Развитие виртуальных сетевых сообществ в интернете» [Шарков, 2015].

Вторая группа работ объединяет в себе исследования – социологические, культурологические и т.п., посвящённые субкультурам в целом и фандомам в частности. Так, например, в исследовании Н. Коулдри и А. Хеппа «Медиаконструирование реальности» [Couldry, Hepp, 2017] проводится анализ фан-сообщества в рамках исследования развития медиапространства и влияния медиапрактик на различные области жизни. Во-вторых, сюда необходимо отнести и книгу Хиллс М. «Фанатские культуры» [Hills, 2002]. В русскоязычном пространстве важной для изучения работой по теме исследования представляется книга Щепанской Т.Б. «Система: тексты и традиции субкультуры» [Щепанская, 2004].

Третья группа – это исследования, посвящённые формированию фандомской культуры в киберпространстве. Подобных работ написано множество, в основном – в сфере социологии, культурологии, в литературных и психологических исследованиях. Среди основных авторов можно назвать таких, как Джей Дж., Харрингтон С., Сандвосс С [Gray и др., 2007], Салер М. [Saler, 2012], Клик М. А., Скотт С. [Click, Scott, 2017], Буссе К. [Busse, 2006], а из русскоязычных – Ключикова Е.А., Четина Е.М. [Ключикова, Четина, 2015].

В четвёртую группу были отнесены работы, посвящённые исследованиям отдельных направлений и фандомов, пласт которых составляет большинство в общей системе работ. Стоит отметить, что сеть фанатских исследований была основана в 2012 году для обеспечения глобального взаимодействия в этой области. Многие из этих работ – публикации представителей fan studies. Например, работы Даффетта М. [Duffett, 2014], Вейла Дж., Холландса Р. [Vail, Hollands, 2013], Каплана Д. [Caplan, 2012], Коробко М.А. [Коробко, 2015] и др.

Таким образом, на основании рассмотрения литературы, можно сделать вывод, что конкретно-исторические исследования касаются по большей части развития отдельных фандомов и общеисторического их значения, в то время как развитие веб-архивов фандомных сообществ на данный момент является новой сферой для изучения такого явления культуры. Открытыми остаются такие вопросы, как восприятие фандома как цифрового сообщества; трансформация фандомной культуры, её предпосылки и причины.

Соответственно, целью работы было исследовать особенности формирования и развития платформ и сообществ фандомов в киберпространстве в период 1996–2020 годов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

Рассмотреть термин «киберсообщество», выделить его основные черты;

Рассмотреть краткую историю развития фандомов как субкультуры, определить существующие подходы к изучению данного явления;

Провести классификацию киберплощадок фандомов;

Провести количественный и качественный анализ фандомских сообществ на основании ресурсов сети Интернет;

Выявить определённые закономерности развития, присущие фандомному сообществу, на примере определенных фандомов;

Выявить динамику развития фандомов и их площадок, и зависимость от тем и их разнообразия.

Особенности информационного общества, связанные с интернетизацией, компьютеризацией и информатизацией, неизбежно влияют и на складывание слоя исторических источников нового типа, которыми будут пользоваться историки будущего для реконструкции современной нам истории. Источниками для данной работы являются веб-платформы, на которых создаются, развиваются фандомные сообщества. При изучении такого массового явления, как фан-сообщества, необходимо представить классификацию платформ, на которых они существуют. Следует отметить два основания для условной классификации подобных ресурсов.

Во-первых, деление можно провести по тому, является ли Интернет-ресурс интернациональным (то есть включающим возможность регистрации и участия фанатов разных стран) или национальным (те ресурсы, которыми пользуются в основном представители конкретной страны).

Примерами к первой группе в данном случае можно назвать такие источники, как:

Archive of Our Own – некоммерческий репозиторий с открытым исходным кодом для фанфикшна и других фан-работ, созданных пользователями. По состоянию на декабрь 2020 года в Archive of Our Own было размещено 7 миллионов работ в более чем 40 000 фандомов, и состояло более 3 304 000 пользователей со всего мира.

Сайт Fanlore – веб-сайт с несколькими авторами, в который может легко внести свой вклад любой фанат, записывая как историю, так и текущее состояние фан-сообществ.

Сайт Pottermore – официальный сайт Джоан Роулинг по фандому «Гарри Поттер».

Во вторую могут быть отнесены такие платформы, как, например:

Сайт Луркоморье – русскоязычная вики энциклопедия. Основную часть Луркоморья составляют описания интернет-мемов, мемов реальной жизни и творчества сетевых и обычных субкультур.

Fanfics.me – это русскоязычный литературный портал, специализирующийся на фанфиках.

«Книга фанфиков» – коммерческий русскоязычный архив фанфикшена, а также оригинальной прозы, поэзии и публицистики, размещаемых пользователями на безвозмездной основе.

Во-вторых, деление можно провести по основанию числа включаемых фандомов: мультифандомные (на одной площадке могут быть представлены множество фандомов) или монофандомные (сайты, созданные и развивающиеся фанатами одного фандома).

Здесь в первую категорию также можно привести в пример Archive of Our Own, Дайри.ру, Лукоморье, Fanfics.me, «Книга фанфиков». Во вторую же категорию будут отнесены такие сайты, как Pottermore, Tolkien.su и другие.

Итак, сегодня различные сообщества активно пользуются возможностями Интернета как для быстрого информационного обмена, так и для создания архивов информации по своей тематике. Так как для этого используется огромное количество различных способов (форумы, блоги, социальные сети, видеохостинги и другие коллективно редактируемые сайты), это составляет определённую сложность для исследователя. В связи с этим необходимы определение методологии и постановка определённых методов.

Одним из основных методов работы является создание базы данных, отражающей такие параметры, как название фандома, год его создания, созданные платформы, период её развития (пик и минимум), аудитория, отразить иные атрибуты развития фанатского искусства во времени, основные его направления и др.

Основываясь на данных веб-архивов, есть возможность провести количественный и качественный анализ фандомских сообществ, выявить определённые закономерности развития, присущие фандомному сообществу и проследить динамику развития фандомов и их площадок, а также – зависимость от тем и их разнообразия.

Итак, сегодня различные сообщества активно пользуются возможностями Интернета как для быстрого информационного обмена, так и для создания архивов информации по своей тематике. Так как для этого используется огромное количество различных способов (форумы, блоги, социальные сети, видеохостинги и другие коллективно редактируемые сайты), это составляет определённую сложность для исследователя. В связи с этим необходимы определение методологии и постановка определённых методов. Изучение фандомов опирается на методологическую рамку, предложенную Кристиной Буссе для изучения онлайн-фандомов [Busse, 2014].

На основе изученной литературы и источников, предварительно можно сделать следующие выводы. Начиная с 1990-х годов происходит постоянное возрастание количества пользователей, создающих фандомную культуру и потребляющих её. Цифровые технологии значительно трансформировали фандомы: появление большого количества различных фандомных киберсообществ фанатская активность стала более видимой, появились фанаты, которые занимаются не только традиционным форматом активности, но и представляют свои фандомы через разные цифровые технологии, сообщества. Примерно с 2000-х годов происходит ещё один виток в развитии фандомов, появляется открытость среди фанатов и возрастание роли мультифандомных площадок и кроссоверных произведений, происходят взаимопроникновения субкультур ролевиков и фандомщиков. Далее, уже ближе к 2010 годам наблюдается и стремление к интеграционным процессам: происходит всё большее количество культурных взаимосвязей между странами, которые с течением времени распространяются всё шире. Кроме того, также можно отметить, наряду с широким интересом к различным фандомом, и возрастание роли исторических фандомов и персонажей (известные люди (RPF) или исторические личности), в которых также репрезентируются события истории особым образом.

Библиографический список

Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2018. №. 24(1).С. 52–70.

Клюйкова Е.А., Четина Е.М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. №. 3 (31). С. 95–104.

Коробко М.А. «Жанр в фанфикшн: закономерности использования (на материале фандомов «Шерлок», «Мерлин», «Сверхъестественное»)» // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. Вып. 6.

Шарков Ф.И. Развитие виртуальных сетевых сообществ в интернете // Коммуникология. 2015. Т. 3, №. 5. Р. 29–45.

Щепанская Т.Б. Система: текст и традиция субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

Busse K. Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet: New Essays. Jefferson: McFarland & Company, 2006. 296 p.

Caplan D. Why Would Any Woman Want To Read Such Stories? The Distinctions between Genre Romances and Slash Fiction // Frantz S., Selinger E. (Eds.) New Approaches to Popular Romance Fiction. Jefferson; NC: McFarland, 2012. P. 121–132.

Click M.A., Scott S. (Eds.) The Routledge Companion to Media Fandom. Routledge, 2017. 480 p.

Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2016. 256 p.

Ehn B., Lofgren O. The Secret World of Doing Nothing. Oakland: University of California Press, 2017. 280 p.

Delanty G. Citizenship in a Global Age Society: Culture, Politics. Berkshire: Open University Press, 2000. 186 p.

Duffett M. Popular Music Fandom. Identities, Roles and Practices. London; New York: Routledge, 2014. 234 p.

Esposito R. Communitas: The Origin and Destiny of Community. Stanford: Stanford University Press, 2009. 175 p.

Gray J., Sandvoss C., Harrington C. (Eds.) Fandom: Identities and Communities in a Mediated World. New York: New York University Press, 2007. 416 p.

Hebdige D. Subculture: the Meaning of Style. London; New York: Routledge, 1979. 195 p.

Hills M. Fan Cultures. London; New York: Routledge, 2002. 256 p.

Reagin N., Rubenstein A. I'm Buffy, and you're history: Putting fan studies into history // Transformative Works and Cultures. 2011. Vol. 6.

Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture. Studies in culture and communication. New York: Routledge. 1992. 352 p.

Race and Transcultural Fandom / Introduction by Warner K.J., Woo B. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

Saler M. As If: Modern Enchantment and the Literary Prehistory of Virtual Reality. London: Oxford University Press, 2012. 283 p.

Click M. A., Scott S. The Routledge Companion to Media Fandom. New York: Routledge, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

Vail J., Hollands R. Creative democracy and arts: the participatory democracy of the Amber collective // Cultural Sociology. 2013. №7(3). P. 352–367.

Willson M. A. Technically Together: Rethinking Community within Techno-Society. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

HISTORY OF FANDOMS: CYBER COMMUNITIES AND THEIR EVOLUTION (1996–2020)

Dozmorova Anastasiya P.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
nastasia.dozmorova@yandex.ru

Annotation

Living in a world of constant inclusion and communication, the possibility of being «in several places at once», new media affect communication, consumption and production. The active development of digital technologies and the emergence of new opportunities for communication have simultaneously led to greater accessibility and dissemination of mass culture and the possibility of inclusion in it, which is also radically changing the cultural sector. Fan cultures are emerging that not only consume, but also create their own content. Specific historical research is mainly concerned with the development of individual fandoms and their general historical significance, while the development of web archives of fandom communities is currently a new area for studying such a cultural phenomenon. Such issues as the perception of fandom as a digital community and the transformation of fandom culture remain open. The article attempts to consider these issues and draws conclusions about the significance and development of fandom culture from the 1990s to the present.

Key words

Fandoms, Subculture, Cybersociety, Cyberspace, Fans, Popular Culture, Web Archives.

СОЗДАНИЕ 3D-МОДЕЛЕЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ФОТОГРАММЕТРИИ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ОНИ ИЗ ДЫМКОВО»

*Абдуллина Ульяна Владимировна,
Яркова Влада Вячеславовна*
Национально исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
614079, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38,
ulya-a@bk.ru
yarkovavlada1998@gmail.com

Аннотация

Дымковская игрушка, как и многие другие виды русской глиняной игрушки, является неотъемлемой частью наследия русского народного творчества. Несмотря на её культурно-историческую значимость, современное поколение россиян уделяет мало внимания проблеме сохранения облика данной игрушки и канонов народного промысла мастеров Вятского края. В данной статье рассмотрен процесс создания 3D-моделей с помощью технологий фотограмметрии на примере реализации учебного проекта «Они из Дымково», цель которого заключается в сохранении и презентации знаний о дымковских игрушках.

Ключевые слова

3D-модель, AgisoftMetashape, фотограмметрия, дымковская игрушка, историко-культурное наследие, проект «Они из Дымково».

Цифровые гуманитарные науки (DigitalHumanities)—быстро развивающееся научное направление, в основе которого лежит междисциплинарный подход. Спектр возможностей применения методов DigitalHumanities невероятно широк [Можжаева, 2014, 2015]. По мнению ряда исследователей, данные методы— это современный взгляд на традиционно гуманитарные области сквозь призму цифровых технологий; попытка создания новой цифровой культурной реальности; адаптация к вызовам современного информационного общества [Погорский, 2014].

Сохранение и репрезентация историко-культурного наследия с помощью методов 3D-моделирования является неотъемлемой частью DigitalHumanities. Трёхмерные фотореалистичные и высокоточные компьютерные модели объектов признаны рядом исследователей различных отраслей как инструмент повседневного использования в практике для расширения и популяризации научных

знаний, обучения, представления и охраны объектов культуры [Бородкин, 1999; Дрыга, 2019; Ковальченко, 2003; Кончаков, Жеребятьев, 2010].

Компьютерные 3D-модели объектов – это модели, в которых любая точка их поверхности фиксируется в трех измерениях (x, y, z) на определенный момент времени (t). Главной особенностью трехмерных моделей объектов историко-культурного наследия является возможность рассмотрения и изучения их под любым ракурсом с возможностью масштабирования [Дрыга, 2019].

В области трехмерного цифрового моделирования происходят непрерывные изменения в совершенствовании съемочного оборудования, разработке методик и программного обеспечения, с помощью которого можно полностью автоматизировать процесс получения готовой модели объекта [Дрыга и др., 2015].

Для решения задачи создания цифровых трехмерных моделей объектов культурного наследия чаще всего используются фотограмметрические методы, основанные на обработке большого количества фотографий того или иного объекта.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть процесс создания 3D-моделей с помощью технологий фотограмметрии на примере реализации проекта «Они из Дымково», который посвящен дымковской игрушке. В рамках данного проекта нам удалось создать мини-коллекцию из 6 дымковских игрушек. «Индюк» и «Дама с цветами» являются работами Щербаковой Т. П. и датируются 1979 годом; «Дама с коромыслом», «Обезьянка», «Олень» и «Поросенок» были изготовлены под руководством Петуховой Л. в 2004 году.

История создания игрушек из глины уходит глубокими корнями в древность. Возникновение дымковской игрушки связывают с древним праздником «свистуньей» – народными гуляньями на берегу Вятки, для которых кустари изготавливали самые разнообразные глиняные свистульки. Дымковская игрушка, как и многие другие виды русской глиняной игрушки, является культурно-историческим наследием русского народного творчества [Богуславская, 1975, 1984]. «Игрушка отражает мир самого человека, его природное окружение, мир его культуры. В этом качестве она – способ передачи материального и духовного опыта общества, и самого важного, вневременного, и актуального своей исторической конкретностью» [Ковычева, 2014, с. 9]. В этих игрушках можно найти отклики наивной веры крестьян в добро и зло, поэтическое одушевление сил природы, от которых зависело благополучие их хозяйства, счастье и достаток семьи.

Несмотря на культурно-историческую значимость игрушки, современное поколение россиян уделяет мало внимания проблеме сохранения ее облика и канонов народного промысла мастеров Вятского края. В связи с этим цель проекта

«Они из Дымково» заключается в сохранении и популяризации знаний о дымковских игрушках. Проект включает в себя следующие задачи: освоение технологий фотограмметрии и создание 3D-моделей выбранных нами объектов.

Для создания 3D-моделей объектов историко-культурного наследия исследователи используют различные программные обеспечения: Autodesk 123D Catch, ContexCapture и др. В рамках нашего проекта мы выбрали программу Agisoft Metashape (Agisoft Photoscan). Agisoft Metashape является профессиональным инструментом для построения цифровых моделей по фотографиям методом триангуляции. Данное программное обеспечение позволяет использовать фотографии, снятые любыми цифровыми устройствами с любых ракурсов (при условии, что каждый элемент реконструируемой сцены будет виден как минимум с двух позиций съемки). Инструмент поддерживает цифровые изображения форматов TIFF, JPEG, BMP, PNG, PPM и JPEGMPO (независимо от качества снимков). Однако следует учесть, что чем лучше исходное изображение объекта, тем точнее будет произведено построение трехмерной модели.

Процесс создания трехмерной модели в Agisoft Metashape полностью автоматизирован и включает в себя следующие этапы обработки: выбор и загрузка фотографий в программу; выравнивание фотографий и построение первоначального облака точек; создание плотного облака точек; построение трехмерной полигональной модели; текстурирование объекта; экспорт результатов.

Проиллюстрируем данные этапы построения трехмерной модели на практике.

Этап 1. Выбор и загрузка фотографий в программу Agisoft Metashape. Перед началом работы в данной программе необходимо определить, какие фотографии объектов будут использованы при создании трехмерной модели. В рамках реализации проекта «Они из Дымково» нами было сделано 396 фотографий (для «Дамы с коромыслом» – 108, «Дамы с цветами» – 87, «Оленя» – 37, «Индюка» – 103, «Обезьянки» – 29, «Поросенка» – 32) с помощью кругового метода съемки. Основным элементом такой съемки является вращающаяся платформа, обеспечивающая многокурсную съемку объекта одной или несколькими синхронно работающими фотокамерами. Для крупных объектов съемка велась на нескольких уровнях. После отбора качественных фотографий необходимо загрузить их в программу.

Этап 2. Выравнивание снимков и создание первоначального облака точек. На данном этапе программа находит общие точки фотографий и определяет по ним параметры камер: ориентация, положение в пространстве и внутреннюю

геометрию будущей цифровой модели объекта. Полученные данные используются в последующих этапах обработки.

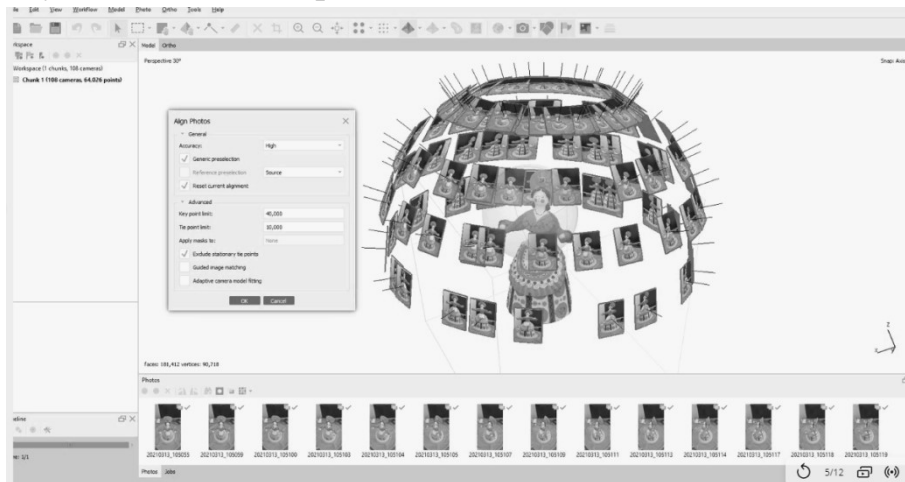

Рис. 1. Выравнивание снимков и создание первоначального облака точек в Agisoft Metashape

Этап 3: Построение плотного облака точек. Основываясь на рассчитанных положениях камер, программа вычисляет карты глубины для каждой камеры и на их основе строит плотное облако точек. При необходимости полученное плотное облако точек можно отредактировать.

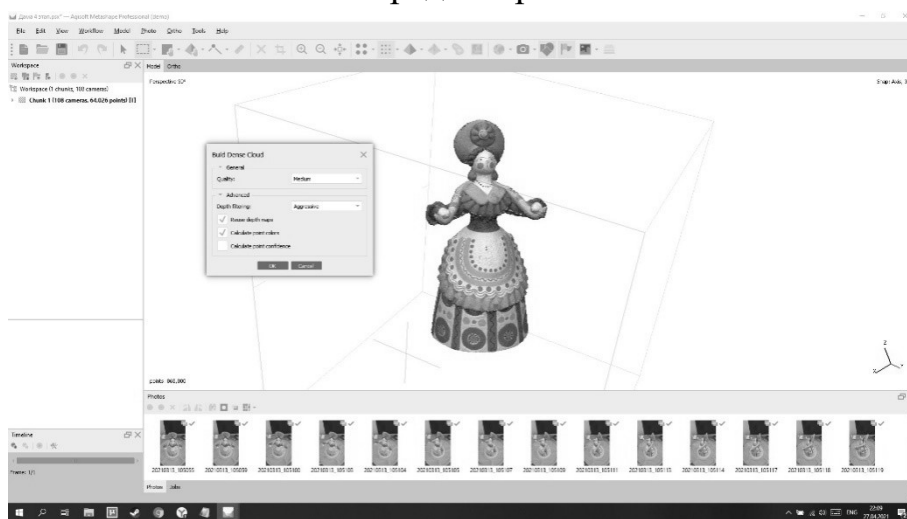

Рис. 2. Построение плотного облака точек в Agisoft Metashape

Этап 4. Создание полигональной модели. Строится трехмерная полигональная модель. В программе доступны инструменты для редактирования, оптимизации, удаления артефактов и заполнения отверстий на модели. При наличии дефектов у полученной модели целесообразно применить инструменты сглаживания. Для того, чтобы сделать донышко или невидимые для камеры нижние части выбранных объектов, можно воспользоваться функцией экстраполированной интерполяции.

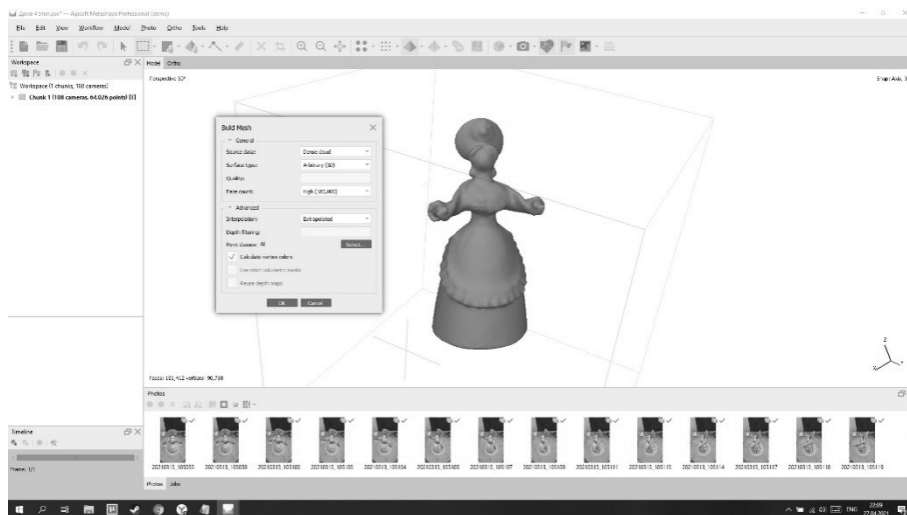

Рис. 3. Создание полигонной модели в Agisoft Metashape

Этап 5. Наложение текстуры на полигонную модель. На этом этапе пользователю предлагается выбрать качество структуры. Важно отметить, что высокое качество требует больших ресурсов и времени на обработку.

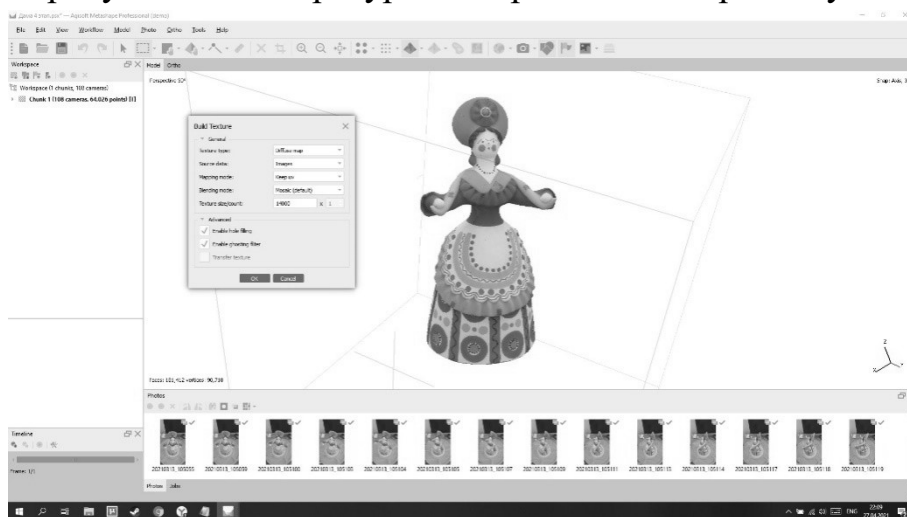

Рис. 4. Наложение текстуры на полигонную модель в Agisoft Metashape

Этап 6. Экспорт результатов. После создания 3D-модели ее необходимо экспортировать. При экспортировании цифровая модель объекта представляет собой совокупность следующих файлов: текстура объекта в формате JPEG, файл настроек текстур для материала 3D-объектов формате MTL, файл описания геометрии в формате OBJ.

Далее готовую 3D-модель можно разместить на каком-либо цифровом ресурсе для публикации 3D-контента (в нашем случае это была платформа Sketchfab[<https://sketchfab.com>]) и использовать ее в реализации различных проектов.

Фотографии выбранных нами игрушек для виртуальной коллекции и их трехмерные модели представлены на сайте проекта: <http://digitalheritage.tilda.ws/theyarefromdymkovo>.

Проект «Они из Дымково» является учебным. Он был создан в рамках курса «Цифровые методы в презентации и сохранении культурного наследия» при НИУ ВШЭ – Пермьвесной 2021 года. В дальнейшем планируется использовать данный материал в создании цифрового музея русской глиняной игрушки.

Библиографический список

Богуславская И. Я. Русское народное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л.: Художник РСФСР, 1984. 294 с.

Богуславская И. Я. Русская глиняная игрушка. Л.: Искусство, 1975. 142 с.

Бородкин Л. И. Историк и математические модели // Исторические записки. 1999. №2 (120): Памяти академика И. Д. Ковальченко. С.60–88.

Дрыга Д. О. К методике создания трехмерных моделей объектов культурного наследия экспонатов музейных коллекций // Известия высших учебных заведений: Геодезия и аэрофотосъемка. 2019. № 5, т.6. С. 512–523.

Дрыга Д. О., Илюшина Т. В., Севастьянова М. Н. К вопросу создания трехмерных моделей объектов культурного наследия из музейных коллекций // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2015. № 4. С. 118–122.

Жеребятьев Д. И. Применение методики трехмерного пространственного анализа для изучения формирования городской застройки и восстановления культурного наследия на примере Тамбовской крепости // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: материалы XI конференции АИК. №35. М.; Барнаул, 2008. С. 62–63.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. 486 с.

Ковычева Е. И. Народная игрушка. М.: Владос, 2014. 260 с.

Кончаков Р. Б., Жеребятьев Д. И. Технологии трехмерного моделирования в ракурсе исторической информатики // Круг идей: методы и технологии исторических реконструкций / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова, Г. В. Можяевой. М., 2010. С.145–175.

Можяева Г. В. DigitalHumanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8–10.

Можяева Г. В. и др. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 389. С. 73–74.

Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук // Горизонты гуманитарного знания. 2014. № 5.

CREATION OF 3D MODELS USING PHOTOGRAMMETRY TECHNOLOGY ON THE EXAMPLE OF THE PROJECT «THEY ARE FROM DYMKOVO»

Abdullina Uliana V.

Iarkova Vlada V.

National Research University Higher School of Economics,
38, Studencheskaya str., Perm, 614079, Russia,
ulya-a@bk.ru
yarkovavlada1998@gmail.com

Annotation

Dymkovo toys, also known as Vyatka toys or Kirov toys, are considered an integral part of the cultural heritage of Russia. Now, despite the historical and cultural significance of these toys, people pay little attention to the problem of preserving their appearance and the canons of clay toys` making process. This article is dedicated to the creation of 3D models with the help of photogrammetry technologies. The creation of 3D models is a part of the training project called «They are from Dymkovo». The main purpose of the project is to try to preserve knowledge about Dymkovo toys.

Key words

3D Model, Agisoft Metashape, Photogrammetry, Dymkovo Toys, Cultural Heritage, Project «They are from Dymkovo».

АРАБСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРПУСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОСТАВЛЕНИЯ КРАТКОГО СЛОВАРЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

Антонян Александр Семенович

Пятигорский государственный университет,
357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9,
antonyan.sa@yandex.ru

Аннотация

*В статье рассматриваются возможные способы применения арабских лингвистических корпусов при работе с заимствованиями западноевропейского происхождения в разговорных диалектах арабского языка. В рамках создания краткого словаря иноязычных вкраплений делается попытка установить частотность употребления, графико-орфографическую вариантность и сферу употребления каждой лексической единицы с целью дальнейшего повышения качества переводов и упрощения процесса коммуникации с арабофонами. Предлагаются методы, позволяющие осуществить комплексный анализ и выявить особенности функционирования иноязычных вкраплений на материалах доступных онлайн-корпусов современного арабского языка, таких как *arabiCorpus*, *International Corpus of Arabic*, *Leeds Arabic Internet Corpus*, *Sketch Engine* и прочих интернет-ресурсов.*

Ключевые слова

Лингвистические корпусы, иноязычные вкрапления, арабский язык, диалекты арабского языка, заимствования.

Современный разговорный арабский язык представлен в первую очередь разнообразными многочисленными региональными диалектами и наречиями, грамматика которых в большей степени основывается на нормах литературного (или классического) арабского языка. Однако лексический состав каждого диалекта может отличаться в зависимости от исторического прошлого страны или местности, в которой говорят на том или ином диалекте, и прочих лингвистических и экстралингвистических факторов. Например, в речи арабоязычных жителей стран Магриба преобладают заимствования из французского (Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания), итальянского (Ливия) и испанского языка (север Марокко), поскольку эти территории находились продолжительное время под протекторатом соответствующих стран, а язык колонIALИСТОВ выполнял функцию «лингва франка». Таким образом, вышеупомянутые европейские языки использовались местным населением для коммуникации с носителями других языков,

постоянно или временно находящихся на территориях, населенных арабофонами. Схожая тенденция отмечается и в остальных частях арабского мира. Так широкое распространение среди городского населения Сирии и Ливана получил французский язык, вследствие непродолжительного протектората Франции на этих территориях в первой половине XX века. Словами же английского происхождения изобилуют диалекты стран, чьи территории находились под мандатом Великобритании. К таковым можно отнести диалекты Египта, Судана, Иордании, Йемена, Ирака и стран Персидского залива.

Процесс обогащения арабских диалектов заимствованиями из западноевропейских языков не прекратился даже с получением независимости арабскими государствами, поскольку в них сформировались поколения билингов и даже трилингов, часто использующих в своей речи бесчисленное количество варваризмов и иноязычных вкраплений, чуждых арабофонам. Зачастую определить заимствование в арабской речи не составляет особого труда, поскольку в них отсутствует ряд морфологических признаков, характерных для арабской грамматики и орфографии, а также неадаптированные западноевропейские заимствования отличаются особой фонетикой. Арабофоны стараются сохранить звучание слова как на языке оригинала с целью подражания представителям культуры того языка. Иноязычные вкрапления также получают весьма специфическую для арабского текста графику, иногда даже с применением добавочных символов, используемых в других языках, что указывает на неарабское происхождение лексической единицы.

Наличие огромного пласта заимствованной иноязычной лексики представляет собой проблему не только для арабофонов, уроженцев различных арабских стран, арабских филологов, активно пропагандирующих политику пуризма—очищения языка от варваризмов и просторечий, но и для иностранцев, изучающих арабский язык и его многочисленные диалекты. В этой связи нами была предпринята попытка создания краткого словаря иноязычных вкраплений, вобравшего в себя около 300 примеров заимствований из западноевропейских языков (английский, французский, итальянский и испанский), которые успешно вошли в речь арабофонов из Египта, Марокко, Ливана и других стран. Основой для составления словаря послужили результаты полевых исследований, полученных автором во время языковых стажировок, а также многочисленные примеры иноязычных вкраплений, использованных современными арабскими писателями, персонажами арабского кинематографа и ведущими общественными телеканалов. Основной целью создания словаря является повышение качества переводов с разговорного арабского языка и упрощение процесса коммуникации с лицами,

не владеющими на высоком уровне литературным языком. Структура словаря позволяет его пользователю ознакомиться с транскрипцией заимствования, со словом, послужившим его источником, языком-донором, оптимальным нейтральным переводом и контекстуальными значениями иноязычного вкрапления, а так же его литературным аналогом, закрепленным в толковых словарях.

Однако одним из важнейших этапов при составлении данного словаря была верификация каждого заимствования, то есть, проверка, подтверждающая факт употребления конкретной лексической единицы или фразы, а также особенности их функционирования в разговорном языке. Данная процедура необходима для выявления авторских окказионализмов, включение которых нежелательно в составляемый словарь, в виду малой частотности их употребления. Для достижения поставленной цели будет рационально воспользоваться двумя основными методами. Первый подразумевает проведение многочисленных консультаций с носителями диалекта, в результате которых можно установить примерное лексическое значение заимствования и получить незначительное количество примеров его употребления в контексте (как правило, не больше двух). Кроме того, при консультациях с представителями различных возрастных групп могут быть получены неоднозначные, иногда противоречащие друг другу результаты. Второй же способ, являясь более инновационным, предполагает использование доступных лингвистических корпусов арабского языка, вобравших в себе значительный объем текстов самых разнообразных жанров и направленности. В круг вопросов, которые можно решить с помощью корпусов арабской лингвистики входят: поиск примеров употребления иноязычных вкраплений, установление частотности употребления вкраплений, обозначение графико-орфографических особенностей заимствований, определение тематики и диалекта, в котором употребляется слово.

На современном этапе лингвистические корпусы арабского языка представлены четырьмя основными категориями: коранические, корпусы манускриптов, диалектические и универсальные. Первая категория – коранические – будет особенно актуальна для составления пособий и обучения практической грамматике арабского языка, а также для исследований в сфере исламоведения. Данные корпусы основываются на единственном и одном из самых авторитетных источников – Коране. Корпусы манускриптов включают в себя разнообразные оцифрованные рукописи, дошедшие до наших дней. Данная категория корпусов будет так же полезна для исламоведов, историков и археологов.

К сожалению, корпуса диалектов – явление немногочисленное на сегодняшний день. Учеными Саутгемптонского университета была предпринята попытка создания устного корпуса сиро-ливанского диалекта – ArabicSpeechCorpus. Однако на данный момент он по-прежнему работает некорректно и не подходит для проведения процедуры верификации лексических единиц. Другой диалектический корпус – Tunisian Arabic Corpus – представляет собой стандартный корпус текстов и материалов, опубликованных на различных Интернет-ресурсах на тунисском диалекте арабского языка. Его использование действительно уместно при выполнении вышеупомянутых задач, если речь идет об узкоспециализированных исследованиях в тунисском диалекте.

Наиболее релевантными лингвистическими корпусами при составлении словарей, вобравших в себе региональную лексику сразу нескольких арабских диалектов, будут универсальные корпуса арабских текстов. К таковым можно отнести 4 самых объемных с точки зрения количества словоформ или токенов: International Corpus of Arabic (100 млн. словоформ), Leeds Arabic Internet Corpus (165 млн. словоформ), arabiCorpus (174 млн. словоформ), Sketch Engine ArabicWeb (7.5 млрд. токенов). Все эти корпуса предоставляют возможность конкорданса. При конкордансе производится поиск запрашиваемого слова в корпусе. В качестве результата такого поиска обычно выступают несколько фрагментов предложений из разных текстов, в которых используется данное слово или выражение.

С целью определения наиболее подходящего для верификации слов корпуса была смоделирована следующая ситуация: для проведения конкордансного поиска во всех четырех корпусах выбран сленговый глагол «kansalta» (образованный от английского «tocancel»), активно употребляемый видеоблогерами из Ливана в значении «отменить», «заблокировать», «аннулировать». Поскольку не всеми корпусами предусмотрена функция ввода текста на латинице, на начальном этапе потребовалась лемматизация – приведение словоформы к ее нормальной словарной форме (в данном случае к начальной форме глагола – инфинитиву). В результате проведенной лемматизации удалось установить инфинитив глагола «kansala», поскольку суффикс «-ta» указывает на то, что глагол употреблен в прошедшем времени, в мужском роде, во втором лице единственного числа.

Следующим этапом стало фонемное воссоздание слова с последующей его записью арабским шрифтом. С учетом консонантного характера арабской письменности, иными словами, отсутствия букв, передающих гласные звуки,

удалось установить, что глагол «kansala» будет иметь соответствующее написание – «كنسل».

Первым корпусом, посредством которого был произведен конкордансный поиск вышеупомянутого глагола, стал International Corpus of Arabic (Международный корпус арабского языка). Данный корпус, разработанный на базе Александрийской библиотеки в Египте, основан на материалах прессы, статьях из Интернета разнообразных жанров, научной и художественной литературе авторов из 19 арабских стран. Главным минусом корпуса является относительная неактуальность материалов, поскольку их последнее обновление происходило в 2013 году. По завершении конкордансного поиска глагола «كنسل» было получено всего 3 примера употребления данной словоформы в контексте религиозной и исторической литературы. Причиной данного диссонанса стала техническая проблема со стороны самого корпуса, обусловленная консонантным характером письма и наличием ряда частиц и предлогов, которые пишутся слитно со словом. Таким образом, во всех трех примерах корпус воспринял сленговый глагол «كنسل» [kansala] за сочетание сравнительной частицы «как» с существительным «потомки» – «كنسلين» [kanaslin], имеющее абсолютно равнозначное написание, но разную транскрипцию. Исходя из сложившейся ситуации, была предпринята попытка поиска не по словоформе, а по лемме. Однако корпус, основываясь на своей машинной памяти, по-прежнему воспринял искомый глагол за существительное «потомки», проиллюстрировав примеры его употребления в 3219 контекстах, не соответствующим первоначальному запросу исследования.

Следующим на очереди был второй по объему словоформ корпус – Leeds Arabic Internet Corpus, созданный на базе университета Лидса в Великобритании. В возможности корпуса входит не только конкордансный поиск по материалам различных форумов и публикаций в Интернете, но и поиск устойчивых словосочетаний, в которых употребляется то или иное слово. Результатами конкордансного поиска стали 8 примеров употребления словоформы, 4 из которых имели отношение к биологическому и религиозному контексту (по аналогии с предыдущим корпусом, словоформа воспринималась как существительное «потомки» с частицей сравнения «как»). Другие же 4 результата оказались наиболее релевантными, относящимися к сфере коммуникаций, информационных технологий и компьютерному сленгу, взятыми из открытых форумов, обсуждающих наиболее частые проблемы пользователей мобильных телефонов и персональных компьютеров. При переводческом анализе всех 4 примеров употребления, удалось

установить, что слово «كنسل» может также обозначать и существительное, и переводиться как «отмена» (кнопка отмены). Таким образом, у искомого слова появилось новое значение, которое так же может войти в составляемый словарь.

В качестве третьего инструмента для верификации лексической единицы был выбран лингвистический корпус arabicCorpus, основанный на газетных, нехудожественных текстах, современной литературе и публикациях на египетском диалекте, размещенных в Интернете. Функция выбора части речи значительно упрощает конкорданс для анализируемой словоформы. Однако даже наличие такой опции не оправдало возложенных на нее надежд, поскольку в конечных результатах все так же обыгрывался вариант со сравнительной частицей «как» и существительным «потомки». Тем не менее, из пяти предложенных корпусом вариантов, 2 оказались глаголами. В первом из них глагол «كنسل» употреблялся в значении «игнорировать». Примером послужило предложение из спам-рассылки на египетском диалекте, из СМС-сообщений, традиционно пересылаемых в преддверии мусульманских праздников – «لو كنسلت الرسالة دي يعني إنت مش بتحب ربنا», перевод: «Если ты не перешлешь данное сообщение, значит, ты не любишь нашего Господа». Другим примером послужила цитата из романа «Девушки Эр-Рияда» саудовской писательницы Раджаа Абдулла Сани, где главная героиня ведет повествование на недждийском диалекте (местности Неджд) арабского языка и так же употребляет данный глагол в значении «отменять», «отказываться». В данном случае глагол представлен в виде новой видовременной формы «أكنسل». Это позволяет сделать вывод о высокой степени адаптации английского глагола под грамматические нормы спряжения четырехбуквенных арабских глаголов. Большинство же иноязычных вкраплений, выполняющих функцию глаголов, зачастую не имеют спряжения и представляются статичными.

На заключительном этапе проверки был использован наиболее объемный корпус арабского языка Arabic Web на базе коммерческого многоязычного инструмента Sketch Engine. Его пользователи могут создавать и управлять своим корпусом, а затем извлекать соответствия, списки слов, их сочетания и ключевые слова. В состав корпуса входят тексты публикаций на веб-сайтах всех стран, входящих в Лигу Арабских Государств. Расширенная версия конкорданса данного корпуса так же позволяет производить поиск по леммам и конкретным словоформам с уточнением части речи. Несмотря на большой объем корпуса, по итогам конкордансного поиска было найдено всего 4 примера употребления вышеупомянутого глагола в контекстах технологий и телекоммуникаций, в значениях «отменить», «выключить», «аннулировать». Однако отличительной чертой данного поиска оказалось то, что все 4 примера были приведены на литературном

языке, что позволяет сделать вывод о проникновении глагола «كنسل» из разговорной речи в современный литературный арабский язык.

В результате проделанного анализа по верификации глагола «كنسل» в значении «отменять», «аннулировать», «заблокировать» в 4 основных общедоступных универсальных лингвистических корпусах арабского языка, выдавших всего 10 примеров его употребления в контексте, удалось выделить новые контекстуальные значения. В частности, благодаря полученным результатам, уместно отметить, что глагол «كنسل» может также выступать в роли субстантивированного существительного в значении «отмена», а также иметь несколько видовременных форм, подтверждающих высокую степень его адаптации под нормы спряжения четырехбуквенных арабских глаголов. Анализ источников позволяет сделать выводы о проникновении данного глагола в контекст литературного арабского языка, что является свидетельством узуализации этой лексической единицы.

Аналогичные исследования были проведены в отношении всех слов, которые вошли в краткий словарь иноязычных вкраплений в разговорном арабском языке. Стоит отметить, что количественного ценза для числа употреблений в корпусах, по условиям которого слово включалось бы в словарь, установлено не было, поскольку в процессе верификации лексических единиц также использовались данные, полученные в результате консультаций с носителями диалектов. Не менее важным является и тот факт, что европейские заимствования в диалектах крайне редко обладают письменной формой и, соответственно, редко отражаются в лингвистических корпусах. По итогам исследований 16% от общего числа лексических единиц, которые планировалось включить в словарь, не смогли пройти проверку во всех используемых корпусах. Таким образом, удалось сделать вывод, что данные слова представляют собой авторскую лексику – окказионализмы, не употребляемые широким кругом лиц.

В заключении необходимо отметить, что использование арабских лингвистических корпусов является наиболее оптимальным способом проведения лексикологических исследований, который позволяет специалистам установить частотность употребления, графико-орфографическую вариантность и сферу употребления каждой лексической единицы с целью дальнейшего повышения качества переводов и упрощения процесса коммуникации с носителями арабского языка.

Библиографический список

Arabic Corpus Tool [Электронный ресурс]. URL:<https://arabiccorpus.byu.edu/> (дата обращения: 25.04.2021).

Arabic Speech Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://en.arabic-speechcorpus.com/> (дата обращения: 25.04.2021).

Ayman Eddakrouri. Infoguistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/a/aucegypt.edu/infoguistics/> (дата обращения: 25.04.2021).

International Corpus of Arabic [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibalex.org/ica/ar/> (дата обращения: 25.04.2021).

Querying Arabic Corpora [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/query-ar.html> (дата обращения: 25.04.2021).

Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: <https://auth.sketchengine.eu/> (дата обращения: 25.04.2021).

Tunisian Arabic Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tunisiya.org/> (дата обращения: 25.04.2021).

ARABICLINGUISTIC CORPORA AS A TOOL IN COMPILING A SHORT DICTIONARY OF FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS

Antonian Aleksandr S.
Pyatigorsk State University,
9, Kalinin ave, Pyatigorsk, 357532, Russia
antonyan.sa@yandex.ru

Annotation

The article deals with possible ways of using the Arabic linguistic corpora when working with loan words of Western European origin in the colloquial dialects of the Arabic language. As part of the compiling of a short dictionary of foreign language inclusions, an attempt is made to establish the frequency of use; the graphical and spelling variance and the field of use of each lexical unit in order to further advances in translation and the process of communication with Arabic speakers. Methods are proposed that make it possible to carry out a comprehensive analysis and reveal the peculiarities of the functioning of foreign language inclusions on the materials of the available online corpora of the modern Arabic language, such as arabiCorpus, International Corpus of Arabic, Leeds Arabic Internet Corpus, Sketch Engine and other Internet resources.

Key words

Linguistic Corpora, Foreign Language Inclusions, Arabic, Dialects of the Arabic Language, Loan Words.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПЕРСОНАЖЕЙ БАСЕН: ЖИВОТНЫЕ И ЛЮДИ

Костомарова Ксения Павловна,

Мизерная Мария Алексеевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20,

kpkostomarova@edu.hse.ru

mamizernaya@edu.hse.ru

Аннотация

Преимственность сюжетов басни со времен античности и ее связь с фольклорными нарративами обуславливают интерес к специфическим чертам этого литературного жанра. Хотя басенный материал уже исследовался цифровыми методами, работ, посвященных сетевому анализу басен, пока не существует. В нашем исследовании предпринята попытка составить социальные сети персонажей басен пяти канонических баснописцев (Эзопа, Лафонтена, Сумарокова, Лессинга и Крылова) и проанализировать полученные данные с литературоведческой и культурологической точек зрения. В результате были выявлены самые устойчивые межличностные связи и активные персонажи, а также обнаружены некоторые изменения басенной поэтики в исторической перспективе. Количественный подход к анализу басенного текста позволил как подтвердить некоторые стереотипы о жанре, так и сформулировать ранее не рационализированные закономерности.

Ключевые слова

Социальные сети, басни, животные, сетевой анализ, взаимодействие персонажей.

Жанр басни занимает особое положение в истории литературы. Являясь одной из самых древних и элементарных литературных форм, басня имеет довольно строгую диалогическую структуру и наглядную систему персонажей, зачастую отраженную уже в названии. Диалогичность текста в сочетании с его небольшим размером и первостепенным значением аллегорического сюжета позволяет фиксировать и наглядно воспроизводить систему действующих лиц. На основе анализа взаимодействия персонажей басен можно не только описывать и типологизировать устойчивые связи между животными и людьми или проследить изменения в характере и типе коммуникации, но и выявлять некоторые общие формальные особенности анималистической басни как литературного жанра. Отдельный интерес для нас представляет структурная и сюжетная связь

басни с фольклорными и античными текстами. В работах последних лет все чаще встречается цифровой анализ мифов, сказок и другого фольклорного материала. В частности, квантитативному анализу сложной лингвистической сети двух украинских басен посвящена глава сборника «Maths Meets Myths: Quantitative Approaches to Ancient Narratives» [Holoatch, 2017, p. 159–175]. Мы считаем, что басенный материал сохраняет значительный исследовательский потенциал, особенно в перспективе сетевого анализа, который может позволить отслеживать отдельные мифологические черты и общую динамику архетипических представлений о мире в текстах разных авторов.

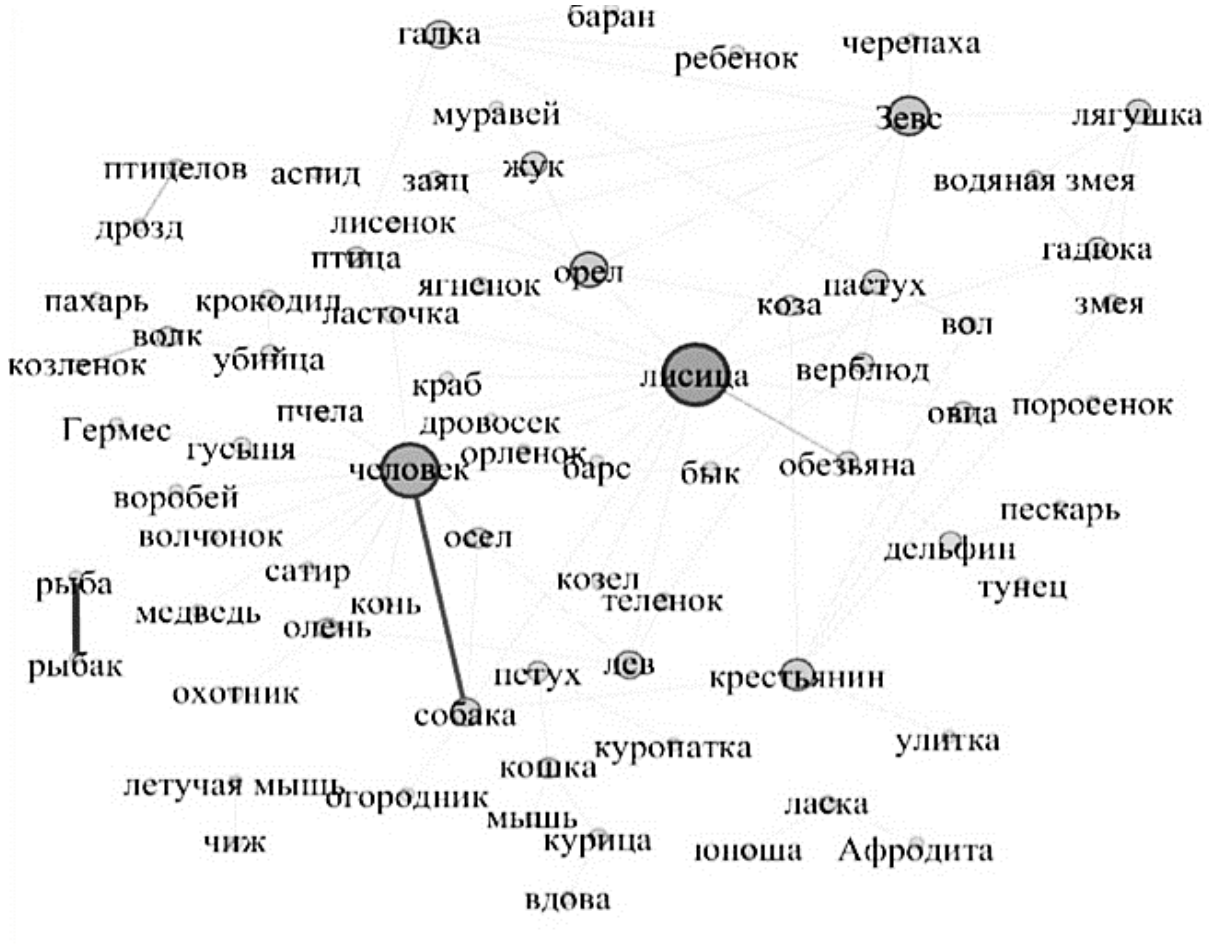
Один из главных теоретиков басни Л. С. Выготский делит этот жанр на два поджанра: прозаическую басню, основная функция которой – риторическая, и поэтическую басню, сосредоточенную на эстетической функции текста [Выготский, 2017, с. 184–188]. Для формирования наиболее репрезентативной выборки в наш корпус были включены как прозаические басни, представленные текстами Эзопа и Г. Э. Лессинга, так и поэтические басни, к которым относятся тексты Ж. де Лафонтена, А. П. Сумарокова и И. А. Крылова.

На материале 297 басен был составлен корпус, данные которого послужили основой для построения социальной сети персонажей. Общий корпус состоит из подкорпусов басен каждого рассматриваемого автора, объем текстов в каждом корпусе не превышает 75 басен. При обработке и подготовке данных предпочтение отдавалось характерным именно для басен связям «животное–животное» или «животное–человек». Связи между людьми и неодушевленными предметами не учитывались как малозначимые в контексте данного исследования. Для формирования достаточной однородности данных в корпусе, взаимодействие групп животных заменялось на взаимодействие представителей каждой группы (козы>коза), а персонажи разного пола, но одного биологического вида приводились к форме, чаще встречающейся в текстах (волчица>волк), за некоторыми исключениями, где разница в названии была, на наш взгляд, смыслообразующей (курица/петух). Взаимодействием персонажей считался обмен одной и более репликой или совместное действие, выполняемое несколькими героями.

После ручной разметки всего корпуса басен было составлено шесть графов в Gephi. Мы применили силовой алгоритм визуализации, а затем вручную отредактировали графы, стремясь добиться ясности восприятия социальной сети и сохранить смысловой принцип организации узлов (к примеру, группируя волка, пастуха и овцу в одной части графа). Далее в тексте мощность узла или вес связи будет указываться в скобках после упоминания персонажа или связи персонажей, введение в текст других параметров будет оговорено отдельно.

Эзоп

Первый граф иллюстрирует систему персонажей басен Эзопа, древнегреческого баснописца, предположительно жившего в VI веке до н. э.

Граф 1. Эзоп

Важно упомянуть о том, что Эзоп становится отчасти мифологической, собирательной фигурой, которой приписываются тексты безымянных авторов греческих и римских басен, поэтому, говоря о текстах Эзопа, мы говорим об античной басне в целом. Для античной басни характерна установка на правдоподобность, проявляющаяся в намеренном наделении животных как бы действительно присущими им качествами: «Убедительный склад басни должен образовываться из многих элементов: из предметов, которыми обычно заняты животные; из обстоятельств, при которых они обычно появляются (например, о соловье мы говорим, что он появляется весной); из речей, соответствующих природе каждого (так, овец следует наделять речами глупыми, а лису — хитрыми и т. п.); из поступков, не превышающих способностей животных (чтобы мы не говорили, например, будто мышь помышляла царствовать над животными)» [Басни

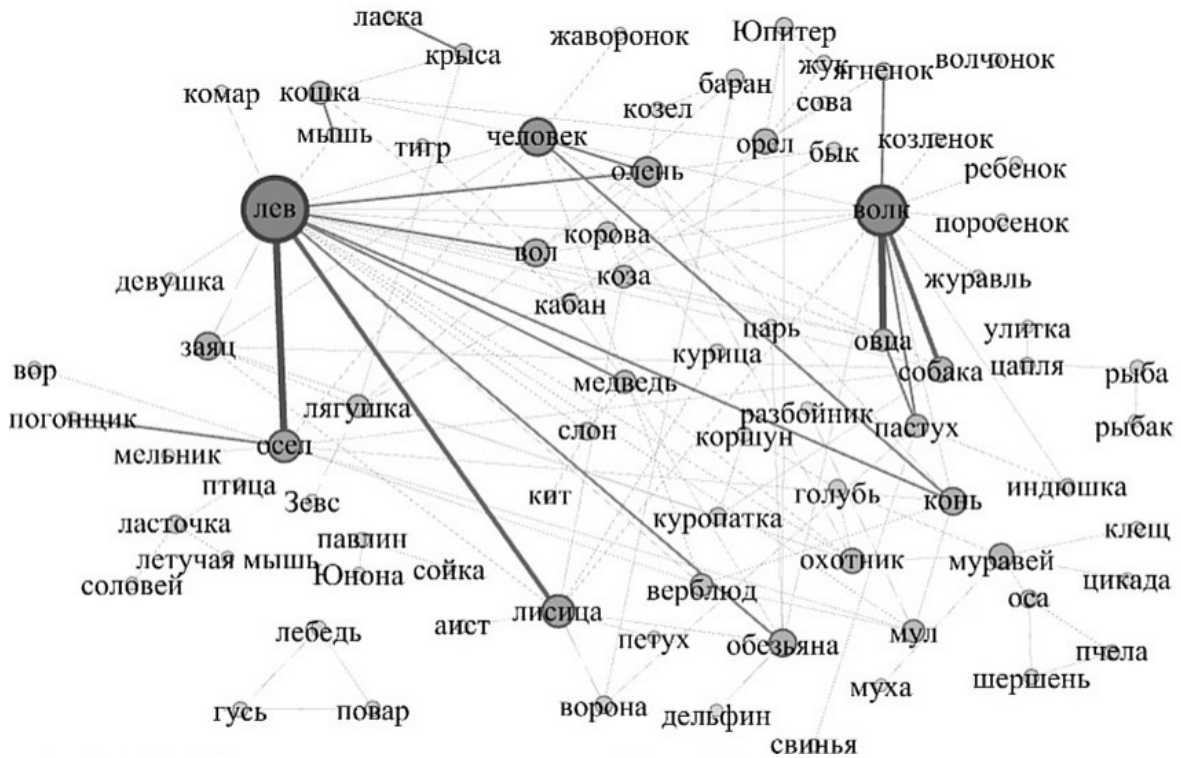
Эзопа..., 1968, с. 254–255]. При дальнейшем развитии жанра этот принцип несколько усложняется, однако зарождающаяся басня, еще принадлежащая риторике, а не поэзии, строго придерживается этого правила.

Центральными персонажами Эзопа становятся лисица (14), традиционный герой-трикстер, и человек (12), достаточно влиятельными являются также Зевс (8) и крестьянин (6). Вокруг этих узлов формируется основная часть графа, за исключением небольших кластеров персонажей, появляющихся во всем корпусе лишь один раз и потому не связанных с общим графом. Наиболее важные связи этого графа – рыба и рыбачик (5.0) и человек и собака (4.0). Для системы персонажей Эзопа в целом характерна вышеупомянутая реалистичность, проявляющаяся в том числе в важности бытовых связей рыбака с рыбой и человека с собакой, однако по весу узла Зевса, главного из богов-олимпийцев, и по наличию еще двух узлов, принадлежащих греческим богам (Гермес и Афродита) заметно влияние религиозных убеждений на поэтику античной басни. Впрочем, традиция введения в басню богов греческого и римского пантеонов сохранится у последующих баснописцев и станет одной из важных черт жанра.

Интересно, что «бестиарий» Эзопа достаточно разнообразен. В частности, в нем есть такое экзотическое для Европы животное, как крокодил, что, скорее всего, является культурным отзвуком египетского направления греческой колонизации.

Лафонтен

Эзоповские фабулы басен с закреплённой системой персонажей стали основой для развития этого жанра у будущих поколений сочинителей. На следующем графе представлена система персонажей басен Жана де Лафонтена, французского поэта XVII века, выпустившего двенадцать книг «Басен», в которых переложённые в стихи эзоповские сюжеты были наполнены современной поэту проблематикой.

Граф 2. Лафонтен

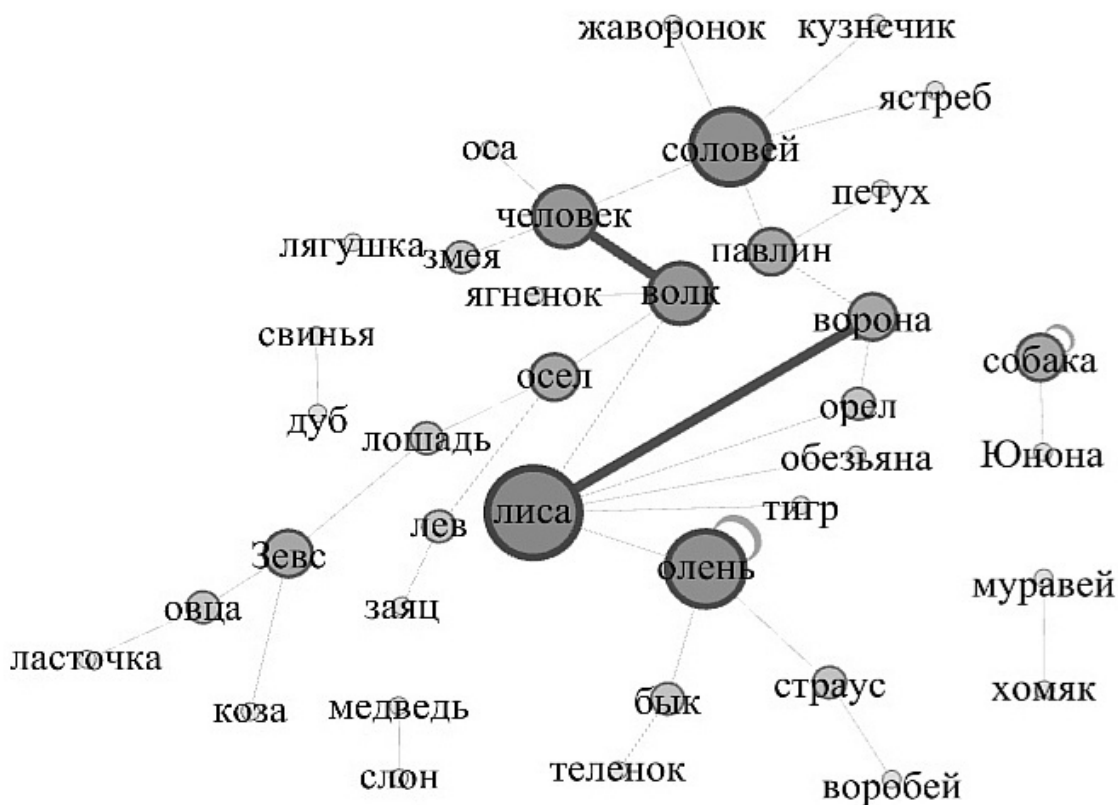
Главные персонажи Лафонтена – лев (22), волк (16), человек (11), осел (9) и лисица (9). Особое внимание стоит обратить на льва – его образ важен прежде всего с исторической точки зрения. Франция периода правления короля-солнце Людовика XIV, которому приписывают высказывание «Государство – это я», была чрезвычайно централизована вокруг монаршего двора. После победы над Нидерландами Франция стала самой могущественной державой в Европе, а культ короля и двора достиг необычайных масштабов. Лафонтен, находившийся в опале у Людовика, не мог не ощущать градус этого абсолютизма. Лев, вздорный и недалекий «царь зверей», центральная фигура в поэтической системе Лафонтена, окружен самыми разнообразными персонажами; прежде всего это ограниченные подчиненные, такие, как осел (вес связи 4.0), и ловкие льстецы вроде лисицы (вес связи 3.0). Отметим, что этот образ не соответствует классическому представлению о льве как о воплощении мудрости и силы; в этом сатирическом портрете льва заметно как отражение исторического контекста, так и отступление от буквализма, присущего античной прозаической басне.

Вторым центром графа становится волк, часто выступающий в европейской культуре как обобщенный образ хищника и символизирующий опасность, разрушение и зло. Связи волка чаще всего строятся по схеме «хищник–жертва» или «хищник–защитник» и оказываются довольно реалистичными. Больше всего волк взаимодействует с овцой (4.0) и другим скотом, детенышами и с собакой

(3.0). Фигуру волка у Лафонтена можно назвать реалистически-бытописательной, отсылающей к принципам античной басни. Явное доминирование в системе персонажей Лафонтена двух хищников свидетельствует о некотором напряжении, ощущении незащитности перед представляющими опасность фигурами власти. Эти настроения могут быть интерпретированы как отражение личных обстоятельств жизни поэта и специфики эпохи, в которой написаны его тексты.

Лессинг

Отдавая предпочтение прозаической басне, Лессинг отчасти ориентируется на строгую структуру и сдержанную стилистику басен Эзопа. В одной из басен Лессинга Эзоп даже становится главным действующим лицом, а Зевс (3), как и в античной басне, является довольно активным персонажем. Однако чаще всего героями басен Лессинга являются лисица (6), олень (5), соловей (5), человек (4), волк (4). Лисица и соловей оказываются самыми частотными фигурами, вокруг которых объединяются остальные звери.

Граф 3. Лессинг

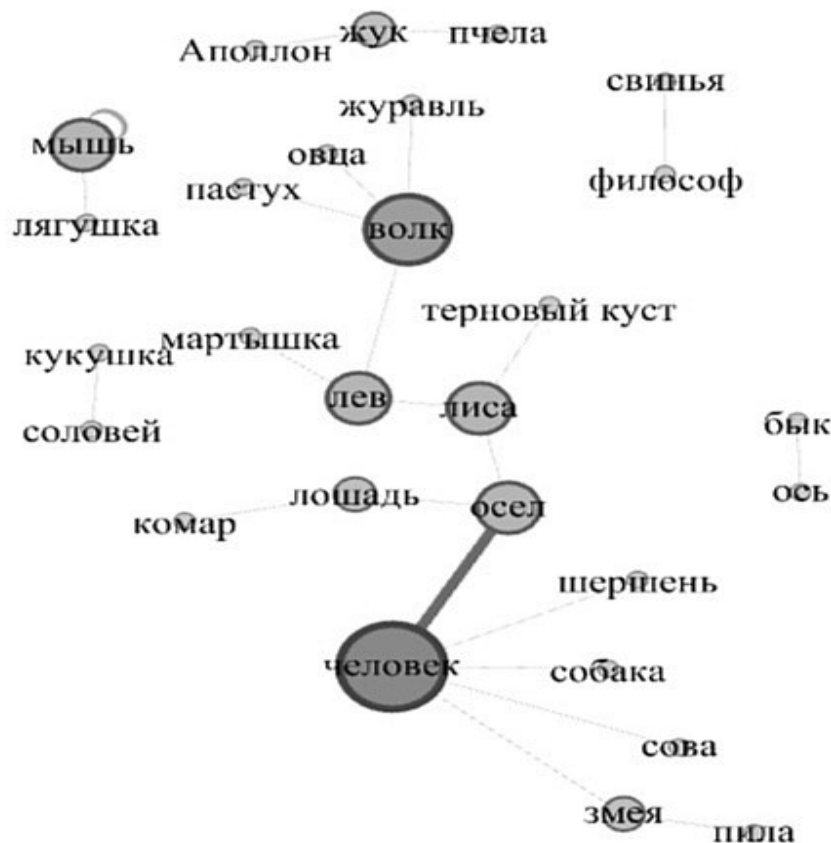
Басни Лессинга отличаются разнообразием персонажей и редким повторением одинаковых действующих лиц в разных басенных сюжетах. Самые весомые связи – лисица и ворона (2.0) и волк и человек (2.0), встречаются в корпусе

всего по два раза, что говорит об отсутствии в баснях Лессинга устойчивой системы персонажей. В небольшом корпусе басен Лессинга практически отсутствуют экзотические животные, а маленькая средняя мощность узла (1.9) также свидетельствует о том, что в поэтической системе Лессинга немногочисленными взаимодействующими друг с другом героями.

Кроме того, в отличие от предшествующей традиции и, в особенности, от басен Лафонтена, главным хищником системы персонажей Лессинга оказывается волк, а лев появляется гораздо реже (2) и оказывается довольно незначительной фигурой.

Сумароков

В XVIII веке, в классицистический период русской литературы, к жанру басни обращается Сумароков, во многом экспериментируя с системой персонажей.

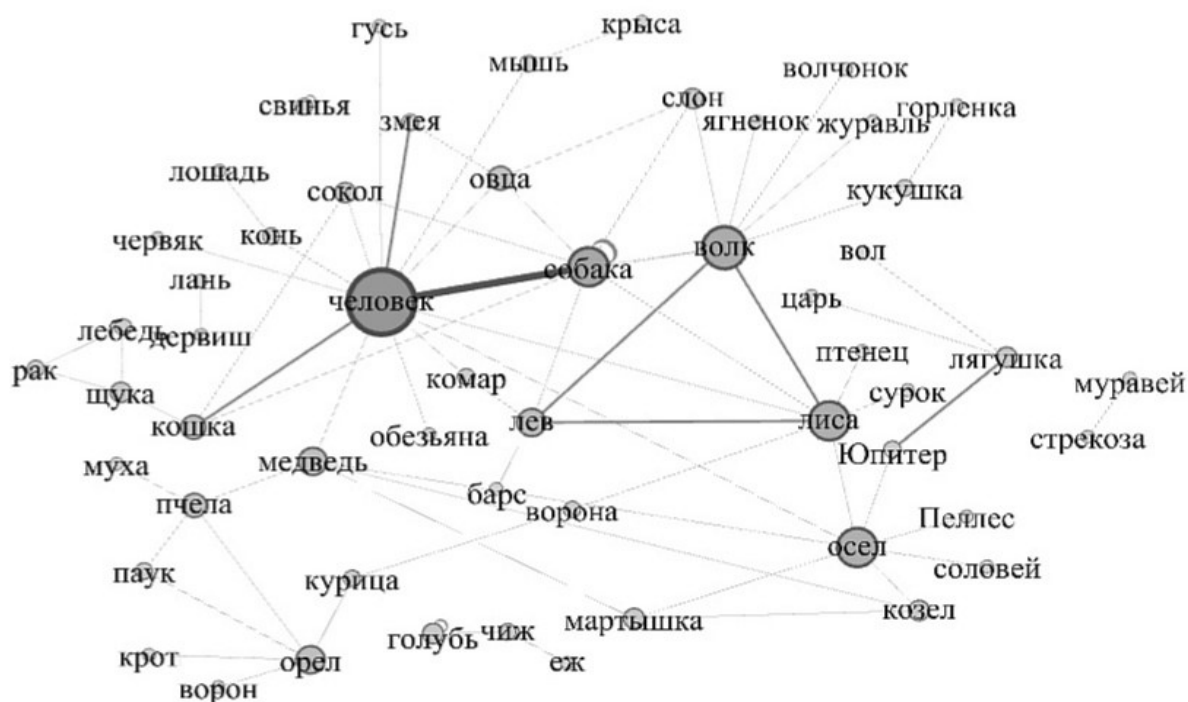
Граф 4. Сумароков

Самыми частыми персонажами его басен оказываются человек (5) и волк (4), каждый из которых взаимодействует с большим количеством не связанных друг с другом действующих лиц. Довольно часто в баснях Сумарокова также встречаются мышь (3), лев (3), лиса (3) и осел (3).

По бокам от центральной части графа, персонажи которой минимально связаны друг с другом, выделяются обособленные группы персонажей, лишь однократно возникающих в баснях Сумарокова (мышь и лягушка; кукушка и соловей; свинья и философ).

Обращаясь к отдельным примерам взаимодействий персонажей, мы видим, к примеру, что Сумароков, адаптирует сюжет Эзопа о диалоге Бога и жука. Кроме того, он вводит в свои басни в качестве действующих лиц большое количество неодушевленных предметов (терновый куст, пила, ось). Помимо басен, в которых животные взаимодействуют с предметами, у Сумарокова выделяется и отдельная группа басен, персонажами которых оказываются исключительно предметы (свеча, ружье, пучок лучины). Басни такого типа не входят в наш корпус, но стоит отметить, что это особое внимание к предметному миру окончательно станет характерной чертой русского басенного извода в текстах Крылова, который создает отдельный подвид «предметной» басни, в сюжет в которой строится вокруг некоторого материального объекта («Демьянова уха», «Ларчик», «Мартышка и очки»).

Крылов

Граф 5. Крылов

Центральные персонажи басен Крылова – человек (15), собака (10), волк (9), лиса (8) и осел (8) – привычные читателю животные с яркими аллегорическими характеристиками.

Одна из самых характерных особенностей системы персонажей у Крылова заключается в том, что в каждой конкретной басне носителями одних и тех же характеристик могут быть разные животные (лев и комар, медведь и пчела, волк и ягненок, орел и крот), а антагонистами, равно как и протагонистами, в басне могут оказываться животные, заведомо не противопоставленные друг другу (мышь и крыса; кукушка и горлянка; лягушка и другая лягушка). Свобода персонажей от заранее назначенных им ролей характерна именно для поэтического извода басни.

В корпусе басен Крылова не прослеживается сложных многоуровневых связей персонажей. Чаще всего друг с другом взаимодействуют собака и человек, собака и волк, лиса и лев, что объясняется большим количеством басен, в основе которых лежит одинаковый или похожий сюжет.

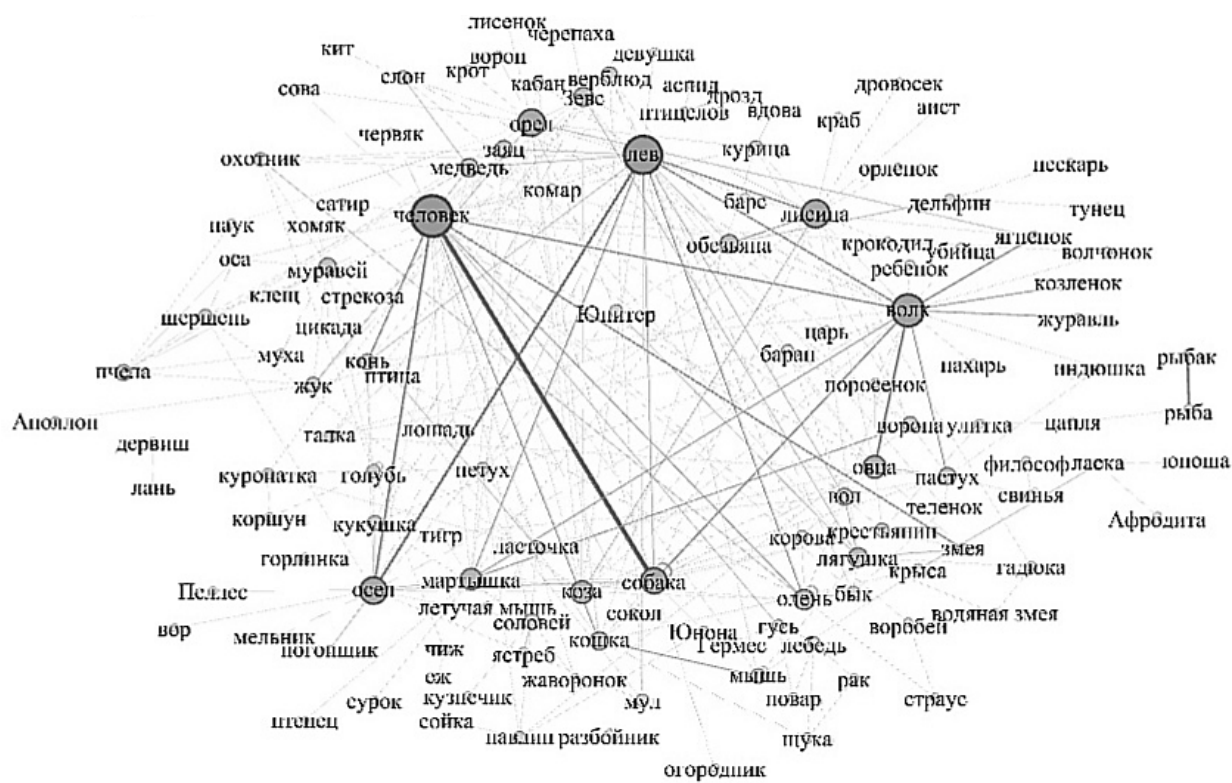
Социальная сеть персонажей басен Крылова показывает, что большая часть рассмотренных текстов строятся как диалог или взаимодействие трех, что отражается графически во множестве «замкнутых в себе» пар и треугольников (стрекоза и муравей; чиж и еж; лебедь, рак и щука; волк, лев и лиса).

Главный корпус

Социальная сеть, составленная на основе всего собранного корпуса, отражает самых часто встречающихся персонажей. На материале 297 басен было выделено 132 персонажа. Самыми активными персонажами общего корпуса оказываются человек (31), лев (29), волк (23), лисица (19), осел (18), орел (19) и собака (17).

Человек, лев, волк и лисица оказываются связаны сразу со всеми основными типами героев: птицами, насекомыми, хищниками, дикими и домашними животными. Толщина ребер отражает характер самых частых взаимодействий: основными комбинациями действующих лиц в баснях оказываются человек и собака (10.0), рыбак и рыба (6.0), лев и осел (6.0), осел и человек (5.0), волк и овца (5.0), а также взаимодействующие друг с другом в разных комбинациях человек, лев, волк, лиса, орел и собака.

Социальные связи Льва можно назвать всеохватными, при этом лев мало взаимодействует с птицами и насекомыми, подтверждая более тесными связями с другими животными свой титул «царя зверей». Басенный материал, таким образом, становится в том числе пространством для адаптации устойчивых представлений и идиоматических выражений о животных («лев – царь зверей», «собака – друг человека», «упрямый как осел»).

Граф 6. Общий граф

Большинство парных и групповых взаимодействий выстраиваются по модели «слабый–сильный». Но, помимо взаимодействия хищника и жертвы, охотника и добычи, главного и подчиненного, в общем графе можно выделить еще одну интересную модель взаимодействия персонажей – «домашний–дикий», исход конфликта которых предрешен далеко не всегда. Например, в паре «волк–собака» (4.0), встречающейся у Эзопа и Лафонтена, собака обычно охраняет животных, на которых покушается волк. Так как эта модель не является приоритетной в басне, устойчивых связей такого типа немного: это, к примеру, «олень–бык» (2.0), «осел–кукушка» (2.0). Часто такие связи основаны на выделении одной общей черты двух персонажей (такой, как громкий голос осла и кукушки) и последующего противостояния, описанного в юмористическом тоне.

Выводы

Социальные сети персонажей басен и данные, полученные на основе их анализа, позволяют выявить самых активных действующих лиц. Ими оказываются: человек, хищники (лев, волк, орел) и носители некоторых архетипических черт (лиса, собака, осел). Несмотря на то, что характеристики многих персонажей (лиса – хитрая, заяц – трусливый, осел – глупый) оказываются универсаль-

ными и неизменными в разных хронологических периодах и культурах, большинство функциональных ролей внутри басенного сюжета могут быть соотнесены с разными животными в зависимости от места и времени действия и места и времени создания текста.

Система социальных связей персонажей басен во многом зависит от того, выстраивает ли автор «систему характеров» в своих текстах. Устойчивая система персонажей с неизменными характеристиками действующих лиц (Эзоп, Лафонтен, Крылов) отражается графически в большей структурной сложности и разветвленности графа. Если центральной задачей автора является контекстуализация морали, то герои басни как менее семантизированные и более формальные элементы формируют простые, линейные связи.

Таким образом, метод сетевого анализа в исследовании басенного текста позволяет как подтвердить некоторые стереотипы о жанре, – к примеру, определить количественную меру активности каноничных басенных героев, – так и сформулировать ранее не рационализированные закономерности, относящиеся как к особенностям поэтики отдельных авторов, так и к специфике жанра в целом.

Библиографический список

Крылов И. А. Полное собрание басен с биографией и словарем М. Н. Никольского. М.; СПб.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1912. 347 с.

Лафонтен Ж. де. Басни Лафонтена. СПб.: Издание книгопродавца Т. Ф. Кузин, 1897. 312 с.

Лессинг Г. Э. Драмы. Басни в прозе. М.: Художественная литература, 1972. С. 459–485.

Русская басня XVIII–XIX веков. Л.: Советский писатель, 1977. С. 75–109.

Басни Эзопа / пер., ст. и коммент. М.Л. Гаспарова; отв. ред. Ф.А. Петровский; ред. изд-ва Ф.И. Гринберг; худож. Н.А. Седельников. М.: Наука, 1968. 320 с.

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: РИПОЛклассик, 2017. 528 с.

Holovatch Y. Complex Networks of Words in Fables // Maths Meets Myths: Quantitative Approaches to Ancient Narratives / Ed. Ralph Kenna, Máirín MacCarron, Pádraig MacCarron. Springer International Publishing, 2017. P. 159–175.

SOCIAL NETWORKS OF FABLE CHARACTERS: ANIMALS AND PEOPLE

Kostomarova Ksenia P.,

Mizernaya Maria A.

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia,
kpkostomarova@edu.hse.ru;
mamizernaya@edu.hse.ru

Annotation

The continuity of fable's storylines since antiquity and its connection with folklore narratives causes the interest in specific traits of this genre. Although the fable material has already been researched digitally, there are yet no works dedicated to network analysis of large fable corpuses. An attempt to create social networks of characters in texts of five canonical fabulists (Aesop, La Fontaine, Sumarokov, Lessing, Krylov) and analyse the data from literary studies' and cultural standpoints is made in our research. As a result, the most persistent interpersonal connections and active characters were identified, along with several changes in fable poetics in historical perspective. Quantitative approach to analysis of a fable allowed us to confirm some stereotypes of the genre, as well as to articulate the patterns that have not been rationalized before.

Key words

Network Analysis, Fable, Animals, Social Networks, Character Interaction.

Научное издание

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Материалы междисциплинарной
научно-исследовательской конференции

(г. Пермь, 2–3 апреля 2021 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *Д. А. Ренев, А. Р. Ехлакова*

Объем данных 8,23 Мб
Подписано к использованию 29.12.2021

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15